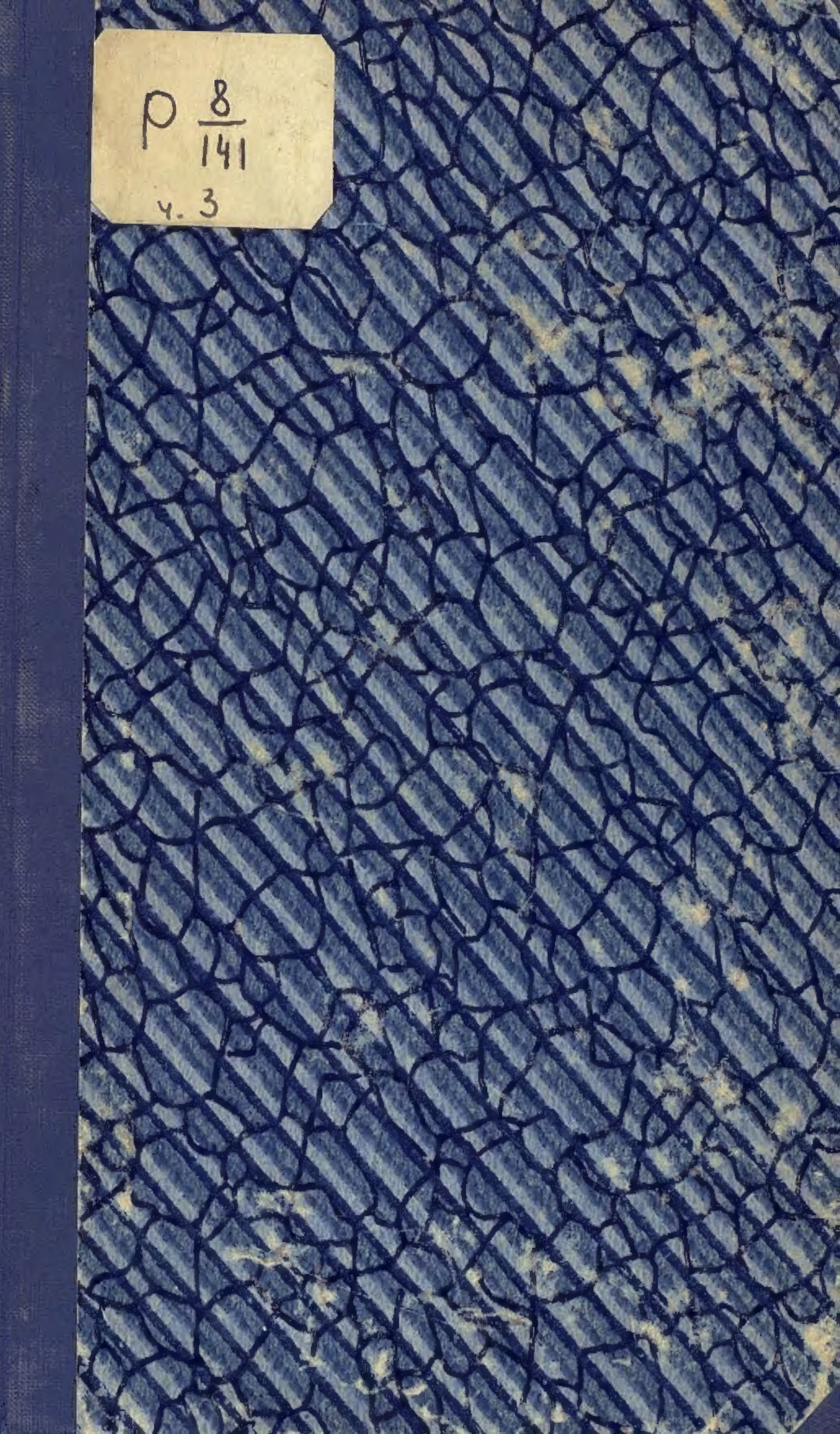
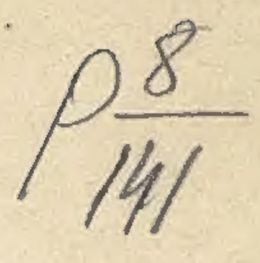


ИСТОРІЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ.

III.

ИСТОРІЯ



СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

Д. Бутурлина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. И. Жернакова.

1846.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 27 Ноября 1845 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

КНИГА ПЯТАЯ.

2007042072

КНИГА ПЯТАЯ.

(1609—1610.)

Не безъ слѣдствія осталось, необдуманное изъявленіе готовности, посадить на Московскій престолъ Владислава, сына Короля Польскаго, сдѣланное такъ сказать мимоходомъ Русскими Вельможами еще въ 1605 году, когда они гнушаясь разстригою, искали во что бы ни стало избавиться отъ его безумнаго владычества. Готовность сія заронила въ душѣ Сигизмунда III искру желанія поработить Россію. По мѣрѣ умноженія бѣдствій въ несчастномъ отечествѣ на-

шемъ, укоренялись и властолюбивые замыслы Короля. Однакожъ смуты возбужденныя Рокошанами въ собственныхъ владѣніяхъ его, долго удерживали его отъ явнаго разрыва съ Царемъ. Но когда спокойствіе возстановилось въ Польшѣ, онъ занялся предпріятіемъ противъ Россіи, съ ревностію доступною врожденному его легкомыслію. Къ большему побужденію его явились подстрѣкатели. Посолъ Витовскій и паны Стадницкій и Доморацкій, возвратившіеся изъ Москвы въ Краковъ по осени 1608 года, увѣряли его, что Россія не въ состояніи ему противиться и что Русскіе Вельможи, не исключая и Царскаго брата, Князя Димитрія Шуйскаго, сами сознаются, что одно воцареніе Владислава можетъ прекратить разореніе Московскаго Государства. Другой посолъ Гонсѣвскій не поѣхавшій въ Краковъ и оставшійся въ пограничномъ староствѣ своемъ Велижѣ, также писалъ о готовности Русскихъ покориться Владиславу и увѣрялъ, что не трудно даже будетъ склонить Боярина Шеина къ сдачѣ Смоленска. Не смотря на нелѣпость сихъ извѣстій, Сигизмундъ вѣрилъ имъ, потому что они согласовались съ его желаніемъ. Воспламененный лестною мечтою о завоеваніи Россіи, онъ хотѣлъ было немедленно выступить въ походъ. Увѣрившись въ согласіи находившихся въ Краковѣ Сенаторовъ, онъ по-

слалъ Короннаго Референдаря Фирлея къ Коронному Гетману Жолкѣвскому, собирающему войско въ Подоліи въ предостереженіе отъ набѣговъ Татаръ. Фирлей имѣлъ порученіе объявить Гетману о намѣреніи Короля, и уговоритьего не отказываться отъ содѣйствія, не дожидаясь собранія Сейма, такъ какъ дѣло требовало безотлагательнаго исполненія дабы не упустить удобнаго случая. Жолкѣвскій отвѣчалъ, что, хотя желательно было бы не вступать въ такое важное предпріятіе безъ соизволенія Сейма, но что убѣждаясь необходимостію своевременнаго начинанія для самаго успѣха дѣла, онъ исполнитъ повеленіе Короля и поведетъ войско свое на соединеніе съ нимъ къ Кіеву дабы оттуда совокупными силами вступить въ Сѣверскую землю. Но Король не нашелъ такой же податливости въ Епископѣ Краковскомъ, который пріѣхавъ въ Краковъ, рѣшительно объявилъ, что для начатія войны необходимо предварительное совѣщаніе на Сеймѣ. Сигизмундъ не отважился пренебречь противорѣчіемъ важнаго Сановника Церкви и Государства и отсрочивъ исполненіе своего предпріятія, разослалъ универсалы для созванія Сейма. На избирательныхъ Сеймикахъ Королевскіе приверженцы дѣйствовали такъ удачно, что походъ въ Россію получилъ почти всеобщее одобреніе, и избраннымъ посламъ вмѣнено въ обя-

занность не противиться воинственнымъ намѣреніямъ Короля. Сеймъ открылся въ Варшавѣ 4 Января 1609 года. Король приказалъ предложить полному собранію Сената о замышляемомъ имъ предпріятіи. Только три или четыре Сенатора не одобряя онаго, представляли, что разрывъ съ Россіею будетъ нарушеніемъ святости договоровъ, что Поляки, потерпѣвшіе въ Москвѣ, сами были причиною своего несчастія, что для поддержанія войны нѣтъ достаточнаго войска, ибо многіе изъ воиновъ, упитанные еще духомъ Рокоша, не хотятъ служить Королю и наконецъ, что денегъ также не было достаточно въ сборѣ а пополненіе казны новыми налогами могло-бы только подать поводъ къ возобновленію неустройствъ, отъ коихъ Рѣчь Посполитая едва избавилась. Большая же часть Сенаторовъ не соглашаясь съ ними возражали, что Царь самъ сношеніями своими съ Шведами довольно явно обнаруживаетъ непріязненныя расположенія свои къ Польшѣ, что безсиліе Россіи доказано какъ чрезвычайнымъ успѣхомъ трехъ тысячь Поляковъ посадившихъ Отрепьева на Московскій престолъ, такъ и неудачными усиліями ея управиться съ вольницею Рожинскаго и Сапѣги, и что не благоразумно было бы упускать столь удобнаго случая къ возвращенію въ Польское подданство Сѣверской земли и Смоленскаго Кня-

жества утраченныхъ въ началѣ предшествующаго столѣтія при Короляхъ Александрѣ I и Сигизмундѣ I. Война была рѣшена, хотя настоящаго предложенія объ оной не было дано Посольской Палатѣ, но Король довольствовался косвеннымъ одобреніемъ ея въ приговорѣ обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ отсрочкою тяжебныхъ дѣлъ для воиновъ до окончанія войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сеймъ желая пріохотить къ службѣ Жолнеровъ назначилъ имъ большое жалованье, не разсудивъ что тѣмъ чрезмѣрно отягощалъ Королевскую казну. Нарушевичъ.

Предстояло избрать путь дѣйствій. Король изъявилъ желаніе идти подъ Смоленскъ. Напротивъ того Гетманъ Жолкѣвскій настаивалъ чтобы слѣдуя прошлогоднему предположенію вторгнуться въ Сѣверскую землю, гдѣ по мнѣнію его съ малыми силами и средствами можно было ожидать быстрыхъ успѣховъ, потому что покореніе тамошнихъ деревянныхъ городовъ представлялось дѣломъ не труднымъ, какъ между тѣмъ не легко было собрать нужное количество пѣхоты и стѣноломныхъ орудій для осады тщательно укрѣпленнаго Смоленска и Король по неимѣнію достаточныхъ способовъ, могъ долго простоять подъ симъ городомъ, хотя въ особенности должно было заботиться о скорѣйшемъ окончаніи похода; для сбереженія весьма скуд- Жолкѣвскій.

ной Сигизмундовой казны. Однакожъ Король не смотря на основательность доводовъ представляемыхъ Гетманомъ, остался при своемъ мнѣніи. Введенный въ заблужденіе ошибочными донесеніями Литовскаго Канцлера Льва Сапѣги и Велижскаго Старосты Гонсѣвскаго, онъ твердо увѣренъ былъ, что Шеинъ, увидѣвъ его самаго подъ Смоленскомъ, безъ битвы сдастъ ему городъ.

Впрочемъ горячность Сигизмунда къ походу скоро охладѣла. Встрѣтивъ на первомъ шагу разныя затрудненія и противности коихъ не ожидалъ онъ началъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія и не торопился приступать къ исполненію. Приготовленія къ войнѣ дѣлались медленно и какъ бы не хотя. Выѣздъ Короля изъ Кракова нѣсколько разъ назначенный безпрестанно отсрочивался. Въ сихъ колебаніяхъ протекли зима и весна. Многіе уже сомнѣвались чтобы походъ состоялся. Въ самомъ дѣлѣ можно съ вѣроятностію полагать, что Сигизмундъ отказался бы отъ своего намѣренія, если бы онаго по врожденному тщеславію не разгласилъ преждевременно. Опасаясь обезславить себя въ глазахъ Папы и прочихъ Европейскихъ Государей имъ уже извѣщенныхъ о предполагаемомъ походѣ, онъ наконецъ рѣшился слѣдовать совѣту Жолкѣвскаго,

убѣждавшаго его не терять въ бездѣйствіи благопріятнѣйшаго времени для военныхъ дѣйствій.

Король также уважилъ представленіе Гетмана о необходимости разувѣрить Польской народъ, возмущаемый разсѣваемыми слухами, что походъ предпринимается единственно для личныхъ выгодъ Сигизмунда, а не для пользы Польскаго Государства. Король выѣзжая изъ Кракова въ послѣднихъ числахъ Мая повѣстилъ окружнымъ письмомъ всѣхъ Сенаторовъ что онъ ѣдетъ въ Литву, для неослабнаго наблюденія какъ за дѣйствіями въ Лифляндіи противъ Шведовъ, такъ и за ходомъ дѣлъ въ Россіи, обѣщая не иначе вступаться въ оныя какъ для доставленія прочныхъ выгодъ Рѣчи Посполитой. Увѣренія сіи Сигизмундъ подтвердилъ на пути своемъ въ Люблинѣ и Вильнѣ.

Парушевичъ.

Маскѣвичъ.

Между тѣмъ Гонсѣвскій изъ Велижа часто ссылался съ Смоленскими Воеводами, стараясь возбудить въ нихъ готовность покориться Владиславу, но въ тоже время весьма не благоразумно раздражалъ Русскихъ. Объявляя притязаніе на Щучейскую и Порѣчинскую волости, по Тростцкое и по Ржавское городище, подъ предлогомъ что обѣ волости какъ древняя принадлежность Велижскаго уѣзда, неправильно остались за Россіею, онъ даже не хотѣлъ ожидать удовлетворенія отъ успѣха начатой имъ переписки и по-

Отписка Смоленскихъ Воеводъ Шеина и Князя Горчакова къ Царю въ 1609 году.

слалъ брата своего, Семена Гонсѣвскаго, съ отрядомъ на разоренiе оспориваемаго имъ округа. Шеинъ не колебался. Отстраняя всѣ намеки о Владиславѣ, и не желая вступать съ нимъ въ переговоры, онъ отвергнулъ предложенiе его о высылкѣ на границу обоюдныхъ полномочныхъ, выставляя причиною своего отказа оскорбленiе нанесенное Россiи, вторженiемъ брата его, въ ея предѣлы.

Наказныя памяти тѣхъ же Воеводъ Ивану Жидовинову и отписки сего къ нимъ.

Для отвращенiя же сихъ набѣговъ на будущее время, онъ приказалъ прикрыть обѣ волости устроенными въ приличныхъ мѣстахъ засѣками. Хотя таковыя дѣйствiя и отзывы Шеина, казалось не подавали ни малѣйшаго повода полагать чтобы Воевода сей поколебался въ вѣрности Царю, но какъ онъ въ сношенiяхъ своихъ съ Польскими Панами оказывалъ пристойность и вѣжливость не сообразную съ обычаями тогдашняго времени, то Гонсѣвскiй возмечталъ что онъ въ душѣ своей благопрiятствуетъ Полякамъ и ожидаетъ только благовиднаго предлога чтобы передаться имъ. Донесенiя Старосты Велижскаго на семъ ошибочномъ предположенiи основанныя, укрѣпляли Короля въ увѣренности что Смоленскъ покорится ему безъ боя. Увлеченный сею лестною надеждою, Сигизмундъ не усумнился открыть походъ, хотя по непростительномъ промедленiи въ приготовленiяхъ къ войнѣ, наставала уже осень.

Вопреки предостереженій Жолкѣвскаго Король оставался въ предубѣжденіи что не дойдетъ до осады и потому мало помышлялъ о запасеніи себя всемъ нужнымъ къ успѣшному произведенію оной. Такимъ образомъ въ назначаемомъ въ походъ тридцати тысячномъ войскѣ, находилось только пять тысячь пѣхоты. Стѣнобитныхъ орудій было также весьма мало. Общимъ сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ городъ Орша, куда Король прибылъ въ концѣ Августа. Но войско собиралось такъ медленно что даже къ 6-му Сентября не болѣе 12,000 человѣкъ пришло въ Оршу. Не смотря на то, Король выступилъ въ сей день изъ Орши и расположился въ Дубровнѣ, а 8 перешелъ въ Ивановичи гдѣ созвалъ военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса переходить ли за границу съ войскомъ на лице уже находившимся или ожидать чтобы всѣ собрались. Хотя не только Жолкѣвскій, но даже и первѣйшій изъ любимцевъ Короля, Янъ Потоцкій Воевода Брацлавскій, находили неосторожнымъ начинать войну безъ достаточныхъ силъ, однакожъ настояніе Литовскаго Канцлера, Льва Сапѣги, превозмогло ихъ благоразумныя представленія. Какъ Сапѣга не преставалъ увѣрять что нужно одно присутствіе Короля подъ Смоленскомъ чтобы побудить городъ сей къ сдачѣ, совѣтъ призналъ

Пясецкій.

Дневникъ Осады Смоленска, рукопись изъ Пулавской Библіотеки.

Жолкѣвскій.

что не было причины терять времени въ ожиданіи остальныхъ войскъ.

Въ нетерпѣніи своемъ открыть военныя дѣйствія, Канцлеръ на другой день же вступилъ въ Россію съ передовымъ отрядомъ Каштеляна Пржемыскаго. Король только 11 числа переправился чрезъ рѣку Иваку, образующую границу обѣихъ Государствъ и остановился въ Васильевѣ, а 13 перешелъ въ Красное.

Дневникъ Осады Смоленска.

Переступая за рубежъ Сигизмундъ отправилъ въ Москву Степана Струмиловскаго съ разрывною грамотою и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ Смоленскъ Универсалъ въ коемъ увѣрялъ граждан что входитъ въ Россію не какъ непріятель, а какъ избавитель призванный многими Россіянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ Смолянамъ богатыя милости и сохраненіе ихъ вѣры и обычаевъ если покорятся добровольно, а въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ конечнымъ разореніемъ (*). Шеинъ принялъ Универсалъ, но не хотѣлъ отвѣчать письменно а отпуская привезшаго оный, сказалъ ему: *Ты много пустаго говоришъ. Короля нѣтъ при войскѣ; онъ остался въ Вильнѣ. Идетъ только Левъ Сапѣга съ Жолкѣвскимъ. Ежели въ другой разъ пріидешъ съ таки-*

Нарушевичъ. Дневникъ Осады Смоленска.

(*) Смотри Приложенія № 1.

ми же предложеніями напоимъ тебя водою. Къ сему Воевода присовокупилъ, что всѣ Смоляне дали въ соборѣ клятвенное обѣщаніе не бить челомъ Королю и его Панамъ и готовиться на смерть за святую вѣру, за Божіи церкви и за Царя.

Челобитная Смолянъ ЦарюВасилью.

Самый отзывъ сей, не смотря на строгость выраженій, придавалъ еще болѣе вѣсу совѣтамъ Сапѣги, который казалось основательно обнадеживалъ что для убѣжденія Шеина къ сдачѣ города стоило только. Королю самому показаться подъ Смоленскомъ. Сигизмундъ продолжая походъ свой, ночевалъ 16 въ Сороснѣ, 17 на рѣкѣ Ухинѣ, а 19 въ Лубнѣ. Въ тотъ же день Сапѣга и Пржемыскій подступили подъ Смоленскъ и имѣли первую стычку съ тамошними воинами. На другой день Король перешелъ на рѣчку Ясенку, а 21 прибылъ подъ Смоленскъ и сталъ лагеремъ отъ Оршинской дороги до Днѣпра, между каменныхъ монастырей Троицкаго, Спасскаго и Богородицкаго. 22 Гетманъ Жолкѣвскій, подъѣзжалъ къ крѣпости и обозрѣвалъ мѣстность вокругъ оной, для назначенія выгоднѣйшаго направленія предполагаемымъ осаднымъ работамъ.

Дневникъ Осады Смоленска и Жолкѣвскій.

Маскѣвичъ.

Городъ Смоленскъ лежащій на косогорахъ лѣваго берега Днѣпра былъ обнесенъ каменною стѣною имѣвшею въ окружности пять верстъ, въ высоту отъ семи до шести саженъ, а въ тол-

Къ рисун. VI.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

А.) Скелетъ открытый въ каменномъ склепѣ.

Б.) Видъ каменной гробницы въ профиль.

В.) Рѣзный камень, бывшій по свидѣтельству г. Архитектора Воронихина, во Фризѣ Соборной церкви.

Г.) Металлическій образокъ, кажется, Архангела Михаханла; найденный въ придѣлѣ съ правой стороны.

Д.) Мѣдная бляха со скважиною и проушиною.

Е.) Такой же обручь съ застежкою, обѣ эти вещи, вѣроятно, остатки латъ.

Ж. З. } Обломки рѣзныхъ камней.

И. К. } Плиты изъ которыхъ было зданіе.

щеній съ Польшею, желалъ занятіемъ сего предмѣстія усилить оборону угрожаемой части ограды, и замѣнить по возможности внѣшнія укрѣпленія въ коихъ столь нуждалась ввѣренная ему твердыня. Городъ былъ изобильно снабженъ съѣстными припасами и военными снарядами. Въ пушкахъ также не было недостатка: ихъ считалось около 300; но войска было не много. За отряженіемъ Борятинскаго и Ададурова въ помощь Князю Скопину, ратныхъ людей въ Смоленскѣ оставалось не болѣе 4,000. Напрасно Шеинъ, въ намѣреніи усилить сіе число, требовалъ даточныхъ изъ волостей Смоленскаго уѣзда. Крестьяне прельщенные обѣщанною имъ отъ Короля вольностію, не хотѣли сражаться противъ него и отказались отъ присылки даточныхъ. Граждане, хотя лишенные всякаго посторонняго пособія, не менѣе того рѣшились свято исполнить данную ими присягу обороняться до послѣдней крайности (*).

Жолкѣвскій.

Дневникъ Осады Смоленска.

Челобитная Смолянъ къ Царю Василью.

(*) *Примѣчаніе.* Въ Жолкѣвскаго запискахъ сказано что по переписи найденной въ городѣ послѣ взятія онаго, число жителей всякаго возраста, простиралось при началѣ осады до 200,000; изчисленіе очевидно преувеличенное! Вѣроятно въ спискахъ сихъ помѣщены были и уѣздные волостные крестьяне, которые какъ сказано не пошли въ осаду вопреки своего долга и посланныхъ къ нимъ приказаній.

Шеппъ готовясь къ отчаянному отпору, принималъ всѣ благоразуміемъ указываемыя мѣры для водворенія надлежащаго устройства въ оборонительныхъ дѣйствіяхъ. Оставя внутри города, въ запасѣ половину своего войска, онъ другую половину распредѣлилъ на тридцать восемь отрядовъ, и поручилъ каждому изъ нихъ охраненіе особой башни съ прилегающею стѣною. Такимъ образомъ каждый заранѣе зналъ свое мѣсто и въ часъ опасности отстранялась суетливость и съ нею сопряженное вредное замѣшательство, а между тѣмъ начальники отрядовъ, подвергнутые личной отвѣтственности, одушевлялись похвальнымъ соревнованіемъ одинъ передъ другимъ.

Распоряженія на случай осады Смоленска сдѣланное 28 августа 1609, изъ рукописей П. Соловьева.

Обозрѣвъ крѣпость, Жолкѣвскій, по приказанію Короля, созвалъ военный Совѣтъ. Въ особенности желали знать мнѣніе Нѣмецкихъ Полковниковъ находящихся при Польскомъ войскѣ, потому что полагали ихъ болѣе прочихъ свѣдущими въ осадномъ дѣлѣ. Но ничего основательнаго предложено не было. Правда многіе съ пренебреженіемъ отзывались о укрѣпленіяхъ города, говорили что это не крѣпость, а звѣринецъ и хвастливо утверждали что можно скоро одолѣть осажденныхъ, однакожъ для достиженія сей цѣли, ограничивались указаніемъ на средства мало надежныя, и неудобоисполнительныя.

Жолкѣвскій.

Гетманъ распустилъ совѣтъ безъ заключенія и только для ободренія войска довольствовался неопредѣленнымъ обнадеженіемъ что дѣло кончится успѣшно безъ замедленія. Но Королю на единѣ онъ говорилъ иначе. Онъ представилъ ему что привезеннаго огнестрѣльнаго снаряда не достаточно для разрушенія крѣпкой городской стѣны, что подкопы и выбивальныя ступы суть средства, которыя удаются только при оплошности непріятеля, осажденные жъ на противъ того съ первыхъ дѣйствій уже оказываются весьма бдительными и осторожными, что въ сихъ обстоятельствахъ не предстоитъ надежды на близкое покореніе города и что потому ему Гетману казалось бы выгоднѣе не упорствуя въ осадѣ, обратиться къ другимъ предпріятіямъ. Высокомѣрный Сигизмундъ и слышать не хотѣлъ объ оставленіи намѣренія взять Смоленскъ; не уважая благоразумныхъ совѣтовъ опытнаго вождя, онъ приказалъ дѣйствовать при помощи выбивальныхъ ступъ.

Исполняя волю его, войско выступило изъ лагеря въ ночи съ 24 на 25 Сентября. Польская пѣхота остановилась впереди лагеря противъ Пятницкаго предмѣстья, а между тѣмъ Панъ Вайгеръ. Староста Пуцкій, съ Нѣмецкою пѣхотою направился къ Копытецкимъ воротамъ а Мальтійскій Кавалеръ Новодворскій съ Вен-

Жолкѣвскій. — Маскѣвичь. — Дневникъ осады Смоленска. — Отписки къ Царю Смоленскихъ Архіерѣ, Воеводъ и посадкихъ людей.

герскою пѣхотою къ Аврамьевскимъ воротамъ, конница поддерживала пѣхоту, слѣдуя изъ дали за нею. За полтора часа до разсвѣта, Литовскій Маршалъ Дорогостайскій устроивъ батереи передъ Польской пѣхотой, открылъ огонь изъ полевыхъ пушекъ по Богословской башнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ изъ мортиръ метать бомбы во внутренность крѣпости. Стрѣльба сія имѣла предметомъ обратить вниманіе осажденныхъ на ту часть ограды гдѣ предполагалось произвесть только притворное нападеніе и такимъ образомъ способствовать настоящимъ дѣйствіямъ отрядовъ Вейгера и Новодворскаго, которымъ поручалось ворваться въ городъ съ противуположныхъ двухъ сторонъ, выбивъ ступами назначенные каждому изъ нихъ ворота. Хотя осажденные, встревоженные выказаніями Дорогостайскаго, дѣйствительно готовились главными силами своими противустоять ему, однакожъ и прочія части ограды не были оставлены безъ защитниковъ. Отряды посланные къ воротамъ встрѣтили значительное сопротивленіе. Вейгера даже не допустили къ Копытецкимъ воротамъ. Новодворскій сначала дѣйствовалъ успѣшнѣе, не смотря на встрѣченныя имъ препятствія. Передъ Аврамьевскими воротами находился срубъ, оставляющій для прохода къ воротамъ только тѣсный заулокъ, вдоль ограды, чрезъ который

едва можно было человѣку провесть лошадь. Новодворскій смѣло вбѣжалъ въ закоулокъ съ людьми несущими ступы и ползая подъ самымъ жерломъ орудій поставленныхъ въ подошвенныхъ бойницахъ, достигъ воротъ, къ коимъ привинтилъ ступу. Затворы были мгновенно выбиты, но за ними нашлись другіе, которые также вынуждены были выбивать другою ступою. Приставлявшіе ступы бросились было въ городъ, но къ счастію осажденныхъ не всѣ участвующіе въ предпріятіи Новодворскаго одушевлены были его примѣрнымъ мужествомъ. Королевскіе трубачи, долженствующіе быть при немъ, малодушно оставили его и ихъ нигдѣ отыскать не могли дабы подать условленный знакъ, стоящему позади войску объ успѣшномъ дѣйствіи ступъ. Такимъ образомъ конница находящаяся въ нѣкоторомъ разстояніи, не слышивъ трубъ и потому предполагая что предпріятіе не удалось, не только не тронулась съ мѣста но даже отступила. Венгерская же пѣхота, придвинутая ближе къ воротамъ, хотя и извѣщена была о выломленіи ихъ, но и она отказалась итти въ городъ, будучи удержана отъ исполненія своего долга, боязливымъ начальникомъ Капитаномъ Марскомъ. Новодворскій оставленный безъ надлежащаго подкрѣпленія принужденъ былъ отступить. Впрочемъ сіе неудачное покушеніе не

дорого стоило осаждающимъ. Дѣйствіе происходило ночью, и за темнотою, осажденные стрѣляли безъ разбора. Весь уронъ Нѣмецкой и Венгерской пѣхоты состоялъ изъ 10 человѣкъ убитыхъ и 70 раненыхъ.

Въ слѣдующую ночь, Нѣмецкая пѣхота вознаградила претерпѣнную неудачу, довольно блистательнымъ дѣйствіемъ. Учинивъ нападеніе за четыре часа до разсвѣта на окопы Пятницкаго предмѣстья, она вытѣснила защищавшихъ ихъ Смольянъ и выжгла все предмѣстье, за исключеніемъ только семи церквей.

Осаждающіе ободренные симъ успѣхомъ высыпали въ ночи съ 26 на 27, за два часа до разсвѣта, изъ пепелища завоеваннаго ими предмѣстья и приступали къ Пятницкимъ и Фроловскимъ воротамъ, но и въ томъ и другомъ мѣстѣ были отбиты съ урономъ.

27-го прибылъ подъ Смоленскъ Атаманъ Олевченко съ нѣсколькими тысячами Запорожскихъ Козаковъ. Сильное подкрѣпленіе сіе, подало Королю возможность совершенно обложить городъ. Козаки съ отряженнымъ къ нимъ гусарскимъ полкомъ Пана Вайгера, расположились при монастырѣ Св. Духа, лежащемъ при лѣвомъ берегу Днѣпра на востокъ отъ города. Отъ полуденной стороны, сильная отводная стража высланная изъ Королевскаго стана, наблюдала за

Жолкѣвскій.

Маскѣвичъ.

дорогами ведущими въ Рославль и Ельню и связывала разъѣздами своими главное войско съ Козаками. Правый берегъ Днѣпра также не остался безъ наблюденія. Туда отрядили 2,000 коней подъ начальствомъ Пана Потоцкаго, котораго сообщеніе съ Королемъ обезпечивалось наведеннымъ мостомъ подъ Троицкимъ монастыремъ.

Стѣснивъ такимъ образомъ осажденныхъ, Сигизмунду предстояло еще изыскивать новыя средства къ покоренію города, ибо ничтожность надеждъ, питаемыхъ на дѣйствіе выбивальныхъ ступъ уже была доказана на опытѣ. Оставалось прибѣгнуть къ подкопамъ и къ громленію стѣнъ орудіями. При семъ случаѣ Гетманъ Жолкѣвскій еще разъ представлялъ Королю, что при войскѣ не было пушекъ достаточнаго размѣра для учиненія доступнаго пролома и что на подкопы также полагаться не должно, въ особенности такъ какъ черезъ переметчика извѣстно уже было что осажденные, въ предохраніе себя отъ взрывовъ, подѣлали вокругъ стѣнъ, подземные слухи. Въ сихъ обстоятельствахъ, стоять подъ Смоленскомъ со всѣмъ войскомъ казалось Гетману, напрасною тратою времени и потому онъ предлагалъ, оставя городъ въ обложеніи посредствомъ трехъ отрядовъ крѣпко окопавшихся въ приличныхъ мѣстахъ, двинуться съ главными силами подъ Москву, гдѣ можно было надѣять-

Жолкѣвскій.

ся найти важныхъ сообщниковъ, ибо по полученнымъ свѣдѣніямъ, Бояре державшіе сторону Лжедимитрія, весьма доброхотствовали Королю. Доводы Гетмана поколебали самаго Сигизмунда. Онъ показывалъ уже наклонность принять его совѣтъ, который ему нравился въ особенности потому, что слѣдуя оному начатое предпріятіе противъ Смоленска не оставлялось совершенно, а только измѣнялось въ исполненіи и слѣдственно не оскорблялось самолюбіе тщеславнаго вѣнценосца. Но знаменитый Жолкѣвскій имѣлъ въ Потоцкихъ и другихъ вельможахъ, окружавшихъ Короля, завистниковъ безпрестанно силившихся противурѣчить ему. Ихъ настоянія превозмогли и Сигизмундъ рѣшительно отбросивъ предложеніе Гетмана, приказалъ устроить батереи и весть подкопы.

Отписки Смоленскихъ Воеводъ Царю. Дневникъ осады Смоленска.

Въ ночи съ 28 на 29 Панъ Вайгеръ поставилъ туры за рѣчкою Чурилою, близъ Днѣпра и учредилъ изъ нихъ батарею для осадныхъ орудій, для охраненія коей отряжено 600 человѣкъ пѣхоты Польской и двѣ хоругви Нѣмецкой; въ послѣдствіи же къ нимъ еще присоединено 200 человѣкъ Венгерской пѣхоты. Въ туже ночь Панъ Дорогостайскій, имѣя при себѣ 700 человѣкъ пѣхоты и 6 орудій, устроилъ шанцы на правомъ берегу, Днѣпра на пепелищѣ посада.

Въ слѣдующій день, непріятельскія орудія открыли огонь. Дорогостайскій стрѣлялъ во внутренность города и причинилъ большія опустошенія, въ особенности потому что городскія зданія построенныя на скатѣ къ Днѣпру почти всѣ подвергались беззащитно его ударомъ. Вайгеръ же съ своей стороны, направилъ батарею свою на Богославскую башню, съ которой скоро удалось ему сбить верхнія бойницы. Но дальнѣйшаго успѣха не было. Въ двухъ осадныхъ орудіяхъ оказались трѣщины, такъ что изъ нихъ стрѣлять сдѣлалось невозможнымъ. Между тѣмъ осажденные въ предосторожность отъ пролома принялись засыпать землею башню и сдѣлали новой окопъ позади оной. Поляки не надѣясь болѣе разрушить башню почли безполезнымъ продолжать стрѣльбу съ батереи Вайгера. Прекративъ его дѣйствія, они въ ночи съ 30 Сентября на 1 Октября отвезли обратно въ лагеръ осадныя орудія.

За то осаждающіе занялись съ новымъ усердіемъ работами на правомъ берегу Днѣпра. Въ ночи съ 2 на 3 Октября, Дорогостайскій приказалъ сжечь мостъ на рѣкѣ противъ Фроловскихъ воротъ; прервавъ такимъ образомъ сообщеніе города съ правымъ берегомъ, онъ подвелъ шанцы свои ближе къ городу и устроилъ въ нихъ мортирную батерею, изъ которой въ

слѣдующую ночь метали бомбы въ крѣпость.

Полагая осажденныхъ устрашенными дѣйствіемъ бомбъ, Канцлеръ Сапѣга отправилъ къ нимъ 4 числа, гайдука съ предложеніемъ войти въ сношеніе съ Литовцемъ Богданомъ Велижанинымъ, имѣющимъ къ нимъ порученіе отъ Короля. Смольяне отвѣчали что охотно выслушаютъ Велижанина. Поляки по врожденному самонадѣянію, всегда наклонные предаваться лестнымъ мечтамъ, не мало не усумнились въ готовности осажденныхъ къ сдачѣ. Въ семъ предубѣжденіи, изъ Королевскаго стана послано было повелѣніе Дорогостайскому удержаться отъ непріятельсихъ дѣйствій.

Велижанинъ 5 числа подъѣхалъ къ городу имѣлъ свиданіе съ Смольянами, коихъ убѣждалъ къ сдачѣ, повторяя прежнія обѣщанія Короля о сохраненіи ихъ вѣры, правъ и обычаевъ. Смольяне разсуждая съ нимъ, изъявляли благодарность за милостивое къ нимъ расположеніе Сигизмунда, и изъявляли только опасеніе на счетъ извѣстнаго самовольства Поляковъ, отъ насилія коихъ и самая власть Королевская казалась имъ недостаточнымъ предохраненіемъ. Впрочемъ они сказали, что доложатъ обо всемъ Воеводамъ и на другой день дадутъ рѣшительный отвѣтъ.

Поляки изъ самыхъ словъ осажденныхъ выводили заключеніе о наклонности ихъ къ покор-

ности, и потому ни мало не полагали чтобы обѣщанный отвѣтъ могъ быть неудовлетворительнымъ. Въ семъ предубѣжденіи, они 6 числа опять отправили Велижанина къ стѣнамъ крѣпости. Но ожиданіе ихъ не исполнилось. Смольяне вышедшіе на переговоръ обошлись съ Велижаниным привѣтливо, подчивали его водкою, однакожъ объявили что не нарушатъ данной ими присяги, оставаться вѣрными Царю Василью Ивановичу, и что прямой долгъ повелѣваетъ имъ защищаться всѣми силами.

Очевидно что податливость Смольянъ въ продолженіи переговоровъ была только военною хитростію, коей они обязаны были, полезнымъ для нихъ двухдневнымъ отдохновеніемъ. Разгнѣванный Король, приказалъ немедленно Пану Вайгеру снова приняться за осадныя работы противъ Богословской башни. Въ ночи съ 6 на 7, Вайгеръ подвелъ шанцы свои ближе къ стѣнѣ и устроилъ въ нихъ батерею въ четыре осадныя пушки, которыя съ утра открыли огонь свой по Богословской башнѣ. Въ слѣдующіе дни орудія, какъ Вайгера, такъ и Дорогостайскаго не умолкали. а между тѣмъ Вайгеръ изъ шанцевъ своихъ выводилъ къ стѣнѣ подступной ровъ, который въ ночи съ 10 на 11, доведенъ уже былъ на разстояніе только 30 шаговъ отъ стѣны.

Но твердость осажденныхъ не ослабѣвала.

Доблестный начальникъ ихъ, Шеинъ, самъ не избѣгая ни трудовъ ни опасностей, почти не сходилъ со стѣнъ и занимался съ одинакимъ рвеніемъ какъ военными распоряженіями такъ и внутреннимъ управленіемъ города. Въ особенности онъ бдительно наблюдалъ чтобы въ ономъ не породилось ни малѣйшаго помышленія о сдачѣ. Одинъ сотникъ позволилъ себѣ произнесть слѣдующія слова: *Однакожъ когда силъ не достанетъ должны будемъ сдаться, а лучше бы во время.* По приказанію Шеина его схватили и запытали. Симъ примѣромъ устрашивъ слабодушныхъ и злонамѣренныхъ, вѣрный Воевода, старался укрѣплять всѣхъ на пути долга и чести. Одушевленные имъ Смоляне дѣлали частыя вылазки и иногда съ замѣчательною отважностію. Такъ напримѣръ 15 числа среди дня, шесть Смольянъ переплывъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ ворвались въ передовые шанцы Дорогостайскаго, схватили развѣвающуюся хоругвь Пана Любомирскаго, Старосты Сандецкаго, и унесли ее въ городъ безвредно для себя, хотя при шанцахъ сихъ находились на стражѣ 72 Гайдука коимъ поручено было не допускать осажденныхъ къ рѣкѣ. Безпечность стражи, ознаменованная столь для Поляковъ постыднымъ случаемъ, навлекла на виновныхъ гнѣвъ Сигизмундовъ. Онъ приказалъ ихъ подвергнуть военному суду. По-

Филаретова рукопись.

Дневникъ осады Смоленска.

Маскѣвичъ.

Дневникъ осады Смоленска.

ручикъ начальствовавшій надъ стражею былъ приговоренъ къ смерти, а гайдуковъ его положили послать безъ очереди въ головные ряды войска при первомъ приступѣ.

Хотя осажденнымъ настоящей помощи ожидать было не откуда, однакожъ ихъ не совсѣмъ оставили при одинхъ собственныхъ оборонительныхъ средствахъ. Князь Скопинъ самъ имѣя едва достаточныя силы, чтобы противустоять непріятелямъ заграждающимъ ему путь къ Москвѣ, не могъ безъ явнаго безразсудства ослабить себя отряженіемъ части войска своего на выручку Смольянъ, но желая по возможности облегчить трудность положенія ихъ, онъ послалъ 30 дѣтей Боярскихъ, для возбужденія крестьянъ сосѣдственныхъ къ Смоленску селеній, противъ враговъ отечества. Такъ какъ не смотря на Королевскія обѣщанія щадить мирныхъ жителей, непослушливые Поляки неистовствовали въ деревняхъ, то обыватели оставляя домы свои, разбѣгались по лѣсамъ. Изъ нихъ удалось, одному изъ посланныхъ дѣтей Боярскихъ, составить шайку въ 3,000 человѣкъ, которая изъ лѣсовъ нападая на Польскихъ кормщиковъ, истребляла ихъ и тѣмъ затрудняла продовольствіе Королевскаго войска.

Непріятельскія батереи не переставали дѣйствовать и 26 удалось Вайгеру проломить верхнюю часть, малой четвероугольной башни, со-

слѣдственной къ Богословской. — Съ другой стороны города, Запорожцы сдѣлали покушеніе ворваться въ вороты въ расплохъ. Въ ночи съ 30 на 31, они бросились къ нимъ съ топорами въ рукахъ. Но осажденные были въ осторожности и встрѣтивъ ихъ сильною стрѣльбою, принудили отказаться отъ своего предпріятія.

Медленное и почти вовсе безуспѣшное дѣйствіе осадныхъ работъ, убѣдило наконецъ Сигизмунда, что не такъ легко ему будетъ овладѣть Россіею и что въ особенности ему должно стараться о умноженіи собственныхъ силъ своихъ. Для вызову новаго войска изъ Польши недоставало ни времени ни денегъ, но въ самой Россіи находились на службѣ у Лжедимитрія многочисленныя Польскія роты, коихъ можно было употребить въ пользу. Сколь ни своенравна была составляющая ихъ шляхта, но со всѣмъ тѣмъ казалось неимовѣрнымъ, чтобы она осмѣлилась явно ослушаться Короля, призывавшаго ея подъ Государскую хоругвъ свою. Однакожъ предвидѣлось, что дѣло не обойдется безъ трудныхъ переговоровъ съ буйными головами безпутной вольницы, и потому Король рѣшился послать подъ Москву людей именитыхъ, пользующихся личнымъ уваженіемъ. Огромная свита умножала наружный блескъ сего важнаго посольства, которое составляли Станиславъ Стадницкій

каштелянъ Пршемыскій, Христофоръ Збаражскій староста Кременецкій, Янушъ Скуминъ Тишкевичь писарь Литовскій, Станиславъ Домарацкій подстолій Львовскій, Мартынъ Казановскій Гусарскій Полковникъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ свою роту, да кромѣ того придали имъ еще нѣсколько войска, такъ что всего на всего находилось при нихъ до 800 всадниковъ и 1,280 человѣкъ пѣхоты съ двумя пушками. Маскѣвичь. Дневникъ Осады Смоленска.

Въ гласномъ наказѣ данномъ посламъ, вмѣнялось имъ въ обязанность начать объясненіемъ, что вступленію Короля въ Россію подали поводъ, не однократное вторженіе Русскихъ въ границы Республики не смотря на перемирное время, нарушеніе народнаго права удержаніемъ Королевскихъ пословъ по повелѣнію Царя Василья, пролитіе крови Польской шляхты, возбужденіе Царемъ Татарскихъ Ордъ къ набѣгамъ на Червонную Русь и на Подолію, помощь деньгами даваемая Шведскому Королю въ поискахъ его на не принадлежащую ему Лифляндію и наконецъ опасеніе чтобы въ послѣдствіи Польское войско, утомленное продолжительною войною, ослабленное понесеннымъ въ бояхъ урономъ не уступило соединеннымъ силамъ Русскихъ и Шведовъ и не навело ихъ въ самыя нѣдра Литвы и Польши, отъ чего могла бы возгорѣться война, которую вѣками трудно было бы утушить. Из- Нѣмцевичь.

ложивъ сіи причины Королевскаго похода, Послы должны были убѣждать Поляковъ что Король поступитъ съ ними какъ отецъ съ дѣтьми, если они уважая его волю и совѣтъ, согласятся для блага отечества постановить договоръ для обѣихъ сторонъ выгодный.

Но къ гласному наказу, приложено было тайное наставленіе, коимъ между прочимъ предписывалось посламъ: 1) внушать всѣмъ Полякамъ, что пристойнѣе имъ служить природному Государю своему, чемъ чужеродному пришельцу и что всякой изъ нихъ обязанъ пещись о умноженіи выгодъ короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго; 2) отвѣчать тѣмъ изъ нихъ, которыя выставлять бы стали понесенные ими труды, раны и убытки, что скорѣе получатъ слѣдующее имъ вознагражденіе, когда совокупными силами Польское оружіе восторжествуетъ надъ цѣлою Россіею и что тогда Царская казна удовлетворитъ ихъ всѣхъ по мѣрѣ возможности; 3) объявить, что Король безъ нарушенія справедливости не можетъ удѣлить на сіе ничего изъ казны Польской и что тѣ, которые согласятся соединиться съ Королевскимъ войскомъ, хотя и будутъ получать обыкновенное жалованье, но только съ тѣхъ поръ какъ вступятъ въ службу Сигизмунда; 4) болѣе всего стараться уговорить начальниковъ и старшинъ, обѣщая имъ на-

гражденіе не только въ Россіи но и въ Польшѣ и даже суля имъ знатныя староства; наконецъ, 5) обнадеживать Русскихъ, которые изъявятъ желаніе передаться Королю, что Его Величество ихъ приметъ милостиво, сохранитъ ненарушимо ихъ вѣру, обычаи и законы и не только не лишитъ ни кого изъ нихъ ни имѣнія ни чиновъ, но даже наградитъ ихъ новыми помѣстьями и почестями.

Все сіе относилось къ прельщенію сподвижниковъ Самозванца, но кромѣ того послы имѣли порученіе войти въ сношеніе съ одной стороны съ Царемъ, а съ другой съ Московскими властями. Сигизмундъ полагая, что можетъ быть Василій, убѣжденный въ своемъ безсиліи не откажется для возстановленія мира на важныя пожертвованія въ пользу Республики, написалъ ему письмо, въ коемъ вызывалъ его на переговоры. Послы, по прибытіи своемъ въ Тушино, должны были отправить сіе письмо въ Москву и предложить Царю выслать въ станъ уполномоченныхъ для постановленія удовлетворительныхъ для Польши условій. Переговоры сіи предполагалось вести тайно, но еслибы молва о нихъ разнеслась между Поляками, то посламъ предписывалось не признаваться что они дѣйствуютъ по приказанію Короля а говорить что сами рѣшились побуждать Шуйскаго къ прекращенію

дальнѣйшаго пролитія христіанской крови, къ вознагражденію за обиды причиненные Королевству Польскому и Полякамъ и къ дружелюбному удовлетворенію войска подъ Москвою стоящаго.

Предполагаемыя сношенія съ Царемъ по крайней мѣрѣ клонились только къ отторженію нѣкоторыхъ областей отъ Россіи, по сношеніями съ Московскими властями, Король цѣлилъ гораздо далѣе. Завладѣніе всею Россіею ему казалось дѣломъ сбыточнымъ. Въ намѣреніи направить Русскіе умы къ сей ужасной развязкѣ, онъ снабдилъ пословъ грамотою къ Патріарху, духовенству и гражданскимъ чинамъ, въ коей обѣщалъ избавить ихъ отъ претерпѣваемыхъ ими напастей, если они съ должною признательностію примутъ его помощь и покровительство, и обнадеживалъ ихъ, что исповѣдываемая ими вѣра не потерпитъ никакого утѣсненія и сохранится не прикосновенно.

Къ одному Самозванцу отъ Короля не было никакой посылки. Только писали къ нему сенаторы, называя его *Свѣтлѣйшимъ Княземъ* и прося его радушно принять пословъ и позволить имъ оставаться въ его лагерѣ, сколько дѣла ихъ того требовать будутъ.

Послы получивъ всѣ наставленія, коими надлежало имъ руководствоваться въ разнообраз-

ныхъ дѣйствіяхъ своихъ выѣхали изъ подъ Смоленска 2 Ноября. Прежде чѣмъ опишемъ въ какомъ положеніи они нашли Тушинскій станъ, покажемъ что происходило между Царскими войсками силившимися открыть себѣ путь къ Москвѣ и Самозванцевыми приверженцами препятствующими имъ достигнуть сей цѣли. Дневникъ осады Смоленска.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Князь Скопинъ оставался въ Колязинѣ, нетерпѣливо ожидая Делагардія, который наконецъ соединился съ нимъ 26 Сентября. Дабы не подать повода къ новымъ неудовольствіямъ, Князь поспѣшилъ послать къ Шведскому Военачальнику мѣховъ для раздачи войску на 14,974 рубля (49,913⅓ нынѣшнихъ серебряныхъ). Такимъ образомъ нѣсколько удовлетворивъ Иноземцевъ и имѣя уже при себѣ 18,000 Русскихъ и 2,200 Иноземцевъ, онъ со всѣми силами переправился за Волгу и 6 Октября вступилъ въ Переславль. Видекиндъ.

Впрочемъ Шведскій Военачальникъ привелъ съ собою столь малое число воиновъ, что прибытіе его не много усиливало Князя Михайлу Васильевича. Правда Делагарди обнадеживалъ что новый и значительный вспомогательный отрядъ находится уже на походѣ изъ Швеціи, но печальное состояніе Москвы не дозволяло Князю ожидать онаго въ Переславлѣ. Для спасенія столицы, а съ нею можетъ быть и всего Госу-

дарства, необходимо было ему поставить себя въ возможность въ случаѣ нужды, подать руку помощи Царю окруженному измѣною. Для достиженія сей цѣли онъ рѣшился немедленно дѣйствовать на Александровскую слободу. Направленіе сіе было искусно избрано, ибо занятіемъ слободы Князь сближался съ Троицкимъ монастыремъ, открывалъ сообщеніе свое съ одной стороны съ Москвою, а съ другой съ Шереметевымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, снова отрѣзывалъ Лисовскаго отъ Сапѣги. Однакожъ Скопинъ и въ семъ случаѣ не отступилъ отъ принятаго имъ правила не подвергаться случайностямъ общаго боя. Самъ оставаясь еще съ главными силами въ Переславлѣ, онъ выслалъ передъ собою только отрядъ подъ начальствомъ Григорья Валуева и Христіерна Сомме, которые скрытно подступивъ подъ слободу, нечаянно напали на Тромчевскаго, потопили до 100 Поляковъ въ рѣкѣ Шернѣ, а прочихъ разогнали; но самъ Сомме былъ такъ тяжело раненъ что принужденъ былъ для пользованія своего ѣхать въ Выборгъ. Скопинъ получивъ донесеніе о вытѣсненіи непріятеля изъ слободы и о укрѣпленіи сего мѣста острогомъ, самъ 20 Октября перешелъ туда съ всѣмъ войскомъ.

Разряды, дневникъ Сапѣги и Виденкиндъ.

Ставъ твердою ногою въ слободѣ Князь видѣлъ уже открытою передъ собою дорогу во

Москву, но итти ему туда значило увеличить затруднительность положенія столицы. Она болѣе нуждалась въ съѣстныхъ припасахъ чѣмъ въ воинахъ, коихъ для обороны своей имѣла достаточное число; слѣдственно должно было избѣгать лишняго умноженія потребителей ея запасовъ. Освобожденіе ея зависѣло не отъ усиленія въ стѣнахъ ея находящаго войска, а отъ разсѣянія непріятельскихъ полковъ, недопускающихъ къ ней подвозовъ изъ окрестныхъ городовъ. Однакожъ Скопинъ не полагалъ еще себя довольно сильнымъ, чтобы открыто дѣйствовать противъ Сапѣги и Тушинскаго стана, и потому рѣшился ожидать въ слободѣ, Шереметева и обѣщанныхъ подкрѣпленій изъ Швеціи, не теряя впрочемъ изъ вида, доставленія нужныхъ пособій, утѣсненнымъ отъ непріятеля Москвѣ и Троицкому монастырю. Въ обитель онъ уже послалъ Давыда Жеребцева, который съ имѣющимися при немъ 900 воиновъ, успѣлъ тайно пробраться между непріятельскихъ заставъ и вступилъ въ монастырь въ ночи съ 11 на 12 Октября. Сіе значительное подкрѣпленіе сначала весьма обрадовавшее геройскихъ защитниковъ монастыря, чуть было не обратилось имъ въ пагубу. Жеребцовъ былъ высокомѣренъ и властолюбивъ. Отстранивъ отъ начальства Воеводъ и Архимандрита онъ сталъ распоряжаться не слу-

Дневникъ Сапѣги — Палицынъ.

шая совѣтовъ людей наученныхъ благоразумію тяжкимъ опытомъ. До его прихода еще монастырскіе стрѣльцы замѣтивъ, что вылазки произведенныя значительными отрядами, скоро обращая на себя вниманіе непріятеля, были встрѣчаемы всегда превосходными силами и потому рѣдко удавались, стали посылать за дровами и травою вдругъ не болѣе какъ отъ двухъ до пяти человѣкъ, которые такъ сказать урывомъ исполняли свое назначеніе и всегда безвредно возвращались въ обитель. Не смотря на то, Жеребцевъ по своенравію и заносчивости, охуждавшій все что дѣлалось до него, строго запретилъ частные выходы и объявилъ что покажетъ возможность съ настоящими воинами дѣйствовать не украдкою, а открытою силою. Въ самомъ дѣлѣ, 19 числа онъ сдѣлалъ вылазку на Козацкій станъ со всѣми приведенными имъ людьми. Но счастіе ему не благопріятствовало. Непріятель отбилъ его и принудилъ возвратиться въ монастырь съ значительнымъ урономъ. Онъ претерпѣлъ бы и большее пораженіе, еслибы презираемые имъ монастырскіе защитники, вопреки повелѣній его, удерживающихъ ихъ въ обители, не высыпали изъ за стѣнъ на выручку его и не остановили стремленія преслѣдующаго непріятеля. Чувствительный урокъ по крайней мѣрѣ усмирилъ высокомѣрнаго вождя и побудилъ его

не пренебрегать болѣе распоряженіями прежнихъ начальниковъ, уже доказавшихъ знаніе дѣла чрезвычайнымъ успѣхомъ трудной и продолжительной обороны.

Между тѣмъ положеніе столицы содня на день становилось опаснѣе. Москвичи, столь долгое время не видя приближенія Князя Скопина давно имъ возвѣщаемаго, уже переставали вѣрить, чтобы онъ дѣйствительно находился на пути и, шумными толпами наводняя Кремль, грозились обратиться къ Тушинскому вору, если Царь не найдетъ средствъ къ пониженію цѣны хлѣба, которая опять возвысилась до семи рублей за четверть. По счастію прибытіе Дворянина Елизара Безобразова, посланнаго отъ Князя Михайлы Васильевича съ донесеніемъ къ Царю, о вступленіи его въ Переславль, нѣсколько утишило народное волненіе. Но вскорѣ новая тревога возмутила столицу. Подгородное село Красное охранялось посыланными изъ Москвы Головами съ конными сотнями и Атаманами съ козаками, которые смѣнялись понедѣльно. Когда пришла очередь Атамана Горохова, то онъ извѣстилъ Тушинскаго вора о готовности своей покориться ему и просилъ прислать войско для занятія Краснаго села. Самозванецъ въ ту же ночь отправилъ туда отрядъ, который при помощи предательства Горохова безпрепятственно

Никоновская лѣтопись.

вступилъ въ село. Не участвовавшіе въ измѣнѣ конныя сотни поспѣшили отступить въ Москву, а козаки выжгли Красное село и пошли въ Тушино.

Начальники Тушинскаго стана замышляли еще важнѣйшее предпріятіе. Въ ночи съ 10 на 11 Октября, войско ихъ тайно подведенное со стороны Неглинной къ деревянному городу подожгло оный. Выгорѣло до сороку сажень стѣны. Подоспѣвшія Царскія дружины отбили однакожъ непріятеля и потушили пожаръ. Выгорѣлое мѣсто заслонили крѣпкимъ тыномъ.

Дневникъ Сапѣги.

Никоновская лѣтопись.

Непріятель, убѣжденный въ невозможности овладѣть городомъ открытою силою, усугубилъ старанія свои, не пропущать туда подвозовъ. Москвитяне могли ожидать оныхъ только изъ Коломны и отъ Князя Скопина. Князь Петръ Урусовъ съ Юртовскими Татарами перенялъ слободскую дорогу, а на Коломенской злодѣйствовалъ Хатунской, крестьянинъ Салковъ, который, набравъ многочисленную шайку Русскихъ разбойниковъ, дерзко нападалъ на отправляемые изъ Коломны обозы, подкрѣпляемый въ своихъ дѣйствіяхъ, остававшимся въ Серпуховѣ Польскимъ Полковникомъ Млоцкимъ. Царь, полагая что Салковъ не отважится вступить въ бой съ стройнымъ войскомъ, приказалъ Князю Василью Литвинову—Мосальскому, поднять изъ Коломны множество запасовъ однимъ подвозомъ и прово-

дить оный въ Москву подъ прикрытіемъ значительнаго отряда. Но Мосальскій, или долго собирался, или шелъ медленно и далъ время Млоцкому соединиться съ Салковымъ и настигнуть его четыре версты отъ Бронницъ въ Боршевѣ. Успѣхъ оружія остался на сторонѣ Поляковъ и Русскихъ злодѣевъ. Разбитый Мосальскій потерялъ множество людей, взятыхъ въ плѣнъ, и побросалъ всѣ запасы, часть коихъ была увезена непріятелемъ, а остальное сожено. Млоцкій возвратился въ Серпуховъ, а Салковъ, ободренный удачею, осмѣлился приблизиться къ столицѣ и сталъ у Николы на Угрешѣ. Царь выслалъ на него Воеводу Василья Борисовича Сукина съ сильнымъ отрядомъ. Сраженіе произошло между ими при деревнѣ Алексѣевкѣ. Побѣда осталась опять на сторонѣ Салкова, отбитый Сукинъ потерпѣлъ значительный уронъ. Салковъ, поощренный необычайною удачею, распространилъ опустошенія свои на всѣ восточныя окрестности Москвы. Царь, видя необходимость избавиться отъ сего злодѣя, послалъ по всѣмъ дорогамъ, гдѣ можно было надѣяться встрѣтить его, многочисленные отряды, изъ коихъ одинъ находился подъ начальствомъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Искусный вождь сей умѣлъ отмстить за Мосальскаго и Сукина. Настигнувъ Салкова на Влади-

мірской дорогѣ при рѣчкѣ Пехоркѣ, онъ разбилъ его на голову и такъ совершенно разсѣялъ его злодѣйскую шайку, что при Салковѣ осталось только тридцать человѣкъ съ коими онъ дерзнулъ явиться къ Царю съ повинною.

Въ Тушинскомъ станѣ Поляки находились въ сильномъ волненіи не столько еще отъ приближенія Князя Скопина, сколько отъ подступленія подъ Смоленскъ Сигизмунда, который, говорили Нѣмцевичъ. они, пришелъ въ Россію единственно чтобы лишить ихъ заслуженныхъ наградъ и воспользоваться выгодами, пріобрѣтенными кровію ихъ и трудами. Самъ Рожинскій всемѣрно старался возбуждать своихъ подчиненныхъ противъ Короля. Будучи Гетманомъ Самозванцевыхъ войскъ, онъ распоряжался какъ хотѣлъ и мало слушался Лжедимитрія, съ коимъ онъ обращался не какъ съ Государемъ, а какъ съ равнымъ себѣ товарищемъ. Тяжело было для его самолюбія отказаться отъ неограниченнаго права дѣйствовать безотчетно и вмѣсто того подчиниться на ряду съ прочими частными Королевскими воеводами, повелѣніямъ не только самаго Короля, но даже Коронпаго Гетмана и другихъ главныхъ вождей. И такъ нужно ему было убѣдить находящуюся при немъ шляхту не оставлять Самозванца, не смотря на вторженіе Короля въ Россію. Созвавъ на *Коло* всѣхъ Жолнеровъ, онъ

говорилъ, что безумно было бы имъ отказываться отъ выгодъ ожидающихъ ихъ при воцареніи Димитрія и что ни Король, ни Рѣчь Посполитая, не въ правѣ требовать отъ нихъ такого пожертвованія, въ особенности когда они подвигами своими уже столь приблизились къ цѣли своего предпріятія. Въ заключеніе онъ предложилъ имъ условиться между собою ни подъ какимъ предлогомъ не уклоняться отъ службы Димитрію; посадивъ же его на престолъ, требовать отъ него награжденія не по одиначкѣ, а всѣмъ вмѣстѣ, а если онъ замедлитъ выдать обѣщанную плату, то занять Сѣверскую и Рязанскую области и пользуясь доходами оныхъ, всѣмъ, отнюдь не расходясь, ожидать полнаго удовлетворенія. Всѣ съ радостію одобрили предлагаемую мѣру и тотъ часъ же приступили къ подписанію изготовленнаго Рожинскимъ Конфедераціоннаго акта, обязывающаго всѣхъ и каждаго, выполнять принятое условіе, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшаго наказанія.

Рожинскій связавъ симъ постановленіемъ Тушинскихъ подчиненныхъ своихъ, постигалъ однакожъ что только единомысліе всѣхъ Поляковъ служащихъ Самозванцу, могло придать надлежащую силу устроенной имъ Конфедераціи. Въ семъ убѣжденіи онъ отправился подъ Троицу

Дневникъ Сапѣги и Нѣмцевичь.

съ частію войска своего, дабы согласить Сапѣгу на подписаніе Конфедераціоннаго акта со всѣми находящимися при немъ Жолнерами. Прибывъ въ станъ Сапѣги 18 Октября, онъ всячески старался уговорить его дѣйствовать съ нимъ за одно, но Сапѣга отказывался войти въ обязательство клонящееся къ сопротивленію Королевской волѣ и говорилъ, что вмѣсто предполагаемаго ослушанія, пристойнѣе было бы имъ обратиться къ природному Государю своему съ покорною просьбою о предоставленіи имъ свободы отыскивать заслуженнаго награжденія. Въ сихъ преніяхъ протекло безполезно нѣсколько дней. Сапѣга не отставалъ отъ своего мнѣнія. Стойкость его до такой степени раздражила запальчиваго Рожинскаго, что онъ 26 числа съ обнаженною саблею побѣжалъ къ жилищу своего товарища. Сапѣга встрѣтилъ его спокойнымъ лицемъ и хладнокровно сказалъ ему, что не время имъ заниматься личностями когда приближеніе Скопина опасное для нихъ обѣихъ, обязываетъ ихъ помогать другъ другу, не смотря на разномысліе по другому предмету. Въ самомъ дѣлѣ близкое сосѣдство Скопина не мало тревожило Сапѣгу, и онъ рѣшился самъ осмотрѣть положеніе и силу Царскаго войска. Для сего онъ выступилъ изъ подъ Троицы 28, съ 4,000 человѣкъ, и на другой день прибли-

жился къ слободѣ. Князь Михайло Васильевичь выслалъ къ нему на встрѣчу къ селу Коринскому Головъ съ сотнями. Но Сапѣга опрокинулъ ихъ и гналъ до самыхъ надолбъ, прикрывавшихъ слободу. Тогда Скопинъ самъ вышелъ изъ укрѣпленій со всѣмъ войскомъ своимъ. Сапѣга послѣ жаркаго боя принужденъ былъ уступить чрезмѣрно превосходному числу противниковъ и воротился подъ Троицу. Тутъ объявилъ онъ Рожинскому, что Скопинъ такъ усилился, что необходимо Полякамъ дѣйствовать противъ него въ совокупности. Но Рожинскій огорченный отказомъ Сапѣги приступить къ Конфедераціи, не хотѣлъ помогать ему и 30 выѣхалъ снова въ Тушино съ приведенными имъ людьми.

Никоновская лѣтопись.

Дневникъ Сапѣги.

Положеніе Сапѣги, оставленнаго своимъ товарищемъ, становилось затруднительнымъ. Правда Скопинъ поджидая со всѣхъ сторонъ подкрѣпленій, самъ еще не трогался изъ слободы, но не менѣе того посылаемые имъ отряды разставляя острожки на всѣхъ путяхъ къ сѣверу и къ востоку отъ монастыря, стѣсняли осаждающихъ Троицу и въ разъѣздахъ своихъ перехватывали Сапѣгиныхъ кормовщиковъ. Въ особенности въ сей малой войнѣ отличились находившіеся при войскѣ Князя Михайла Васильевича, 4,000 лыжниковъ набранныхъ въ сѣверныхъ областяхъ Россіи и въ Нордъ-Ботніи.

Видекиндъ.

Даже коннымъ непріятелямъ не легко было избавиться отъ нихъ. Глубокіе снѣга съ одной стороны препятствовали бѣгу лошадей, а съ другой придавали необыкновенную быстроту движеніямъ лыжниковъ, которые опереживали и отрѣзывали самыхъ всадниковъ.

Впрочемъ скопленіе силъ составлявшее главную заботу Князя Михаила Васильевича, не во всѣхъ частяхъ производилось успѣшно. Такъ напримѣръ Шереметевъ совершилъ свое соединеніе съ нимъ не безъ урона. Бояринъ сей, желая явиться къ нему побѣдителемъ, покусился сперва выгнать Лисовскаго изъ Суздаля, куда и направился изъ Владиміра, не сообразивъ, что подъ Суздалемъ ему предстояло проходить чрезъ обширныя равнины на конхъ предводительствуемой имъ Низовой рати, состоявшей по большей части изъ пѣхоты, не легко было устоять противъ удалой конницы Лисовскаго. Дѣйствительно вышедшій къ нему на встрѣчу Лисовскій со всѣми силами своими, состоявшими тогда изъ 4,000 всадниковъ по большой части Донскихъ Козаковъ, разбилъ его такъ совершенно, что онъ потерялъ 300 человѣкъ и едва успѣлъ отступить во Владиміръ. Оставивъ нужное число воиновъ въ Владимірѣ для охраненія города, онъ съ остальнымъ войскомъ своимъ прибылъ въ слободу 11 Ноября.

Никоновская лѣтопись и Видекиндъ.

Около того же времени Скопинъ получилъ новое подкрѣпленіе отъ Царя. Боярамъ Князю Ивану Семеновичу Куракину и Князю Борису Михайловичу Лыкову дано было приказаніе выступить 1 Ноября изъ Москвы къ слободѣ, съ 3,000 воиновъ. Какъ цѣлью ихъ посылки было, кромѣ усиленія Скопина, прочное обезпеченіе сообщеній столицы съ слободою, то они прибывъ въ Стромыню занялись построеніемъ острога. Между Стромынею и Москвою были поставлены также остроги въ Мизиновѣ и Измайловѣ. Отрядъ Тушинскихъ Поляковъ хотѣлъ было воспрепятствовать устроенію Измайловскаго острога, но былъ отбитъ вышедшимъ изъ Москвы Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, который при семъ случаѣ взялъ въ плѣнъ болѣе 300 товарищей. Куракинъ и Лыковъ обезопасивъ за собою путь къ Москвѣ, выступили изъ Стромыни 6 Ноября и скоро послѣ того прибыли въ слободу.

Дневникъ Сапѣги.

Отписка Вычегодцевъ къ Пермичамъ, въ Декабрѣ 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Постепенное умноженіе силъ сосредоточивавшихся подъ хоругвею Скопина, подавало наконецъ надежду на близкое избавленіе Троицы и Москвы. Россія съ упованіемъ и любовію заботилась о дѣйствіяхъ юнаго Героя, по общему мнѣнію, вышнимъ призваніемъ предназначеннаго спасать отечество. Но самое влеченіе къ нему

всѣхъ сердецъ уже открывало передъ нимъ гибельную бездну.

Пылкій Прокофій Ляпуновъ не переставалъ властвовать надъ Рязанцами, очарованными его умомъ и его отважностію. Подъ руководствомъ его они еще не измѣняли Царю. Но вѣрность Ляпунова не имѣла прочнаго основанія. Онъ передался Василью подъ Москвою единственно чтобы избѣжать отъ постыднаго владычества Болотникова, а Тушинскому вору не покорялся, потому что презиралъ его. Впрочемъ онъ душевно ненавидѣлъ Царя, и твердо увѣренъ былъ что Россія никогда не успокоится подъ его злополучной державой. Въ семъ убѣжденіи онъ полагалъ необходимымъ для спасенія отечества, приступить къ назначенію новаго Государя, коему по неоспоримой знаменитости его Россіяне повиновались бы охотно и единодушно. Таковою знаменитостію отличался одинъ Князь Скопинъ. Ляпуновъ отправилъ къ нему въ слободу посланцевъ съ грамотою, въ коей предлагалъ ему отъ имени прославляющей его Россіи, вступить на престолъ вмѣсто Василья оглашаемаго недостойнымъ. Князь Михайло Васильевичь съ прискорбнымъ изумленіемъ прочитавъ грамоту, гнѣвно разорвалъ ее и приказалъ заключить въ тюрьму посланцевъ. Несчастные видя передъ собою неизбѣжную казнь, слезно проси-

Никоновская лѣтопись.

ли помилованія, представляя, что они были только невинными орудіями дерзкаго Ляпунова, котораго въ Рязани ослушаться было не возможно. Добрый Князь тронутый ихъ воплемъ, отпустилъ ихъ безвредно. Великодушное, но не осторожное снисхожденіе его, имѣло пагубныя послѣдствія. Завистники воспользовались симъ случаемъ чтобы оклеветать его. Злѣйшими изъ нихъ были Царскіе братья и въ особенности Князь Дмитрій Ивановичь; они представили Василью, что если бы предложеніе Ляпунова не нравилось Скопину то онъ вѣроятно строго наказалъ бы вызывавшихъ его на измѣну и что во всякомъ случаѣ, простивъ столь важныхъ преступниковъ, онъ присвоилъ себѣ власть принадлежащую одному Самодержцу. Коварныя внушенія сіи подѣйствовали, и искра злобы заронилась въ сердцѣ Царя противъ надежнѣйшаго защитника его престола.

Крамолы сіи оказывались вредными въ особенности потому, что неминуемо ослабляли нравственную силу Скопина, въ такое время когда положеніе его, не смотря на пріобрѣтенные имъ успѣхи, было не совсѣмъ надежно. Мятежъ не только бушевалъ передъ нимъ, но даже не утихалъ и въ тылѣ его. Буйные Псковитяне не покорялись Царю. Напрасно Князь Мещерскій, по повелѣнію Скопина, выступилъ изъ Новго- Псковская лѣтопись.

рода съ отрядомъ составленнымъ изъ Новгородцевъ и Шведовъ и 1-го Октября опять явился передъ Псковомъ. Покушеніе сіе осталось столь же безуспѣшнымъ, какъ и предпринятое тѣмъ же Воеводою за четыре мѣсяца предъ тѣмъ. Псковичи не дрогнули и Мещерскій возвратился безъ успѣха въ Новгородъ.

На другомъ краю Государства области Мордовская и Черемисская также упорствовали въ бунтѣ. Тамошніе мятежники, ободренные отбытіемъ Шереметева за Оку, покусились даже на овладѣніе въ расплохъ Нижнимъ-Новгородомъ. Они скрытно подступили подъ сей городъ 18 Октября, но Нижегородцы остерегались и непріятельское предпріятіе осталось безуспѣшнымъ. Съ другой стороны собравшіеся въ Яранскѣ бунтовскія шайки, состоящія изъ Волжскихъ Козаковъ, Кузьмодемьянскихъ, Санчурскихъ и Яранскихъ стрѣльцевъ и Луговыхъ Черемисъ, вторгнулись въ Вятскую землю и въ числѣ 1,400 человѣкъ заняли 18 Ноября Котельничъ, откуда разослали возмутительныя письма по всей Вятской землѣ. Воевода начальствующій на Вяткѣ, Князь Михайло Ѳедоровичь Ухтомскій, поспѣшилъ собрать до 12,000 человѣкъ въ Орловѣ съ намѣреніемъ итти на освобожденіе Котельнича. Непріятель свѣдавъ о его приближеніи очистилъ Котельничъ и возвратился въ Яранскъ.

Челобитная слуги Шереметева Индрика и Дьяка Василья Семенова отъ 26 Октября 1609.

Отписка Вятскихъ Воеводъ Пермскимъ Воеводамъ въ Ноябрѣ 1609.

Отписка Пермичей къ Вятчанамъ въ концѣ Декабря 1609.

Князь Ухтомскій не смотря на значительность бывшихъ при немъ силъ, не преслѣдовалъ враговъ. Довольствуясь оставленіемъ 1,000 человѣкъ въ Котельничѣ для охраненія сего городка, онъ всѣхъ прочихъ людей своихъ распустилъ по домамъ.

Въ Тушинѣ Рожинскій неудачно окончившій переговоры свои съ Сапѣгою, не болѣе успѣха имѣлъ и съ Запорожцами служившими Самозванцу. Напрасно старался онъ также и ихъ привлечь къ Конфедераціи! Они узнавъ что Король подступилъ подъ Смоленскъ, разочли что выгоднѣе имъ будетъ воевать подъ знаменами природнаго своего Государя и потому отказались отъ предлагаемаго имъ союза съ Тушинскими Поляками. Изъ нихъ 3,000 стояли тогда подъ Вязьмою, но всѣ прочіе по повелѣнію Рожинскаго отправлены были подъ Бѣлую. Подойдя къ сему городу они овладѣли посадомъ послѣ жаркаго дѣла на коемъ, если вѣрить Польскимъ донесеніямъ, пало до 3,000 Бѣлянъ. Не смотря на столь значительный уронъ, осажденные крѣпко засѣли въ городѣ и не сдавались. Какъ городская ограда была деревянная, то не трудно было бы Запорожцамъ сжечь ее, но они не хотѣли употребить сего средства дабы не лишиться ожидаемой ими добычи, и положили итти на приступъ при первомъ удобномъ случаѣ. Вмѣ-

Дневникъ Осады Смоленска.

стѣ съ тѣмъ они послали къ Королю съ покорностію и съ просьбою поддержать ихъ. Сигизмундъ предписалъ Гонсѣвскому Старостѣ Велижскому итти подъ Бѣлую имъ на помощь съ находящимися при немъ въ Велижѣ 500 человѣкъ конницы. Скоро послѣ того и остававшіяся въ Вязьмѣ Запорожцы вошли въ сношеніе съ Королемъ изъявляя готовность исполнять его повелѣнія.

Маскѣвичъ.

Дневникъ Осады Смоленска.

Тушинскіе Поляки, лишенные содѣйствія своихъ товарищей, не менѣе того упорствовали въ своемъ намѣреніи не подчиняться безусловно Королю, и въ ознаменованіе своей непреклонности приговорили отправить Посланцевъ къ Сигизмунду, для принесенія ему жалобъ отъ всего войска. Избранные на сіе порученіе Паны Дудзинскій, Мархоцкій, Сладковскій, Рожнятовскій и Уржецкій прибыли подъ Смоленскъ 13 Ноября и на другой день принятые Королемъ, выражались весьма непристойно. Мархоцкій забывъ должное уваженіе къ высокой особѣ своего Государя, осмѣлился даже сказать: *Вступленіе Вашего Королевскаго Величества въ Россію не согласуется съ отзывомъ, который Ваше Королевское Величество изволили дать на Варшавскомъ Сеймѣ, депутатомъ Димитріева войска. Не менѣе того, если бы кто бы то ни было отважился лишить насъ кровью заслуженнаго жало-*

Нѣмцевичъ.

ванья, и слѣдующихъ намъ наградъ (которыя мы выработали потомъ лица кровью и мечомъ), то мы въ такомъ случаѣ не будемъ признавать ни Государя за Государя, ни брата за брата, ни отечество за отечество. Тутъ дерзкую рѣчь его, прервалъ коронный Подканцлеръ Кржицкій, сказавъ: *Что за выраженія безчинныя и наглыя! Съ такимъ ли не почтительнымъ высокомѣріемъ товарищи ваши поручили вамъ изъясняться? Такое ли грубое дали вамъ наставленіе?* Мархоцкій ни мало не смущаясь отвѣчалъ: *Ни на волосъ не отступилъ я отъ даннаго мнѣ товарищами наставленія.* Не продолжая болѣе разговора съ Посланцами, приняли отъ нихъ привезенныя ими письма отъ Рожинскаго и отъ Зборовскаго. Въ письмахъ сихъ, писаныхъ совершенно въ духѣ рѣчей Мархоцкаго, начальники всего войска упрекали Короля въ намѣреніи овладѣть Сѣверскою землею назначенною имъ въ обезпѣченіе недоимочнаго жалованья, просили его не вмѣшиваясь въ дѣла Московскія позволить имъ однимъ окончить оныя, напоминали что Русская земля упоенная ихъ кровію и даже за Волгой усѣянная ихъ костями, безъ явной несправедливости не можетъ похищена быть изъ рукъ ихъ и наконецъ грозились для поддержанія Димитрія отъ коего ожидали заслуженнаго награжденія, не щадить ни живота ни послѣдняго достоянія сво-

*

его и съ врагомъ Димитрія кто бы онъ ни былъ, поступать какъ съ собственнымъ врагомъ своимъ.

15 числа Посланцы были призваны къ Гетману Жолкѣвскому, котораго нашли окруженнаго Сенаторами и старшинами Рыцарства. Не отступая отъ своихъ требованій они говорили ему: *Всегдашнимъ обычаемъ было, знаменитыхъ Поляковъ, людей возлелѣянныхъ на лонѣ златой вольности, искать мечемъ своимъ въ чужихъ земляхъ нажитья и славы. При побужденіи той же вольности, мы и товарищи наши, воздѣлывали мечемъ нашимъ, истиннымъ Марсовымъ раломъ, Московскія поля и пожинали на нихъ съ обиліемъ клонящимся къ чести и пользѣ какъ собственно нашей такъ и самой Республики, Сколь же прискорбно намъ теперь видѣть что въ такомъ славномъ предпріятіи, мы встрѣчаемъ помѣшательство не отъ Иностранцевъ а отъ единокровныхъ нашихъ. Обиженные сею неправдою, мы простираемъ руки къ тебѣ Гетманъ Польскихъ войскъ, подъ начальствомъ твоимъ мы научились побѣждать! Представь Сенату что ему какъ оберегателю правъ и вольностей предстоитъ убѣдить Короля, оставить насъ окончить наше дѣло и не лишать насъ, выгодъ заслуженныхъ нашею кровью.* Слова сіи возбудили сильное негодованіе въ старшинахъ Рыцарства. Они не дозволили Посланцамъ продолжать рѣчь и выслали съ укоризнами и насмѣшками. Нѣкоторые

изъ Сенаторовъ предлагали даже жестоко наказать ихъ за непочтеніе къ Королю. Но прочіе на сіе не согласились дабы не раздражить Тушинцевъ коихъ все еще надѣялись привлечь въ Королевскую службу. Положили только сдѣлать строгое замѣчаніе Посланцамъ передъ ихъ отпускомъ.

16 числа, ихъ снова призвали къ Королю, для выслушанія слѣдующей рѣчи Подканцлера: *Пріятно было бы для Его Королевскаго Величества, Милостиваго Государя нашего, засвидѣтельствованіе вѣрности и подданства войскъ вашихъ, если бы засвидѣтельствованіе сіе согласовалось съ рѣчами вашими, но ни Его Королевское Величество ни всѣ слушавшіе посольство ваше, не могутъ скрыть сколь для нихъ тяжко и удивительно видѣть какъ люди называющіеся вѣрными подданными, отваживаются дерзновенными выраженіями оскорблять Королевское Величество. Сіе выходитъ изъ предѣловъ вольности. Кто не уважаетъ Государя своего, представителя отечества, кто беззаконно пренебрегаетъ верховнымъ саномъ, кто возстаетъ противъ отечества и законовъ, тотъ переступаетъ за границы вольности и напрасно прикрываетъ доброю личиною преступныя дѣйствія свои. Его Королевское Величество слушалъ ваше посольство съ отвращеніемъ и даже съ гнѣвомъ, но сіи чувства уступили врожденному въ немъ милосердію и Послы его*

имѣютъ порученіе сообщить вамъ что въ теперешнихъ обстоятельствахъ онъ для блага Республики, разсудилъ предпринять. Вы же письменно получите отвѣтъ какой заслуживаетъ ваше посольство. Знайте сами и научите братьевъ вашихъ, что Король Его Милость вѣдаетъ и чувствуетъ что онъ есть Государь и Король людей, Богомъ подчиненныхъ его державѣ.

За симъ Янъ Кучборскій Коронный писарь прочиталъ отвѣтъ отправляемый съ Посланцами, слѣдующаго содержанія: *Нашъ Государь желалъ бы что бы ваше войско не отправляло васъ до прибытія Королевскихъ Пословъ; тогда узнали бы вы что побудило Его Королевское Величество вступить въ Россію и какую пользу отъ того должна получить Республика. Когда же вы имѣли наклонность увлекаться безпутною буйностію и говорить дерзкія слова, то по крайней мѣрѣ должны бы вспомнить что если отечественные законы возбраняютъ Королю оскорблять и обижать Рыцарство, то еще менѣе дозволяютъ Рыцарству безчестить отечество и Королевское достоинство. Ссылаетесь на вольность и на примѣры что народъ Польскій мечемъ своимъ въ чужихъ земляхъ добывалъ себѣ добра и славы! Правда Королевство Польское, пользуется знатными вольностями и льготами еще-предками пріобрѣтенными, однако вольности сіи такъ законами опредѣлены, что дѣла исправляют-*

ся не своеволіемъ сокрушающимъ державы и не дерзновеніемъ нарушающимъ общее спокойствіе, а сообразно съ Государственными учрежденіями и постановленіями. Вольности нашего народа даютъ ему большое преимущество надъ прочими народами, но справедливость требуетъ отъ насъ что чѣмъ болѣе мы превосходимъ другихъ вольностями своими, тѣмъ болѣе должны мы превосходить другихъ скромностію и въ особенности страшились бы обращать преимущества сіи во вредъ и стыдъ отечества. Предки наши покорили богатыя и обширныя области, но они дѣйствовали съ соизволенія Сейма и съ одобренія Правительства. Нынѣ же ваше войско пренебрегаетъ соизволеніемъ Сейма и, Королевскимъ достоинствомъ. О горе! О стыдъ! Законы Коронные и Литовскіе возбраняют даже самому Королю объявлять войну безъ одобренія созванныхъ Государственныхъ чиновъ, а частные люди, по одному побужденію своихъ страстей, безъ соизволенія Сейма, безъ согласія Короля, собираютъ знатное войско и нападеніемъ своимъ ожесточаютъ одного изъ сильнѣйшихъ враговъ Республики! Ежели бы (по непостоянству военнаго счастія) полки ваши были разбиты и уничтожены, то въ какую ужасную опасность ввергли бы вы цѣлое Королевство! И въ какое еще время? Когда Шведъ наступалъ и когда возгаралась междоусобная война! Да и такъ Польша и Литва не мало потерпѣли отъ дерзновенной

вашей пылкости Раздраженный вами Шуйскій направилъ Татаръ на Подолію козаками оставленную безъ защиты. Его же деньгами снабженный Сюдермаландскій, съ моря и съ суши напалъ на Лифляндію и если бы не мужество Карла Ходкѣвича и его войска, то большой бурѣ подверглись бы мы съ той стороны. Если свѣсите славу которою вы хвастаетесь съ вредомъ причиненнымъ вами Республикѣ, то сами разсудить можете хорошо ли услужили отечеству? На Варшавскомъ Сеймѣ вы обнадеживали въ вѣрности и покорности вашей, почему и данъ былъ вамъ отвѣтъ сообразно съ завѣреніями вашими: но теперь когда вмѣсто дѣйствительнаго покорства Государю, вмѣсто изъявленія любви къ отечеству слышимъ отъ васъ только самохвальство, угрозы и сопротивленіе власти, грѣшно было бы намъ не остановить васъ. Легко возбудить опасность, не легко выдти изъ оной; часто случается что когда мнимъ имѣть уже въ рукахъ нашихъ фортуну, она бѣглымъ полетомъ удаляется отъ насъ. Не думайте чтобы непріятель былъ уже совершенно побѣжденъ: силы какъ собственно его такъ и союзниковъ его, еще значительны. Пристойно ли торжествовать прежде окончательной побѣды? На чьмъ основаны ваше самохвальство и ваша кичливость? Извѣстны намъ взводимыя на Королевской Совѣтъ клеветы и охуленія! Но если бы и дѣйствительно Король, какъ вы говорите, вступилъ

съ Россію съ намѣреніемъ лишить васъ плодовъ вашихъ трудовъ и усилій, то вы того заслуживали бы, за ваши дерзкія рѣчи. Скоро вы увидите въ вашемъ станѣ Королевскихъ Пословъ, которые увѣдомятъ васъ о намѣреніяхъ Его Величества. Не забывайте сами и товарищамъ своимъ напомните, что искать славы попирая законы и гоняться за корыстью и добычею не уважая верховной власти, не есть дѣло вольнаго Поляка а только дѣйствіе безчинныхъ людей.

Хотя для сохраненія достоинства Правительства, казалось необходимымъ отвѣчать такъ сурово Посланцамъ, однакожъ дабы не поселить въ нихъ непримиримой вражды, лично съ ними обошлись довольно привѣтливо. При отпускѣ ихъ обратно въ Тушино, они были угощаемы какъ самымъ Гетманомъ Жолкѣвскимъ, такъ и Королевскимъ любимцемъ Потоцкимъ Воеводою Браславскимъ.

Сапѣгины полки также выслали отъ себя къ Королю Вilамовскаго и Сладковскаго. Но сіи Посланцы исполнили свое порученіе гораздо скромнѣе Тушинскихъ. Они говорили пристойно и вручили Сигизмунду таiное письмо отъ Сапѣги, въ коемъ вождь сей, опираясь на опытность свою въ дѣлахъ Русскаго края, давалъ совѣты клонящіеся къ обезпеченію успѣха войны и къ охраненію Королевской особы.

Во время сихъ переговоровъ осада Смолнска не подвигалась впередъ. Напрасно Жолкѣвскій устроилъ еще новую батерею на горѣ съ которой можно было громить ту часть города, куда перебрались было Воеводы дабы укрыться отъ дѣйствія орудій Дорогостайскаго. Осажденные съ твердостію переносили разореніе и отвергали часто повторяемыя имъ предложенія о сдачѣ. Поляки, видя непреклонность начальниковъ города, пытались даже взволновать противъ нихъ чернь. Въ семъ намѣреніи они подослали къ стѣнѣ, Папа Харлинскаго умѣвшаго говорить по Русски, дабы убѣдить простолюдиновъ и стрѣльцевъ не подвергаться неминуемой гибели и напротивъ того схватить упорствующихъ Воеводъ, и отворить ворота Королю, который наградитъ ихъ Боярствомъ и раздастъ имъ дворянскія имѣнія. Но сіе воззваніе къ гнусной измѣнѣ также осталось безуспѣшнымъ. Народъ слушалъ Харлинскаго съ любопытствомъ но безъ увлеченія.

Дневникъ осады Смоленска.

Главная забота осажденныхъ состояла въ добываніи дровъ и воды. Дѣлаемыя ими частыя вылазки почти всегда направлялись къ Днѣпру. Наконецъ они рѣшились для упроченія сообщенія съ рѣкою, выкопать ровъ отъ Пятницкихъ водяныхъ воротъ до берега, что и исполнили не смотря на усилія Поляковъ воспрепятствовать сей работѣ.

Подъ Бѣлою Королевское войско не болѣе имѣло удачи; по повелѣнію Гонсѣвскаго, Запорожцы и Поляки ходили на приступъ, но были отбиты. Король послалъ изъ подъ Смоленска въ помощь Гонсѣвскому четыре Пятигорскія роты и часть Татаръ.

Между тѣмъ Королевскіе Послы продолжали путь свой къ Тушину, куда прибыли 4 Декабря съ 380 человѣкъ пѣхоты и 400 копейщиковъ; прочее же съ ними отпущенное войско было оставлено ими въ Можайскѣ, дабы не оголодить Тушинскаго стана гдѣ по причинѣ утѣсненія кормовщиковъ воинами Скопина, начинали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Пріемъ Посламъ былъ сдѣланъ пышный: сперва встрѣтилъ ихъ Панъ Зборовскій съ 200 гусаръ, а потомъ и Рожинскій, хотя одержимый болѣзнью, выѣхалъ къ нимъ въ саняхъ въ сопровожденіи Станислава Мишка старосты Саноцкаго. У самаго же лагеря привѣтствовали ихъ отъ имени Димитрія, Иванъ Плещѣевъ и Ѳедоръ Униковъ. Самозванецъ и Марина не устыдились сами смотрѣть изъ окошка на въѣздъ Пословъ, не имѣвшихъ къ нимъ ни какого порученія. Правда Рожинскій много увѣщевалъ Пословъ, итти сперва на поклонъ къ тому, кто въ Тушинѣ признавался за Государя, но они отозвались что до него никакого дѣла не имѣютъ.

Кобѣржицкій и дневникъ осады Смоленска.

Тушинскіе начальники не видя успѣха въ настояніи своемъ по сему предмету рѣшились наконецъ назначить 8 числа *Коло* для выслушанія Пословъ. Все Рыцарство собралось на прилегающей къ стану равнинѣ, гдѣ приготовили кресла для Пословъ. Старшій изъ нихъ, Стадницкій, объяснилъ предметъ посольства. Витовскій старый и благоразумный Полковникъ, отвѣчая ему отъ имени войска, удостовѣрялъ что оно пребудетъ вѣрнымъ Королю, но просилъ чтобы Послы письменно сообщили данное имъ наставленіе. Послы отказались показать Королевскій наказъ; однакожъ обѣщали предложить на бумагѣ статьи о коихъ поручено имъ было уговориться.

На другой день все въ лагерѣ было въ разномысліи и смутѣ. Панъ Янковскій и другіе приверженцы Самозванца, подбивали Жолнеровъ требовать такой не помѣрной платы, какой каждый изъ нихъ по побужденію самохвальства и алчности, полагалъ себя достойнымъ. Янковскій даже настаивалъ чтобы немедленно отпустить Пословъ съ словеснымъ отвѣтомъ. Но большая часть Тушинскихъ Поляковъ уже не оказывала прежней дерзости. Встревоженные дѣйствіями Скопина, они страшились еще съ другой стороны нападенія Королевскаго войска, и опасенія ихъ подкрѣплялись разнесшимся слухомъ

что съ Послами отпущено до 7,000 человѣкъ, хотя дѣйствительно изъ подъ Смоленска прибывшіе люди въ Тушино и въ Можайскъ, не составляли и третей части сего числа. Какъ бы то ни было, они страшась чтобы требованіемъ лишняго не потерять всего, оказали неожиданную податливость, и хотѣли даже убить Янковскаго, упрѣкая его въ самовольномъ изложеніи наказа, для Послапцевъ ихъ подъ Смоленскъ, которые руководствуясь онымъ, безполезно разгнѣвали Короля. Наконецъ послѣ продолжительныхъ ссоръ и смятеній, положено было выслать къ 17 числу по два товарища съ каждой роты для переговоровъ съ Послами.

Переговоры сіи не мало смущали Самозванца. Служившіе ему Поляки признавали его Государемъ только по имени а въ самомъ дѣлѣ вовсе не уважали его. Въ недавнее еще время, Рожинскій не усумнился въ его присутствіи ударить по щекѣ и бить палкою любимца его Вишневецкаго, а Самуилъ Тишкѣвичь самаго его ругалъ въ глаза и называлъ лгуномъ и мошенникомъ. Онъ все переносилъ и сдѣлался предметомъ общаго презрѣнія. Въ семъ унпчиженіи не льзя было ему надѣяться что Поляки твердо будутъ стоять за него а паче слѣдовало опасаться что они для выговоренія себѣ лучшихъ условій, выдадутъ его Королю. Въ избѣ-

жаніе сего онъ принялъ намѣреніе уѣхать изъ лагеря, подъ предлогомъ прогулки подъ Москвою. Но Поляки не желая упустить его изъ рукъ своихъ, воспротивились его выѣзду и Вишневскій даже приказалъ запереть всѣхъ его верховыхъ лошадей; не смотря на то Русскіе его приверженцы нашли средство вывесть его изъ лагеря въ сопровожденіи 400 Донскихъ козаковъ и такого же числа Русскихъ всадниковъ, однакожъ Рожинскій погнался за нимъ и привелъ его обратно въ лагерь гдѣ учредили надъ нимъ строгій присмотръ, къ великому огорченію Русскихъ его клевретовъ.

Внутреннія несогласія между послѣдователями Самозванца открывались не въ одномъ лагерѣ, но и внѣ онаго. Паны Вержбицкій и Велегловскій, занимавшіе первый Дорогобужъ а другой Вязьму, съ отрядами служившихъ Лжедимитрію Поляковъ, враждовали съ находившимися въ Вязьмѣ Запорожцами которые, по примѣру братьевъ своихъ стоявшихъ тогда подъ Бѣлою, хотѣли совершенно покориться Королю. Оба Польскіе начальники не почли себя въ состояніи противиться козакамъ и очиствъ ввѣренные имъ города, возвратились съ отрядами своими въ Тушино. Король немедленно приказалъ занять Дорогобужъ.

Казалось что при столь неблагопріятныхъ для

Тушинцевъ событіяхъ, начавшіеся въ условленный день 17 Декабря, переговоры съ избранными товарищами, должны бы имѣть скорое и для Короля выгодное окончаніе. Но высокомѣріе легкомысленныхъ Шляхтичей не вполнѣ еще было укрощено. Представители ихъ объявили самыя нелѣпныя требованія: они хотѣли чтобы Король заплатилъ имъ мимо заслуженные 20 милліоновъ злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и споспѣшествовалъ къ возведенію на престолъ Лжедимитрія, который уступитъ Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю. Когда же Послы имъ возразили, что въ цѣломъ полушаріи едва ли можно собрать запрашиваемую ими огромную сумму, и что въ разсужденіи Лжедимитрія не пристойно Королю стоять за извѣстнаго обманщика, то они умѣривъ свои требованія, ограничились просьбою чтобы Король выдалъ имъ немедленно за одну четверть жалованья впередъ, да за двѣ прошедшія четверти и соглашались отложить удовлетвореніе прочихъ заслуженныхъ ими четвертей до совершеннаго покоренія Россіи, съ тѣмъ чтобы долгъ сей, ими на Московской казнѣ числимый, былъ обезпеченъ на Сѣверской землѣ. Послы на сіе отвѣчали что нѣтъ ни малѣйшей причины Королю ни выдавать имъ ничего впередъ, ни платить за такое время въ которое они не ему

служили и что впрочемъ Сигизмундъ не оспориваетъ права ихъ отыскивать себѣ заслуженнаго жалованья, но только не отъ него, а отъ Россіи и съ тѣмъ чтобы недоимочная плата была расчислена не по произвольно ими самими составленнымъ спискамъ, но по дѣйствительному времени служенія каждаго и соразмѣрно съ обыкновенною платою получаемою Рыцарствомъ въ Королевской службѣ. Товарищи выслушавъ сіе, отозвались необходимостію для нихъ новаго совѣщанія съ своими вѣрителями, и потому отсрочили продолженіе переговоровъ.

Послѣ сего Послы, гласно оставаясь въ бездѣйствіи, не менѣе того не теряли времени и тайными происками, ежедневно умножали число Королевскихъ приверженцевъ. Искусно пользуясь взаимною одного къ другому завистью знатнѣйшихъ изъ Тушинскихъ Поляковъ, они ссорили ихъ между собою и по одиначкѣ привлекали на свою сторону. Такъ на примѣръ передавшійся имъ Зборовскій былъ за то вызванъ на поединокъ Рожинскимъ а скоро послѣ того и самъ Рожинскій, опасаясь быть оставленнымъ всѣми, преклонилъ ухо къ Королевскимъ предложеніямъ. Подъ вліяніемъ уже уговоренныхъ начальниковъ и все Рыцарство стало оказывать болѣе податливости. Отказавшись отъ требованія выдачи четверти жалованья впередъ, оно со-

гласилось на повѣрку представленныхъ списковъ и на удовлетвореніе по онымъ изъ Московской казны по окончаніи войны, кромѣ одной четверти которую просило выдать немедленно, да еще настаивало объ обезпеченіи участи Лжедимитрія и Марины.

Самозванецъ съ явнымъ безпокойствомъ слѣдилъ за переговорами къ коимъ его вовсе не допускали. Наконецъ 27 Декабря онъ рѣшился спросить Рожинскаго въ чемъ состоятъ предложенія сдѣланныя ему Послами. Гордый Полякъ былъ въ нетрезвомъ видѣ и отвѣчалъ: *Какое тебѣ дѣло за чѣмъ Послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы крови за тебя пролили, а пользы не видимъ*. Слова сіи сопровожденныя не только бранью но даже угрозами побоевъ, такъ устрашили Самозванца, что онъ рѣшился во что бы ни стало удалиться изъ стана. Въ тотъ же день, когда трубили вечернюю зорю, онъ переодѣвшись въ крестьянское платье, отправился въ навозныхъ саняхъ въ Калугу, съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Беръ.

Въ слѣдующее утро, когда узнали о побѣгѣ его, весь станъ сильно взволновался. Пахолики и мастеровые первые возстали и разграбили все Самозванцево имущество. Они даже неоднократно покушались разбить посольскія повозки, подъ предлогомъ, что въ нихъ укрываютъ задержан- Дневникъ Осады Смоленска.

наго Царика, но въ самомъ дѣлѣ въ намѣреніи воспользоваться значительными суммами, которыми полагали Король снабдилъ Пословъ. Однакожъ пришедшее съ Послами войско отстояло повозки. Между тѣмъ Жолнеры собрались на бурное *Коло* близъ квартиры Посла Збаражскаго. Много шумѣли и ссорились. Иные обвиняли Рожинскаго, что онъ спьяна прогналъ Димитрія; другіе относили бѣгство его къ проискамъ Пословъ. Были даже такіе, которые невѣря его

Петрей. удаленію, подозрѣвали что его тайно утопили. Весь день прошелъ въ раздорахъ и неустрой-

Дневникъ Осады Смоленска. ствахъ. Только подъ вечеръ Бучинскій, съ помощію Пановъ Андрея Млоцкаго и Янковскаго успѣлъ укротить буйныхъ и согласить всѣхъ на распущеніе *Кола*, съ тѣмъ, чтобы собраться снова на другой день за лагеремъ.

Въ народныхъ смятеніяхъ, часто стоитъ только выиграть время. На *Коло* 29 числа всѣ предстали безъ запальчивости. Мгновенное раздраженіе уступало мѣсто уже благоразумнымъ размышленіямъ. Спокойно слушали оправданія Рожинскаго. Также узнавъ что Послы, оскорбленные на канунѣ оказаннымъ къ нимъ неуваженіемъ, сбираются въ обратный путь, положили просить ихъ повременить отъѣздомъ своимъ до третьяго дня, въ который обѣщали дать имъ благопріятный отвѣтъ. Послы тѣмъ охотнѣе со-

гласились остаться, что сборы их въ дорогу были только хитростію для устрашенія бурливыхъ; въ самомъ же дѣлѣ они хорошо понимали, что имъ нельзя было покинуть ввѣреннаго имъ дѣла въ то самое время какъ развязка оказывалась необходимою; они занимались тогда важными сношеніями съ Русскими Тушинцами.

Знатнѣйшіе изъ сихъ измѣнниковъ, пораженные бѣгствомъ Самозванца разстроившимъ ихъ собственные замыслы, убѣждались въ необходимости искать въ новомъ покровительствѣ обезпеченія своей будущей участи. За симъ имъ оставалось или принесть повинную Царю или передаться Сигизмунду. Но въ Москвѣ они нашли бы только помилованіе, а не богатые награды за коими гонялись подъ хоругвію *вора* и кои льстились еще получить отъ Короля. Въ низкихъ душахъ ихъ, чувство своекорыстія превозмогло надъ естественнымъ омерзѣніемъ къ иноплеменному игу. Послы обѣщаніями и ласкательствами старались утвердить ихъ въ постыдномъ намѣреніи и въ особенности успѣли склонить на свою сторону, гнуснаго Михаила Глѣбовича Салтыкова и Дьяка Ивана Тарасова Грамотина. Оба, злодѣи лукавые и пронырливые, убѣдили товарищей своихъ собраться для выслушанія Пословъ. На назначенную сходку

Салтыковъ привелъ думныхъ людей и придворныхъ чиновниковъ, Заруцкій воиновъ а Царь Касимовскій своихъ служителей. Митрополитъ Филаретъ, котораго въ Тушинѣ величая Патріархомъ, держали однакожъ подъ строгимъ присмотромъ, принужденъ былъ также явиться на сонмищѣ съ находящимся въ станѣ духовенствомъ. Когда всѣ собрались, Королевскіе Послы принесли привезенную ими Сигизмундову грамоту къ Русскимъ послѣдователямъ Самозванца. Старшій изъ Пословъ, Стадницкій, открылъ переговоры рѣчью, въ коей увѣрялъ, что Король вступилъ въ Россію отнюдь не для порабощенія Россіянъ и не для утѣсненія ихъ вѣры, а напротивъ того для прекращенія между ними пролитія Христіанской крови и предохраненія ихъ отъ дальнѣйшаго разоренія. Къ сему Стадницкій присовокупилъ, что, ихъ сиротствующихъ за неимѣніемъ законнаго Государя, Король готовъ принять подъ свою защиту и покровительство. Никто не смѣлъ противорѣчить. Всѣ превозносили неизреченное великодушіе Короля, съ умиленіемъ читали его грамоту и восхищаясь, что она писана по Русски, цѣловали подпись Сигизмунда. Нѣкоторые только настаивали объ огражденіи неприкосновенности православной вѣры. Послы отвѣчали, что въ семъ отношеніи Король готовъ обязаться строжайшимъ образомъ. Тогда съ общаго

Кобржицкій.

согласія положили не приставать ни къ Царю Шуйскому, ни къ бѣжавшему вору, а стоять съ Тушинскими Поляками за одно и поддерживать другъ друга. Симъ кончилось гласное совѣщаніе, но келейно главные подстрѣкатели измѣнниковъ дали Посламъ клятвенное обѣщаніе безпрекословно покориться Королю.

Послы успѣли наконецъ преклонить и Поляковъ къ снисканію Королевской милости. Какъ Рыцарство, такъ и Русскіе Тушинцы согласились отправить Посланцевъ къ Сигизмунду, для ходатайствованія о своихъ нуждахъ и требованіяхъ.

Только въ отношеніи къ Царю и къ Московскимъ жителямъ, Посламъ не удалось исполнить Королевскаго предписанія. Царь Василій не только не хотѣлъ войти ни въ какое сношеніе съ ними, но даже не отвѣчалъ на посланныя ими въ столицу Королевскія грамоты. Москвичи также не подавались на дѣлаемыя имъ тайныя внушенія отложиться отъ Царя и гнушались мыслею ввѣриться сомнительному покровительству вѣковаго врага Россіи.

Король не давалъ никакого гласнаго порученія къ Маринѣ Посламъ своимъ, но они убѣдясь на мѣстѣ, что мнимая Царица имѣетъ нѣкоторое вліяніе надъ Тушинскимъ Рыцарствомъ, признали полезнымъ войти въ сношеніе съ нею,

Дневникъ Марины.

и предложили ей отъ имени Короля землю Саноцкую и доходы съ экономіи Самборской, съ тѣмъ, чтобы она отказалась отъ всякаго притязанія на Московскій престолъ. Стадницкій, сродникъ Марины, взялся передать ей сіи условія. Онъ написалъ ей письмо, въ выраженіяхъ весьма привѣтливыхъ, но не давалъ ей Царскаго титула, а называлъ ее только Ясновельможною. Высокомѣрная Марина нашла въ самомъ домогательствѣ отъ нея отрѣченія, новое сознаніе мнимыхъ правъ ея на Россію. Она отвѣчала Стадницкому, что пріятно ей было получить отъ близкаго родственника увѣреніе въ его благорасположеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ выговаривала ему что онъ не отдаетъ ей должной почести и собственноручно сдѣлала слѣдующую приписку: *Памятуй Ясневельможный что кого разъ Богъ освятилъ блескомъ Вѣнценосцевъ, тотъ сего блеска никогда не утрачиваетъ. Солнце заслоненное темнымъ облакомъ не престаетъ быть лучезарнымъ, такъ и я, лишенная престола клятвопреступными измѣнниками, не перестаю быть Царицею.*

Столь же гордѣливо Марина отвергла предлагаемыя ей вознагражденія и насмѣшливо отозвалась, что она съ своей стороны готова уступить Королю Варшаву, съ тѣмъ чтобы онъ ей уступилъ Краковъ. Въ изступленіи безразсуднаго властолюбія, она казалась убѣжденною въ

законности правъ своихъ на Царскій престолъ; рѣшившись писать къ самому Сигизмунду, она не уничижалась передъ нимъ, а какъ настоящая Царица требовала отъ него, чтобы онъ не мѣшалъ ей отыскивать своего достоянія (*).

Посламъ нѣчего было долѣе оставаться въ Тушинѣ. Они возвратились подъ Смоленскъ и донесли Королю, что въ слѣдъ за ними ѣдутъ полномочные отъ Русскихъ измѣнниковъ и отъ Польскаго Рыцарства. Отрядъ, отправленный изъ подъ Смоленска для провожанія Пословъ, не возвратился съ ними, а былъ оставленъ въ Вязьмѣ подъ начальствомъ Пана Казановскаго. Дневникъ Осады Смоленска

Между тѣмъ Самозванецъ не оставался въ бездѣйствіи. Убѣдившись, что ему нельзя уже ожидать никакой помощи отъ Поляковъ, онъ здраво разсудилъ, что единственнымъ еще средствомъ удержать ему нѣкоторую власть въ Россіи, было передаться совершенно въ руки холопьей стороны, слѣпо угождая ея добрымъ и злымъ страстямъ. Въ семъ намѣреніи прибывъ подъ Калугу, онъ остановился въ подгородномъ монастырѣ и послалъ Иноковъ въ городъ съ извѣстіемъ, что онъ удалился изъ Тушина, дабы избавиться отъ погибели уготовляемой ему по- Беръ.

(*) Смотри Приложенія № II.

ганымъ Королемъ, злобствующимъ на него за то, что онъ отказался уступить Польшѣ Сѣверскую землю съ Смоленскомъ; что если Калужане согласятся не нарушавъ данной ему присяги, онъ съ помощію ихъ и прочихъ городовъ пребывающихъ ему вѣрными, надѣется отомстить и Шуйскому и коварнымъ Ляхамъ и что наконецъ твердое его намѣреніе есть, въ случаѣ нужды положить голову свою за православіе и отечество. Сіе хитропридуманное воззваніе оканчивалось словами, для Рускаго сердца увлекательными: *Не дадимъ торжествовать ереси; не уступимъ Королю ни кола ни двора.*

Калужане всегда оказывали преданность Самозванцу, но въ семъ случаѣ они одушевились новымъ усердіемъ къ тому кого почитали страдальцемъ за святую Русь. Они спѣшили въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, проводили съ торжествомъ бѣглеца въ городъ, ввели его въ домъ занимаемый главнымъ Воеводою Скотницкимъ и желая чтобы признаваемый ими за Государя, не оставался въ нуждѣ, снабдили его пристойною одеждою, добрыми конями и необходимыми для роскошнаго стола припасами. Воръ снова облеченный въ наружный блескъ верховнаго сана, немедленно занялся наборомъ достаточнаго ополченія для поддержанія ложныхъ правъ своихъ. Уже холопи, увлекаемые надеждою безнаказан-

но свирѣпствовать подъ его хоругвію, стекались къ нему. Также онъ получилъ важное подкрѣпленіе отъ главнаго виновника бѣдствій отечества Князя Шаховскаго, который оставаясь вѣрнымъ связямъ на обоюдномъ злодѣйствѣ основаннымъ, привелъ въ Калугу нѣсколько тысячь козаковъ съ коими стоялъ въ Царево-Займищѣ. Самозванецъ не довольствуясь тѣмъ, не отчаявался даже опять переманить къ себѣ нѣкоторую часть Тушинцевъ, не смотря на сдѣланныя имъ провозглашенія противъ Поляковъ. Подосланный отъ него Шляхтичь Казимирскій привезъ въ Тушино письма къ Маринѣ и къ другимъ лицамъ, коихъ онъ увѣрялъ, что отъѣхалъ только для охоты и готовъ возвратиться въ станъ если Поляки обяжутся новою присягою служить ему и если будутъ казнены отложившіеся отъ него Русскіе. Уже Казимирскій успѣлъ тайно роздать нѣкоторыя изъ сихъ писемъ когда узнали о его козняхъ и призвали на *Коло*. Тутъ всѣ привезенныя имъ письма, отобранныя какъ отъ него такъ и отъ тѣхъ которымъ онъ вручилъ ихъ, были сожены, а Казимирскій получилъ запрещеніе подъ смертною казнію происками своими возмущать войско. Однакожъ сей пронырливый Шляхтичь, скоро успѣлъ подбиться къ Рожинскому и былъ отправленъ отъ него въ Калугу съ важнымъ порученіемъ. Дѣло шло объ

Палицынъ.

Беръ.

Дневникъ Осады Смоленска.

Беръ.

томъ, что бы уговорить Скотницкаго схватить Самозванца, при помощи находящихся въ Калугѣ Поляковъ, и отправить его въ Тушино. Но Казимирскій былъ двуязычный измѣнникъ. Прибывъ въ Калугу онъ вручилъ Самозванцу письмо Рожинскаго къ Скотницкому, Лжедимитрій воспламенясь гнѣвомъ, немедленно приказалъ утопить въ Окѣ Скотницкаго. Такую же казнь претерпѣлъ отъ него и слабодушный Окольничій Иванъ Ивановичь Годуновъ (*). Безбожный

(*) *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ изъясняясь подробно о смерти Годунова говоритъ *еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ......* Къ сожалѣнію должно замѣтить, что сей разсказъ не имѣетъ ни малѣйшаго Историческаго основанія. Какъ можно называть *мученикомъ вѣрности* Вельможу за годъ передъ тѣмъ передавшаго Тушинскому вору, его попеченію ввѣренный городъ Владиміръ! Обращаясь къ приписываемому злодѣянію Михайлѣ Матвѣевичу Бутурлину, открывается что Историкъ почерпнулъ подробности онаго въ Латухинской Степенной книгѣ гдѣ сказано: *Михайло Бутурлинъ собравсся съ ворами и пріиде подъ градъ Калугу, и нача приступати. Въ томъ же градѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичь Годуновъ, за нимъ убо бысть Ирина Никитична Романовыхъ, Ѳеодора Никитича сестра. Егда же градъ взяша и Болярина Ивана Годунова съ башни свергоша, людей же многихъ посѣкоша, а имѣнія ихъ разграбиша. Но еще Болярипъ Иванъ Годуновъ живъ бысть, и о немъ возвѣщено бысть Михайлѣ Бутурлину. Онъ же повелѣ его на Оку рѣку привести, и въ воду посадити; егда же приведоша и въ воду его ввергоша, тогда онъ*

обманщикъ хотѣлъ ужасомъ поддерживать владычество свое.

Упорнѣйшими приверженцами Самозванца были Донскіе козаки, которые подъ злодѣйскою хоругвію его, надѣялись свободнѣе безчинствовать чѣмъ въ рядахъ нѣкоторою подчиненностію связаннаго Королевскаго войска. Одинъ изъ ихъ отрядовъ находившійся съ Млоцкимъ въ Серпуховѣ, выступилъ оттуда къ Калугѣ. Увѣщанія Млоцкаго удержать ихъ при себѣ на службѣ Ко- Дневникъ осады Смоленска.

за край струга удержася. Михайло же, вынявъ саблю, и отсѣче ему руки и потопи его въ водѣ. И тако скончася мученически, нокъ совѣтникомъ Разстригинымъ не приложися. Жена же его Ирина Никитична, горько по немъ плакася, не отъ убійства ихъ свободна бысть. А Михайла Бутурлина порази духъ непріязненный лютъ зѣло, и пребысть такъ до кончины своея. Сіе извѣстіе не представляетъ ни малѣйшей достовѣрности: ни Михайло Бутурлинъ, и ни кто другой изъ сподвижниковъ Самозванца не бралъ Калуги приступомъ, потому что городъ сей, послѣ занятія его Болотниковымъ, никогда не отставалъ отъ измѣнниковъ; показанію чтобы Бутурлинъ пораженъ былъ духомъ непріязненнымъ, противорѣчитъ то обстоятельство, что онъ послѣ смерти Годунова, занималъ важныя должности и въ 1616 году былъ даже назначенъ Главноначальствующимъ надъ войскомъ посланнымъ подъ Смоленскъ; наконецъ, какъ замѣтилъ и самъ Карамзинъ, Степенная книга относитъ смерть И. Н. Годунова къ временамъ Разстриги, хотя достовѣрно, что во все царствованіе Отрепьева онъ оставался въ званіи Окольничаго, а въ послужномъ спискѣ показанъ убылымъ только въ 7,118 году, съ такою отмѣтою *убитъ въ*

ролю, были тщетны: они отозвались, что присягнули уже Димитрію и не хотятъ быть клятвопреступниками. Млоцкій оставя въ Серпуховѣ свой обозъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ челядинцевъ, пустился за козаками и нагналъ ихъ. Но въ то самое время какъ онъ сражался съ ними, Серпуховскіе жители вырѣзали его челядинцевъ и ограбили обозъ. Лишенный своего имущества и способовъ къ продовольствію, онъ удалился въ Боровскъ, оставивъ козаковъ свободно продолжать путь свой въ Калугу. Но желаніе отомстить Серпуховлянамъ не угасало въ сердце его. Нѣсколько дней спустя онъ внезапно съ восхожденіемъ солнца, явился подъ Сер-

---

Калугѣ отъ вора. Казалось что послѣ того Историку оставалось только считать изложенное о немъ въ Степенной книгѣ пустою баснею, но онъ рѣшился придать ей Историческое бытіе, произвольно отнеся оное къ 1610 году, и отстраня показаніе о взятіи города, отъ чего небывалое дѣло получило печальное вѣроподобіе. Удивительно что Карамзинъ впалъ въ такую ошибку, имѣя въ виду, что какъ въ лѣтописи о Мятежахъ такъ и въ Никоновской вовсе умалчивается о мнимомъ участіи М. М. Бутурлина въ убіеніи И. И. Годунова и что неестественно полагать, чтобы Царь Михайло Ѳеодоровичь дававшій важныя порученія Бутурлину и Царь Алексѣй Михайловичь возведшій его даже въ знатный чинъ Окольничаго, такъ честили *злодѣя* безчеловѣчно поступившаго съ супругомъ Ирины Никитичны, которая была родною теткою перваго изъ сихъ Государей и слѣдственно бабкою втораго.

пуховымъ. Спѣшившіеся люди его безъ труда взяли приступомъ городъ и все предали огню, при чемъ погибло множество жителей; уцѣлѣли только укрывшіеся въ замкѣ. На пепелищѣ Серпухова Млоцкій извѣстился, что обнаженный имъ Боровскъ готовится покориться Царю Василью и принять посланныхъ изъ Москвы воиновъ. Ни мало не медля онъ направился обратно туда, шелъ и днемъ и ночью и едва успѣлъ отстоять Боровскъ. Его воины и Царскіе вступали въ одно время въ городъ съ противоположныхъ сторонъ, но Царскіе люди узнавъ о его приходѣ уклонились отъ боя на улицахъ и искали убѣжища въ прилегающемъ къ городу, крѣпкомъ Пафнутьевскомъ монастырѣ, куда Иноки уже успѣли впустить 600 Московскихъ стрѣльцевъ.

Среди сихъ козней и переворотовъ, пылкая Марина не оставалась въ бездѣйствіи. Когда узнала она, что Самозванецъ утверждается въ Калугѣ, то вознамѣрилась попытаться снова привлечь Тушинцевъ на его сторону. Отстранивъ женскую пристойность она рыдающая, блѣдная, съ распущенными волосами, бѣгала изъ ставки въ ставку, никого не упрекала, старалась всѣхъ ласкать и разжалобить и представляла что для собственной пользы своей имъ не должно было оставлять супруга ея отъ коего одного могутъ Нѣмцевичъ.

ожидать богатыхъ наградъ. Слезы и увѣщанія прелестной женщины произвели сильное впечатлѣніе на воиновъ. Ее слушали съ умиленіемъ и даже многіе изъявляли неудовольствіе противъ вождей отлучившихъ ихъ отъ Самозванца. Однакожъ Польскіе начальники успѣли удержать шляхту въ повиновеніи, но козаки, движимые корыстнымъ пристрастіемъ къ обманщику не послушались передавшагося Полякамъ главнаго вождя своего Заруцкаго и отправились, въ числѣ 3,000 изъ Тушина въ Калугу, подъ предводительствомъ вѣрныхъ клевретовъ Самозванца Князей Трубецкаго и Засѣкина. Заруцкій вооруженною рукою хотѣлъ остановить ихъ, но они сильно обороняясь, стали уже одолѣвать своего Атамана. Тогда Рожинскій подоспѣлъ на помощь Заруцкому и такъ стремительно ударилъ на козаковъ, что большая часть ихъ осталась на мѣстѣ. Только нѣсколькимъ сотнямъ удалось уйти, но и тѣ, встрѣченные на дорогѣ Паномъ Млоцкимъ, потерпѣли отъ него новое пораженіе.

Дневникъ Осады Смоленска.

Млоцкій не долго оставался въ Боровскѣ. Царь выслалъ противъ него еще 2,000 человѣкъ, съ которыми онъ вступилъ въ неудачный для себя бой. Отбитый, онъ удалился и расположилъ отрядъ свой въ окрестностяхъ Можайска. Самъ же отправился подъ Смоленскъ и былъ милостиво принятъ Королемъ, который пожаловалъ ему

коня и 1,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей).

Между тѣмъ осадныя работы подъ Смоленскомъ хотя приняли другой видъ, но не сближали осаждающихъ съ желаемою ими цѣлью. Безуспѣшность пушечной стрѣльбы, побудила ихъ прибѣгнуть къ подкопамъ но и тутъ или по неискуству подкопщиковъ или по причинѣ бдительности осажденныхъ въ устроеніи нужныхъ противуподкоповъ, было только напрасное потребленіе пороха. Хотя подземныя работы продолжались нѣсколько недѣль, но городская стѣна и башни остались невредимы. Наконецъ приближеніе весны остановило на время всѣ дѣйствія, и Король приказалъ даже свезть орудія съ шанцевъ, опасаясь, чтобы ихъ не снесло разлитіемъ воды.

Впрочемъ въ то время завоеваніе Смоленска не составляло исключительнаго предмета заботъ Сигизмунда. Не менѣе открытыхъ военныхъ дѣйствій занимали его переговоры и тайные происки, клонящіеся къ убѣжденію Россіянъ принять на царство сына его Владислава. Сношеніями Польскихъ Пословъ съ Тушинскими измѣнниками хотя уже проложенъ былъ путь къ сей цѣли, но коварные замыслы еще скрывались подъ общими выраженіями о принятіи предлагаемаго Королемъ покровительства, и ни одинъ изъ Русскихъ злодѣевъ не отваживался первый

поднять явно руку на присягу Государю иноземному и иновѣрному, опирающемуся на силахъ народа искони враждебнаго Россіи. Но Поляки отыскали еще безстыднѣйшихъ предателей въ ничтожномъ городѣ. Воеводы поставленные Самозванцемъ во Ржевѣ-Владиміровѣ, Князь Левъ Шаховскій и Гаврило Хрипуновъ, не отказались подать собою низкій примѣръ. Они уговоря бывшихъ при нихъ шестнадцать дѣтей боярскихъ, принудили Ржевскихъ жителей, цѣловать крестъ Королевичу Владиславу какъ будущему Государю Россійскому. Въ слѣдъ за симъ, Владиславъ былъ также провозглашенъ и въ близъ лежащемъ городѣ Зубцевѣ, тамошнимъ Самозванцевымъ Воеводою Княземъ Черкасскимъ.

Покорство сихъ двухъ городовъ, хотя малозначущихъ, было однакожъ важнымъ событіемъ. Предатели Россіи переступали за Рубиконъ. Королю не нужно уже было лицемѣрить и сношенія его съ прибывшими подъ Смоленскъ посланцами Русскихъ и Польскихъ Тушинцевъ приняли видъ болѣе положительный. Призваніе Владислава самими Русскими давало прочную основу его требованіямъ.

Посольство Русскихъ Тушинцевъ состояло изъ 42 особъ, кромѣ 212 человѣкъ прислуги. Въ ономъ имѣли мѣсто почти всѣ преступныя знаменитости измѣнническаго стана. Главное лице

представлялъ, столь безстыдно во всѣхъ случаяхъ посрамлявшій Боярскихъ санъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ. Достойными сопутниками его являлись, Разстригинъ Бояринъ, низкій палачь. Царя Ѳедора Борисовича, Князь Василій Михайловичь Мосальскій Рубецъ; такой же цареубійца, нѣкоторое время мечтавшій выдавать себя за Димитрія, Михайло Молчановъ; неудачный Московскій бунтовщикъ Тимофей Грязной; бывшій торгачь Московской гостиной сотни, условившійся уже съ Поляками губить свое отечество, Ѳедоръ Андроновъ; употребленный Разстригою въ важнѣйшихъ Государственныхъ дѣлахъ и не смотря на то передавшійся вовсе не похожему на Отрепьева Тушинскому вору, Думный дьякъ Иванъ Грамотинъ, и наконецъ долго пользовавшіеся довѣренностію втораго Самозванца опытные военачальники: сынъ Михайла Салтыкова Иванъ, Князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещѣевъ и Никита Вельяминовъ и безнравственные но умные дьяки: Иванъ Чичеринъ, Степанъ Соловецкій, Евдокимъ Витовтовъ Ѳедоръ Апраксинъ и Василій Юрьевъ.

Грамота Короля Сигизмунда къ Боярамъ управлявшимъ Государствомъ, изъ стана подъ Смоленскомъ отъ $^{11}/_{21}$ Сентября 1610.

Послы сіи встрѣченные въ Польскомъ станѣ съ великою почестію, были торжественно приняты Королемъ 21 Января 1610 года. Старый Салтыковъ въ пространной рѣчи благодарилъ Сигизмунда отъ лица Русскаго народа за пред-

Дневникъ Осады Смоленска.

лагаемое имъ покровительство. За нимъ сынъ его, свидѣтельствовалъ о готовности Патріарха Филарета и всего духовенства принять съ должною признательностію христіанское попеченіе Короля о возстановленіи спокойствія въ Московскомъ Государствѣ. Наконецъ Думный дьякъ Грамотинъ отъ имени Бояръ, Окольничихъ, Дворянъ, Думныхъ дьяковъ, Стольниковъ, Чашниковъ и всякаго званія людей объявилъ что единогласно желаютъ имѣть Царемъ на Москвѣ Королевича Владислава, съ тѣмъ чтобы Король обѣщалъ не касаться Греческой вѣры и не только не нарушать древнихъ правъ Русскаго народа, но даже даровать новыя дотолѣ въ Московскомъ Государствѣ не бывалыя вольности. Тоже повторилъ старый Салтыковъ, слезно умоляя Короля сохранить ненарушимо всѣ обряды Грекороссійской церкви. Въ заключеніе Послы просили немедленно назначить Сенаторовъ для переговоровъ съ ними и увѣряли, что имѣютъ полномочіе не только отъ Тушинскихъ, но даже и отъ столичныхъ Государственныхъ чиновъ.

Канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга отвѣчалъ имъ въ короткихъ словахъ, что Король милостиво принимаетъ изъявленіе ихъ преданности и что онъ охотно обѣщаетъ не тревожить Русскихъ въ исправленіи ихъ вѣры, предоставляя

впрочемъ обо всемъ подробно условиться, на общемъ совѣщаніи съ Сенаторами.

Въ тотъ же день Сигизмундъ принялъ и Посланцевъ отъ Польскаго войска служившаго Самозванцу. Хруслинскій отъ имени Тушинцевъ и Страбовскій отъ имени Сапѣгина Шляхетства, привѣтствовали Короля, увѣряли его въ вѣрноподданнической преданности Рыцарства и просили чтобы онъ милостиво наградилъ ихъ сослуживцевъ по мѣрѣ ихъ трудовъ и заслугъ. Кромѣ сихъ двухъ Пановъ, въ числѣ Посланцевъ находились Яйковскій, Войтковскій, Дворжицкій, Павловскій и Пепловскій. Они поднесли Сигизмунду письменно изложенныя требованія войска столь непомѣрныя, что трудно было ихъ согласовать съ покорными рѣчами Посланцевъ. Коронный Подканцлеръ Крыскій, въ данномъ имъ отвѣтѣ, сказалъ что Король съ удовольствіемъ принимаетъ ихъ подданническое привѣтствіе, а что въ разсужденіи требованій ихъ, Его Величество предоставляетъ себѣ дать справедливое рѣшеніе съ совѣта бывшихъ при немъ Сенаторовъ. Нарушевичь.

Въ слѣдующіе дни переговоры дѣятельно продолжались между Сенаторами и измѣнническими Послами, которые возобновили свою просьбу о Владиславѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Съ тѣхъ поръ какъ пресѣклось племя Великихъ Кня-*

зей нашихъ отъ Рюрика происходящихъ, единственнымъ желаніемъ нашимъ было, Россійскую державу вручить Царственному дому Польскаго Короля Сигизмунда. Въ семъ ссылаемся на свидѣтельство здѣсь предстоящаго маститаго старца Михайла Салтыкова, коему извѣстны всѣ Государственныя тайны. Препятствіями къ исполненію благаго намѣренія нашего были сперва жестокое тиранство Годунова, потомъ появленіе Димитрія, а наконецъ злодѣйство сопровождаемыя пролитіемъ крови Поляковъ, похищеніе престола Шуйскимъ и успѣхи Лжедимитрія къ коему мы пристали, не по убѣжденію въ правотѣ его дѣла, а только изъ ненависти къ Шуйскому. Прибытіе Короля оживило надежды наши; мы снесясь тайно съ знатнѣйшими изъ соотечественниковъ нашихъ въ столицѣ находящихся, которые столь же ненавидѣли Шуйскаго, сколько мы презирали обманщика Димитрія, давно бы мы повергли общія моленія наши къ стопамъ Королевскимъ, если бы тому не противились сами Поляки, Димитрію служившіе. Теперь же, когда Королевскіе Послы вразумили Тушинское войско, когда Патріарху и всѣмъ чинамъ извѣстно стало Королевское къ намъ благорасположеніе, мы смѣло и открыто приходимъ просить, чтобы Король, Его Милость, позволилъ намъ избрать на престолъ Московскій кого либо изъ его царственнаго рода. Какъ же Король, Его

Милость, уже царствуетъ надъ обширными областями для коихъ присутствіе его необходимо и какъ съ другой стороны невозможно Московскому Государству управляться Намѣстникомъ, то да соизволитъ Его Величество, даровать намъ сына своего Королевича Владислава. Народъ встрѣтитъ съ радостными восклицаніями желаемаго Монарха; крѣпости и города отворятъ ворота Государю своему; Патріархъ и все Духовенство провозгласятъ даннаго отъ Бога Великаго Князя. Только да не медлитъ Король! Да поспѣшитъ онъ къ столицѣ на помощь стоящему подъ оною войску, на которое наступаетъ Скопинъ съ значительными силами! Да огласитъ онъ себя главою нашего предпріятія, въ успокоеніе встревоженныхъ Россіянъ! Ободренные его присутствіемъ, поддерживаемые его силами, мы сами свергнемъ съ престола и умертвимъ ненавистнаго намъ Шуйскаго, какъ жертву обреченную на гибель. Когда же овладѣемъ Москвою и истребимъ Шуйскаго, то послѣдуя примѣру первопрестольнаго города покорятся всѣ прочія крѣпости и цѣлое Государство, не исключая и самаго Смоленска на завоеваніе коего уже употреблено столько усилій.

Сенаторы съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушали рѣчи сіи и полагая обрадовать Короля, поспѣшили довесть до свѣдѣнія его о предположеніяхъ долженствующихъ, по мнѣнію ихъ,

на долгое время обезпечить спокойствіе и выгоды обѣихъ сосѣдственныхъ Державъ. Къ удивленію ихъ Король принялъ донесеніе ихъ съ холодностію и отозвался двусмысленно.

Сигизмундъ лукавствовалъ. Внушенія сдѣланныя по приказанію его Русскимъ Тушинцамъ о призваніи на Царскій престолъ Королевича, имѣли только цѣлію ознакомить общее мнѣніе въ Россіи съ мыслею, покориться иноплеменнику. Въ самомъ же дѣлѣ онъ прочилъ Россію не сыну, а самому себѣ. Съ одной стороны пріобрѣтеніе необозримыхъ областей льстило его тщеславію, а съ другой по ревности своей къ Папежству, онъ опасался, чтобы Владиславъ, какъ отдѣльный Государь, не сдѣлался истинно Русскимъ и не сталъ противиться распространенію въ Россіи Езуитскаго лжевѣрія. Впрочемъ Король понималъ, что благоразуміе требовало отъ него не оглашать преждевременно настоящихъ своихъ видовъ, и потому онъ рѣшился, не отвергая совершенно предложенія о избраніи Владислава, не принимать однакожъ на себя никакого положительнаго обязательства по сему предмету. Въ такомъ смыслѣ онъ приказалъ дать Русскимъ переговорщикамъ слѣдующій отвѣтъ: *Его Королевское Величество принимаетъ отъ всей души, увѣренія въ благорасположеніи къ нему и къ его дому, Московскихъ чиновъ, и еще разъ повто-*

рлетъ, что хотя, будучи сильно обиженъ Шуйскимъ, онъ вступилъ въ Россію вооруженною рукою, но не изъ мщенія и не для завоеванія Московскаго Государства, а напротивъ того для успокоенія онаго и дабы прекратить пролитіе Христіанской крови. Что же касается до пылкаго желанія Государственныхъ чиновъ посадить на Московскій престолъ Королевича Владислава, то если на сіе будетъ соизволеніе Всевышняго, если народъ Русской единодушно одобритъ сей выборъ и если грозныя тучи, висящія надъ Государствомъ, разсѣются и снова возсіяютъ тихіе дни, тогда Король Его Милость охотно удовлетворитъ желанію Московскаго народа. Въ разсужденіи же требованія поспѣшать къ Москвѣ, Его Королевское Величество ожидаетъ только, чтобы Рыцарство, еще совершенно не отказавшееся отъ службы Самозванцу, пришло въ должное повиновеніе и соединилось съ Королевскимъ войскомъ. Когда (съ волею Божіею) сіе совершится, то первымъ стараніемъ Его Королевскаго Величества будетъ пещись о избавленіи и успокоеніи столь долго и жестоко томившейся столицы.

Если бы Послы мятежническаго войска, были движимы истинною любовію къ отечеству, они заключили бы изъ темныхъ и неопредительныхъ выраженій Сигизмунда, что онъ лицемѣритъ, и поспѣшили бы прервать переговоры, не объ-

щающіе ничего удовлетворительнаго для чести и пользы Россіи. Но большая часть изъ нихъ, уже совершенно закупленная Поляками, не гнушалась быть орудіями обмана. Они увлекли за собою и прочихъ, и согласили ихъ, не смотря на увертливость Королевскаго отвѣта, приступить немедленно къ постановленію условій, на коихъ Владиславъ долженъ былъ принять Московскую Державу.

Пренія о семъ предметѣ продолжались около двухъ недѣль. Польскіе историки съ удивленіемъ замѣчаютъ, что Послы мало заботились о правахъ и вольностяхъ Государственныхъ, а настаивали только о неприкосновенности Греческой вѣры и ея обрядовъ, и о сохраненіи велелѣпія церквей и монастырей. Но послы были люди умные, хотя и коварные; они хорошо знали духъ своего народа и, искренно желая упрочить надъ несчастною Россіею Польское владычество, отъ коего ожидали величайшихъ для себя выгодъ, они старались удовлетворить по возможности дѣйствительнымъ потребностямъ своего отечества. Что касается до гражданскихъ правъ, они могли совершенно ввѣриться Полякамъ, которые по свойственной имъ наклонности къ чрезмѣрной свободѣ готовы были умножить вольности ихъ даже болѣе, чѣмъ для сохраненія Государственнаго устройства они могли желать.

Но въ дѣлахъ, относящихся до вѣры, имъ предстояло бороться съ вреднымъ вліяніемъ Езуитовъ надъ изувѣрнымъ Сигизмундомъ. Такъ на примѣръ долго они домогались, чтобы Король позволилъ Владиславу принять Царскій вѣнецъ, по древнему обычаю отъ руки Патріарха. Убѣждаясь въ необходимости сего обряда для ослѣпленія Русскихъ, они твердили, что безъ сего начала ни къ чему не возможно приступить. Наконецъ Сигизмундъ уступилъ, и 4-го Февраля подписалъ запись, въ первой статьѣ, которой онъ соглашался, чтобы Патріархъ вѣнчалъ на Царство Владислава, но и тутъ Езуитское пронырство ознаменовалось условною прибавкою, по силѣ коей сіе дѣйствіе отсрочивалось до совершеннаго успокоенія Московскаго Государства. Прочія статьи сей записи, писанной бѣлорусскимъ нарѣчіемъ и весьма важной, ибо она служила основаніемъ многимъ послѣдующимъ договорамъ Сигизмунда съ Русскими, относились къ охраненію Россійской церкви, учрежденію внутренняго устройства и опредѣленію отношеній Россіи къ Польшѣ.

Король обѣщался за себя и за сына не отводить никого отъ Греческой вѣры, чтить Патріарха и Духовенство, и оставить за церквами и монастырями принадлежащія имъ имѣнія. Сигизмундъ требовалъ только, въ противность прежнимъ обычаямъ, допущенія имѣть въ Москвѣ

одинъ Римскій костелъ для пребывающихъ тамъ Паляковъ.

Что касается до внутренняго устройства, будущій Царь обязывался, оставить Бояръ и приказныхъ и служивыхъ людей при прежнихъ окладахъ и почестяхъ; ни у кого самовольно не отнимать помѣстей и вотчинъ; ни кого не наказывать безъ приговора Бояръ и Думныхъ людей; не отбирать въ казну имѣній у невинныхъ женъ и дѣтей преступниковъ и не вводить никакихъ новыхъ пошлинъ и поборовъ, безъ согласія Боярской Думы. Судебникъ и существующія постановленія должны также были оставаться въ своей силѣ и право перемѣнять или добавлять законы, предоставлялось только Боярамъ обще съ Земскою Думою. Русскимъ дозволялось по желанію ихъ ѣздить *для науки* въ Иностранныя Христіанскія Государства. Кромѣ того было положено не возстановлять права перехода для крестьянъ и не давать свободы холопямъ. Весьма замѣчательно, что то и другое признавалось необходимымъ для обузданія народнаго буйства и для водворенія въ Государствѣ желаемаго устройства и прочной тишины. Всѣ тѣ, въ руки коихъ по тогдашнимъ переворотамъ переходила верховная власть, были одинаковаго мнѣнія по сему предмету; даже и сами Тушинскіе Послы, хотя долгое время принадлежавшіе къ холопьей

сторонѣ, убѣждены были въ сей истинѣ и должны были сознаться передъ Королемъ, что безъ утвержденія крѣпостнаго права господъ и помѣщиковъ, не было никакого средства управлять Россіею.

Наконецъ въ разсужденіи отношеній Россіи къ Польшѣ, постановлялся оборонительный союзъ между обѣими Государствами, противъ всякаго непріятеля, могущаго учинить нападеніе на одно изъ нихъ. Въ особенности предполагалось общими силами охранять предѣлы обоихъ Государствъ противъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ. Купцамъ Польскимъ въ Россіи и Русскимъ въ Польшѣ, предоставлялось свободно торговать и провозить товары свои, безъ всякаго возвышенія дотолѣ взимаемой пошлины. Впрочемъ Король ручался, что никто изъ Русскихъ по неволѣ въ Польшу отсылаемъ не будетъ, что всѣ Русскіе плѣнные, отправленные по случаю войны за Польской рубежъ, будутъ возвращены на родину, и что никто изъ Поляковъ не будетъ назначаемъ ни на воеводство, ни на какое другое правительственное мѣсто, какъ въ Москвѣ, такъ и въ прочихъ городахъ, кромѣ пограничныхъ, гдѣ до окончанія смутъ могли оставаться Польскіе начальники. (*).

(*) Смотри Приложенія № III.

Должно признаться, что если бы намѣреніе Сигизмунда было добросовѣстно исполнить сіи условія, то святая Русь, могла бы сохранить свою народность и при воцареніи Государя иноплеменнаго. Но Король хотѣлъ только приманить къ себѣ Русскихъ и присвоить ихъ себѣ такъ сказать украдкою. Для сего онъ велѣлъ объявить Посламъ, что, удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ Русскихъ, онъ взаимно ожидаетъ отъ нихъ, что они не откажутся повиноваться ему, до прибытія Владислава. Король тѣмъ болѣе настаивалъ на семъ, что надѣялся при удобныхъ обстоятельствахъ обратить безъ труда временное владычество свое въ постоянное. Измѣнники Послы, не приняли въ соображеніе, что не только время прибытія Владислава не было опредѣлено, но что даже Сигизмундъ не давалъ рѣшительнаго обѣщанія на отпускъ сына своего въ Москву. Имѣя единственно въ виду угодить Королю, они приняли запись его съ радостными слезами и немедленно дали слѣдующую присягу: *Я* (имя рекъ) *цѣлую святый животворящій Крестъ Государю своему Царю и Великому Князю Владиславу Жигмонтовичу всея Россіи, натомъ, что мнѣ ему Государю своему, служить и прямить вѣрно и правдиво, и во всемъ добра хотѣть, а къ Шуйскому и къ тому Вору, который называется Царевичемъ Димитріемъ не*

приставать и иного никого Государя на Московское Государство не хотѣть, кромѣ Государя нашего Царя и Великаго Князя Владислава Жигмонтовича, а пока Богъ намъ дастъ его Государя на Московское Государство, буду служить и прямить и во всемъ добра хотѣть его Государскому отцу, нынѣшнему Наияснѣйшему Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Жигмонту Ивановичу и проч. Такъ нагло представители мятежническаго скопища предавали отечество, въ руки врага, пренебрегающаго даже таить свое коварство. Король, подписавшій запись 4 Февраля, уже 2 Марта окружною грамотою извѣщалъ въ Польшѣ оставшихся Сенаторовъ, что имѣя надежду всю Россію поработить Польшѣ, онъ уклонился отъ принятія на себя прямаго обязательства споспѣшествовать возведенію Владислава на Царскій престолъ (*).

Польскіе Тушинцы оказывались не столь сговорчивыми, какъ Русскіе товарищи ихъ. Переговоры съ ними не только не подвигались впередъ, но напротивъ, принимали обратное направленіе. Въ представленныхъ ими въ письменныхъ требованіяхъ, возобновлялись первоначальныя домогательства, уже устраненныя въ Кобѣржицкій.

(*) Смотри приложенія № IV.

Тушинѣ Королевскими Послами. Они желали, чтобы Король удѣлилъ Маринѣ нѣсколько городовъ и волостей изъ областей, назначенныхъ ей подвѣнечною записью, а самаго Димитрія наградилъ особеннымъ знатнымъ Княжествомъ; чтобы онъ подтвердилъ выданныя отъ Самозванца грамоты на сборъ Жолнеровъ, и не лишалъ ихъ ни опредѣленнаго въ нихъ жалованья, ни наградъ, обѣщанныхъ имъ Лжедимитріемъ, въ уваженіе ихъ подвиговъ и трудовъ; чтобы плата сія была обезпечена казною и сокровищами Московскими, съ обращеніемъ въ оную всѣхъ могущихъ поступить въ руки Короля таможенныхъ сборовъ и другихъ Государственныхъ доходовъ, а еслибы по случайностямъ войны сего исполнить было не можно, то Король вознаградилъ бы ихъ за потерю заслуженой платы и ожидаемаго награжденія, двумя четвертями жалованья, обезпечивъ выдачу онаго имѣніями и старостами, именуемыми экономическими; чтобы выдать имъ не въ зачетъ службы одну четверть жалованья, нужную имъ для снаряженія себя всѣмъ необходимымъ къ продолженію похода; чтобы съ праздника Рождества 1609 года жалованье имъ шло на равнѣ съ прочими Королевскими полками; на конецъ, чтобы Король, изъ собственныхъ своихъ денегъ, вознаградилъ Самозванцевыхъ начальниковъ за поне-

сеппые ими убытки при сборѣ полковъ и проводѣ ихъ къ Москвѣ.

Напрасно Королевскіе Совѣтники представляли войсковымъ Посланцамъ, о необходимости умѣрить столь нелѣпыя требованія. Посланцы отвѣчали, что не имѣютъ на сіе никакого полномочія; когда же они узнали, что Русскіе Послы уже постановили свой договоръ, то гнѣвно приступили къ нимъ, выговаривая за чѣмъ они отдѣлились отъ нихъ вопреки даннаго въ станѣ обѣщанія стоять всѣмъ Тушинцамъ за одно. Устрашенные ихъ угрозами, Послы взялись ходатайствовать за нихъ у Сенаторовъ. Но просьба ихъ была уважена только въ томъ отношеніи, что Король согласился не раздражать Тушинскаго Рыцарства строгимъ и рѣшительнымъ отказомъ, и приказалъ Канцлеру дать его Посланцамъ слѣдующій отвѣтъ: *Его Королевское Величество при постановленіи договора съ Московскимъ народомъ не упустить прилично обезпечить участь Марины; что же касается до мнимаго Димитрія, то хотя онъ самъ по себѣ не заслуживаетъ ни милости ни довѣрія, но изъ уваженія къ предстательству Рыцарства, и ему будетъ назначено приличное его сану содержаніе, лишъ бы только Рыцарство оставалось въ предѣлахъ умѣренности и не предпринимало ничего предосудительнаго пользамъ рѣчи Посполитой, и лишъ бы самъ Димитрій жилъ смир-*

Дневникъ Осады Смоленска.

Кобѣржицкій.

но, уклоняясь отъ всякихъ происковъ и мечтаній о своемъ воцареніи. — Природные Поляки должны хорошо знать законы своей земли, воспрещающіе Королю, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ обременять запрещеніями Коронныя имѣнія и маетности. Къ тому же, какой поводъ и какое право, имѣютъ домогаться отъ Короля столькихъ милліоновъ люди, служившіе въ чужей землѣ, чужему человѣку, безъ вѣдома рѣчи Посполитой, безъ пользы для нея, и въ дѣлѣ, не только не очевидно правомъ, но даже весьма сомнительномъ. Король самъ не нарушитъ закона, однакожъ не станетъ противиться тому, что будетъ признано справедливымъ Государственными чинами на Сеймѣ. Что касается до жалованья и наградъ, то Его Королевское Величество удостовѣряетъ вѣрное Рыцарство свое, что когда прекратиться безначаліе въ Московскихъ областяхъ и подати начнутъ вноситься исправно, то будетъ каждому заплачено все, что слѣдуетъ по сущей справедливости, а если бы и за покореніемъ и успокоеніемъ Московскаго Государства, Король учинить того не могъ, то тогда плодородныя и богатыя области Сѣверская и Рязанская будутъ отданы войску, для выбранія съ нихъ причитающагося ему жалованья, сообразно договору заключенному имъ съ Димитріемъ. — Въ разсуденіи же немедленной выдачи одной четверти жалованья не въ зачетъ: то должно сказать, что

пріятно было бы Королю, излить щедроты свои на заслуженныхъ подданныхъ, но онъ не въ состояніи сего сдѣлать по причинѣ скудости казны своей, истощенный многими войнами. Впрочемъ Его Величество обѣщаетъ сдѣлать войску нѣкоторое вспоможеніе, частію деньгами, а частію оружіемъ и воинскими снарядами. Вскорѣ Король пошлетъ къ войску съ сими дарами Яна Потоцкаго, Воеводу Брацлавскаго, который окончательно уговорится съ вами объ вашихъ требованіяхъ. Оставте ваши несправедливыя домогательства, ваше нетерпѣніе и вашу недовѣрчивость. Привлеченные обѣщаніями человѣка неизвѣстнаго, вы оказывали ему рабскую терпѣливость; какъ же вамъ поступать иначе съ Королемъ Государемъ вашимъ, который ищетъ одной славы, благоденствіемъ Поляковъ заслужить себѣ имя въ потомствѣ, и который уважая прежніе труды ваши наградитъ васъ за нихъ и не замедлитъ поставишь васъ навсегда въ безнуждное состояніе.

Отпущенные съ симъ отвѣтомъ, Хруслинскій и его товарищи не могли быть довольными, Они знали, что отправившая ихъ Шляхта жаждаетъ денегъ и ни во что сочтетъ обѣщанія отдаленныя и неопредѣленныя.

Русскіе Послы также оставили Королевскій станъ, 19 Февраля, получивъ передъ отъѣздомъ своимъ обнадеженіе, что въ слѣдъ за ними посланъ будетъ Воевода Брацлавскій съ достаточ- Дневникъ Осады Смоленска.

нымъ войскомъ для подапія надлежащей помощи Тушинцамъ.

Между тѣмъ какъ подъ Смоленскомъ, Король устроивалъ ковы свои на порабощеніе Россіи, Князь Скопинъ не переставалъ трудиться о ея избавленіи, не смотря на ухищреніе клеветниковъ, силившихся очернить его въ глазахъ Царя. Для начатія наступательныхъ дѣйствій, Русскій Стратигъ ожидалъ только обѣщаннаго отряда изъ Швеціи. Надежда его на полученіе сего подкрѣпленія едва не рушилась отъ непредвидимаго обстоятельства. Указъ Царскій о сдачѣ Корелы Шведамъ не исполнялся. Корельскій Епископъ Сильвестръ, движимый рвеніемъ къ православію и отечеству, гнушался передачею паствы своей въ руки иновѣрныхъ чужеземцевъ Воспламененные его поученіями жители города и уѣзда заперлись въ крѣпости, не впустили къ себѣ посланныхъ отъ Скопина чиновниковъ, и съ твердостію объявили, что не почитаютъ себя обязанными слушаться и самаго Царя, когда онъ отчуждаетъ землю ихъ отъ Россіи. Шведы, подозрѣвая что Корельцы дѣйствуютъ по тайному соглашенію съ Царемъ, сильно вознегодовали и остановили войска, уже отправленныя къ Делагардію изъ Нарвы и изъ Выборга. Но Князь Михайло Васильевичь успѣлъ увѣрить Делагардія, что Русское Правительство вовсе не

Далинъ.

причастно сопротивленію Корельцевъ и согласилъ его постановить новый договоръ, по коему Шведской Начальникъ обязался послать повелѣніе остановленному четырехтысячному отряду, немедленно идти къ нему на соединеніе, а Скопинъ отъ имени Царя, обѣщался выдавать сему новому войску, туже плату какая постановлена была для вспомогательныхъ воиновъ, въ Новѣгородѣ, на первомъ совѣщаніи Князя съ Монзомъ Мартенсономъ; кромѣ того, и независимо отъ подтверждаемой уступки Корелы, Россія по окончаніи войны, должна была вознаградить сполна Короля за понесенные имъ убытки новымъ пожертвованіемъ нѣкоторой части своихъ владѣній (*) Сколь ни тягостны были сіи условія, Царь поспѣшилъ подтвердить договоръ, своимъ одобреніемъ (**).

Делагарди сдержалъ свое слово: обѣщанный Шведскій отрядъ, направился къ Александровской слободѣ, но хотя онъ шелъ безостановочно, ему предстоялъ еще долгій путь. Осторожный Скопинъ не хотѣлъ безъ сего отряда предпринимать ничего рѣшительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая терять времени въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ обратился къ частнымъ поискамъ.

(*) Смотри Приложенія № V.
(**) Смотри Приложенія № VI.

Въ особенности ему казалось полезнымъ очистить тылъ свой, вытѣснивъ Лисовскаго изъ Суздаля. Исполненіе сего предпріятія онъ поручилъ Боярину Князю Лыкову и Князю Якову Борятинскому, которые съ значительнымъ отрядомъ Русскихъ и Шведскихъ воиновъ подступили ночью къ Суздалю въ намѣреніи овладѣть городомъ въ расплохъ. Имъ удалось уже ворваться въ посадъ, но не легко было побѣдить отважнаго Лисовскаго. Услышавъ шумъ онъ высыпалъ со всѣми своими людьми на нападающихъ и отбилъ ихъ. Темнота ночи способствовала отступленію Лыкова и Борятинскаго и спасла ихъ отъ совершеннаго пораженія.

Никоновская лѣтопись.

Неудача сія нѣсколько вознаградилась лучшимъ успѣхомъ другаго поиска. Для развѣданія о настоящихъ силахъ непріятеля подъ Троицею и для обнадеженія храбрыхъ иноковъ въ скоромъ избавленіи, Скопинъ послалъ въ обитель, Григорья Валуева съ 500 воиновъ. Валуевъ безпрепятственно вступилъ въ монастырь въ ночи съ 4 на 5 Января и на разсвѣтѣ сдѣлалъ сильную вылазку въ соединеніи съ Жеребцевымъ и съ старыми Троицкими *сидѣльцами*. Польскія заставы были опрокинуты и втоптаны въ непріятельскій станъ, откуда Сапѣга вышелъ со всѣми полками своими. Упорный бой завязался на Волкушѣ горѣ, у Келарева пруда, на Клементьев-

Палицынъ.

скомъ полѣ и на Красной горѣ. Русскіе Воеводы, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, не дали себя разбить и возвратились въ монастырь съ малымъ урономъ, въ сравненіи съ претерпѣннымъ Поляками. Валуевъ извѣдавъ на опытѣ безсиліе осаждающихъ, не почелъ нужнымъ долѣе оставаться въ обители, и 6 числа выступилъ обратно по дорогѣ къ Александровой слободѣ.

Между тѣмъ печальная дума томила душу Сапѣги. Грустно было надмѣнному Пану, отступить не взявъ монастыря послѣ столь долгаго стоянія подъ онымъ, но онъ уже не могъ имѣть ни малѣйшей надежды на покореніе осажденныхъ. Считая поискъ Валуева предзнаменованіемъ близкаго наступленія Князя Скопина, онъ долженъ былъ сознаться, что войско его, ослабленное понесеннымъ урономъ и изнуренное трудами долговременной осады, не въ состояніи было продолжать обложеніе монастыря и въ то же время отбиваться отъ Скопина. У Сапѣги подъ ружьемъ оставалось уже не болѣе четырехъ тысячь Поляковъ. Воинская опытность его указывала ему, что въ сихъ обстоятельствахъ безумно было бы упорствовать въ предпріятіи, подвергающемъ его опасностямъ безъ всякаго вѣроятія въ успѣхѣ. Послѣ нѣсколькодневныхъ колебаній, еще внушаемыхъ ему врожденною въ

Дневникъ Осады Смоленска.

немъ кичливостію, благоразуміе наконецъ одержало верхъ. 12 Января онъ снялъ осаду монастыря и отступилъ въ Дмитровъ.

Палицынъ.

Такимъ образомъ совершилось избавленіе, геройской Лавры, коей сопротивленіе останется на вѣчныя времена въ лѣтописяхъ нашихъ славнымъ Памятникомъ торжества вѣры и любви къ отечесcву. Неустрашимые защитники ея, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ перенесшіе тяжкія бѣдствія, коимъ подвергались въ теченіи осады продолжавшейся годъ и 110 дней, не вдругъ убѣдились въ спасеніи своемъ. Они думали, что Сапѣга удалился на какой либо поискъ и опасались еще возвращенія его. Въ семъ томительномъ ожиданіи они провели цѣлую недѣлю и только 20 Января ободрились и послали въ Москву старца Макарія, съ святою водою и съ донесеніемъ Царю о конечномъ освобожденіи святой обители.

Нельзя не удивляться обилію хлѣбныхъ запасовъ, заготовленныхъ предусмотрительностію Архимандрита Іоасафа. Во все время столь продолжительнаго облежанія никто не нуждался въ пропитаніи. Правда послѣ отхода Сапѣги нашлось въ житницахъ только десять четвертей муки и пятьдесять четвертей сухарей, но оставалось еще значительное количество овса, которымъ по нуждѣ могли бы довольствоваться и люди

въ случаѣ дальнѣйшаго продолженія осады.

Сапѣга отступилъ во время. Ожидаемое Княземъ Скопинымъ изъ Швеціи подкрѣпленіе прибыло въ Александрову слободу 17 Января, въ числѣ 3,000 человѣкъ. Князь, видя снова подъ начальствомъ Делагардія до 5,000 Иноземцевъ, не усумнился начать наступательныя дѣйствія. Самъ онъ съ главнымъ войскомъ направился къ Троицкому монастырю, а Князю Ивану Андреевичу Хованскому приказалъ слѣдовать съ 4,500 воиновъ къ Ростову, Кашину, Твери и Старицѣ, на встрѣчу къ новому Шведскому отряду, идущему изъ Выборга подъ предводительствомъ Эверта Горна, въ соединеніи съ коимъ онъ долженъ былъ тревожить сообщеніе Тушинскаго стана съ войскомъ Сигизмунда находящимся подъ Смоленскомъ.

Далинъ.

Кобѣржицкій.

Скопинъ прибылъ въ Троицу 28 Января и ликовалъ съ знаменитымъ Архимандритомъ и ратоборными иноками, которыхъ изъ 300, бывшихъ на лице при началѣ осады, оставалось въ живыхъ только шесть. Какъ глубокія снѣгя, затруднявшіе сообщенія, препятствовали рѣшительному ходу военныхъ дѣйствій, то Князь Михайло Васильевичь принялъ намѣреніе остановиться въ Шапиловѣ, въ осьми верстахъ отъ лавры, по Дмитровской дорогѣ. Но дабы не отступать отъ принятаго имъ правила не иначе передвигать

Никоновская лѣтопись, Видекиндъ и Палицынъ.

Дневникъ Сапѣги.

главныя силы свои, какъ подъ покровительствомъ укрѣпленій, заранѣе занятыхъ, онъ до перехода въ Шепилово приказалъ поставить тамъ острогъ. Сапѣга хотѣлъ было воспрепятствовать сей работѣ, и 5 Февраля подступилъ подъ Шапилово съ 1,000 человѣкъ Польской конницы, но не смотря на увѣщанія его, Шляхтичи отказались отъ нападенія и заставили его возвратиться въ Дмитровъ.

По окончаніи постройки острога, Скопинъ сталъ въ Шапиловѣ, и выслалъ мѣлкія отряды по разнымъ направленіямъ, для утѣсненія непріятеля и захваченія его кормовщиковъ. Продовольствіе сдѣлалось столь затруднительнымъ для Сапѣги въ окрестностяхъ Дмитрова, что онъ принужденъ былъ отправить большую часть своихъ людей за Волгу для отысканія съѣстныхъ припасовъ. Когда такимъ образомъ всѣ старанія Сапѣги устремлялись къ доставленію войску своему возможности удержаться въ Дмитровѣ, неожиданное прибытіе туда Марины, умножило его заботы.

Злонравная Полька съ прискорбіемъ видѣла, что происки ея, хотя мутили Тушинскій станъ, но не могли подвигнуть Шляхту къ явному бунту. Въ досадѣ и нетерпѣніи снова играть роль Царицы, она рѣшилась тайно оставить Тушино и ѣхать къ Лжедимитрію. Къ отъѣзду сему по-

буждало ее еще и опасеніе быть выданною Королю. Въ ночи съ 13 на 14 Февраля, не смотря на сильный морозъ, она переодѣтая въ гусарское платье, сѣла на коня и въ сопровожденіи только казака Бурбы и двухъ служанокъ, пустилась въ путь съ намѣреніемъ пробраться въ Калугу, но сбилась съ дороги и 16 числа прибыла въ Дмитровъ. На другой день Сапѣга получилъ донесеніе о приближеніи Царскихъ Воеводъ съ значительными силами; встревоженный симъ извѣстіемъ онъ представилъ Маринѣ, что ей не безопасно оставаться въ Дмитровѣ и убѣдилъ ее ѣхать въ Калугу. Для охраненія ея онъ отправилъ съ нею 50 козаковъ и случайно находящихся при немъ нѣсколькихъ Нѣмцевъ.

Письмо Князя Рожинскаго къ Королю Сигизмунду, изъ Тушина отъ $^{17}/_{27}$ Января 1610.

Дневникъ Сапѣги.

Беръ.

Въ самомъ дѣлѣ Князь Скопинъ намѣревался уже снова дѣйствовать наступательно, и выслалъ изъ Шапилова къ Дмитрову Боярина Князя Куракина съ передовымъ полкомъ, при коемъ находились Делагардіевы Шведы и пѣшіе люди Воеводы Валуева. Куракинъ, подступя подъ Дмитровъ 17 Февраля ввечеру, немедленно занялся устроеніемъ острога въ верстѣ отъ города. На другой день происходила неважная сшибка, на которой Сапѣга убѣдился, что Куракинъ привелъ съ собою до 12,000 воиновъ; противъ столь многочисленнаго войска не легко было

Разряды.

Дневникъ Сапѣги.

Виденкипд. сму удержаться съ 1,500 человѣкъ, остававшихся при немъ, за отряженіемъ большой части его воиновъ на отысканіе съѣстныхъ припасовъ. Но съ другой стороны, немедленнымъ отступленіемъ отъ Дмитрова онъ подвергъ бы многочисленныхъ кормовщиковъ своихъ опасности быть отрѣзанными. По необходимости оставаясь въ Дмитровѣ, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ не иначе принять сраженіе, какъ подъ прикрытіемъ городскихъ укрѣпленій, обороною коихъ онъ намѣревался ограничить свои дѣйствія. Но своевольная Шляхта, не внявъ благоразумнымъ представленіямъ, не захотѣла оставаться въ городѣ подъ предлогомъ, что ей не свойственно сражаться изъ за окоповъ и непремѣнно требовала, чтобы ее вывели въ поле, обѣщая впрочемъ не отдаляться отъ города и только отстаивать Донскихъ Козаковъ, коихъ таборъ находился подъ пушечнымъ выстрѣломъ города. Сапѣга, не видя возможности удержать воиновъ своихъ, принужденъ былъ 19 числа, выступить съ ними къ Казачьему табору. Тутъ встрѣтили они отрядъ Князя Куракина въ столь превосходныхъ силахъ, что не смотря на свою опрометчивость, не посмѣли вступить въ бой и возвратились въ городъ, но не безъ урона. Куракинъ, минуя Казачій таборъ, живо преслѣдовалъ ихъ до самыхъ воротъ Дмитрова, а потомъ обратился на

Козаковъ и овладѣлъ ихъ таборомъ, гдѣ Царское войско получило богатую добычу.

На другой день Куракинъ располагался штурмовать Дмитровъ. Гибель Сапѣги казалась неминуемою. Но бывшіе при Куракинѣ Шведы отказались содѣйствовать ему, возвратились къ Троицѣ, и тѣмъ навлекли на себя подозрѣніе, что потворствуютъ непріятелю, хотя кажется вѣроятнѣе, что причиною уклоненія ихъ отъ штурма была не измѣна, а естественное для вспомогательнаго войска желаніе, избѣгнуть опасностей кроваго дѣйствія; ибо можно было предвидѣть, что Сапѣга будетъ защищаться отчаянно. Куракинъ, разстроенный отступленіемъ Шведовъ, отложилъ нападеніе. Степенная книга.

Нѣсколько дней спустя Сапѣгины кормовщики возвратились въ Дмитровъ, и потому для Польскаго вождя не было болѣе причины оставаться въ семъ городѣ. Онъ поспѣшилъ отойти къ Іосифову монастырю; но при отступленіи онъ зажегъ Дмитровъ и разорвалъ орудія, которыхъ не могъ увесть съ собою. Лыжники преслѣдовали его и отбили у него на дорогѣ 12 пушекъ. Намѣреніе Сапѣги было ждать повелѣній Короля, но Шляхта его взбунтовалась и послала отъ себя къ Самозванцу съ предложеніемъ снова вступить въ его службу, съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ ей тотъ часъ же жалованья за одну треть, по 50 Дневникъ Сапѣги. Беръ. Видекиндъ. Дневникъ Осады Смоленска.

злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) на человѣка, чтобы и за будущія заслуженыя трети платилъ чистыми деньгами и наконецъ, чтобы онъ избѣгалъ всемѣрно ссоры съ Королемъ. Сапѣга, оставя войско свое въ Іосифовѣ, самъ отправился къ Королю подъ Смоленскъ, для совѣщанія.

Отголосокъ неудачи Поляковъ и разстройства дѣлъ Лжедимитрія, раздался даже и въ отдаленномъ отъ круга дѣйствій подъ Москвою, городѣ Псковѣ. Около половины Февраля, два человѣка прибывшіе туда на лыжахъ, принесли изъ Порхова грамоту, въ которой извѣщали Псковитянъ о разсѣяніи Тушинскаго стана. Хотя извѣстіе сіе было преждевременное, но такъ, какъ оно согласовалось съ ожиданіями, возбужденными общимъ ходомъ дѣлъ, имянитые люди не усумнились дать вѣру писанному къ нимъ, и въ порывѣ радости своей возмечтали, что наконецъ, настало для нихъ удобное время свергнуть постыдное иго Самозванца, коему они доселѣ подчинялись единственно въ угодность застращавшей ихъ черни. По мановенію ихъ дѣти Боярскіе, гости и монастырскіе слуги со всѣми домашними своими стеклись въ Кремль вооруженные и на коняхъ, и въ Троицкомъ соборѣ, снова провозгласили Царя Василья, при колокольномъ звонѣ. Но простолюдины, еще крѣпко державшіеся холопь-

Псковская лѣтопись.

ей стороны, не расположены были уступить безпрекословно влiянiю большихъ людей. Первое сопротивленiе оказалось на *Запсковьи*, гдѣ народъ взволновался и ударилъ въ набатъ въ церкви Козьмы и Дамiяна. Естественнымъ слѣдствiемъ возстанiя черни противъ именитыхъ людей, было сближенiе ея съ стрѣльцами, за полгода предъ тѣмъ изгнанными изъ города. Именитые люди съ своей стороны знали, что имъ не управиться съ чернью, если Стрѣльцы будутъ снова впущены въ городъ, и въ предупрежденiе сего приказали запереть ворота, ведущiе къ Великой рѣкѣ и открыть огонь съ Покровской башни по Мирожской Стрѣлецкой слободѣ. Принявъ сiи мѣры предосторожности противъ Стрѣльцевъ, они намѣревались итти изъ Кремля на усмиренiе Запсковья, но Запсковляне успѣли удержать ихъ стремленiе, поставивъ малую пушку на Звапицѣ противъ Рыбинскихъ воротъ, чрезъ которые имъ надлежало проходить. Между тѣмъ примѣръ данной Запсковлянами нашелъ послѣдователей и на другомъ концѣ города. На Полонищи посадскiе также возмутились и не дозволяли стрѣлять съ Покровской башни, по Мирожской слободѣ. Тогда именитые люди, не надѣясь болѣе одолѣть возрастающiй мятежъ, обратились къ переговорамъ. Они обѣщали посадскимъ жить по прежнему въ подданствѣ Ждеди-

митрія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Стрѣльцевъ не впущать въ городъ. Но высшія сословія уже утратили безвозвратно довѣренность посадскихъ, которые укорительно отвѣчали: *Намъ де Стрѣльцы не измѣнники; почто вы ихъ въ городъ не пущаете?* Дѣйствія согласовались съ рѣчами. Полонищанскіе посадскіе взломали замокъ у Взвозскихъ воротъ и впустили Стрѣльцевъ. Именитые люди, видя свое безсиліе и совершенную невозможность удержать власть свою надъ городомъ, принуждены уже были мыслить о личной своей безопасности. Воевода Князь Александръ Засѣкинъ и съ нимъ до 300 дѣтей Боярскихъ, гостей и монастырскихъ людей, выбѣжали изъ города во Власьевскіе ворота и Великою рѣкою пробрались на Снятую гору, откуда иные отправились въ Новгородъ, а другіе въ Печоры. Оставшіеся же въ городѣ именитые люди укрылись въ домахъ своихъ. Ихъ не безпокоили ни въ чемъ и не тронули имѣнія ни ихъ, ни даже ушедшихъ въ Печоры. Овладѣвшая городомъ чернь, желая удалить опасеніе, что можетъ слѣдовать примѣру ненавистнаго Кудекуши Трепца, явила въ случаѣ рѣдкую умѣренность. Описали имѣніе только тѣхъ, которые отъѣздомъ своимъ въ Новгородъ, навлекли на себя въ глазахъ простолюдиновъ нарѣканіе въ измѣнѣ Димитрію.

Если господство Самозванца утверждалось таким образом въ Псковѣ, напротивъ того въ окрестностяхъ Москвы Царская сторона брала рѣшительный перевѣсъ; сами Поляки уже были въ томъ убѣждены. Въ Можайскѣ начальствовалъ отъ имени Тушинцевъ Полякъ Вильчекъ. Самозванецъ желая овладѣть симъ городомъ, заслоняющимъ столицу со стороны Смоленска, поручилъ исполнить сіе Плещѣеву, котораго отрядилъ изъ Калуги съ 2,000 Донскихъ Козаковъ и такимъ же числомъ Русскихъ. Плещѣевъ съ Русскими остановился въ Борисовѣ городкѣ, для поддержанія въ случаѣ нужды Козаковъ, которыхъ Можайскіе жители тайно впустили въ посадъ и укрыли въ своихъ домахъ, въ ожиданіи ночнаго времени, удобнаго для поиска на самый городъ. Однакожъ Вильчекъ былъ извѣщенъ о угрожающей ему опасности и поспѣшилъ принять свои мѣры. Отступившій отъ Боровска полкъ Млоцкаго находился еще въ окрестностяхъ Можайска; за отсутствіемъ Млоцкаго имъ начальствовалъ Панъ Бобовскій, который по приглашенію Вильчека, прискакалъ въ посадъ ночью, и ударилъ на Козаковъ, готовящихся приступить къ городу. Не ожидавшіе сего нападенія Козаки побѣжали изъ посада, но Вильчекъ, выступя изъ города, успѣлъ перерѣзать имъ дорогу и многихъ изъ нихъ побилъ и поплѣнилъ. Плещѣевъ, дви-

Дневникъ Осады Смоленска.

нувшійся изъ Борисова на выручку Козаковъ, также претерпѣлъ сильное пораженіе. По показанію Поляковъ, до 2,000 Козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ осталось на мѣстѣ. Казалось, что послѣ такого подвига, Тушинцамъ можно было полагаться на Вильчека. Но Полякъ сей хотѣлъ удержать за собою городъ, только чтобы съ пользою для себя торговать имъ. Не видя никакой самостоятельности въ отдѣлившихся отъ Самозванца Тушинцахъ, онъ искалъ надежнаго покровителя, и могъ найти его только въ Королѣ или въ Царѣ Васильѣ. Но Сигизмундъ принялъ бы его покорство, какъ долгъ подданнаго своему Государю и не считалъ бы себя обязаннымъ къ большой благодарности. Напротивъ того оказавъ важную услугу Царю, онъ въ правѣ былъ ожидать отъ него награжденія, и въ семъ убѣжденіи предложилъ ему выслать изъ Москвы войско для принятія отъ него Можай-

Разряды. ска. Царь отрядилъ немедленно Ивана Измайлова съ значительною силою. Вильчекъ еще лукавствуя, извѣстилъ о приближеніи Царскаго

Дневникъ осады Смоленска. войска не только Бобовскаго, но даже Казановскаго, стоявшаго въ Вязьмѣ. Казановскій поспѣшилъ соединиться съ Бобовскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на Можайскъ. Но трудъ его былъ напрасенъ. Онъ не могъ предупредить въ Можайскѣ Измайлова, которому Вильчекъ немс-

денно сдалъ городъ, и отправился въ Москву, гдѣ Царь наградилъ его 100 рублями (333⅓ нынѣшнихъ серебряныхъ). Казановскій возвратился въ Вязьму.

Уже все предвѣщало, что и грозный для Москвы Тушинскій станъ на долго удержится. Со дня на день умножались тамъ раздоры и безчинство. Бѣгство Марины, въ особенности подало поводъ къ ужасному мятежу. Мнимая Царица, уѣзжая, оставила въ своихъ комнатахъ собственноручное письмо, въ коемъ, жалуясь на окружающую ея измѣну, объясняла, что удаляется, дабы избавиться стыда быть выданную Королю, и увѣщевала шляхетное Рыцарство не нарушать присяги своей и не забывать, что отъ нея только могутъ ожидать наградъ. Приверженцы ея разносили письмо сіе по стану, и успѣли взволновать Жолнеровъ. Бурливые своевольцы, съ обнаженными саблями обступили Гетмана и вопили: *Злодѣй Рожинскій! Мало того, что нестерпимымъ высокомѣріемъ своимъ изгналъ Димитрія, теперь и жену его принудилъ къ бѣгству! Гдѣ же глава нашего предпріятія? Кто будетъ распоряжать нашими дѣйствіями? Что значитъ наша присяга? Зачѣмъ отказываться намъ отъ заслуженаго жалованья и обѣщанныхъ наградъ? Не признаемъ тебя за Гетмана нашего, а за недостойнаго перебѣжчика и за измѣнника закупленнаго*

Кобѣржицкій.

Королемъ! Возврати намъ Царя нашего, и если хотѣлъ предать его въ жертву непріятельскому мечу, то наши сабли развѣдаются съ тобою самимъ! Тщетно Рожинскій пытался твердостію удержать бунтующихъ. Его усилія возстановить порядокъ Гетманскою властію своею, воспламенили неистовыхъ новою яростію. Пистолетныя пули засвистали мимо ушей его; гордый и отважный вождь принужденъ былъ скрыться для спасенія своей жизни. Необузданная Шляхта хотѣла
The Russian impostor. вмѣсто его избрать Гетманомъ Тишкевича и немедленно итти къ Самозванцу въ Калугу. Но другіе начальники успѣли наконецъ усмирить мятежниковъ заманчивымъ для ихъ корыстолюбія увѣреніемъ, что въ непродолжительномъ времени Король вышлетъ обѣщанныя имъ деньги. Въ ожиданіи сего пособія, Жолнеры снова со-
Нѣмцевичъ. гласились подчиниться Рожинскому.

Избѣгнувъ угрожаемой ему опасности, Гетманъ поспѣшилъ написать Королю, что для удержанія въ повиновеніи войска, необходимо въ самоскорѣйшемъ времени удовлетворить оное денежною раздачею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрялъ Сигизмунда, что обстоятельства благопріятствуютъ и, основываясь на показаніяхъ перемётчиковъ и лазутчиковъ, доносилъ, что есть надежда привлечь на его сторону и самаго Героя Скопина и что Московскіе жители ожидаютъ

только прибытія Короля подъ столицу, дабы добровольно ему покориться (*).

Но Король, основательно не довѣрявшій извѣстіемъ, получаемымъ отъ переметчиковъ и лазутчиковъ, не тронулся изъ подъ Смоленска. По крайней мѣрѣ Тушинцы въ правѣ были надѣяться, что по обѣщанію его скоро отправленъ будетъ къ нимъ Янъ Потоцкій Воевода Брацлавскій съ войскомъ и деньгами. Однакожъ и сіе ожиданіе ихъ не сбылось. Потоцкій любимецъ Короля, распоряжая всемъ подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ удаляться отъ Сигизмунда, чтобы не подать случая кому другому вкрасться въ исключительную довѣренность Государя и чтобы не потерять наградъ, ожидающихъ его при паденіи Смоленска, которое, по мнѣнію его, не могло замедлиться. Движимый сими личными побужденіями, онъ подъ разными предлогами откладывалъ свое выступленіе къ Тушину и наконецъ, когда истощилъ всѣ возможныя отговорки, рѣшился на дѣйствіе коварное: по его наущенію отряжаемое съ нимъ товарищество возмутилось и отказалось выступить въ походъ.

Кобѣржицкій.

Мас кѣвичъ.

Обстоятельства Рожинскаго лишеннаго всякаго пособія со стороны Короля, сдѣлались за-

(*) Смотри Приложенія № VII.

трудинтельными. Не только заботило его неповиновеніе Жолнеровъ, самое военное положеніе представлялось не надежнымъ. Со всѣхъ сторонъ угрожала опасность. Передъ нимъ недоступная Москва, гдѣ Царское войско уже превосходило числомъ ослабленные полки Тушинцевъ; въ право, Самозванецъ усиливался въ Калугѣ и преграждалъ ему всѣ пути, за Оку и за Угру ведущіе; въ тылу Царскій отрядъ, занимавшій Можайскъ, перерѣзывалъ Смоленскую дорогу и слѣдственно прямое сообщеніе съ Королемъ; наконецъ, въ лѣво отъ Дмитрова угрожалъ Скопинъ, который не будучи болѣе удерживаемъ отступившимъ къ Іосифову Сапѣгою, могъ совершенно отрѣзать ему всякое отступленіе. Безразсудно было бы долѣе держаться въ Тушинѣ. Одна Волоколамская дорога оставалась еще свободною, и потому онъ рѣшился отступить по ней къ Іосифову монастырю, куда 5 Марта отправилъ пушки свои. Такимъ образомъ, облегчивъ свое слѣдованіе, 7 числа онъ самъ выступилъ со всѣмъ войскомъ. Поляки отходя зажгли Тушинскій станъ. Зарево пожара возвѣстило столицѣ истребленіе злодѣйскаго гнѣзда, бывшаго для нея страшилищемъ въ теченіи двухъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ. Не многіе изъ Русскихъ Тушинцевъ, передавшись совершенно Сигизмунду, послѣдовали за Рожинскимъ. Всѣ

Дневникъ Осады Смоленска. Видекиндъ.

прочіе или принесли повинную Царю или отъѣхали въ Калугу къ Самозванцу.

Скопинъ достигалъ наконецъ своей цѣли: отступленіе Рожинскаго представляло ему возможность итти въ Москву, не подвергаясь опасностямъ рѣшительнаго боя. Онъ немедленно отрядилъ Валуева къ Іосифову монастырю для наблюденія за Рожинскимъ, а самъ съ главнымъ войскомъ устремился къ столицѣ, куда вступилъ 12 Марта. Восторгъ Москвитянъ обратилъ прибытіе его въ народное торжество. По приказанію Царя Вельможи спѣшили встрѣтить юнаго героя у городскихъ воротъ, но обыватели обоего пола и всякаго возраста опередили ихъ и не обозримыми толпами высыпали за деревянный городъ на Ярославскую дорогу. При появленіи Скопина, когда по древнему Русскому обычаю поднесли ему хлѣбъ и соль, всѣ пали ницъ передъ обожаемымъ стратигомъ, и со слезами умиленія провозглашая его избавителемъ отечества, уподобляли юному Давиду, поборающему по злосчастномъ Саулѣ. Оскорбительное для Василья сравненіе раздражило державнаго старца, уже негодовавшаго на Скопина, за безнаказанное отпущеніе людей, вызывавшихъ его къ измѣнѣ отъ имени Ляпунова. Но Царь почелъ необходимымъ таить томившее его недовѣріе къ побѣдоносному сроднику, и принялъ его съ

Никоновская лѣтопись. — Видекиндъ. — Столяровъ хронографъ. — Палицынъ.

почестію достойною заслугъ имъ оказанныхъ. Онъ также обласкалъ и щедро одарилъ Делагардія.

Тушинскіе Поляки, раздраженные неудачею своею подъ Москвою, винили въ оной Короля, никакою помощію съ своей стороны не замѣнившаго опоры, которую доставляло имъ содѣйствіе Самозванцевыхъ сподвижниковъ и которой они были лишены по его проискамъ. Въ досадѣ они тотчасъ по прибытіи въ Іосифовъ, отправили подъ Смоленскъ Зборовскаго, Виламовскаго и Шуцкаго съ порученіемъ въ рѣзкихъ словахъ выразить передъ Сигизмундомъ ихъ негодованіе. Въ наказѣ симъ новымъ посланцамъ отъ котораго не дозволялось имъ отступать ни въ какомъ случаѣ, предписывалось говорить: Что Король вопреки ихъ ожиданій не обратилъ милостиваго вниманія на справедливыя ихъ требованія; что обѣщанные подарки скудны и не могутъ почитаться удовлетворительными для многочисленнаго войска; что даже у нихъ нѣтъ никакого ручательства или обезпеченія въ полученіи кровію и потомъ заслуженнаго ими жалованья; что Королевскіе послы, выгнавъ Царя Димитрія изъ Тушинскаго стана, обманывали ихъ пустыми обѣщаніями и обнадеживаніями; что не получивъ надлежащей награды имъ остается обратиться къ инымъ средствамъ

Кобѣржицкій.

для доставленія себѣ возмездія за понесенные траты и убытки; что данный Королемъ отвѣтъ прежнимъ ихъ посланцамъ подалъ поводъ къ разгрому Тушинскаго стана и къ омраченію двухлѣтними трудами пріобрѣтенной славы, и наконецъ, что весьма естественно Жолнерамъ бунтовать и искать себѣ другаго покровительства, когда Король пренебрегаетъ всѣми просьбами ихъ и когда будучи тѣснимы непріятелемъ, они отъ своихъ ничего не видятъ, кромѣ презрѣнія и забвенія.

Зборовскій съ товарищами прибыли подъ Смоленскъ 21 Марта. Съ ними же пріѣхалъ Царь Касимовскій, который изъявилъ свою покорность Сигизмунду, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Я холопъ твой, пріѣхалъ сюда на службу, Вашего Королевскаго Величества и прошу дать мнѣ людей, дабы я могъ пролить кровь мою на службѣ Вашего Величества.* Король принялъ его съ большею почестію и далъ ему первое мѣсто между Сенаторами. Поляки вѣроятно полагали, что знатный Татаринъ долженъ пользоваться великимъ уваженіемъ у Русскихъ и потому уговорили его, послать письмо въ Смоленскъ съ увѣщаніемъ къ сдачѣ. Но сіе новое покушеніе къ поколебанію твердости Смолянъ не болѣе имѣло успѣха, какъ и прежнія.

Дневникъ Осады Смоленска.

Переговоры съ войсковыми Посланцами про-

должались нѣсколько дней. Наконецъ ихъ отпустили съ отвѣтомъ, подобнымъ тому, который былъ данъ Хруслинскому. Сенаторы полагали, что было бы противно достоинству Короля и Республики уступить настояніямъ дерзкаго своевольства.

Посланцы на обратномъ пути своемъ не доѣхали до Іосифова, ибо встрѣтили войско гораздо ближе къ Смоленску Причиною сего отступленія была внезапная смерть Князя Рожинскаго. Горделивый вождь, сраженный стыдомъ и горестью, скончался 29 Марта въ Волоколамскѣ на 35-мъ году отъ рожденія, оставя по себѣ память воина безстрашнаго, но распорядителя неудачнаго. Кончина его разсторгла послѣднія узы братства между Тушинцами. Хотя главный начальникъ не всегда находилъ должное послушаніе въ подчиненныхъ своихъ, однакожъ по нѣкоторому навыку къ его предводительству, они послѣ мгновенныхъ бурь снова покарялись его власти; но когда не стало его, то не нашлось никого кто былъ бы въ состояніи обуздать ихъ своевольства. Правда съ начала не было разномыслія на счетъ необходимости сблизиться съ Королевскимъ войскомъ и потому, оставя въ Іосифовѣ Руцкаго съ 1,500 человѣкъ для обороны монастыря, всѣ прочіе отошли по направленію къ вершинамъ Днѣпра и остановились между Зубцевымъ и Сы-

Дневникъ Сапѣги.

Пясецкій.

Жолкѣвичъ.

чевкою при селеніи Хлепень. По удаленіи ихъ, Валуевъ выгналъ изъ Волоколамска остававшихся тамъ 400 Донскихъ козаковъ, но къ Іосифову онъ еще не посмѣлъ приступить. Видекиндъ и Плясецкій.

Зборовскій засталъ товарищей своихъ уже въ Хлепенѣ. Пріѣздъ его подалъ случай къ страшному смятенію. Шляхта, узнавъ что и съ нимъ Король не прислалъ обѣщанныхъ денегъ, возмутилась и отказалась отъ повиновенія. При водворившемся въ станѣ безначаліи, всякой дѣйствовалъ по собственному побужденію. Жолнеры, прельщенные обѣщаніями Самозванца, большою частію изъявляли желаніе возвратиться къ нему на службу и густыми толпами потянулись къ Калугѣ подъ предводительствомъ Ротмистровъ Каминскаго, Стравинскаго, Телефуса и Іозефа Бурзилы. За ними туда же послѣдовалъ и Сапѣга со всѣми своими людьми. Въ Хлепенѣ же осталось только стыдившіеся совершенно отказаться отъ повиновенія Королю полкъ Андрея Млоцкаго; шесть Гусарскихъ хоругвей изъ полка Александра Зборовскаго; роты: бывшая Гетмана Рожинскаго, Виламовскаго, Симона Копычинскаго, Ланскоронскаго, Вильковскаго, Русецкаго и Мархоцкаго и знатная часть роты Бобовскаго, всего 3000 человѣкъ, не считая нѣкотораго числа козаковъ. Главное начальство надъ ними принялъ Зборовскій, который убѣ- Жолкѣвскій. Паршевичъ. Дневникъ Осады Смоленска.

дилъ ихъ послать къ Королю съ покорностію Ланскоронскаго и Бобовскаго. Съ сими новыми посланцами отправился подъ Смоленскъ и Атаманъ Заруцкій, начальствующій надъ тѣми изъ Донскихъ козаковъ, которые оставались еще при Зборовскомъ.

Каминскій, Стравинскій, Телефусъ и Бурзило продолжали слѣдовать къ Калугѣ, куда однакожъ вступила только нѣкоторая часть ихъ людей. Прочіе на пути присоединились къ Сапѣгѣ, который остановился на берегахъ Угры, не доходя Калуги. Вождь сей отдѣлялся отъ Короля только по наружности; въ самомъ же дѣлѣ онъ дѣйствовалъ по тайному соглашенію съ Сигизмундомъ. Приблизившись къ Калугѣ подъ видомъ подація помощи Самозванцу, онъ наблюдалъ за его дѣйствіями и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно поддерживалъ его, дабы предохранить его отъ конечной гибели, которую Поляки желали еще отсрочить, ибо начинали уже постигать, что существованіе его, много способствовало къ продолженію неустройствъ въ Россіи и развлекая вниманіе и силы Царя, облегчало дѣйствія Королевскаго войска.

Нарушевичъ.

Сей же политикѣ Сигизмунда, Лжедимитрій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ, во время заговора, составившагося противъ него въ Калугѣ. Поляки, обѣщаніями его привлеченные въ

сей городъ, вскорѣ убѣдились, что Самозванецъ не хочетъ, или не въ состояніи удовлетворить ихъ, и въ досадѣ своей рѣшились на дѣло гнусное. По порученію ихъ, Ишковскій извѣстилъ Жолкѣвскаго, что они готовы умертвить обманщика и покорить Калугу Королю, если получатъ на то соизволеніе Его Величества. Имъ отвѣчали, что бы они удержались отъ исполненія своихъ намѣреній. Королевскій Совѣтъ видѣлъ въ Самозванцѣ представителя холопьей стороны, которую для обезсиленія Царя, выгодно было Полякамъ до времени поддерживать изъ подъ руки. Жолкѣвскій.

Сіи тайныя побужденія не препятствовали однакожъ Полякамъ силою оружія отбирать Сѣверскіе города, подвластные Самозванцу. Вновь вышедшіе изъ Запорожья 7,000 козаковъ, слѣдовали двумя отрядами къ Смоленску на помощь Королевскому войску. Но Сигизмундъ расчитывая что отъ нихъ нельзя ожидать пользы въ осадныхъ работахъ, и что по свойственной имъ наклонности къ грабежу и своевольству, они стали бы по напрасну опустошать окрестныя мѣста и тѣмъ затруднили бы продовольствіе стана, предписалъ имъ обратиться на Сѣверскую землю. Для направленія же ихъ дѣйствій онъ послалъ въ начальники первому отряду Пана Богушевича, а второму Пана Запорскаго. Королевское повелѣніе настигло первый отрядъ въ Че- Дневникъ Осады Смоленска.

черскѣ. Запорожцы, желая оказать свое усердіе, 4 Марта переправились черезъ Сожь и въ одни сутки проскакавъ 130 верстъ, 5 Марта явились не ожиданно передъ Стародубомъ. Хотя жители достаточно снабжены были всемъ нужнымъ къ оборонѣ, однакожъ по причинѣ нечаянности нападенія, они безпрепятственно допустили непріятеля занять посадъ. За то весьма упорно защищали острогъ, устроенный подъ самымъ замкомъ. Козаки въ улицахъ посада много потерпѣли отъ пушекъ, втащенныхъ Стародубцами на церкви и колокольни, въ острогѣ находившіеся, и отъ стрѣльбы съ рубленныхъ тарасъ, которые осажденные по мѣрѣ надобности передвигали на саняхъ съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ, не смотря на сіи оборонительныя средства Стародубцы, не видя возможности удержаться въ острогѣ, сами зажгли оный и укрылись въ замкѣ. Запорожцы, не желая терять людей на новомъ приступѣ, предложили осажденнымъ сдать замокъ на уговоръ, но получили отказъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Въ ожесточеніи они приступили къ замку съ четырехъ сторонъ и встрѣтили отчаянное сопротивленіе, которое не иначе могли преодолѣть, какъ подложивъ огонь къ стѣнѣ. Пожаръ охватилъ весь замокъ. И тутъ Стародубцы не сдавались; они бросали въ пламя все что имѣли и въ ожесточеніи сами

кидались въ него. Однакожъ Запорожцамъ удалось, выломавъ ворота, спасти отъ губительнаго дѣйствія огня одну большую и пятнадцать полковыхъ пушекъ и нѣсколько Русскихъ людей, изъ коихъ знатнѣйшихъ, а въ томъ числѣ и главнаго Воеводу Князя Андрея Хованскаго, послали къ Королю.

Запорожцы отряда Запорскаго также не оставались въ бездѣйствіи. 15 Марта они скрытно подошли къ Почепу и соскочивъ съ лошадей, пошли на приступъ къ замку, приставляя лѣстницы и подкладывая огонь къ стѣнамъ. Осажденные оборонялись упорно отъ утра до вечера, но наконецъ усилившійся пожаръ принудилъ ихъ сдаться. Замокъ сдѣлался жертвою пламени, но городъ остался невредимъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, при семъ случаѣ погибло до 4,000 Почепцевъ. Уронъ Запорожцевъ состоялъ изъ 300 убитыхъ и раненыхъ.

Богушевскій и старшій изъ Запорожскихъ Полковниковъ, Ганченко, простоявъ двѣ недѣли въ Стародубѣ, двинулись 19 Марта къ Новгороду-Сѣверскому, не смотря на весеннюю распутицу и подошли къ сему городу 21 числа. Тамошній Воевода, Самозванцевъ Бояринъ, Князь Өедоръ Петровичь Борятинскій, и всѣ жители, устрашенные злою участію Стародуба, вступили въ переговоры, и когда получили отъ Богушевска-

Наказъ Самозванца Новгородъ-Сѣверским Воеводамъ,

Князю Борятинскому и Карпову отъ 14 Марта 1610. Дневникъ Осады Смоленска.

го удостовѣреніе, что всѣ они съ женами, дѣтьми и имуществомъ останутся невредимы, то немедленно присягнули Королевичу Владиславу. Запорожцы нашли въ городѣ 24 пушки и 100 фальконетъ.

Черниговъ уже находился въ рукахъ Поляковъ. Панъ Горностай, Подкоморій Кіевскій, овладѣлъ симъ городомъ, при помощи собранныхъ имъ въ пограничныхъ мѣстахъ Польскаго Государства разныхъ людей. Трудно было бы Горностаю удержать въ порядкѣ нестройную сволочь свою, которая такъ безпощадно разграбила Черниговъ, что многіе изъ жителей покинувъ домы свои, искали убѣжища въ Украинскихъ городахъ.

Поляки и Запорожцы вездѣ неистовствовали вопреки неоднократнымъ повелѣніямъ Сигизмунда, чтобы съ Русскими обходиться ласково и сколь возможно дружелюбнѣе. Тысячу Пахоликовъ и столько же Запорожцевъ, выбѣжавъ на поискъ изъ Королевскаго стана, взяли приступомъ Мосальскъ. Замокъ и городъ были разграблены и сожжены, а жители вырѣзаны.

Важнѣе всѣхъ сихъ завоеваній было для, Короля, покореніе Бѣлой, которую Гонсѣвскій голодомъ вынудилъ сдаться на уговоръ, 3 Апрѣля, послѣ почти шестимѣсячнаго облежанія. Осажденные цѣловали крестъ Королевичу Влади-

славу, а Гонсѣвскій далъ присягу въ томъ, что будетъ охранять ихъ отъ всякихъ насилій и оскорбленій. Но Запорожцы, составляющіе знатнѣйшую часть войска Гонсѣвскаго, не полагали себя обязанными исполнять обѣщаніи Польскаго вождя. Они своевольничали, безчинствовали и требовали съ обывателей необычайную сумму денегъ. Когда же Гонсѣвскій хотѣлъ обуздать ихъ, то они грозились напасть на него самаго и на бывшихъ при немъ Поляковъ. Посланный къ нимъ съ увѣщаніями отъ Короля Панъ Доморадцкій едва успѣлъ ихъ усовѣстить и усмирить.

Впрочемъ покореніе Сѣверскихъ городовъ и даже Бѣлой, не вознаграждало Сигизмунда за утрату питаемыхъ имъ надеждъ на содѣйствіе Тушинскаго войска и на близкое паденіе Смоленска. Не смотря на обыкновенную его самонадѣянность, онъ съ безпокойствомъ ожидалъ весеннихъ дѣйствій Скопина. Уже оказывалось на дѣлѣ, что разгромъ Тушинскаго стана выгоденъ былъ, не столько для Короля, сколько для Царя, который не будучи болѣе озабоченъ опасностію, грозящею самой Москвѣ, могъ безбоязненно направить главныя силы свои на выручку Смоленска. Сигизмунда еще тревожилъ слухъ о подступленіи, отъ стороны Новгорода, новаго Шведскаго и Царскаго войска. Если не

удалось покорить Смоленскъ, оставленный при однихъ собственныхъ способахъ, то естественно ли было мечтать о лучшемъ успѣхѣ осады, когда осажденнымъ готовилась сильная помощь? Въ сихъ обстоятельствахъ, совѣтъ составленный изъ находящихся при королѣ Сенаторовъ, призналъ благоразумнымъ стараться миролюбиво окончить дѣло, уже оказывавшееся труднымъ. Король не противился сему заключенію и 19 Апрѣля, Коморникъ его, Панъ Слизень, отправленъ былъ съ грамотами къ Царю и къ Московскимъ Боярамъ, въ коихъ предлагалось открыть переговоры для предупрежденія дальнѣйшаго кровопролитія. Но Слизень доѣхалъ только до Царево-Займища. Царскіе Воеводы, начальствовавшіе въ Можайскѣ, отказались пропустить его къ Москвѣ и извѣстили его, что Царь, справедливо оскорбленный вѣроломнымъ вторженіемъ Короля въ Россію, рѣшительно не хочетъ ни принимать Пословъ, ни входить ни въ какія съ нимъ сношенія, пока Король не выйдетъ изъ Московскихъ предѣловъ. Твердость сего отзыва показываетъ, что Василій понималъ достоинство Монарха Россійскаго и что честь вѣнца Мономахова не омрачилась на челѣ злосчастнаго, но крѣпкодушнаго старца.

Жолкѣвскій и дневникъ Осады Смоленска.

Извѣстія, полученныя въ Королевскомъ станѣ о приближеніи къ Москвѣ отъ Новгорода Цар-

ской и Иноземной рати, скоро подтвердились. Князь Хованскій, еще въ Январѣ мѣсяцѣ отряженный, какъ выше сказано, Скопинымъ на встрѣчу ожидаемому изъ Выборга Горну, очистилъ на пути своемъ Ростовъ и Кашинъ. Между тѣмъ и Горнъ выступилъ въ походъ и 12 Февраля перешелъ за Русскій рубежъ съ 4,000 человѣкъ, изъ коихъ однакожъ оставилъ 1,500 въ Ижерской землѣ, для охраненія Финляндской границы и для наблюденія за городами Ямомъ и Ивангородомъ, сильно занятыми Самозванцевыми приверженцами. Съ остальными же 2,500 Англичанъ и Французовъ онъ медленно двигался къ Новгороду, а оттоль пошелъ черезъ Старую Руссу и Осташковъ на Старицу, гдѣ совершилъ соединеніе свое съ Княземъ Хованскимъ. Русскій и Шведскій начальники, имѣя въ совокупности до 7,000 воиновъ, пошли на Ржевъ. Хотя по первому слуху о приближеніи ихъ, засѣвшіе въ семъ городѣ Запорожцы и выслали 2,000-й отрядъ по Старицкой дорогѣ, но передовая стража сія занялась болѣе пьянствомъ, чѣмъ наблюденіемъ. Пользуясь ея безпечностію, Хованскій и Горнъ, обошли ее, явились неожиданно передъ Ржевымъ и истребили всѣхъ Запорожцевъ, которыхъ застали на лѣвомъ берегу Волги; козаки же находившіеся на правомъ берегу рѣки успѣли зажечь посадъ и укрыться въ замкѣ.—

Никоновская лѣтопись. Видекиндъ.

Кобѣржицкій. Дневникъ Осады Смоленска.

Продолжая дѣйствовать съ тѣмъ же успѣхомъ
Жолкѣвскій. Хованскій и Горнъ 24 Апрѣля безпрепятственно заняли Зубцовъ.

Какъ отъ Зубцова до Хлепеня считается не болѣе 25 верстъ, то Зборовскій не отважился оставаться въ столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, числомъ весьма его превосходящаго. Самъ Зборовскій отвелъ Поляковъ въ селеніе Липцы, лежащее на дорогѣ отъ Зубцова въ Царево-Займище, а казаки Заруцкаго отошли по направленію къ Вязьмѣ, и расположились въ Шуйскомъ.

Другому Польскому вождю Лисовскому, также предлежало помышлять о своемъ спасеніи. Смѣлый наѣздникъ сей, во всю зиму держался
Беръ. въ Суздалѣ и безнаказанно опустошалъ окрестности. Конечное отступленіе Сапѣги и Тушинцевъ лишало его всякой опоры посреди враждебной земли. Но хотя отъ всюду отрѣзанный, онъ не терялъ духа и при началѣ весны рѣшился вооруженною рукою пробиться до Польской границы. Выступя изъ Суздаля въ сопро-
Никоновская лѣтопись. вожденіи козацкаго Атамана Просовецкаго, онъ переправился за Волгу и мимоходомъ приступилъ къ Колязину монастырю. Тамошній Воевода Давыдъ Жеребцевъ, защищался храбро но безуспѣшно. Непріятель овладѣлъ монастыремъ и звѣрски воспользовался правомъ побѣды. Оби-

тель была разграблена и сожжена, а всѣ находившіеся въ ней люди, не исключая ни Жеребцева, ни монаховъ, были преданы смерти.—Послѣ разбойническаго подвига сего, Лисовскій пошелъ далѣе проселочными дорогами, и достигъ Великихъ-Лукъ, куда вступилъ безпрепятственно. Псковская лѣтопись.

Между тѣмъ, въ Москвѣ Князь Михайло Васильевичь, ревностно распоряжался приготовленіями къ походу противъ Сигизмунда. Онъ хотѣлъ избавленіемъ Смоленска заслужить новую признательность отечества, уже прославлявшаго его за освобожденіе столицы. Но въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ Всевышняго, не ему суждено было, довершить спасеніе Россіи. Еще не исполнилась мѣра казни, предопредѣленной гнѣвомъ Божіимъ надъ несчастнымъ отечествомъ нашимъ.

Московскіе жители не преставали честить юнаго Героя торжественными изъявленіями народной къ нему любви и признательности. Всѣ взоры устремлялись на того, котораго считали единственною опорою Государства. Вопреки обычной ему скромности, такъ превозносили Скопина, что самъ Вѣнценосный Василій казался второстепеннымъ лицемъ въ своей столицѣ. При столь всеобщемъ влеченіи сердецъ къ Князю Михайлу Васильевичу, вѣроятно многіе припоминали, что

*

престолъ, упразднившійся смертію Царя Ѳеодора Ивановича, долженъ бы принадлежать ему, какъ представителю по первородству правъ вѣтви Рюрикова го дома, самоближайшей къ Царскому корню. Все сіе несказанно тревожило Царя Василья и другихъ завистниковъ Скопина, изъ коихъ злѣйшимъ являлся Царскій братъ Князь Дмитрій Шуйскій, который мечтая о наслѣдованіи престола послѣ бездѣтнаго Василія (*), видѣлъ въ побѣдоносномъ сродникѣ своемъ опаснаго соперника. Безнравственные люди не всегда умѣютъ лицемѣрить: непріязненное расположеніе Князя Дмитрія къ Скопину огласилось, и даже дошло до ушей Делагардія. Шведскій

Виденкиндъ. военачальникъ предупреждалъ друга и сотрудника своего о ковахъ, замышляемыхъ противъ него, и совѣтовалъ ему для безопасности своей поспѣшить выступленіемъ изъ Москвы. Но чистой душѣ Скопина не легко было подозрѣвать въ злодѣйствѣ ближнихъ родственниковъ. Не смотря на предостереженія, онъ не перемѣнялъ обращенія съ ними и съ благородною довѣрчивостію предавался въ руки своихъ ненавистниковъ. Будучи 23 Апрѣля на крестинномъ пиру

(*) *Примѣчаніе.* Царь Василій Ивановичъ имѣлъ только въ 1609 году дочь Анну, скончавшуюся скоро послѣ рожденія.

у Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, онъ не отказался выпить меду изъ чаши, поднесенной ему Княгинею Екатериною Шуйскою, супругою Князя Дмитрія, и тотъ часъ же крѣпко заболѣлъ. Едва успѣли его живаго отнесть къ нему въ домъ. Кровь рѣкою лилась у него изъ носа и въ ночь онъ скончался.

Филаретова рукопись. — Псковская лѣтопись. — Никоновская лѣтопись.

Москва дрогнула при ужасной вѣсти. Народъ въ изступленіи горести, хлынулъ къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго, общею молвою обвиняемаго въ отравленіи обожаемаго Стратига. Царь, на спасеніе брата, принужденъ былъ выслать дружину свою, которая и отстояла домъ. Неутѣшнымъ Москвитянамъ, удержаннымъ силою отъ совершенія мести, по мнѣнію ихъ праведной, оставалось только оплакивать преждевременную кончину незабвеннаго Героя.

Видекиндъ.

Но дѣйствительно ли Скопинъ отравленъ? Доказательствъ преступленія не было да и быть не могло, ибо естественно, что никто не осмѣливался приступить къ изслѣдованію горестнаго происшествія, навлекавшаго подозрѣніе на лица столь приближенныя къ Царю. Съ другой стороны должно ли слѣпо вѣрить молвѣ народной, всегда готовой приписывать насилію скоропостижную кончину знаменитыхъ мужей. Изъ современныхъ писателей, только Нѣмецъ Беръ и Псковскій лѣтописецъ прямо обвиняютъ въ отрав-

леніи Скопина, первый самаго Царя, а послѣдній Княгиню Екатерину супругу Князя Дмитрія Шуйскаго. Но Беръ, врагъ Василью и недоброжелатель Русскимъ, во всемъ сочиненіи своемъ, являетъ безпутную наклонность чернить Царя и злословить нашихъ соотечественниковъ и потому естественно ему было выдавать за неоспоримую истину пустые слухи, когда они согласовались съ его предубѣжденіями. Псковская лѣтопись, писанная въ замѣчательномъ духѣ ненависти ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи и къ поддерживаемому ими Царю, также не должна была усумниться дать вѣру клеветамъ, представляющимъ въ столь гнусномъ видѣ Васильеву ближайшую сродницу. Нельзя не замѣтить также, что сила сихъ двухъ свидѣтельствъ, уже самихъ по себѣ весьма сомнительныхъ, еще ослабляется важнымъ показаніемъ Жолкѣвскаго. Сей истинно Государственный мужъ, имѣвшій въ то время столь тѣсныя и столь довѣренныя сношенія съ именитѣйшими людьми въ Россіи, рѣшительно отвергаетъ толки объ отравленіи Скопина и приписываетъ смерть его болѣзни.

Царь, по крайней мѣрѣ по наружности, раздѣлялъ общую скорбь и въ ознаменованіе отличнаго уваженія къ памяти незабвеннаго Героя, приказалъ похоронить его въ придѣлѣ Архангельскаго храма, гдѣ покоится прахъ Само-

державцевъ Россійскихъ. Но если дѣйствительно Василій самъ не чуждъ былъ коварнаго замысла на погубленіе Скопина, то судъ Божій не замедлилъ совершиться надъ преступнымъ Вѣнценосцемъ. Опуская въ землю гробъ доблестнаго защитника своего, Царь погрѣбалъ не его одного, но и самый престолъ свой.

КНИГА ШЕСТАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

(1610.)

Безвременная кончина героя Скопина была бѣдственна для Россіи, въ особенности потому что прервали воинскіе его подвиги прежде, чѣмъ онъ могъ довершить избавленіе отечества. Правда, Москва уже была освобождена, однакожъ для совершеннаго успокоенія Государства, нужно еще было искоренить представителя холопьей стороны, засѣвшаго въ Калугѣ, Самозванца, и принудить Короля Польскаго, не только снять осаду Смоленска, но даже вовсе очистить

предѣлы Россійскіе. И то и другое не легко было исполнить. Лжедимитрій сильно опирался на преданность къ нему черни, почти въ цѣлой Россіи, кромѣ Сѣверныхъ Заволжскихъ областей. Сигизмундъ съ своей стороны предводительствовалъ войскомъ, хотя не весьма многочисленнымъ, но коему доброе обученіе и воинскій навыкъ давали важное преимущество надъ нестройными полками Царскими. Въ сихъ обстоятельствахъ, для достиженія трудной двоякой цѣли, требовалось дружное стеченіе подъ хоругвь Царскую всѣхъ благомыслящихъ Россіянъ. Но такого единомыслія можно ли было ожидать, когда самая смерть Князя Михайла Васильевича открывала путь къ новымъ неминуемымъ раздорамъ.

Не одна Москва оплакивала несчастный жребій любимаго вождя. Горесть народная имѣла сильный отголосокъ и въ прочихъ городахъ подвластныхъ Царю. Въ гибели Скопина видѣли предвѣстіе гибели отечества и всѣ проклинали имя Царскаго брата; его подозрѣвали въ убійствѣ Стратига облеченнаго общею довѣренностію, которую Скопинъ уже славно оправдалъ самымъ дѣломъ. Впрочемъ чувства сіи по большой части удерживаемые страхомъ Царскаго гнѣва, таились въ глубинѣ скорбныхъ сердецъ. Въ одной Рязани народъ не скрывалъ своего

озлобленія. Тамъ все еще господствовалъ крѣпкодушный Ляпуновъ. Не смотря на преступное его воззваніе Скопина къ измѣнѣ, Царь не смѣлъ карать его, посреди Рязанцевъ очарованныхъ его умомъ и твердостію. Но Ляпуновъ постигалъ, что казнь его только отсрочивалась и что ему не избѣжать ея, если Василій утвердится на престолѣ. Желаніе обезопасить себя придавало новую силу питаемой имъ ненависти къ Царю, коего въ душѣ своей, впрочемъ истинно преданной отечеству, онъ полагалъ вовсе неспособнымъ управлять волнуемымъ Государствомъ. И такъ, всѣ помышленія его клонились къ низверженію Василія и онъ только искалъ благовиднаго предлога къ явному противъ него возстанію. Толки народные о смерти Скопина представляли ему удобный случай для исполненія своего намѣренія. Не довольствуясь обвиненіемъ Царскаго брата, онъ огласилъ самаго Царя отравителемъ мужественнаго избавителя столицы, призывалъ Рязанцевъ къ мести и голосъ его взволновалъ преданные ему сердца. Вся земля Рязанская гнушаясь преступнымъ вѣнценосцемъ, отложилась отъ него. Одинъ только Зарайскъ пребылъ вѣрнымъ. Тамъ бодрствовалъ знаменитый Пожарскій. Напрасно Ляпуновъ посылалъ къ нему племянника своего Ѳедора Григорьевича Ляпунова для увѣщанія

Никоновская лѣтопись.

дѣйствовать съ нимъ за одно на отмщеніе за Скопина. Пожарскій не поколебался и просилъ помощи у Царя. Василій спѣшилъ послать къ нему Воеводу Глѣбова съ отрядомъ воиновъ и стрѣльцевъ. Впрочемъ Ляпуновъ ничего не предпринималъ противъ Зарайска. Врагъ Василія, но еще болѣе врагъ злодѣевъ Россіи Поляковъ, онъ не хотѣлъ междуусобнымъ кровопролитіемъ ослабить ряды пылавшихъ справедливою ненавистію къ иноземцамъ; напротивъ того, искрѣнно желалъ обратить къ единомыслію всѣхъ Русскихъ и тѣмъ положить непреодолимую препону коварнымъ замысламъ Короля Сигизмунда. Въ семъ намѣреніи онъ даже рѣшился войти въ сношеніе съ Самозванцемъ. Но скоро убѣдившись, что Лже-Димитріемъ уже совершенно овладѣла холопья сторона, торжество коей было бы разрушеніемъ всякаго Государственнаго устройства въ Россіи, онъ прекратилъ посылки въ Калугу и обратился съ происками своими въ столицу. Тамъ не преставалъ крамольничать Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Пылкій, но чистосердечный Ляпуновъ не могъ истинно уважать вельможу столь много посрамившаго высокій санъ свой, однакожъ сблизился съ нимъ въ надеждѣ при его помощи осуществить свои мечтанія. Онъ зналъ, что не смотря на злонравіе Голицына, знатность, богатство и родствен-

ныя связи съ первѣйшими людьми въ Государствѣ, привлекали къ нему многочисленныхъ приверженцевъ. Къ тому же соединяла ихъ общая ненависть къ Царю. Посредствомъ тайныхъ пересылокъ они уговорились между собою. Голицынъ обѣщалъ при первомъ удобномъ случаѣ убѣдить Московскихъ жителей низвергнуть Василія, а Ляпуновъ обязался содѣйствовать къ избранію въ Цари самаго Голицына. По его мнѣнію, Государь правильно избранный, каковъ бы ни былъ, могъ еще водворить единомысліе между Русскими утомленными раздоромъ.

Пока сплетались козни сіи, Царь важною ошибкою усугубилъ трудность своего положенія. Смерть Скопина оставляла празднымъ главное начальство надъ Царскимъ войскомъ. Не легко было замѣстить вождя знаменитаго, рѣдкими качествами снискавшаго любовь и довѣріе войска какъ Русскаго, такъ и иноземнаго. Однакожъ между Русскими воеводами были люди, уже многими подвигами доказавшіе свою воинскую доблесть на полѣ ратномъ. Въ главѣ ихъ стоялъ Бояринъ Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ, побѣдитель Лисовскаго на Медвѣжьемъ Броду и спаситель Царскаго войска разбитаго Самозванцемъ подъ Каменкою по робости Князя Василія Васильевича Голицына и по неискуству главнаго предводителя Князя Дмитрія Ива-

новича Шуйскаго. Въ дѣйствіяхъ противъ Сапѣги подъ Дмитровымъ Куракинъ также оказалъ себя счастливымъ исполнителемъ предначертаній Князя Скопина. Казалось заслуги сіи давали ему право на главное начальство. Но выборъ Царя палъ на другаго. Ослѣпленный братскою нѣжностію, пренебрѣгая общимъ мнѣніемъ, онъ не усумнился передать славное наслѣдіе Скопина тому, въ комъ народъ видѣлъ его убійцу. Москвитяне съ ужасомъ и омерзѣніемъ узнали, что главное предводительство надъ Царскимъ войскомъ ввѣрялось Князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому; выборъ несчастный, неоправдываемый даже никакими воинскими достоинствами новаго вождя. Могли ли не вспоминать, что Царскій братъ неразумными и малодушными распоряженіями своими сгубилъ уже первое войско противопоставленное Тушинскому Вору, и первый открылъ ему путь подъ Москву!

Между тѣмъ отдѣльныя военныя дѣйствія продолжались, съ перемѣннымъ счастіемъ. Царскій Воевода Князь Василій Өедоровичь Литвиновъ-Мосальскій, подступилъ было подъ городъ Шацкъ, державшій сторону Лже-Димитрія. Но Шацкій Воевода Князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій, разбилъ Мосальскаго и принудилъ его отступить. Царь для подкрѣпленія Мосальскаго послалъ стрѣлецкій отрядъ подъ начальствомъ

головы Ивана Мажарова, но сей не достигъ своего назначенія. Ляпуновъ, свѣдавъ о его походѣ, послалъ войско перенять ему путь. Встрѣтивъ неожиданное препятствіе Мажаровъ покорился Ляпунову и пошелъ въ Переславль-Рязанскій.

На границахъ Шведскихъ Лже-Димитріева сторона держалась также удачно. Весною Генералъ Врангель вышелъ изъ Нарвы, и обложилъ Ивангородъ съ 12,000 Шведовъ и наемныхъ Фламандцевъ, Швейцарцевъ и Англичанъ. Врангель надѣялся скоро овладѣть городомъ весьма нуждающимся въ хлѣбныхъ запасахъ. Но осажденные твердо стояли за Самозванца. По просьбѣ Псковитянъ, Лисовскій и Просовецкій двинулись отъ Великихъ-Лукъ къ Ивангороду, дабы тревожить осаждающихъ и затруднять ихъ продовольствіе. Далинъ и Псковская лѣтопись.

Подъ Смоленскомъ, осадныя работы остановленныя весеннимъ разлитіемъ водъ, еще не возобновлялись. Осаждающіе и осажденные оставались какъ бы въ бездѣйствіи. Только Польскіе Пахолики продолжали разорять окрестности. Одна изъ ихъ шаекъ, посланная въ числѣ 1,800 человѣкъ, за съѣстными припасами доходила до Брянска и на возвратномъ пути подступила подъ Рославль. Жители города оборонялись и отбили первый приступъ, но Пахолики, подъ предводи- Маскѣвичъ. Денникъ Осады Смоленска.

тельствомъ товарищей Стрыеньскаго и Падольскаго возобновили покушенія свои съ лучшимъ успѣхомъ. Пока одни изъ нихъ вырубали ворота, другіе подкладывали огонь къ острогу и съ разныхъ сторонъ ворвались въ посадъ, разграбили его и выжгли. Знатнѣйшіе изъ Росавльцевъ заперлись въ замкѣ, и объявили что готовы сдаться, но только Королевскому войску, а не Пахоликамъ буйства и неустройства коихъ страшились. Король, располагающій Смоленскими пригородами какъ своею собственностію, отдалъ Рославль въ староство Князю Порыцкому, который и поспѣшилъ отправить роту для занятія замка.

Полякъ Руцкій все еще занималъ Іосифовъ монастырь, такъ сказать въ тылу Горна и Князя Хованскаго стоявшихъ въ Зубцевѣ; Валуевъ наблюдавшій за монастыремъ, не считалъ себя достаточно сильнымъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только 2,000 человѣкъ, не рѣшался итти на приступъ и требовалъ подкрѣпленія. Горнъ послалъ къ нему Делавиля съ 1,000 Французовъ, которые, соединившись съ отрядомъ Валуева подступили подъ Іосифовъ 2 Мая. Делавиль оставя въ засадѣ половину своего войска и всѣхъ Русскихъ, самъ съ 500 Французовъ подошелъ скрытно къ воротамъ деревяннаго города, выбилъ ихъ ступою и ворвался въ посадъ. Но Руц-

Никоновская лѣтопись. — Кобѣржицкій. Видекиндъ. Дневникъ Осады Смоленска.

кій высыпалъ изъ монастыря и сталъ крѣпко тѣснить нападающихъ, къ которымъ поспѣшили на помощь оставленные позади Французы и Русскіе. Въ улицахъ посада завязался жаркій бой. Поляки остались побѣдителями а Валуевъ и Делавиль претерпѣвъ довольно значительный уронъ отступили за 7 верстъ отъ Іосифова. Однакожъ удача сія не ослѣпила Поляковъ. Они чувствовали что имъ, такъ сказать забытымъ посреди непріязненнаго края, не легко будетъ удержаться противъ новыхъ покушеній Царскихъ Воеводъ. Они послали къ Зборовскому просить помощи, а между тѣмъ для средоточенія собственныхъ оборонительныхъ средствъ сожгли посадъ въ намѣреніи ограничиться защитою каменной монастырской ограды.

Зборовскій, извѣщенный объ опасности угрожающей Іосифову, вошелъ въ сношеніе съ Казановскимъ. Оба вождя уговорились соединиться 9 Мая подъ Царевомъ — Займищемъ и вмѣстѣ итти къ Іосифову, но участь защитниковъ обители была уже рѣшена прежде прибытія ихъ.

Духъ своеволія и разномыслія не оставлялъ закоснѣлыхъ Тушинцевъ, укрывавшихся за стѣнами монастырскими. Одни желали оставаться тамъ въ ожиданіи требованной помощи; другіе изъявляли намѣреніе пробиться сквозь непріятеля. Послѣ жаркихъ преній, мнѣніе послѣднихъ

превозмогло. Очистивъ монастырь, достаточно снабженный орудіями и запасами, всѣ шумною толпою выступили въ поле и расположились лагеремъ. Тутъ опять возникли новые раздоры: одни хотѣли итти въ Калугу къ Самозванцу, другіе въ Смоленскъ къ Королю. Поляки занятые междуусобіемъ, не приняли даже обыкновенныхъ мѣръ предосторожности, дабы обезопасить свой лагерь: никто не хотѣлъ выѣхать на стражу. Делавиль извѣщенный чрезъ перебѣжчика о столь непростительной небрежности, поспѣшилъ ею воспользоваться. Взявъ съ собою 200 Французовъ и 500 конныхъ Русскихъ, онъ ночью сильно ударилъ на безпечныхъ непріятелей, и такъ разгромилъ ихъ, что изъ всего отряда Руцкаго спаслось не болѣе 300 человѣкъ успѣвшихъ достигнуть Царева-Займища. Послѣ сего подвига Делавиль и Валуевъ безпрепятственно заняли Іосифовъ. При семъ случаѣ, возвращенъ изъ плѣна Митрополитъ Филаретъ и отправленъ въ Москву.

Пясецкій.

Видекиндъ и Никоновская лѣтопись.

Рукопись Филарета.

Делавиль оставивъ Валуева въ Іосифовѣ возвратился къ Горну, который въ сопровожденіи Князя Хованскаго выступилъ къ Бѣлой, въ надеждѣ покорить сей городъ при помощи тайныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ обывателей. На пути войско Царское вездѣ встрѣчало самыя дружескія расположенія въ

Дневникъ Осады Смоленска и Жолкѣвскій.

сельскихъ жителяхъ оскорбленныхъ неистовствами Поляковъ и Козаковъ. Крестьяне охотно доставляли продовольствіе и даже обѣщались собрать деньги на жалованье иноземцамъ. Совсѣмъ тѣмъ предпріятіе не удалось. Оборона Бѣлой поручена была завоевателю ея Гонсѣвскому. Не смотря что при немъ было только нѣсколько сотъ Поляковъ и 1,000 Козаковъ, онъ встрѣтилъ Горна и Хованскаго, подъ стѣнами города. 26 Мая завязался упорный бой, прекращенный только темнотою ночи. На слѣдующій день, шестнадцать Французовъ перешли къ Гонсѣвскому и увѣдомили его, что нѣкоторые изъ Бѣлянъ, уговорились съ Царскими Воеводами поджечь стѣну во время предположеннаго приступа. Гонсѣвскій приказалъ схватить всѣхъ оговоренныхъ. Горнъ и Хованскій не вѣдая еще о разстройствѣ замысла своего, 28 числа пошли на приступъ. Нападающіе съ нетерпѣніемъ, но вотще ждали пожара. Стѣна не дымилась и они убѣдившись наконецъ, что не чего имъ полагаться на содѣйствіе Бѣлянъ, отступили потерявъ болѣе 100 человѣкъ. Сія неудача и полученное Горномъ и Хованскимъ извѣстіе, что Козаки Казановскаго въ тылу отбили ихъ обозъ, побудили сихъ вождей обратиться въ слѣдующую ночь назадъ къ Зубцеву. Они отступили

Нѣмцевичь и дневникъ Осады Смоленска.

Видекиндъ.

во время; ибо уже имъ угрожала новая опасность со стороны Смоленска.

Извѣстія получаемыя въ Королевскомъ станѣ согласовались въ томъ, что на выручку Смоленска собиралось уже въ Можайскѣ Царское войско, которое, при содѣйствіи отряда Князя Хованскаго и Горна, легко могло подавить Польскіе отряды оберегавшіе Смоленскую дорогу. Отряды сіи расположены были слѣдующимъ образомъ: Полковникъ Казановскій съ 800 человѣкъ стоялъ въ Вязьмѣ, имѣя передъ собой въ Царевѣ-Займищѣ Дуниковскаго съ 700 человѣкъ; въ Шуйскомъ находился Зборовскій съ 3,000 Тушинскихъ Поляковъ и съ Козаками Заруцкаго. Всего на всего было, можетъ быть не болѣе 6,000 человѣкъ, но и отъ тѣхъ нельзя было ожидать дружнаго дѣйствія, какъ потому что надъ ними не было общаго начальника такъ и по обычному своевольству Тушинцевъ. Король почелъ необходимымъ хотя нѣсколько усилить сіи войска и приказалъ Коронному Гетману Жолкѣвскому отправиться для соединенія съ ними, взявъ съ собою 980 конныхъ Поляковъ и 1,100 пѣхоты. Сигизмундъ полагалъ, что самые Тушинцы устыдятся не слушаться вождя знаменитаго каковымъ былъ Жолкѣвскій, какъ по званію своему, такъ и по личному достоинству. Гетманъ, нѣсколько колебался принять

Жолкѣвскій.

Дневникъ Осады Смоленска.

предлагаемое ему порученіе; предводительствовать горстію людей было несовмѣстно съ его званіемъ и къ тому же казалось невѣроятнымъ, съ толь малымъ числомъ войска успѣть удержать стремившагося къ Смоленску сильнаго непріятеля; однакожъ съ другой стороны онъ наконецъ разсудилъ, что подвергаясь опасностямъ неравнаго боя, онъ могъ имѣть болѣе случая съ пользою и славою оказать заслугу своему отечеству, чѣмъ оставаясь подъ Смоленскомъ, безмолвнымъ свидѣтелемъ имъ вовсе не одобряемой осады. Пока Жолкѣвскій рѣшаясь на предпріятіе трудное, собирался въ походъ, получено донесеніе отъ Гонсѣвскаго, о подступленіи Горна и Хованскаго подъ Бѣлую. Король опасаясь чтобы городъ сей, по причинѣ малолюдства своихъ защитниковъ, не попался во власть непріятеля, усилилъ Гетмана еще 500 Польскихъ всадниковъ, и предписалъ ему немедленно итти не на Вязьму какъ прежде предполагалось, а прямо къ Бѣлой, на помощь Гонсѣвскому.

Жолкѣвскій.

28 Мая вечеромъ Гетманъ выступилъ изъ подъ Смоленска по данному направленію, но на пути извѣстясь объ отступленіи Горна и Хованскаго изъ подъ Бѣлой отослалъ обратно приданныхъ ему 500 всадниковъ, а съ остальными продолжалъ слѣдовать къ Бѣлой куда и прибылъ 4

Дневникъ Осады Смоленска.

Іюня. Послѣ двухдневнаго въ семъ городѣ отдохновенія, онъ снова выступилъ 7 числа по дорогѣ къ Шуйскому, гдѣ по посланному отъ него предписанію, Казановскій и Дуниковскій должны были соединиться съ Зборовскимъ.

Доставленныя Полякамъ извѣстія о сборѣ Царскаго войска подъ Можайскомъ были основательны. Уже около половины Мая, находился
Разряды. тамъ Бояринъ Князь Андрей Васильевичь Голицынъ, съ нѣсколькими полками. Скоро послѣ
Пископовская лѣтопись. того и самъ Князь Дмитрій Ивановичь Шуйскій отправился тудаже, со всѣми собранными въ столицѣ Царскими воинами; но Делагарди съ
Видекиндъ. своими иноземцами не пошелъ съ нимъ, остановившись на половинѣ дороги отъ Можайска въ Москву, въ ожиданіи обѣщанныхъ Царемъ денегъ на жалованье войску. По несчастію истощенная Царская казна, не въ состояніи была удовлетворить его. Василій обратился къ Троицко-Сергіеву монастырю, какъ къ обычному своему прибѣжищу во всѣхъ государственныхъ бѣдствіяхъ. Однакожъ въ семъ случаѣ,
Палицынъ. Архимандритъ Іосафъ не нашелъ возможнымъ согласиться на новыя пожертвованія. По приказанію его Келарь Авраміи Палицынъ представилъ Царю, что иноки достаточно уже доказали свою готовность неизмѣнно служить отечеству, проливая кровь свою и расточая житницы

свои; что деньгами также они выдали уже въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ 65,655 рублей (218,850 нынѣшнихъ серебряныхъ) изъ коихъ 15,400 даны заимообразно Царю Борису на ратныхъ людей противъ Разстриги, 30,000 взяты насильно Отрепьевымъ, а послѣднія 20,255 доставлены разновременно самому Василью и что оскудѣвшая наконецъ казна ихъ едва достаточна была для возстановленія разоренныхъ, во время осады обители, башень, стѣнъ и другихъ монастырскихъ строеній. Царь слушалъ Келаря съ умиленіемъ, скорбѣлъ, прослезился, но не менѣе того тѣснимый крайностію приказалъ посланному въ Лавру, дьяку Семену Самсонову, взять не только всѣ въ наличности, находившіеся тамъ деньги, но даже золотые сосуды и богатѣйшіе изъ серебряныхъ. Сія насильственная мѣра, по духу времени почитаемая святотатствомъ, только что подала поводъ къ новому ропоту на Василія, а въ сущности далеко не покрывала необходимыхъ издержекъ.

Князь Шуйскій, прибывъ въ Можайскъ, занялся сосредоточеніемъ всѣхъ по близости находившихся отрядовъ. Василій Ивановичь Бутурлинъ, стоявшій въ Погорѣломъ Городищѣ съ отрядомъ бывшимъ подъ предводительствомъ Валуева, поспѣшилъ соединиться съ главнымъ вождемъ Царскаго войска, но иноземцы медли- Разряды.

ли. Делагарди не трогался съ мѣста, требуя своему войску заслуженнаго жалованья. Съ другой стороны Горнъ озабоченъ былъ важными неустройствами, возникшими между его воинами.

Жолкѣвскій, приступая къ дѣйствіямъ, гдѣ при весьма слабыхъ средствахъ ему предстояло бороться съ многочисленнымъ непріятелемъ, старался хотя нѣсколько обезсилить его посредствомъ тайныхъ происковъ. Въ семъ намѣреніи онъ уговорилъ одного изъ передавшихся подъ Бѣлою Французовъ, доставить къ своимъ соотечественникамъ Горнова отряда письмо, коимъ убѣждалъ ихъ не помогать Русскимъ. Французъ принесъ письмо въ станъ Горновъ и скоро нашелъ сообщниковъ даже между офицерами. Двое изъ нихъ по имени Пинаръ и Кольвиль, стали мутить воиновъ, напоминая, что имъ не выдаютъ сполна условленнаго жалованья и разглашая, что ихъ ведутъ въ чужую, отдаленную землю на вѣрную погибель. Первымъ слѣдствіемъ сихъ наущеній было, побѣгъ 80 Англичанъ, въ одну ночь отправившихся къ Полякамъ. Уже колебалось и все войско. Однакожъ на сей разъ, Горну удалось хотя съ трудомъ утишить ропотъ. По его повелѣнію Французъ принесши Гетманово письмо былъ повѣшенъ. Но плевелъ разврата былъ уже посѣянъ между Горновыми вои-

Дневникъ Осады Смоленска. Видекиндъ. Жолкѣвскій.

нами, которые какъ бы не хотя слѣдовали за начальникомъ своимъ къ Можайску, куда онъ направился вмѣстѣ съ Княземъ Хованскимъ.

Впрочемъ Князь Шуйскій, и безъ иноземцевъ имѣлъ уже при себѣ въ Можайскѣ довольно значительное войско. Желая дѣйствія свои устроить по примѣру славнаго предшественника своего, Скопина, онъ выслалъ впередъ Князя Өеодора Андреевича Елецкаго и Григорья Леонтьевича Валуева съ 8,000 человѣкъ пѣхоты и конницы для поставленія острога при Царевѣ-Займищѣ, уже очищенномъ Дуниковскимъ, который въ слѣдствіе распоряженій Гетмана, отступилъ къ Шуйскому. Елецкій и Валуевъ, достигнувъ своего назначенія, немедленно занялись постройкою острога.

Жолкѣвскій и Никоновская лѣтопись.

Между тѣмъ Жолкѣвскій продолжалъ путь свой и 12 Іюня прибылъ въ Шуйское. Тутъ стояли уже Зборовскій, Казановскій и Дуниковскій въ станѣ огражденномъ рогатками, по причинѣ близости Царскаго отряда занимавшаго Царево-Займище. Гетманъ нашелъ еще въ Шуйскомъ два полка вольныхъ Козаковъ, которые по приглашенію его пришли служить подъ его начальствомъ. Полковниками полковъ сихъ, въ коихъ въ обѣихъ вмѣстѣ считалось болѣе 3,000 всякаго сброда людей, были Пясковскій и Ивашинъ.

На другой день Гетманъ намѣревался со всѣмъ войскомъ итти къ Цареву-Займищу. Но Тушинцы Зборовскаго объявили, что не тронутся съ мѣста, потому что въ отвѣтъ на послѣднюю ихъ посылку къ Королю имъ было обѣщано 100,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) которыхъ однакожъ имъ не прислали. Гетманъ хотѣлъ было ѣхать самъ уговаривать ихъ; но они, чтобы не увлечься личнымъ къ нему уваженіемъ, вопреки пользамъ и намѣреніямъ своимъ, уговорились не собираться въ Коло, пока онъ не выѣдетъ изъ Шуйскаго. Тогда Жолкѣвскій рѣшился послать къ нимъ Гербурта, Старосту Тлумацкаго, который увѣщевалъ ихъ не портить упорствомъ своимъ дѣла полѣзнаго для всей Польши, и увѣрялъ что денегъ еще не прислано имъ только по случаю невѣрности путей, подверженныхъ частымъ разбоямъ шаекъ образовавшихся въ краѣ, гдѣ господствовало неустройство. Тушинцы отвѣчали что ихъ давно уже тѣшатъ пустыми обѣщаніями, что безъ денегъ они не намѣрены служить Королю и наконецъ что если до 9 Іюля условленные 100,000 злотыхъ не будутъ имъ присланы, то они обратятся къ другимъ мѣрамъ для полученія себѣ заслуженной награды. Впрочемъ они велѣли сказать Гетману, что, изъ искренней преданности къ его особѣ, не откажутся помогать ему, если

Дневникъ Осады Смоленска.

Нарушевичъ.

бы потребовала того настоящая его безопасность.

Жолкѣвскій не желая раздражать ихъ новою настойчивостію, прекратилъ сношенія съ ними и съ остальнымъ войскомъ, не исключая и козаковъ, двинулся впередъ и пройдя 7 верстъ, приказалъ разбивать лагерь а самъ съ 1,000 всадниковъ отправился къ Цареву-Займищу для осмотра положенія Царскаго отряда. Жолкѣвскій.

Царево-Займище лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки Сежи, образующей подъ самымъ селеніемъ прудъ, который однакожъ былъ спущенъ. Плотина пруда была такъ широка что по ней врядъ могли итти сто лошадей. Она перерѣзывалась спускомъ, на коемъ устроенъ былъ мостъ. По бокамъ плотины ниже коей протекала по болоту рѣчка были глубокія промоины. По топямъ праваго берега тянулся густой кустарникъ, образующій какъ бы стѣну примыкавшую къ плотинѣ. Царскіе Воеводы расположились на правомъ берегу на-супротивъ плотины, на разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла. Станъ ихъ, тщательно укрѣпленный не тольо валомъ и рвомъ Маскѣвичъ. но даже и деревянными башнями, примыкалъ справа къ болоту, а слѣва и стыла къ обширному лѣсу. Только спереди разстилалась луговая равнина простирающаяся до рѣчки и до растущаго по берегахъ ея кустарника. Изъ Вое-

водъ знатнѣйшій Князь Елецкій былъ главнымъ начальникомъ лишъ по имени; всѣмъ заправлялъ и распоряжалъ способнѣйшій, Валуевъ.

При приближеніи непріятеля, Валуевъ приказалъ зажечь Царево-Займище а самъ съ 3,000 конницы и пѣхоты вышелъ изъ окоповъ на встрѣчу Гетману. Съ обѣихъ сторонъ передовые сошлись на плотинѣ. Произошла маловажная сшибка. Если бы Царскіе воины ударили дружно, то по несоразмѣрности силъ, дѣло приняло бы худой оборотъ для Жолкѣвскаго, который за пренебреженіе къ своему непріятелю получилъ бы должное наказаніе. Но Валуевъ, извѣщенный чрезъ Русскаго перебѣжчика, что тутъ находился самъ Гетманъ, не могъ вообразить чтобы опытный и искусный вождь сей вдругъ оказался опрометчивымъ и съ горстью людей отважился, столь близко подступить къ сильному отряду безъ надлежащаго подкрѣпленія, потому опасаясь засады онъ уклонился отъ боя, и поспѣшилъ возвратиться въ окопы. Гетманъ пользуясь симъ, отступилъ безвредно въ станъ свой находившійся еще позади въ 14 верстахъ.

Жолкѣвскій.

На слѣдующій день, 14 Іюня, Гетманъ двинулся къ Цареву-Займищу со всѣмъ бывшимъ при немъ войскомъ. Подойдя къ селенію онъ съ Польскою конницею остановился на высотахъ лѣваго берега рѣчки. Пѣхота же спусти-

лась къ плотинѣ и расположилась при входѣ на оную на пепелищѣ селенія; козаки помѣстились ниже селенія при болотѣ. Въ семъ положеніи Гетманъ намѣревался ожидать ночи, дабы пользуясь темнотою перейти безопасно черезъ плотину, на которой мостъ надъ спускомъ былъ разобранъ по приказанію Валуева. Но неожиданное обстоятельство побудило его предпринять сію переправу еще днемъ.

Казалось что Валуевъ держалъ всѣхъ своихъ людей въ окопахъ. Внѣ оныхъ показывались только около ста всадниковъ, да и тѣ разъѣзжали подъ самыми окопами. По видимому плотина оставалась безъ защитниковъ. Однакожъ Гетману, тщательно осмотрѣвшему мѣстность, показалось невѣроятнымъ чтобы противникъ его вовсе отказался воспользоваться ею, для оспориванія переправы. Въ особенности онъ подозрѣвалъ, что кроется засада въ густомъ кустарникѣ прилегающемъ къ оконечности плотины, и потому, для большой предосторожности, онъ накрѣпко запретилъ своимъ выходить или выѣзжать на плотину. Опасенія его были основательны. Въ самомъ дѣлѣ, Валуевъ засадилъ нѣсколько сотъ стрѣльцевъ какъ въ кустарникѣ такъ и въ промоинахъ находившихся по бокамъ плотины, въ надеждѣ что непріятели по примѣру предъидущаго дня, безпечно вскочатъ на

плотину и подадутъ случай засѣвшимъ стрѣльцамъ, нанесть имъ значительный уронъ. Но какъ Поляки, удерживаемые предусмотрительностію Гетмана, не показывались на плотинѣ; то стрѣльцы соскучившись стали изъ промоинъ перебѣгать другъ къ другу, и тѣмъ дали стоящимъ на стражѣ Полякамъ возможность ихъ замѣтить. Тогда Гетманъ призналъ необходимымъ немедленно очистить проходъ. По его приказанію пѣхота стала въ ружье и начала стройно наступать по плотинѣ, Между тѣмъ, нѣсколько сотъ спѣшивщихся козаковъ спустились въ прорванный прудъ, и тихо потянулись вдоль прикрывающей ихъ плотины, не бывъ примѣчены стрѣльцами, вниманіе коихъ было устремлено исключительно на выходившую на плотину Польскую пѣхоту. Козаки поравнявшись съ стрѣльцами изъ подъ плотины выскочили на нее и стремительно ударили на стрѣльцевъ, которые пораженные внезапнымъ нападеніемъ, со стороны откуда они не ожидали непріятеля, стремглавъ побѣжали въ кустарникъ. Польская пѣхота перебралась черезъ спускъ, не смотря на разломанный мостъ и живо преслѣдовала бѣжавшихъ черезъ кустарникъ до самой равнины находившейся передъ станомъ Царскаго войска. Валуевъ на выручку стрѣльцевъ, немедленно вывелъ изъ окоповъ 3,000 человѣкъ конницы и пѣхоты. Бой началъ при-

нимать другой оборотъ. Польской пѣхотѣ, поражаемой ружейнымъ огнемъ съ башень стана и тѣснимой превосходными силами, трудно было держаться, безъ содѣйствія своей конницы которой за разрушеніемъ моста не возможно было переправиться черезъ спускъ. Но стараніемъ Гетмана мостъ былъ поспѣшно исправленъ, и тотъ часъ же 1,000 Польскихъ всадниковъ переправились по немъ и вступили въ дѣло. Валуева воины въ свою очередь дали тылъ; нѣкоторые изъ нихъ возвратились въ окопы, другіежъ помчались мимо окоповъ и скрылись въ лѣсу. Впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ, уронъ былъ не значителенъ. Гетманъ оставя отрядъ за плотиною на правомъ берегу рѣчки для сохраненія за собою переправы, самъ возвратился въ свой лагерь.

На другой день, Жолкѣвскій со всѣмъ войскомъ переправился за рѣчку, обошелъ окопы и расположился въ тылу оныхъ, въ лѣсу на Можайской дорогѣ. Здѣсь получилъ онъ важное подкрѣпленіе. Зборовскаго Тушинцы услышавъ что онъ уже сражается съ Царскимъ войскомъ, устыдились своего бездѣйствія когда ихъ братья были въ опасности, и поспѣшили соединиться съ ними. Гетманъ созвавъ ихъ въ Коло самъ пріѣхалъ благодарить за усердіе. Они приняли его молчаливо, безъ обыкновенныхъ восклица-

Письмо Жолкѣвскаго къ Королю Сигизмунду изъ Царево-Займища отъ 14/24 Іюня 1610.

ній, и отозвались что готовы служить Королю, только требовали, чтобы онъ непремѣнно обязался обѣщанныя деньги доставить имъ въ теченіи недѣли. Гетманъ отвѣчалъ что деньги будутъ присланы неукоснительно, но что по военнымъ обстоятельствамъ никакого срока опредѣлить нельзя. Впрочемъ онъ написалъ Королю чтобы поспѣшалъ высылкою сихъ денегъ, дабы не подать Тушинцамъ повода къ новому неповиновенію.

Съ просоединеніемъ Зборовскаго, у Жолкѣвскаго находилось въ сборѣ до 11,000 человѣкъ, слѣдственно онъ уже былъ сильнѣе Елецкаго и Валуева. Нѣкоторые изъ Поляковъ совѣтовали Гетману воспользоваться симъ превосходствомъ чтобы немедленно напасть на станъ Царскихъ Воеводъ, но искусный вождь не одобрилъ сего предположенія. Онъ разсудилъ что Русскіе тогдашняго времени, противники слабые въ открытомъ полѣ, въ укрѣпленіяхъ защищались какъ львы; что окопы ихъ были устроены весьма хорошо и что выбивать ихъ оттуда было дѣломъ труднымъ и даже опаснымъ. Рѣшившись дѣйствовать осторожнѣе, Жолкѣвскій принялъ въ соображеніе полученныя отъ плѣнныхъ извѣстія, что въ Русскомъ станѣ нуждались въ продовольствіи, и что другихъ съѣстныхъ припасовъ не было кромѣ того что оставалось отъ

Жолкѣвскій и Маскѣвичъ

привезеннаго каждымъ въ ращахъ и саквахъ. Стоило только воспрепятствовать подвозамъ доходить до Русскаго отряда, чтобы въ непродолжительномъ времени принудить его къ сдачѣ. Гетманъ сдѣлалъ сообразныя сему распоряженія. Отъ стана своего онъ вывелъ по лѣсу, прилегающему къ лѣвой оконечности Русскихъ окоповъ, рядъ осторожковъ прикрытыхъ рвомъ. Въ каждомъ острожкѣ помѣщались до ста человѣкъ. Не только пѣхота и козаки, но даже къ конницѣ принадлежащіе Пахолики, были употреблены на сію службу. Укрѣпленія сіи перерѣзывали всѣ дороги по коимъ Русскіе могли ожидать подвозовъ, а одно изъ нихъ препятствовало имъ даже ходить за водою.

Въ семъ стѣсненномъ положеніи Валуевъ бодрствовалъ. По его приказанію каждый день по нѣскольку разъ дѣлались вылазки, но удачи не было. Въ стычкахъ сихъ Русскіе, постоянно отгоняемые непріятельскою стрѣльбою изъ острожковъ потеряли до 500 человѣкъ. Опасность для нихъ увеличивалась со дня на день. Воины теряли духъ и многіе изъ нихъ начинали уже совѣщаться съ Русскими измѣнниками, находящимися при Гетманѣ. Валуевъ всю надежду полагалъ лишь на Князя Шуйскаго. Безпрестанно посылаемые имъ гонцы, ночью лѣсами, пробирались до Можайска.

*

Встревоженный Шуйскій сталъ снаряжаться въ походъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно просилъ Делагардія поспѣшить соединиться съ нимъ. Шведскій военачальникъ получивъ съ другой стороны удостовѣренія отъ Царя и Московскихъ Бояръ что въ Можайскѣ уже готово жалованье для войска, пошелъ къ сему городу, но прибывъ туда не нашелъ ни денегъ ни Шуйскаго. Князь Дмитрій Ивановичь крайне озабоченный печальными извѣстіями получаемыми отъ Валуева, уже двинулся на его выручку. Какъ Валуевъ могъ ожидать подвозовъ только отъ Можайска, Боровска и Серпухова, то острожки Гетмановы около его окоповъ простирались единственно отъ Можайской дороги къ Югу, почему Князю Шуйскому удобнѣе было войти въ сношеніе съ Валуевымъ съ Сѣвера. По сей причинѣ Князь, имѣя въ виду приблизиться къ нему съ сей стороны, не пошелъ по большой дорогѣ изъ Можайска въ Царево-Займищѣ, но свернулъ съ нее вправо и проселкомъ направился на Клушино. Съ дороги онъ еще писалъ къ Делагардію, обѣщая немедленную присылку денегъ и умоляя его не уклоняться болѣе отъ соучастія въ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ на избавленіе Валуева. Делагарди опасаясь отвѣтсвенности за могущую произойти отъ дальнѣйшаго его упорства погибель для Валуева, согласился

Видекиндъ.

Жолкѣвскій.

удовлетворить требованію Шуйскаго. Онъ выступилъ изъ Можайска 21 Іюня и пошелъ на встрѣчу Горну, шедшему отъ Зубцева. Оба Шведскія вождя сошлись въ деревнѣ Масловѣ въ 25 верстахъ отъ Можайска по направленію къ Погорѣлому-Городищу. Въ тотъ же день Делагарди получилъ наконецъ обѣщанныя деньги. Но самое обстоятельство сіе, удовлетворявшее желаніямъ иноземцевъ, едва не подвигло ихъ къ явному бунту. Роты требовали платы на полное число людей въ нихъ положенное, а Делагарди отпускалъ только на наличныхъ воиновъ. Кромѣ того, 21 числа онъ роздалъ деньги одному Горнову отряду; своимъ же людямъ объявилъ что на правильную раздачу жалованья у него не доставало времени, что по важности военныхъ обстоятельствъ онъ долѣе походомъ медлить не можетъ и что по тому должно отсрочить раздачу сію до времени освобожденія Валуева. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ и когда 23 по утру, Делагарди приказалъ войску выступить изъ стана, то Кинкгольмская конница явно отказалась отъ послушанія. Однакожъ твердость Делагардія обуздала мятежъ. Онъ приказалъ казнить главнаго зачинщика и таковымъ примѣромъ строгости укротилъ прочихъ. Все войско двинулось усиленнымъ переходомъ и на закатѣ солнца достигло Клушина, куда въ тотъ же день

Видекиндъ.

прибылъ и Князь Шуйскій. Оба полководца совершивъ свое соединеніе остановились для ночлега, миновавъ Клушино, при выходѣ изъ лѣса на довольно обширной полянѣ. Шуйскій имѣвшій при себѣ 30,000 Русскихъ и 11 полевыхъ орудій, расположился при лѣсѣ позади малой деревни; Делагарди съ своими 8,000 иноземцевъ сталъ нѣсколько правѣе при рѣчкѣ. Русскій станъ былъ огражденъ рогатками, а иноземцы прикрылись своими повозками. Поляна находившаяся впереди обѣихъ становъ перерѣзывалась двумя деревушками, а сверхъ того насупротивъ стана иноземцевъ высокими плетнями. По вдохновенію военной опытности своей, Делагарди совѣтовалъ Шуйскому укрѣпить передовую часть своего стана и выслать разъѣзды для наблюденія за движеніемъ непріятеля. Но все сіе осталось неисполненнымъ. Утомленное переходомъ войско, искало только отдохновенія. Всѣ мѣры предосторожности ограничились укрѣпленіемъ деревни лежавшей въ головѣ стана Шуйскаго. Безпечность вождей происходила отъ пренебреженія къ непріятелю коего не сомнѣвались подавить чрезвычайнымъ превосходствомъ силъ своихъ. Делагарди даже увѣренъ былъ скоро имѣть въ рукахъ своихъ самаго Жолкѣвскаго. Ужиная у Князя Шуйскаго онъ сказалъ: *Когда я былъ взятъ въ плѣнъ въ Волмарѣ, Гетманъ подарилъ мнѣ*

Жолкѣвскій, Маскѣвичъ и Видекиндъ.

рысью шубу, а теперь у меня готова соболья, чтобы отдарить его. Скоро хвастливость сія строго была наказана.

Жолкѣвскій, увѣдомленный о выступленіи Князя Шуйскаго изъ Можайска, бдительно слѣдилъ за всѣми оборотами его, и безпрестанно посылалъ разъѣзды для развѣдыванія. Одному изъ сихъ разъѣздовъ, подъ начальствомъ Ротмистра Невѣдоровскаго, удалось схватить нѣсколько Боярскихъ дѣтей, отдѣлившихся отъ Шуйскаго войска для добыванія живности. По показанію сихъ плѣнныхъ, представленныхъ Гетману 23 по утру, Шуйскій въ тотъ же день долженъ былъ расположиться на ночлегъ подъ Клушинымъ. Сіе извѣстіе подтвердили еще въ то же утро перебѣжавшіе изъ отряда Горна въ Польской станъ пятеро Французовъ и Шотландцевъ. Отъ Клушина до Царево-Займища считается не болѣе 30 верстъ: дѣло очевидно клонилось къ роковой развязкѣ.

Важность обстоятельствъ побудила Гетмана немедленно созвать всѣхъ Полковниковъ и Ротмистровъ на военный совѣтъ, для разрѣшенія вопроса: ожидать ли на мѣстѣ подступленія Шуйскаго или оставя часть войска противъ Елецкаго и Валуева, съ остальными итти на встрѣчу главному Царскому войску? Мнѣнія раздѣлились: нѣкоторые находили слишкомъ опаснымъ раз-

дроблять уже и безъ того столь слабое войско и потому полагали ожидать въ совокупности нападенія Шуйскаго; другіе возражали, что если Шуйскому дозволить подступить, то, можетъ быть, онъ воздержась отъ нападенія, станетъ по примѣру Скопина тѣснить Поляковъ острожками и перехватывая ихъ кормщиковъ, препятствовать имъ снабжаться съѣстными припасами. Для избѣжанія такихъ вредныхъ послѣдствій, они совѣтовали итти на встрѣчу Шуйскому, оставивъ достаточныя силы для удержанія Елецкаго и Валуева. Весьма замѣчательно, что, несмотря на очевидную опасность положенія Поляковъ, при столь непомѣрномъ превосходствѣ силъ непріятельскихъ, никто не предложилъ искать спасенія въ своевременномъ отступленіи, хотя многіе изъ Рыцарства, устрашенные отважною рѣшимостію Гетмана, думали, что ему, огорченному холодностію Короля, постыла жизнь и что онъ обрекая себя на вѣрную погибель, тудаже увлекаетъ и все войско. Но въ присутствіи Жолкѣвскаго никто не дерзнулъ объявить мнѣнія, которое бы имѣло хотя малѣйшую тѣнь малодушія; столь глубоко впечатлѣно было во всѣхъ сердцахъ уваженіе къ знаменитому Полководцу, являвшему необычайное безстрашіе при всей преклонности лѣтъ своихъ.

Гетманъ распустилъ совѣтъ, объявляя что

предоставляетъ себѣ на дальнѣйшее размышленіе, которому держаться изъ двухъ предложенныхъ образовъ дѣйствіи. Однакожъ онъ приказалъ на всякой случай быть всѣмъ готовыми къ походу запасшись двухдневнымъ продовольствіемъ. Нерѣшимость Гетмана была только притворная. Онъ не хотѣлъ преждевременно оглашать своего намѣренія, изъ опасенія чтобы кто либо изъ находившихся въ его станѣ Русскихъ не перебѣжалъ къ своимъ соотечественникамъ и не предостерегъ Шуйскаго или Валуева. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ уже твердо рѣшился итти на встрѣчу Шуйскому: не смотря на несоразмѣрность силъ, онъ не отчаявался въ успѣхѣ. Надежды его основывались на внезапности предпринимаемаго имъ нападенія и на шаткости иноземцевъ подъ рукою уже вызываемыхъ имъ къ измѣнѣ.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, Гетманъ разослалъ ко всѣмъ Полковникамъ коихъ намѣревался взять съ собою, повелѣніе выступать въ походъ черезъ часъ, какъ можно тише, безъ трубленія и безъ барабаннаго боя. Дабы скрыть движеніе сіе отъ Валуева, не тронули ни одного человѣка изъ стоявшихъ въ виду Русскаго стана. Гетманъ поручилъ Ротмистру Бобовскому главное начальство надъ войскомъ такимъ образомъ оставляемымъ на мѣстѣ и котораго число простиралось

до 900 человѣкъ Польской пѣхоты, 700 Польскихъ всадниковъ и 4,000 козаковъ. Самъ Жолкѣвскій выступилъ въ 7 часовъ вечера съ 4,700 Польскихъ всадниковъ, 400 Козаковъ, 200 человѣкъ Польской пѣхоты и двумя полевыми орудіями. Всего на всего было при немъ 5,300 человѣкъ съ коими онъ смѣло шелъ на пораженіе 38-ми тысячнаго Царскаго войска. Такъ Александръ ополчался на Дарія.

Намѣреніе Гетмана было врасплохъ напасть на спящихъ воиновъ Шуйскаго и Делагардія. Но исполнить сіе было трудно какъ по причинѣ дурной узкой дороги, пролегающей черезъ лѣсъ, такъ и по краткости ночи въ сіе время года. Правда, самъ Гетманъ съ головнымъ отдѣленіемъ своей конницы подошелъ къ Царскому войску до разсвѣта, но главныя силы его еще не выбрались изъ тѣснины, гдѣ останавливали слѣдованіе ихъ завязшія два орудія. Отъ сего замедленія Гетманъ потерялъ часъ драгоцѣннаго времени, коимъ Царскіе Воеводы воспользовались, чтобы на спѣхъ изготовиться къ бою для нихъ вовсе неожиданному. Жолкѣвскій съ своей стороны, во время вынужденнаго бездѣйствія, осмотрѣлъ мѣстность. Найдя что поляна гдѣ предлежало сраженіе, заграждена плетнями и двумя деревушками, онъ для большей свободы дѣйствій своей конницы, приказалъ

разломать по возможности плетни и вмѣстѣ съ тѣмъ зажечь деревушки, изъ опасенія, чтобы Шуйскій, располагавшій многочисленною пѣхотою, не занялъ оныхъ стрѣльцами, которые могли бы много вредить Полякамъ во время ихъ наступленія.

Наконецъ вся Польская конница вышла изъ лѣса; Гетманъ немедленно выстроилъ ее въ боевой порядокъ и вступилъ въ дѣло, не дожидаясь пѣхоты съ орудіями. На правомъ крылѣ противъ Русскихъ сталъ полкъ Зборовскаго, подкрѣпляемый полками Казановскаго и Людвига Вайгера, а на лѣвомъ противъ иноземцевъ полкъ Струся, также подкрѣпляемый Гетманскимъ полкомъ. Остальныя роты были оставлены въ запасѣ, въ колоннахъ. Нясковскій съ 400 вольныхъ козаковъ сталъ въ кустарникѣ на оконечности лѣваго крыла.

Царскіе Воеводы принимали также свои мѣры для отпора. Какъ со стороны Русскаго стана поле было чистое, то Князь Шуйскій выслалъ впередъ свою конницу, а сзади ея, по опушкѣ лѣса, расположилъ пѣхоту. Делагарди учинилъ противное. Впереди его находились плетни, которые не все еще были разобраны Поляками. За ними онъ засадилъ свою пѣхоту, подкрѣпляя ее, позади стоявшею конницею. Какъ Русское, такъ и иноземное войско стано-

вилось въ ружье съ торопливостію, неизбѣжною при неожиданныхъ дѣйствіяхъ. Воиновъ приводило въ колебаніе, отважное появленіе непріятеля, который по ихъ мнѣнію долженъ былъ лишь искать средствъ противъ опасности, ему самому угрожавшей.

Около трехъ часовъ утра (24 Іюня) Гетманъ приказалъ трубамъ и барабанамъ подать знакъ къ нападенію. Польская конница понеслась впередъ. Со стороны Русскихъ сопротивленіе было ничтожно. Царская конница не устояла въ открытомъ полѣ противъ стремительнаго натиска Зборовскаго. Она обратила тылъ, а по примѣру ея побѣжала и поддерживавшая ее Русская пѣхота. Часть опрокинутаго войска искала убѣжища въ Русскомъ станѣ, а другая разсыпалась по лѣсу. Впрочемъ Зборовскій былъ удержанъ отъ преслѣдованія бѣгущихъ, Княземъ Шуйскимъ, который съ 5,000 человѣкъ засѣлъ въ укрѣпленной деревнѣ, впереди его стана находившейся. Зборовскаго всадники не смѣли спѣшиться для нападенія на укрѣпленія, когда участь сраженія еще не была рѣшена на лѣвомъ ихъ крылѣ.

Тамъ Поляки встрѣтили болѣе сопротивленія. Плетни занятые иноземною пѣхотою, представляли важное препятствіе для ихъ дѣйствій. Хотя плетни были не совсѣмъ сплошные, но ни въ одинъ изъ находившихся узкихъ промежут-

ковъ, не могли пройти въ рядъ болѣе десяти лошадей. Однакожъ храбрая Польская конница пыталась нѣсколько разъ прорваться сквозь сіи промежутки; но всѣ усилія ея были тщетны. Проходившія роты, не получая за тѣснотою мѣста своевременнаго подкрѣпленія, всякой разъ были отражаемы иноземною конницею, дѣйствовавшею въ совокупности. Сей невыгодный для Поляковъ бой продолжался уже болѣе трехъ часовъ, съ значительнымъ для нихъ урономъ; ибо сражавшіяся роты много терпѣли отъ стрѣльбы Шведской пѣхоты, за плетнемъ стоявшей, какъ во время наступленія ихъ, такъ и при обратномъ проходѣ чрезъ промежутки плетня. Наконецъ, подоспѣла и Польская пѣхота съ орудіями. Хотя она состояла только изъ двухъ сотъ человѣкъ, но Гетманъ имѣлъ большое довѣріе къ симъ воинамъ, мужество коихъ испытано уже было во многихъ битвахъ, и потому поручилъ имъ отогнать иноземную пѣхоту отъ плетней. Сія горсть храбрыхъ блистательно исполнила свое дѣло, при содѣйствіи двухъ орудій. Иноземная пѣхота, уже нѣсколько разстроенная отъ пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣлала однакожъ залпъ по наступающимъ, но увидѣвъ, что не смотря на ея стрѣльбу, Поляки продолжали смѣло подходить къ ней, она не дождавшись ихъ, побѣжала отъ плетня къ близъ находившемуся

лѣсу. Когда такимъ образомъ очистился проходъ черезъ плетень, нѣсколько конныхъ Польскихъ ротъ высыпали на поле, гдѣ стояла иноземная конница и вступила съ нею въ бой, который еще продолжался нѣсколько времени безъ рѣшительнаго перевѣса ни на ту, ни на другую сторону. Хотя Гетманъ не переставалъ посылать подкрѣпленія сражающимся, такъ что въ запасѣ у него осталась только одна рота Казановскаго, однако Полякамъ уже трудно было держаться какъ по причинѣ ихъ малолюдства, такъ и потому, что гусары ихъ по большой части переломали свои копья. Иноземцы, замѣтивъ ихъ изнеможеніе, выслали для окончательнаго пораженія ихъ, свѣжій конный отрядъ, подкрѣпляемый другимъ подобнымъ. По несчастію, отряды сіи вмѣсто того чтобы сильнымъ натискомъ опрокинуть непріятеля, вздумали достигнуть сей цѣли одною стрѣльбою. Первой отрядъ подскочивъ на достаточное разстояніе, далъ залпъ, и сталъ поворачивать назадъ, чтобы зарядить ружья и очистить мѣсто второму отряду, для того же приближавшемуся, Поляки, воспользовавшись симъ мгновеніемъ, стремительно ударили съ палашами въ рукахъ на отходившихъ и опрокинули ихъ на второй отрядъ, который также смѣшался и обратилъ тылъ. Столь неожиданный оборотъ дѣла, такъ устрашилъ Делагердія и Гор-

на, что они побѣжали съ большею частію конницы своей чрезъ свой лагерь въ лѣсъ. Поляки преслѣдуя ихъ помчались черезъ станъ, не оставивъ никого для охраненія его. Таковою оплошностію иноземцы воспользовались. Пѣхота ихъ и примкнувшая къ ней часть Французской конницы составляли еще до 3,000 человѣкъ не совсѣмъ разстроеннаго войска. Отрядъ сей снова занялъ станъ свой. Между тѣмъ и Русскіе бѣглецы стали также оправляться. Бояринъ Князь Андрей Васильевичь Голицынъ и Окольничей Князь Данило Ивановичь Мозецкій успѣли уговорить многихъ изъ нихъ, объѣздомъ воротиться къ укрѣпленной деревнѣ, занимаемой Княземъ Шуйскимъ.

И такъ Гетманъ, согнавъ Царское войско съ поля битвы, не успѣлъ еще довершить побѣды; для достиженія сей цѣли ему необходимо было выбивать противниковъ своихъ изъ ихъ становъ. Трудно было ему отважиться на сіе, съ войскомъ усталымъ и претерпѣвшимъ уже уронъ значительный при его малолюдствѣ. Однакожъ онъ приказалъ нѣкоторымъ ротамъ приблизиться къ стану иноземцевъ, не столько для нападенія, на которое онъ еще не рѣшался, сколько для устрашенія иноземцевъ и привлеченія ихъ къ измѣнѣ. Мѣра сія имѣла необычайный успѣхъ. Французы, уже прежними тайными про-

исками приготовленные къ предательству, стали переходить по два и по три человѣка вдругъ. Перебѣжчики увѣряли Жолкѣвскаго что и прочіе соотечественники ихъ были наклонны послѣдовать ихъ примѣру. Въ самомъ дѣлѣ, все находившееся въ станѣ иноземное войско, было въ сильномъ волненіи. Бѣгство главныхъ вождей, Делагардія и Горна, порождало опасное безначаліе, коимъ воспользовались мутители, чтобы уговорить воиновъ не сражаться болѣе за злосчастнаго Царя. Одинъ изъ частныхъ начальниковъ, Подполковникъ Линке, не устыдился принять участіе въ семъ предательствѣ, и послалъ къ Жолкѣвскому предложеніе вступить въ переговоры. Обрадованный Гетманъ немедленно послалъ къ нему родственника своего Адама Жолкѣвскаго, которому не трудно было склонить Линке къ написанію условія по коему иноземцы обязывались не служить въ Россіи противъ Польскаго Короля, а Гетманъ обѣщалъ имъ личную безопасность и сохраненіе всего имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ позволялось всѣмъ желающимъ вступить въ Польскую службу, а тѣмъ которые на сіе не изъявили бы согласія, предоставлялся свободный путь до Шведской границы. Договоръ сей былъ утвержденъ не только присягою Подполковника Линке, но и знатнѣйшихъ Капитановъ, увлеченныхъ его примѣ-

ромъ и общимъ желанiемъ необузданныхъ воиновъ.

Между тѣмъ, Делагарди и Горнъ, болѣе не преслѣдуемые возвратились въ станъ, и Делагарди желая омыть стыдъ мгновеннаго малодушія, всячески старался удержать воиновъ отъ замышляемой измѣны и уничтожить дѣйствіе договора, заключеннаго съ Линке. Всѣ усилія его однакожъ остались безуспѣшными. Сила его начальнической власти уже безвозвратно утратилась. Никто его не слушался. Въ особенности неистовствовали Французы и Нѣмцы. Они требовали чтобы Делагарди самъ приступилъ къ договору, и получивъ отказъ, бросились грабить собственный его обозъ.

Князь Шуйскій, остававшійся до тѣхъ поръ въ укрѣпленной деревнѣ передъ своимъ станомъ, съ намѣреніемъ возобновить битву при содѣйствіи иноземцевъ, видя что они рѣшительно измѣняютъ не отважился безъ ихъ помощи противиться Полякамъ и побѣжалъ къ Можайску, разбросавъ за собою серебряныя кубки и чаши, богатыя одежды, соболья мѣха и другія драгоцѣнныя вещи, дабы сею приманкою отвлечь непріятелей отъ преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ весьма не многіе изъ Поляковъ пустились за нимъ въ погоню. Прочіе занялись собираніемъ добычи. Сверхъ сихъ сокровищъ достались въ руки побѣдителей и всѣ орудія и воинскіе

припасы при Русскомъ войскѣ находившіеся.

Гетманъ отдѣлавшись отъ Русскихъ, занялся покореніемъ Делагардія. Онъ послалъ къ нему Пана Борковскаго, съ требованіемъ исполнить постановленныя условія. Делагарди, въ самомъ уничиженіи своемъ сохраняя нѣкоторое достоинство, отказался признать Линковъ договоръ; но согласился самъ вступить въ личное сношеніе съ Гетманомъ. Свиданіе ихъ происходило между обоими войсками. Делагарди объявилъ что готовъ принять тѣже условія на которыя согласился Линке, но съ тѣмъ чтобы иноземцамъ, не желавшимъ вступить въ Польскую службу, дозволено было идти къ Шведской границѣ съ распущенными знаменами и въ полномъ вооруженіи, и чтобы не возбранялось имъ требовать отъ Царя остальную часть заслуженнаго ими жалованья. Гетманъ не воспротивился сему маловажному распространенію прежнихъ условій, и оба полководца разъѣхались миролюбно.

Успѣшно окончивъ сіе важное дѣло, Гетманъ, ни мало не мѣшкавъ, направился обратно къ Царево-Займищу. Онъ опасался, чтобы Валуевъ не увѣдомился объ его отсутствіи и не воспользовался бы онымъ для нападенія на Бобовскаго.

Делагарди съ своей стороны, по возвращеніи въ станъ свой, увѣдомился что девятнадцать

ротъ конницы и двѣнадцать пѣхоты, не дождавшись чѣмъ кончится его свиданіе съ Гетманомъ, самовольно уже перешли къ Полякамъ. Для удержанія въ порядкѣ прочихъ, онъ приказалъ немедленно изготовляться къ походу. Воины нѣсколько удовлетворенные захваченными въ счетъ уплаты жалованья своего, 5,450 рублями (18, 166⅔ нынѣшнихъ серебряныхъ) деньгами и на 7,000 рублей (на 23,333⅓ нынѣшнихъ серебряныхъ) мѣхами и сукнами, начинали строиться въ путевый порядокъ. Но Лпике опасаясь быть наказаннымъ еслибы возстановилась начальническая власть Делагардія, удалился въ свою ставку съ нѣкоторыми изъ сообщниковъ своихъ, а между тѣмъ другіе изъ нихъ стали подстрекать къ неповиновенію Англичанъ, Нѣмцевъ и Французовъ. Преступныя сіи внушенія имѣли полный успѣхъ. Французы первые вышли изъ рядовъ, а за ними стали безчинствовать и другіе. Бунтъ сдѣлался всеобщимъ. Отложивъ всякое чинопочитаніе, воины явно ругали Делагардія и Горна и бросились грабить остальную войсковую казну. Главные вожди, выведенные изъ терпѣнія, приказали по бунтовщикамъ выстрѣлить изъ орудій. Но крайняя мѣра сія, едва не обратилась имъ самимъ на пагубу. Она моглабы быть употреблена съ пользою для укрощенія въ первую минуту возмуще-

нія, но когда мятежъ сдѣлался уже всеобщимъ; то она только что воспламенила бунтовщиковъ новою яростію противъ главныхъ вождей, которые опасаясь за собственную жизнь свою, нашлись въ необходимости покориться волѣ своихъ необузданныхъ подчиненныхъ, въ надеждѣ, что имъ удастся исподоволь возстановить свою власть. Но они ошиблись и въ семъ расчетѣ. Правда мятежники, не встрѣчая болѣе понужденія отъ начальства, утихли; однакожъ оставаясь при прежнемъ неповиновеніи, они стеклись къ ставкѣ Липке, который уговаривалъ ихъ передаться Полякамъ. Напрасно Делагарди посылалъ къ нимъ съ увѣщаніемъ не оставлять службы Шведскаго Короля. Они не послушались и съ распущенными знаменами выступили къ Царево-Займищу, въ слѣдъ за Жолкѣвскимъ.

Не участвовавшихъ въ сей постыдной измѣнѣ оставалось только при Делагарди и Горнѣ 400 Шведовъ и Финновъ съ коими несчастные вожди спѣшили отступить къ Погорѣлому-Городищу, гдѣ находился больной Делавиль и при немъ два эскадрона Французской конницы. Но и въ Погорѣломъ Шведскіе Генералы не нашли успокоенія. На другой день ихъ прибытія туда, Французы подняли новый мятежъ, требуя уплаты жалованья. Какъ удовлетворить ихъ не было уже средствъ, то они разграбили остальное имуще-

ство въ лагерѣ находившееся и отказались отъ дальнѣйшей службы. Делагарди, Горнъ и Делавиль, съ горстью людей еще пребывшихъ вѣрными, отступили чрезъ Торжекъ къ Шведскимъ границамъ.

Клушинская побѣда стоила Гетману только 220 человѣкъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. По Польскимъ извѣстіямъ, пало на мѣстѣ сраженія до 1,200 иноземцевъ и нѣсколько тысячей Русскихъ, но изчисленіе сіе, кажется, преувеличено. Въ руки побѣдителей достались весь Русской пушечной снарядъ состоявшій изъ 11 орудій, нѣсколько десятковъ ихъ хоругвей, между коими и большое знамя главнаго вождя Шуйскаго, его карета, сабля, шишакъ и булава и множество богатой утвари и мѣховъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился начальникъ передоваго полка, Василій Ивановичь Бутурлинъ. Самъ Князь Дмитрій Шуйскій едва спасся отъ подобной же участи. Въ бѣгствѣ своемъ онъ увязилъ коня въ болотѣ и долго пѣшій скитался по лѣсу. Дневникъ Осады Смоленска.

Впрочемъ пагубныя для Россіи послѣдствія Клушинскаго разгрома состояли не только въ уронѣ, понесенномъ въ сраженіи сколько въ разсѣяніи всего Царскаго войска. Князь Дмитрій Шуйскій возвратился въ Москву, только съ весьма малымъ числомъ воиновъ; прочіе совершен-

но упадшіе духомъ, разбрелись по своимъ городамъ и помѣстьямъ, предавая беззащитныхъ Царя и столицу на произволъ злосчастнѣйшаго жребія.

Марховкій. Жолкѣвскій съ своей стороны возвратился въ прежній станъ свой подъ Царевымъ-Займищемъ 25 числа рано по утру. Онъ такъ удачно успѣлъ скрыть свои дѣйствія что Елецкій и Валуевъ не только не знали о его отбытіи, но даже не вѣрили его побѣдѣ, хотя Гетманъ приказалъ показать имъ взятые хоругви и плѣнныхъ. Въ самомъ дѣлѣ извинительно было Валуеву сомнѣваться, что въ столь короткое время Гетманъ могъ совершить свой походъ и разсѣять сильное войско Шуйскаго. Принимая выставляемые имъ трофеи за придуманную непріятелемъ воинскую хитрость, онъ отвергъ требованіе Гетмана о сдачѣ острога и самъ 26 числа сдѣлалъ сильную вылазку. Но Поляки отбили его и принудили съ урономъ возвратиться въ свои окопы. Въ тотъ же день прибыли въ Гетманскій станъ передавшіеся Полякамъ иноземцы. Сіе подтвержденіе объявляемой Гетманомъ побѣды поколебало недовѣрчивость Валуева и побудило его вступить въ переговоры. Многіе изъ Поляковъ, ободренные успѣхомъ, совѣтовали Жолкѣвскому не соглашаясь ни на какія условія, итти на приступъ къ Русскимъ окопамъ. Но Гетманъ

Жолкѣвскій и дневникъ Осады Смоленска.

предвидѣлъ что, по извѣстной упорности Русскихъ при защитѣ укрѣпленій выбить ихъ изъ оныхъ силою было дѣломъ не надежнымъ, и во всякомъ случаѣ неминуемъ уронъ весьма тягостный для Поляковъ по ихъ малолюдству. Онъ также расчелъ, что, посредствомъ тѣснаго обложенія, хотя можно было бы голодомъ вынудить Валуева къ безусловной сдачѣ, но что сего нельзя исполнить безъ потери времени, для него драгоцѣннаго чтобы вполнѣ пожать плоды одержанной имъ побѣды. По сей причинѣ онъ склонился на предложеніе Валуева, и послалъ къ нему сродника своего, Адама Жолкѣвскаго и Ивана Михайловича Салтыкова, сына стараго предателя. Впрочемъ, переговоры длились еще нѣсколько дней. Валуевъ не былъ еще совершенно убѣжденъ въ истинѣ разсказовъ о Клушинскомъ разгромѣ. Соединеніе иноземцевъ съ Поляками неоспоримо было невыгоднымъ происшествіемъ для Царя, но оно могло быть слѣдствіемъ отдѣльной измѣны и также естественно ему было полагать, что показываемые ему Русскіе плѣнные были взяты въ дѣлѣ съ какимъ либо отрядомъ, а не въ бою съ главнымъ Царскимъ войскомъ. Для отвращенія дальнѣйшихъ его сомнѣній, Гетмамъ рѣшился позволить ему послать въ Клушино вѣстовщиковъ, донесеніе коихъ удостовѣрили наконецъ Русскихъ Воеводъ

въ дѣйствительности совершеннаго разсѣянія Царскаго войска. Валуевъ, сраженный горестію, отчаялся въ спасеніи отечества. Видя что Царю не оставалось болѣе никакой возможности удержаться на престолѣ и что обнаженная Москва должна была неминуемо подпасть подъ власть Поляковъ, онъ возмечталъ что въ сихъ плачевныхъ обстоятельствахъ единственное средство отстоять Русскую самостоятельность, было добровольно покориться Владиславу, предварительно обязавъ его не дѣлать никакого измѣненія въ гражданскомъ быту Россіи и свято сохранять неприкосновенность ея предѣловъ. На семъ основаніи Валуевъ объявилъ готовность свою приступить къ постановленію договора. Жолкѣвскій утвердилъ присягою сочиненную запись, которою въ краткихъ рѣчахъ подтверждались всѣ условія договора 14 Февраля заключеннаго съ Салтыковымъ подъ Смоленскомъ, съ важною прибавкою состоявшею въ томъ, что Король обязывался, послѣ покоренія Смоленска, возвратить Россіи самый городъ сей (*). Полагая что тѣмъ обезпечилъ цѣлость Государства, Валуевъ 29 Іюня присягнулъ Владиславу. Его примѣру послѣдовали Князь Елецкій и все войско. Изъ послѣдняго около 5000 человѣкъ съ Воеводами

Мацкѣвичь.

Дневникъ Осады Смоленска.

(*) Смотри Приложенія № VIII.

присоединились къ Гетману; прочіе разбрелись.

Необычайный успѣхъ Польскаго оружія произвелъ такое оцѣпенѣніе въ умахъ Русскихъ, что покорство окрестныхъ городовъ предупреждало Гетманскія требованія о сдачѣ. Такимъ образомъ спѣшили поддаться Полякамъ Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифевъ монастырь, Погорѣлое-Городище и Ржевъ.

12 Іюля Жолкѣвскій прибылъ въ Можайскъ съ войскомъ значительно усиленнымъ. Кромѣ 6,200 Поляковъ, при немъ находилось болѣе 4,000 козаковъ, до 10,000 Русскихъ присягнувшихъ Владиславу и 3,000 иноземцевъ. Прочіе иноземцы, не согласившіеся вступить въ Королевскую службу, были имъ отосланы подъ Смоленскъ, для отправленія чрезъ Польшу въ свое отечество. Впрочемъ, Гетманъ не спѣшилъ къ Москвѣ; надѣясь скорѣе покороть столицу тайными происками чѣмъ открытою силою, онъ желалъ выиграть время необходимое для развитія устроеваемыхъ имъ ковъ. Однакожъ медленностію его, едва не воспользовался Самозванецъ; чтобы предупредить его въ занятіи первопрестольнаго града.

Мацкѣвичъ.

Дневникъ Осады Смоленска и Жолкѣвскій.

При первомъ извѣстіи о Клушинскомъ разгромѣ, Лжедимитрій принялъ дѣятельнѣйшія мѣры къ учиненію сильнаго поиска на Москву. Не вполнѣ довѣряя собранной при немъ въ Ка-

лугѣ Русской сволочѣ, онъ искалъ надежнѣйшей опоры въ прежде служившихъ ему Полякахъ. Тушинцы, отдѣлившіеся отъ Зборовскаго, расположены были на берегахъ Угры, въ недальнемъ разстояніи отъ Калуги. Хотя вождь ихъ Сапѣга и успѣлъ въ тайнѣ увѣрить Короля въ своей преданности, но не зависимо отъ того, что ему не легко было направлять на желаемый путь буйныхъ своихъ подчиненныхъ, онъ самъ по врожденному честолюбію, могъ прельститься мыслію быть главнымъ орудіемъ воцаренія мнимаго Димитрія. Самозванецъ вошелъ съ нимъ въ сношеніе и убѣдилъ дѣйствовать съ нимъ за одно. Оставалось уговорить Жолнеровъ. Лжедимитрій роздалъ ему по 41 злоту (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) на каждаго всадника. Алчная къ деньгамъ Шляхта съ восторгомъ обѣщалась служить по прежнему Тушинскому-Вору. Все Сапѣгино войско состояло изъ 1600 гусаръ, 2,800 Пятигорцевъ и 1,000 козаковъ, и раздѣлялось на четыре полка, коими начальствовали: Хрузлинскій, Тишкевичь, Будзила и самъ Сапѣга.

Дневникъ Сапѣги.

Лжедимитрій и Сапѣга оставили берега Угры 30 Іюня и направились черезъ Медынь къ городу Боровску, который осаждали Князь Михайло Волконскій, Яковъ Змѣевъ и Афанасій Челищевъ, съ отрядомъ Царскихъ войскъ уси-

Мархоцкій.

ленным до 10,000 человѣкъ, вооруженными крестьянами изъ окольныхъ деревень. При приближеніи непріятеля, Царскіе Воеводы сняли осаду и засѣли въ Пафнутьевѣ монастырѣ въ трехъ верстахъ отъ Боровска. Но всѣ ихъ люди не могли помѣститься въ обители и расположились большею частію около оной, подъ прикрытіемъ рогатокъ. Самозванецъ подступилъ подъ монастырь 5 Іюля. Не трудно было Полякамъ разогнать крестьянъ стоявшихъ за рогатками. За симъ непріятель бросился къ монастырской оградѣ; самые гусары спѣшившись приняли участіе въ нападеніи. Змѣевъ и Челищевъ устрашенные приготовленіями къ приступу, почли безполезнымъ дальнѣйшее сопротивленіе и приказали отворить ворота, въ надеждѣ покорностію укротить свирѣпство нападающихъ. Но малодушіе сіе однимъ имъ послужило къ спасенію. Непріятели, ворвавшись въ монастырь, безпощадно предавали все мечу и разоренію. Главный Воевода, Князь Волконскій, непричастный робкому дѣйствію своихъ товарищей, хотѣлъ благороднымъ подвигомъ омыть пятно ими положенное на начальствовавшихъ въ монастырѣ. Многіе люди, избѣгая лютости Поляковъ, бросились въ церковь. Князь Волконскій увѣщавалъ ихъ не предаваться беззащитно на закланіе; собою подавая примѣръ, онъ сталъ въ дверяхъ и долго

Дневникъ Сапѣги.

Жолкѣвскій.

Никоновская лѣтопись.

отбивалъ непріятеля спящаго проникнуть въ церковь. Наконецъ, онъ палъ, изнемогши отъ ранъ; Поляки, мало уважая его геройство, довершили его убіеніе, и съ нимъ вмѣстѣ предали смерти почти всѣхъ защитниковъ церкви. Кровопролитіе было столь велико, что труповъ сочтено до 4,000. Изъ пятидесяти иноковъ осталось въ живыхъ только десять.

Дневникъ Сапѣги.

Самозванецъ по разореніи монастыря, поворотилъ на Серпуховъ. Ему предшествовала страшная вѣсть о плачевномъ жребіи обители Св. Пафнутія; подъ вліяніемъ распространившагося ужаса, Серпуховскіе Воеводы сдали городъ безпрепятственно, хотя имѣли при себѣ отрядъ Царскаго войска. — Изъ Серпухова Лже-Димитрій снова обратился къ Москвѣ. На пути ему предстояло сражаться съ неожиданнымъ непріятелемъ.

Жолкѣвскій.

Царь Василій Ивановичь, готовясь на рѣшительную борьбу съ Королемъ Польскимъ, искалъ помощи въ сопредѣльныхъ земляхъ не отъ однихъ Шведовъ. Онъ требовалъ ея и отъ Крымскихъ Татаръ. Увлеченные подарками, Царевичь Араслапъ, Князь Сулешевъ и Мурзы Батербій и Кантемиръ согласились итти къ Москвѣ, для усиленія Василья, и дѣйствительно съ 15,000 Татаръ явились въ Серпуховскомъ уѣздѣ. Царь немедленно выслалъ изъ столицы къ нимъ на

Никоновская лѣтопись.

подкрѣпленіе войско подъ начальствомъ Бояръ Князя Воротынскаго и Князя Лыкова и Окольничаго Измайлова. Воеводы сіи убѣждали Царевича соединенными силами переправиться за Оку и напасть на Самозванца, но Сушелевъ самъ не пошелъ на непріятеля, а переправилъ за Оку только Мурзъ съ отрядомъ состоявшимъ отъ 3 до 4 тысячъ Татаръ, которые врасплохъ ударили на Самозванцевъ станъ, расположенный по берегу рѣчки Нары и сначала произвели въ немъ большое смятеніе. Но Поляки первые опамятовались и когда они сѣли на коней, Татары побѣжали и переправясь вплавь черезъ Оку возвратились къ главному своему войску. Тогда Князь Сушелевъ искавшій болѣе добычи чѣмъ воинской славы, объявилъ Царскимъ Воеводамъ, что нуждаясь въ продовольствіи онъ не можетъ продолжать дѣйствій своихъ и не смотря на убѣжденія ихъ пошелъ обратно въ Крымъ, гоня за собою толпы беззащитныхъ крестьянъ уводимыхъ имъ въ плѣнъ. Князь Лыковъ и Измайловъ возвращаясь въ Москву, едва успѣли спасти находившіяся при нихъ пушки.

Жолкѣвскій.

Никоновская лѣтопись.

Такимъ образомъ призваніе Татаръ не принесло Царю никакой пользы, а только что усугубило противъ него озлобленіе жителей зарѣчной Украины, приписывавшихъ ему въ вину разорительныя опустошенія, коимъ они подверглись

по случаю прохода сихъ мнимыхъ союзниковъ.

Народное негодованіе много способствовало проискамъ споспѣшниковъ Самозванца на возмущеніе въ пользу Лже-Димитрія городовъ, при Окѣ лежащихъ. Измѣна проявилась и въ постоянно пребывшимъ до толѣ вѣрномъ городѣ Коломнѣ. Находившійся тамъ сотенный голова, Михайло Бобынинъ, первый нарушилъ долгъ свой и отъѣхалъ къ Самозванцу. Въ слѣдъ за нимъ Коломничи возмутились и принудили начальствующихъ Бояръ Князя Михайла Самсоновича Туренина и Князя Ѳедора Тимофеевича Долгорукова присягнуть Лже-Димитрію. Не довольствуясь симъ, Коломничи отправили отъ себя посланцевъ въ Каширу и Зарайскъ, для увѣщанія жителей сихъ городовъ послѣдовать ихъ примѣру. При общей наклонности простолюдиновъ къ Самозванцу, не трудно было убѣдить ихъ. Напрасно Каширской Воевода Бояринъ Князь Григорій Петровичь Ромодановскій силился удержать въ повиновеніи ввѣренный ему городъ. Каширяне едва не убили его, и онъ для собственнаго спасенія рѣшился наконецъ самъ цѣловать крестъ Лже-Димитрію.

Въ Зарайскѣ чернь также взволновалась въ пользу Самозванца; но тамъ начальствовалъ неустрашимый Пожарскій. Укрѣпляемый увѣщаніями Никольскаго Протоіерея Димитрія онъ съ

твердостію отказался покориться народному буйству. Впрочемъ, усматривая что большая часть жителей уже обратилась къ измѣнѣ, онъ съ немногими людьми оставшимися вѣрными, заключился въ каменномъ городѣ, гдѣ находились всѣ животы и запасы обывателей. Бунтовщики, оставшись въ острогѣ безъ продовольствія и страшась потерять свое имущество, вошли въ переговоры. Съ обѣихъ сторонъ условились присягнуть въ томъ, чтобы повиноваться Василію, если онъ останется Царемъ, а въ противномъ случаѣ покориться тому, кто будетъ избранъ всѣмъ Московскимъ Государствомъ. Утушивъ мятежъ въ своемъ городѣ, Пожарскій не только укрѣпился въ ономъ, но даже дѣлалъ удачные поиски на окрестныя, измѣнѣ преданныя, мѣста. Наконецъ онъ успѣлъ даже и самую Коломну обратить по прежнему къ повиновенію Царю.

Въ Мордовской землѣ Царское оружіе также имѣло нѣкоторый успѣхъ. Стоявшій на границахъ оной Окольничій Князь Василій Ѳедоровичь Мосальскій, усиленный вышедшимъ изъ Нижняго-Новгорода Стольникомъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ-Ярославскимъ, взялъ Арзамасъ. Начальствовавшій тамъ Окольничій Самозванца Ѳедоръ Кирѣевъ былъ убитъ. Нагорная Черемиса, Татары, Мордва и другіе

Столяровъ хронологъ.

многочисленные въ сей странѣ приверженцы Лжедимитрія, собрались подъ начальствомъ Григорья Кашкарова и крѣпостнаго человѣка Князя Голицына, Прокофья Кушникова, и пошли подъ Арзамасъ, въ намѣреніи возвратить сей городъ подъ власть Самозванца. Мосальскій и Львовъ встрѣтили ихъ въ 3 верстахъ отъ города на рѣчкѣ Аншѣ, разбили совершенно и гнали до села Кобылина. Взятые въ семъ дѣлѣ измѣнническіе Стрѣльцы были казнены. Но успѣхъ сей былъ безплоденъ. Угрожавшая столицѣ опасность побудила Царя отозвать Мосальскаго, который и отступилъ въ Муромъ, а Львовъ возвратился въ Нижній. За ними послѣдовала большая часть Арзамазскихъ Дворянъ, дѣтей Боярскихъ и священниковъ съ семействами. Арзамасъ, оставленный на произволъ мятежниковъ снова обратился къ подданству Самозванцу.

Между тѣмъ Лже-Димитрій, безпрепятственно продолжая путь свой къ столицѣ, расположился 15 Іюля у села Коломенскаго, а Марину отправилъ въ монастырь Николы на Угрѣши.

Ужасъ и смятеніе распространились въ столицѣ, уже отчаявавшейся въ своемъ спасеніи. Правда при Царѣ находилось еще до 30,000 человѣкъ войска, съ коими казалось, можнобы защищаться противъ Лже-Димитрія и противъ Жолкѣвскаго, и отстояться, какъ отстаивались

Тушинцевъ; но едва ли должно было ожидать благородныхъ усилій отъ воиновъ, весьма упадшихъ духомъ, послѣ Клушинскаго разгрома и Боровскаго побіенія. Къ тому же въ самыхъ Москвитянахъ не было единства воли. Во всѣхъ сословіяхъ замѣчалось волненіе и шаткость. Чернь, среди своего ослѣпленія, сохранившая священную привязанность къ Русской народности, болѣе всего страшилась господства Поляковъ и являла наклонность призваніемъ Самозванца укрѣпиться противъ Жолкѣвскаго. На противъ того, многіе изъ дѣтей Боярскихъ и другихъ средняго состоянія людей, уловленные происками и обѣщаніями Гетмана, склонялись къ мысли вручить Русскую державу Владиславу. Наконецъ, и въ самомъ высшемъ сословіи не всѣ оставались вѣрными Царю Василію. Нѣкоторые изъ Вельможъ желали его низверженія, въ тайной надеждѣ замѣстить его на престолѣ. Въ особенности сего домогался Князь Василій Васильевичь Голицынъ, который для достиженія своей цѣли, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Ляпуновымъ и другими ненавистниками Царя. — Всѣ сіи сѣмена раздора направляли умы къ важному Государственному перевороту. Во всякомъ случаѣ гибель Василія была неизбѣжна; мракомъ неизвѣстности оставалось покрытымъ только то, въ чью пользу она совер-

шится. Обширное поприще открывалось козням противоположных сторон.

Гетман не переставал под рукою умножать в Москве число желающих воцарения Владислава. В столице находилось довольное число помещиков Смоленских и Брянских, оставивших свои имения, по случаю вторжения Польских войск в их уезды. Жолкевский послал к ним списки с записей заключенных с Салтыковым и Валуевым, увещавая их принять сии условия. Помещики сии, видя в Самозванце представителя ненавистной им холопьей стороны, более всего страшились его торжества, и во избежание постыднаго его ига, изъявили готовность принять предложение Гетмана, но с некоторыми оговорками, внушенными им искреннею преданностию к вере и народности Русской. Они требовали постановления дополнительных статей, коими бы Королевичь обязался восприять Православную веру и не держать Польских людей в Русских городах и в особенности в столице. Гетман отвечал что дело о перемене веры, как прямо духовное, должно быть предоставлено попечению Патриарха и Духовенства, а что о прочем Бояре посоветовавшись со всею землею, могут открыть переговоры с Королем (*).

(*) Смотри Приложения № IX.

Между тѣмъ приверженцы Князя Голицына, съ своей стороны, подсылали въ станъ Самозванцевъ склонять Воеводъ его къ миролюбивой сдѣлкѣ. Слѣдсвіемъ сихъ сношеній было тайное соглашеніе, по коему Москвитяне обязались свергнуть съ престола Царя Василія, а послѣдователи Лже-Димитрія отстать отъ него съ тѣмъ чтобы общимъ совѣтомъ избрать новаго Государя. Никоновская лѣтопись. Степенная книга. Палицынъ.

Москвитяне первые принялись за дѣло. Главнымъ подстрѣкателемъ ихъ возстанія былъ Прокофій Ляпуновъ. Руководимый закоснѣлою ненавистью къ Царю и желая предупредить исполненіе замысловъ Поляковъ, онъ прислалъ изъ Рязани Алексѣя Пешкова къ Князю Василью Васильевичу Голицыну и къ брату своему Захару Ляпунову, для увѣщанія ихъ дѣйствовать безъ дальнѣйшаго отлагательства. Слѣдуя сему совѣту, Захарій Ляпуновъ, Федоръ Хомутовъ и Иванъ Никитьевичь Салтыковъ съ большею толпою подговоренныхъ ими дворянъ, 17 Іюля явились во дворцѣ, и Ляпуновъ съ свойственною ему дерзостію, сказалъ Царю: *Долго ли за тебя проливаться Христіанской крови? Земля наша опустошается и за все правленіе твое ничего добраго не сдѣлалось. Сжалься надъ гибелью нашею и сложи вѣнецъ. Мы сами промыслимъ о себѣ.* Василій въ важныхъ случаяхъ превратной жизни своей ни- Никоновская лѣтопись. Жолкѣвскій Столяровъ хронологъ и Видекиндъ.

когда не измѣнялъ твердости душевной. Воспламененный справедливымъ гнѣвомъ, онъ разругалъ Ляпунова срамными словами и, сказавъ ему: *Какъ ты смѣешь такъ изъясняться, когда и Бояре мнѣ сего не говорятъ*, бросился было на него съ ножемъ. Но Ляпуновъ, мужъ нрава грубаго, роста великаго и тѣлосложенія крѣпкаго, остановилъ разъяреннаго старца, и завопилъ: *Не трогай меня! Какъ приму въ руки то всего изомну.* Дерзкія слова сіи устыдили самыхъ сообщниковъ его. По настоянію Хомутова и Салтыкова заговорщики оставили дворецъ, и пошли на Лобное мѣсто, куда послали звать Патріарха и Бояръ. Народъ также стекался и толпы его уже не помѣщались на площади около Лобнаго мѣста. Для большаго простора, заговорщики перевели сходку въ поле за Серпуховскую заставу и насильно увели съ собою Патріарха и Бояръ. Тутъ они представили всему міру, что отъ неразумія Царя Василія гибнетъ народъ православный и проливается кровь Христіанская, что ненависть къ нему Украинскихъ жителей есть главная причина междоусобій раздирающихъ отечество, и что только одно сверженіе его съ престола можетъ умирить Государство и водворить между Русскими желаемое единомысліе. Лишь Патріархъ заступался горячо за несчастнаго вѣнценосца, напоминалъ данную ему присягу и опровергалъ

Никоновская лѣтопись.

несправедливое понятіе о его неразуміи. Не многіе изъ Бояръ слабо поддерживали Гермогена, но и тѣ, видя что народъ преклоняется къ навѣтамъ заговорщиковъ, сами пристали къ ихъ мнѣнію. Огорченный Святитель, теряя надежду осилить буйныхъ лаятелей, по крайней мѣрѣ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ торжества крамолы. Онъ оставилъ сборищѣ и возвратился въ городъ. По отъѣздѣ его единогласно положено было свергнуть съ престола Василія и до избранія новаго Государя, поручить правленіе Думѣ Боярской, не допуская въ нее обоихъ Князей Шуйскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ цѣловали крестъ въ томъ чтобы не причинять никакого личнаго вреда ни Царю, ни супругѣ, ни братьямъ его. Извѣстить Василія о печальномъ приговорѣ взялся свякъ его, Бояринъ Князь Иванъ Михайловичь Воротынскій. Сопровождаемый главными заговорщиками, Воротынскій предсталъ предъ Царя и объявилъ ему, что Русская земля видитъ въ немъ главную препону къ утушенію терзающихъ ея раздоровъ, и потому бьетъ челомъ ему, чтобы онъ отказался отъ державы, въ рукѣ его Богомъ не благословенной. Василій беззащитно оставленный всѣми не исключая и сродниковъ, не посрамилъ себя постыдною уступчивостію и не далъ на себя никакой записи могущей придать призракъ законности его

сверженію. Одно насиліе превозмогло его твердость. Его и Царицу вывезли изъ дворца и отправили на старый его Боярскій дворъ. Къ нему и къ братьямъ его Князьямъ Дмитрію и Ивану приставили стражу; опечатали ихъ сундуки и кладовые.

Симъ позорнымъ дѣйствіемъ прекратилось царствованіе Царя Шуйскаго, ознаменованное величайшими изъ бѣдствій, какимъ только Россія подвергалась со временъ Татарскаго нашествія. Но не справедливо бы на него одного возлагать вину сихъ золъ. Четырехлѣтнее правленіе его было не что иное какъ безпрерывная борьба противъ началъ разрушающихъ общественное благоустройство, которыя хотя и развились при немъ, но коихъ зародышъ засѣянъ былъ еще при Годуновѣ. Можетъ быть никакая человѣческая премудрость не въ состояніи была усладить горькой чаши, оставленной Борисомъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ! По крайней мѣрѣ Василій, хотя въ преклонныхъ лѣтахъ, явился кормчимъ бодрымъ и безстрашнымъ среди ужасныхъ бурь, непрестанно воздымаемыхъ раздраженными страстями. Благородныя его усилія могли только отдалить, но не предупредить крушеніе, и наконецъ, сраженный разъярившимися волнами мятежа, онъ палъ но не безславно и выходя изъ Царскихъ чертоговъ имѣлъ бо-

лѣе права, чѣмъ Францискъ I въ Павіи, сказать: *Все погибло кромѣ чести!* Впрочемъ, онъ и тутъ еще не погибалъ для Исторіи. Развѣнчанному старцу суждено еще было занять нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ лѣтописяхъ Русскаго Царства.

Москвитяне совершивъ свой постыдный подвигъ, въ особенности въ угожденіе Тушинцамъ, коихъ надѣялись тѣмъ отвратить отъ Самозванца и привлечь къ единомыслію на защиту столицы отъ Поляковъ, скоро убѣдились съ тщетѣ своихъ ожиданій. Высланные ими, 18 числа, на поле къ Данилову монастырю, переговорщики, объявили приверженцамъ Лже-Димитрія что Москва сдержала свое слово и свела съ престола Василія, и что имъ предстоитъ также исполнить данное обѣщаніе и выдать головою Самозванца. Но начальники Тушинцевъ уговаривались съ Москвитянами неискренно; ихъ намѣреніе было низверженіемъ Царя возбудить только новые казни въ столицѣ и тѣмъ открыть себѣ путь къ овладѣнію оной. Обрадованные успѣхомъ своей злодѣйской хитрости, они насмѣшливо отвѣчали переговорщикамъ что Москвитяне похвально поступили низложивъ похитителя престола, но что они съ своей стороны готовы умереть за законнаго своего Государя. Палицынъ.

Вѣроломство Тушинцевъ печально поразило сто-

лицу. Безполезное преступленіе тяготило совѣсть многихъ, посягнувшихъ на злое дѣло, единственно изъ убѣжденія, что оно необходимо для спасенія гибнущаго отечества. Вѣрный Патріархъ, пользуясь смущеніемъ обманутыхъ Москвитянъ, сталъ было убѣждать ихъ возвратить державу Василію. Но тѣ, которые и дѣйствительно раскаявались въ нарушеніи присяги, данной Василію, колебались признать его снова своимъ Государемъ, страшась заслуженной отъ него мести, за прежнюю свою дерзость. Между тѣмъ и самъ Василій не оставался совершенно въ бездѣйствіи; хотя и находился подъ присмотромъ, однакожъ успѣлъ войти въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ преданнѣйшихъ къ его дому людей и черезъ нихъ старался подкупить Стрѣльцевъ, коихъ въ Москвѣ находилось до 8,000. Вѣсть о сихъ проискахъ встревожила главныхъ зачинщиковъ народнаго возстанія. Они рѣшились прибѣгнуть къ новому насилію, чтобы отстранить всякую возможность возвратить престолъ низверженному Царю. Тратить время имъ казалось опаснымъ и для того 19 Іюля, Захарій Ляпуновъ, Князь Петръ Засѣкинъ, Князь Василій Тюфякинъ, Михайло Аксеновъ, Князь Ѳедоръ Меренъ Волконскій и нѣсколько другихъ заговорщиковъ, взявъ съ собою священниковъ и дьяконовъ изъ Чудова монастыря, отправи-

Жолкѣвскій.

Палицынъ, Рукопись Филарета, Никоновская лѣтопись, Разряды и Жолкѣвскій.

лись въ домъ Шуйскаго, и объявили бывшему Царю что для успокоенія умовъ ему должно постричься. Василій рѣшительно отвергнулъ сдѣланное ему предложеніе, укорялъ Москвитянъ въ несправедливой злобѣ, и говорилъ что отъ него приняли достойную месть только обманщикъ Разстрига и мятежные сподвижники разорителей отечества, а что ихъ Москвитянъ ни въ чемъ никогда не обижалъ. Рѣчи сіи не тронули заговорщиковъ; по приказанію ихъ священники приступили къ священнодѣйствію. Василій еще противился, и, вмѣсто требованныхъ отъ него обѣщальныхъ отвѣтовъ, не переставалъ громогласно провозглашать, что не имѣетъ желанія вступить въ монашество. Отрѣченіе отъ міра говорилъ за него Князь Тюфякинъ (*) а Ляпуновъ съ товарищами крѣпко держали его во время постриженія. По совершеніи обряда, минмаго инока отвезли, въ крытыхъ саняхъ въ Чудовъ монастырь. Святотатственное дѣло не-

---

(*) *Примѣчаніе:* Въ семъ случаѣ мы слѣдуемъ Никоновской лѣтописи, которая называетъ К Тюфякинымъ отрѣкавшагося за Царя, а Н. М. Карамзинъ, основываясь на сказаніи Палицына, говоритъ что симъ поступкомъ запятналъ себя К. Туренинъ. Въ Палицынѣ тутъ очевидная описка. Бархатная книга свидѣтельствуетъ, что въ то время не было никакого Туренина по имени Василія, а тамъ же К. Василій Тюфякинъ точно является современникомъ Царя Шуйскаго.

изрѣчено огорчило достойнаго Патріарха. Онъ не преставалъ именовать Василія Царемъ, а Князя Тюфякина проклиналъ и признавалъ за нечестиваго инока.—Въ одно время постригли и Царицу также по неволѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Боярская Дума, принявшая по просьбѣ Москвитянъ, бразды временнаго правленія до избранія новаго Царя, находилась подъ предсѣдательствомъ Князя Мстиславскаго, который казалось сообщилъ ей все свое слабодушіе. Она не рѣшалась ни опорочивать дѣйствій Ляпунова и сообщниковъ его, ни явно сознаться въ единомысліи съ ними. Въ окружныхъ грамотахъ, повсемѣстно отъ нея разосланныхъ, для приведенія къ присягѣ въ послушаніи временному правленію и для вызова выборныхъ людей на земскую Думу, коей предлежало назначить новаго Царя, низверженію Василія придавался нѣкоторый видъ добровольнаго отреченія. Замѣчательно также что въ крестоприводной записи приложенной къ окружнымъ грамотамъ, въ обязанность поставлялось до послѣдней капли крови сражаться съ измѣнниками и Лже-Димитрію отнюдь не покаряться, но вовсе не упоминалось о сопротивленіи приверженцамъ Владислава. Очевидно что происки Жолкѣвскаго не совсѣмъ были безуспѣшны, и что уже въ Москвѣ число желающихъ воцаренія Королевича было столь

значительно, что Бояре не смѣли противорѣчить имъ явно (*).

Гетманъ скоро извѣстился о происшествіяхъ Московскихъ, и 20 числа выступилъ изъ Можайска, направляясь черезъ Звенигородъ къ столицѣ. Знаменитый мужъ сей отличался столько же душевными качествами, сколько доблестію военною и мудростію Государственною. Сильно тронутый несчастнымъ жребіемъ Царя Василія онъ написалъ Москвитянамъ, чтобъ они воздержались отъ всякаго насилія Князьямъ Шуйскимъ и не забывали услугъ, оказанныхъ Россіи славнымъ ихъ родомъ (**). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гетманъ другимъ письмомъ извѣщалъ Бояръ, что идетъ къ нимъ на помощь противъ Самозванца и будетъ стараться исполнить волю Короля, поручившаго ему положить конецъ напрасному кровопролитію и возстановить спокойствіе въ Россіи. Бояре поспѣшили отвѣчать, что они сами управятся съ Лже-Димитріемъ и что они не желаютъ чтобы Гетманъ приближался къ Москвѣ. Но Жолкѣвскій не уважилъ ихъ настояній, продолжалъ путь свой, и 24 сталъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ Москвы, на лугахъ Хорошевскихъ.

Дневникъ Осады Смоленска.

Жолкѣвскій.

Никоновская лѣтопись и Филаретова рукопись.

(*) Смотри Приложенія № X.
(**) Смотри Приложенія № XI.

Самозванецъ полагая что появленіе Гетмана въ столь близкомъ разстояніи отъ столицы неминуемо должно развлечь вниманіе Москвитянъ, вздумалъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ для учиненія поиска на городъ. Наступая по Серпуховской дорогѣ, онъ зажегъ слободы и деревни близь города лежащія. Москвитяне высыпали изъ предмѣстій ему на встрѣчу. Лже-Димитрій, противъ ожиданія своего, найдя ихъ готовыми къ бою, не отважился на рѣшительное нападеніе. Дѣло ограничилось сшибкою, окончившеюся не безъ урона для обѣихъ сторонъ.

Жолкѣвскій.

Во время сего сраженія Князь Мстиславскій прислалъ къ Гетману сына Боярскаго Ѳедора Телушкина, съ порученіемъ спросить его, какъ другъ или какъ недругъ пришелъ онъ и въ первомъ случаѣ требовать содѣйствія его противъ Самозванца и домогаться чтобы онъ удержалъ Сапѣгу отъ непріязненныхъ дѣйствій. Гетманъ продолжая увѣрять въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ, обѣщался писать Сапѣгѣ, а въ разсужденіи просимой помощи противъ Лже-Димитрія отозвался, что будетъ дѣйствовать противъ него, когда Москвитяне согласятся признать Царемъ Владислава.

Дневникъ Осады Смоленска. Жолкѣвскій и Нарушевичъ.

Находившіеся при Самозванцѣ Поляки также пожелали сблизиться съ Гетманомъ, и въ тотъ

же день прислали къ нему Янковскаго съ нѣсколькими товарищами. Янковскій объявилъ, что вмѣстѣ съ ними отправленъ отъ Сапѣгина войска въ посольство къ Королю, и просилъ свободнаго пропуска до Смоленска. Цѣль сего посольства была убѣдить Короля не противиться воцаренію Лжедимитрія, который по совѣту служащихъ ему Поляковъ, изъявлялъ готовность такъ сказать откупиться отъ Польши и въ слѣдствіе того написалъ Сапѣгѣ, что принимаетъ на себя обязанность тотъ-часъ по вступленіи своемъ на престолъ Московскій выдать Королю 300,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) да въ теченіе десяти лѣтъ платить ежегодно по 300,000 злотыхъ въ казну Рѣчи Посполитой и по 100,000 злотыхъ Королевичу Владиславу. Въ томъ же письмѣ, Самозванецъ также обнадеживалъ, правда въ довольно темныхъ выраженіяхъ, что притязанія Поляковъ на Сѣверскую землю будутъ имъ уважены (*). Сколь ни примапчивы были для Польскаго Короля, всегда нуждавшагося въ деньгахъ, такія предложенія, однакожъ Жолкѣвскій не полагалъ чтобы Сигизмундъ рѣшился довольствоваться ими, когда цѣлая Россія готовилась ему въ добычу. Къ тому же самъ Самозванецъ

(*) Смотри Приложенія № XII.

не представлялъ никакого ручательства въ дѣйствительномъ исполненіи своихъ обѣщаній. Впрочемъ, Гетманъ не почелъ себя въ правѣ остановить пословъ, отправляемыхъ къ его Государю. Онъ не только позволилъ имъ продолжать путь свой, но даже далъ имъ приставовъ для безпрепятственнаго проѣзда. Но въ разсужденіи собственныхъ дѣйствій своихъ, онъ соглашался войти въ сношеніе съ однимъ Сапѣгою, а съ Лже-Димитріемъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла, и отказался отъ даровъ, коими Самозванецъ намѣревался-было снискать его благорасположеніе.

25 Іюля Князь Мстиславскій прислалъ Гетману отъ имени Думы Боярской письмо, съ нѣкоторыми предложеніями. Жолкѣвскій не далъ письменнаго отвѣта и отозвался, что перепискою дѣло безполезно затянется и что потому онъ требуетъ изустныхъ переговоровъ на коихъ въ одинъ съѣздъ можно будетъ рѣшить болѣе вопросовъ, чѣмъ чрезъ десятки писемъ. Тогда Бояре послали къ нему сына Боярскаго Богдана Глѣбова, съ изъявленіемъ согласія на переговоры и съ просьбою назначить для оныхъ время и мѣсто. Они домогались также чтобы въ число переговорщиковъ включенъ былъ со стороны Поляковъ Панъ Домораддкій, Подстолій Львовскій, который живалъ въ Москвѣ, былъ

знакомъ имъ лично и самъ исповѣдывалъ Православную Греческую Вѣру. Гетманъ не только охотно согласился на такое назначеніе, но даже желая всемѣрно успокоить Русскихъ въ отношеніи къ предметамъ вѣры, избралъ въ товарищи въ Доморадцкому Пана Балабана, также Греческаго закона, и къ симъ двумъ Полякамъ придалъ еще трехъ природныхъ Русскихъ, а именно Ивана Михайловича Салтыкова, Князя Юрья Хворостинина и Григорья Валуева. Съѣзду положено быть на другой день, въ седьмомъ часу утра, на большой Смоленской дорогѣ, противъ Дѣвичьяго монастыря.

Въ назначенное время Гетманскіе переговорщики прибыли на съѣздъ, гдѣ ихъ встрѣтили присланные отъ Бояръ, Князь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ, Ѳедоръ Колычевъ, Иванъ Глѣбовъ и дьякъ Андрей Ивановъ. При первыхъ объясненіяхъ возникло непреодолимое затрудненіе. Московскіе полномочные увѣряли что столица готова признать своимъ Государемъ Владислава, но съ тѣмъ чтобы Королевичь принялъ Греческую Вѣру. Доморадцкій, не обманывая ложными обѣщаніями своихъ единовѣрцевъ, представилъ имъ что нельзя ожидать такой податливости отъ юноши воспитаннаго подъ вліяніемъ Езуитовъ, и что для успѣшнаго окончанія дѣла благаго, онъ совѣтуетъ имъ не настаивать

о статьѣ вовсе неудобоисполнительной. Увѣщанія его не подѣйствовали на Москвитянъ, которые никакъ не соглашались отступить отъ своего требованія. Разъѣхались дружелюбно, но ни о чемъ не уговорившись.

Въ слѣдующіе дни сношенія и переговоры продолжались но не дѣятельно. Съ обѣихъ сторонъ желали продлить дѣло. Гетманъ, вопреки сначала выказываемому имъ желанію ускорить переговорами, изъискивалъ средства выиграть время, для полученія обстоятельныхъ наставленій отъ Короля, которыхъ еще не имѣлъ, хотя требовалъ ихъ отъ Сигизмунда тотъ-часъ же послѣ Клушинской битвы, видимо открывавшей для него путь къ столицѣ. Москвитяне также тѣмъ не охотнѣе отстраняли возникающія препятствія, что на возведеніе на престолъ Владислава далеко еще не было общаго согласія всѣхъ сословій. Напротивъ того, какъ въ городѣ такъ и въ самой Думѣ Боярской было разномысліе по важному вопросу: кому вручить Царскую Державу? Всѣ умы находились въ волненіи. Прежнее предположеніе о созваніи Земской думы для избранія новаго Царя, всѣмъ Государствомъ, очевидно дѣлалось неудобоисполнительнымъ; ибо нельзя было предполагать чтобы Гетманъ и Лже-Димитрій спокойно остались подъ стѣнами столицы, въ ожиданіи выборныхъ изъ городовъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ предстояло одной Москвѣ рѣшить жребій Царства. Приверженцамъ разныхъ искателей престола открывалось обширное поприще къ пронскамъ и подговорамъ. Чернь подстрекаемая клевретами Самозванца явно доброхотствовала обманщику. За Владислава стояли многіе изъ передавшихся Гетману чиновныхъ и служивыхъ людей. Напротивъ того Духовенство, отвергая Королевича изъ опасенія, чтобы по вліянію Поляковъ не пострадало Православіе, желало видѣть на престолѣ природнаго Русскаго и увлекалось въ пользу Князя Василья Васильевича Голицына, пронырствомъ своимъ снискавшаго его доброжелательство. Но глава Духовенства, Патріархъ, хотя раздѣляя мнѣніе сего важнаго сословія не видѣлъ въ избраніи Владислава надежнаго ручательства въ сохраненіи чистоты Вѣры, находилъ однакожъ не приличнымъ вручить Державу Голицыну навѣки запятнавшему себя не только малодушіемъ на полѣ брани и частыми измѣнами, но даже ужаснымъ цареубійствомъ совершеннымъ имъ надъ несчастнымъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ. Мысль о возведеніи на престолъ злодѣя обагрившагося кровію законнаго Государя своего, справедливо ужасала Святителя и въ отвращеніе столь поноснаго для цѣлаго Государства выбора, онъ предлагалъ въ Цари четырнадцатилѣт-

няго юношу, Михаила Θедоровича Романова, сына Митрополита Филарета, какъ ближайшаго сродника Царя Θедора Ивановича, по матери сего послѣдняго Государя изъ древняго Московскаго царственнаго дома. Боярская Дума колебалась между сими разными мнѣніями, кои всѣ, кромѣ призванія Самозванца, имѣли въ ней сильныхъ представителей. Не иначе какъ по долгомъ прѣніи и разногласіи, превозмогли наконецъ старанія приверженцевъ Владислава. Боярская Дума приступая къ огорчительному для Русской народности рѣшенію, вручить Державу не только иноземцу, но еще и сыну враждебнаго Россіи Государя, въ особенности подчинялась вліянію предсѣдательствовавшаго въ ней Князя Мстиславскаго, который объявилъ что будучи первымъ Вельможею въ Государствѣ, самъ не домогается престола, но и не можетъ сдѣлаться подданнымъ кого бы то ни было изъ соотечественниковъ своихъ, во всякомъ случаѣ уступающему ему въ знатности. Впрочемъ для приведенія въ исполненіе приговора Бояръ, нужно было еще согласіе помѣщиковъ и другихъ служивыхъ людей собранныхъ въ Москвѣ; но и они, движимые важнѣйшими побужденіями преклонились къ совѣту Мстиславскаго. Въ самомъ дѣлѣ, при несчастныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась столица, первою потребностію

для нея было примиреніе по крайней мѣрѣ съ однимъ изъ двухъ тѣснившихъ ея враговъ. Достигнуть сей цѣли возможно было не иначе какъ призваніемъ или Владислава или Лже-Димитрія. Всякой другой выборъ оставлялъ бы Москву, при собственныхъ истощенныхъ ея силахъ. Но покориться Самозванцу значило бы утвердить торжество холопьей стороны, слѣдствіемъ чего могло быть ниспроверженіе всѣхъ Государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ Россіи. И такъ, одно призваніе Владислава подавало еще надежду отвратить бѣдствія угрожавшія отечеству, и Москва покорилась печальной необходимости!

Однакожъ и Москвитяне не иначе хотѣли Владислава, какъ обязавъ его условіями обезпечивающими неприкосновенность Православія и самобытность Государства. Для постановленія договора на сихъ основаніяхъ, Мстиславскій предложилъ Гетману войти въ прямое съ нимъ сношеніе. Жолкѣвскій, который между тѣмъ перешелъ съ Хорошевскихъ луговъ къ Сѣтуни, опасаясь чтобы дальнѣйшимъ отлагательствомъ не остудить благорасположенія Москвитянъ къ Королевичу, согласился на свиданіе съ предсѣдателемъ Боярской Думы. Съ обѣихъ сторонъ дали заложниковъ, и 2 Августа съѣхались, въ равномъ числѣ людей, противъ Дѣвичьяго мона-

Окружная грамота Князя Мстиславскаго и Бояръ, изъ Москвы отъ 19 Августа 1610.

стыря, на томъ же мѣстѣ, гдѣ за недѣлю предъ тѣмъ происходило свиданіе Князя Троекурова съ Домарадцкимъ. Съ Гетманомъ находились
Жолкѣвскій. нѣкоторые изъ Полковниковъ и Ротмистровъ, а Князя Мстиславскаго сопровождали Бояре: Князь Василій Васильевичь Голицынъ и Θедоръ Ивановичь Шереметевъ, Окольничій Князь Данило Ивановичь Мезецкій и Думные дьяки Василій Телепневъ и Томило Луговскій. Подъѣхавъ съ обѣихъ сторонъ къ намету раскинутому по приказанію Мстиславскаго, сперва взаимно поклонились, сидя на коняхъ, потомъ спѣшившись привѣтствовали другъ друга и заняли мѣста приготовленныя подъ наметомъ. Тогда Бояре торжественно объявили отъ имени всей Россіи, что готовы принять Владислава въ Цари, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Гетманъ утвердилъ присягою статьи помѣщенныя въ привезенномъ ими огромномъ столбцѣ, который и прочтенъ дьякомъ Телепневымъ. Гетманъ, не получившій еще, не смотря на всѣ свои настоянія, никакого наставленія отъ Короля, весьма затруднялся дать рѣшительный отзывъ на предлагаемыя условія. Къ счастію его, сами Русскіе поставлены были въ необходимость отложить дальнѣйшія разсужденія. Среди совѣщанія вѣстники безпрестанно прибѣгали къ Князю Мстиславскому съ донесеніемъ, что Самозванецъ подступаетъ къ Москвѣ.

Бояре спѣшили возвратиться въ городъ для принятія мѣръ къ поданію помощи сражающимся.

Частыя сшибки происходили между войсками Лже-Димитрія и Москвитянами. На одной изъ нихъ, 31 Іюля, Сапѣга былъ раненъ изъ самопала. Лже-Димитрій хотя лишенный временно содѣйствія храбраго вождя, не менѣе того рѣшился сдѣлать 2 Августа, поискъ на столицу, съ намѣреніемъ сжечь ея предмѣстія. Самъ онъ двинулся лѣвымъ берегомъ Москвы рѣки съ Русскими людьми своими и съ двумя полками Польскихъ копейщиковъ; другіе Польскіе полки въ тоже время подступали прямо отъ Коломенскаго по правому берегу рѣки. Сильное сраженіе завязалось близь заставъ Московскихъ на всемъ протяженіи отъ Серпуховской дороги до Владимірской. Москвитяне отбили непріятеля, при содѣйствіи Ивана Михайловича Салтыкова, по позволенію Гетмана, приспѣвшаго къ нимъ на помощь съ Русскими людьми находившимися при Королевскомъ войскѣ. Однакожъ Тушинцы успѣли обратить въ пепелъ многія подгородныя мѣста, и между прочими Красное Село, Даниловъ монастырь и Кожевную Слободу.

Дневникъ Сапѣги.

Дневникъ Осады Смоленска.

Протекло еще нѣсколько дней, а Гетманъ все не получалъ ожидаемыхъ имъ отъ Короля наставленій. Между тѣмъ Бояре, страшившіеся

чтобы чернь, увлеченная прельщеніями и угрозами Самозванца, не впустила его въ городъ, сильно настаивали объ устраненіи дальнѣйшей медленности и, въ ручательство искренности своихъ благорасположеній къ Владиславу, освободили всѣхъ въ Москвѣ находившихся плѣнныхъ Поляковъ. Прозорливый Гетманъ видѣлъ всю трудность своего положенія. Онъ зналъ что Потоцкіе и другіе завистники его славы, при особѣ Сигизмунда находившіеся, не преминутъ обвинять его въ выходѣ изъ границъ данной ему власти, если онъ безъ полномочія Короля приступитъ къ окончанію столь важнаго дѣла. Но съ другой стороны онъ опасался новыми отлагательствами навлечь негодованіе Москвитянъ и возбудить въ столицѣ невыгодный для Владислава переворотъ. Къ тому же и самое находившееся при немъ Королевское войско давно не получавшее слѣдуемаго ему жалованья, отказывалось отъ дальнѣйшей службы и объявляло намѣреніе возвратиться въ Польшу. При такомъ настроеніи собственныхъ его воиновъ, Гетману оставалось только или постановить окончательный договоръ съ Москвитянами или стараться открытою силою овладѣть столицею. Но если Полякамъ, не смотря на ихъ малочисленность, удалось разсѣять сильную Царскую рать подъ Клушинымъ, то не вѣроятно было, чтобы

Жолкѣвскій.

съ такимъ же успѣхомъ они могли произвесть нападеніе на городъ. Опытъ уже достаточно показывалъ, что Русскіе того времени, худо сражавшіеся въ открытомъ полѣ, храбро и упорно защищались въ укрѣпленіяхъ. Принявъ все сіе въ соображеніе, Гетманъ рѣшился окончить дѣло миролюбно; но дабы отвратить сколь возможно, могущую на него пасть отвѣтственность, онъ при новомъ свиданіи съ Мстиславскимъ и съ его товарищами объявилъ, что при постановляемомъ договорѣ можетъ принять только статьи, сообразныя съ тѣми, на кои Король уже изъявилъ свое согласіе, въ записи данной Боярину Салтыкову подъ Смоленскомъ, а что новыя условія требованныя ими должны быть предоставлены разрѣшенію самаго Сигизмунда. Таковой отзывъ огорчилъ Бояръ, въ особенности потому что въ числѣ новыхъ условій заключалось и то, чтобы Королевичь, прежде прибытія своего въ Москву и именно въ Можайскѣ, перекрестился въ Греческую Вѣру. Однакожъ тѣснимые бѣдственными обстоятельствами, они наконецъ покорились горестной необходимости, и согласились поручить ходатайство о семъ важномъ предметѣ посольству, которое предполагалось отправить къ Королю, тотъ-часъ по заключеніи договора. Въ замѣну таковой уступчивости, Гетманъ также изъявилъ готовность

допустить нѣкоторыя перемѣны и прибавленія къ записи данной Салтыкову. Такимъ образомъ, по настоянію Бояръ имѣвшихъ сильное отвращеніе ко всему чужеземному и потому не желавшихъ открытія свободныхъ сообщеній съ Европою, было исключено изъ новаго договора помѣщенное въ прежней записи дозволеніе Русскимъ ѣздить для науки въ чужіе краи и Русскимъ купцамъ черезъ Польшу перевозить товары въ другія Государства. Прибавлено же къ договору сверхъ статей записи, чтобы пріѣзжимъ иноземцамъ не давать преимущества по мѣстничеству надъ Московскими Княжескими родами; чтобы никому не мстить за убитыхъ Поляковъ и Русскихъ во время умерщвленія Разстриги; чтобы Гетману дѣйствовать за одно съ Боярами противъ Лже-Димитрія и по уничтоженіи злодѣя, отвесть Польское войско въ Можайскъ, не впуская онаго въ столицу; чтобы Марину отправить въ Польшу съ запрещеніемъ ей называться Царицею и наконецъ, чтобы всѣ Русскіе города, занятые Поляками, были по прежнимъ рубежамъ возвращены Россіи. Нельзя не удивляться какъ согласился Жолкѣвскій взять на свою отвѣтственность прибавку, послѣдней столь важной статьи. Вѣроятно Русскіе рѣшительно отозвались, что безъ оной, никакой договоръ заключенъ быть не можетъ. По крайней

мѣрѣ хитрому Гетману удалось нѣсколько ослабить силу, столь тяжкаго для Сигизмундова честолюбія обязательства, сдѣланною имъ оговоркою, что вознагражденіе Польши за понесенные ею убытки должно быть опредѣлено по взаимному соглашенію Короля съ Русскими послами (*).

Уговорившись во всемъ, назначили 17 числа Августа, для подписанія обоюдныхъ записей и для учиненія присяги въ точномъ по нимъ исполненіи.

Но и тутъ Гетманъ еще колебался. Онъ опасался чтобы завистники не стали упрекать его въ заключеніи договора, не довольно выгоднаго для Польши, не имѣя на то достаточнаго полномочія отъ Короля. Въ отвращеніе сего, онъ преклонялся къ тому чтобы объявить Боярамъ, что по зрѣлому размышленію, онъ не почитаетъ себя въ правѣ подписать условленныхъ статей. Но въ семъ случаѣ ему должно было бы готовиться къ продолженію военныхъ дѣйствій и слѣдовательно быть увѣреннымъ что войско его останется на службѣ, хотя за неимѣніемъ денегъ онъ и не могъ удовлетворить его жалованьемъ за текущую четверть года, оканчивающуюся 21 Сентября. И такъ прежде всего нужно было вывѣдать настоящее расположеніе Ры-

---

(*) Смотри Приложенія № XIII.

царства. Гетманъ не хотѣлъ для сего сзывать Коло дабы не оглашать передъ Москвитянами совѣщаній своихъ съ войскомъ. Онъ только призвалъ къ себѣ 16 Августа, всѣхъ Полковниковъ и Ротмистровъ, извѣстилъ ихъ о положеніи дѣлъ, и требовалъ чтобы они представили ему письменно какіе отзывы получатъ отъ своихъ ротъ. Ротмистры пригласили товарищей своихъ, каждый къ своей ставкѣ, и изъяснили имъ что Гетманъ желаетъ знать можно ли ему полагаться на ихъ службу, даже и въ такомъ случаѣ, когда они не получатъ въ срокъ заслуженнаго ими жалованья. Отзывы были отъ всѣхъ одинаковы. Всѣ объявили что отнюдь не останутся въ полѣ, если не получатъ жалованья. При семъ знатнѣйшіе изъ начальниковъ совѣтовали Гетману не вовлекать Польшу въ войну продолжительную и слѣдственно по ограниченности ея денежныхъ способовъ тягостную, когда представлялся случай заключить миръ честный и полезный. Жолкѣвскій, убѣжденный въ недоброходствѣ войска, увидѣлъ необходимость ускорить развязкою и не сталъ болѣе помышлять о перемѣнѣ условленныхъ статей.

Въ назначенный день, 17 Августа, Гетманъ съ Польскимъ войскомъ и Князь Мстиславскій съ товарищами своими и съ нѣсколькимъ полками Московскими, съѣхались на половинѣ до-

роги отъ Польскаго стана до столицы. Два великолѣпные намета были разбиты съ поднятыми полями. Подъ каждымъ изъ нихъ находился богато убранный налой. Оба войска стройно стали одно противъ другаго, оставляя наметы между собою. Въ окрестности, по равнинѣ и пригоркахъ толпилось множество Москвитянъ. Духовенство крестнымъ ходомъ шло изъ города. Величественное зрѣлище тронуло самихъ Поляковъ. По прибытіи духовенства на мѣсто, кресты и Евангеліи были положены на налои. Тогда Гетманъ приблизился къ одному изъ нихъ и положивъ руку на Евангеліе, присягнулъ именемъ Владислава въ точномъ и ненарушимомъ соблюденіи заключеннаго договора. За нимъ же присягнули и всѣ подписавшіе съ нимъ вмѣстѣ запись, Польскіе Полковники и Ротмистры. Когда совершился сей обрядъ, два Архимандрита выступя изъ среди духовенства и обращаясь къ Боярамъ и всѣмъ Москвитянамъ, призывали всѣхъ, по благословенію Патріарха Гермогена, къ цѣлованію креста Королевичу Владиславу Жигимонтовичу благополучно избранному Царю и Великому Князю Московскому и всея Россіи. Громкій кликъ: *Многая лѣта Царю Владиславу*, раздался въ народѣ и заглушенъ былъ только звукомъ бубнъ и литавръ и пушечными выстрѣлами, возвѣстившими столицѣ о совершеніи тор- Кобѣржицкій.

жества, для Россіи едва ли не упоительнаго. Первый изъ Русскихъ приступилъ къ налою Князь Мстиславскій; за нимъ послѣдовали Князь Василій Васильевичь Голицынъ, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ и Князь Данило Ивановичь Мезецкій. Потомъ присягнули и всѣ прочіе духовные и свѣтскіе особы, тутъ присутствовавшіе, число коихъ простиралось до 10,000.

Дневникъ Осады Смоленска.

По окончаніи присяги, Гетманъ послалъ въ Москву Ивана Михайловича Салтыкова и Григорья Валуева, которые въ Кремлѣ на крыльцѣ между переднею и большею палатами, читали всему народу, заключенную запись. Казалось что всѣ одобряли содержавшіяся въ ней условія.

Никоновская лѣтопись.

На другой день начали Москвитяне присягать въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Патріарха. Тутъ же явились Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, Князь Василій Мосальскій и прочіе передавшіеся Полякамъ Тушинцы. Сіи первые виновники избранія Владислава искали примиренія съ Православною Церковью и просили благословенія у Святителя. Гермогенъ отвѣчалъ что готовъ принять ихъ какъ чадъ духовныхъ, если они пришли къ Пречистой безъ лести и если умышленное ими воцареніе Владислава, не поведетъ къ нарушенію Православія; но что въ противномъ случаѣ, онъ предастъ ихъ проклятію всего Вселенскаго Собора. Старый Салтыковъ

прослезился и клятвенно увѣрялъ что Владиславъ не будетъ противникомъ истинной вѣры. Тогда Патріархъ допустилъ ихъ къ кресту. Но когда въ числѣ прочихъ подошелъ и злодѣй Михайло Молчановъ, то Гермогенъ въ порывѣ великодушнаго гнѣва, приказалъ позорно выгнать его изъ храма. Присяга въ соборѣ продолжалась нѣсколько недѣль, по причинѣ многолюдства жителей столицы коихъ считали тогда болѣе 300,000. Въ другіе Русскіе города были разосланы гонцы, съ окружною грамотою отъ Бояръ, возвѣщавшихъ о избраніи Владислава и предписывавшихъ приводить къ кресту всѣхъ людей, на томъ же на чемъ присягали Москвитяне (*). Маскѣвичъ.

Въ ознаменованіе возобновившихся дружескихъ сношеній между Поляками и Москвитянами, Жолкѣвскій пригласилъ 19 числа, на обѣдъ къ себѣ въ станъ Бояръ и именитѣйшихъ Москвитянъ, а четыре дня спустя Князь Мстиславскій и Бояре угощали также въ Москвѣ Гетмана и знатнѣйшихъ Поляковъ. Съ обѣихъ сторонъ дарили другъ друга, но корыстолюбивые Поляки не были довольны полученными дарами находя ихъ бѣдными и несоотвѣтствовавшими своимъ ожиданіямъ.

Среди сихъ пиршествъ, великія заботы сму-

(*) Смотри Приложенія № XIV.

щали глубокую думу Жолкѣвскаго. Король наконецъ прервалъ столь тягостное для Гетмана молчаніе свое, которое впрочемъ дожно отнесть не къ одной врожденной въ Сигизмундѣ перѣшимости, но также и къ тяжкой болѣзни коею онъ былъ тогда одержимъ. Едва протекло два дня послѣ торжественнаго утвержденія договора,
Жолкѣвскій. какъ Жолкѣвскій получилъ отъ него письмо, привезенное Московскимъ торговцемъ гостиной сотни, Ѳедоромъ Адроновымъ, который душею и тѣломъ передался Полякамъ. Въ письмѣ семъ Король требовалъ чтобы Русское царство упрочено было за нимъ самимъ, а не за сыномъ его Владиславомъ. Нѣсколько дней спустя прибылъ въ Москву Гонсѣвскій, Староста Велижскій, отправленный 13 Августа изъ-подъ Смоленска, съ пространнымъ наставленіемъ сочиненныхъ въ томъ же духѣ какъ и письмо привезенное Андроновымъ. Гетманъ изумился. Онъ могъ ожидать что Король захочетъ воспользоваться обстоятельствами для отторженія отъ Россіи нѣкоторыхъ изъ порубежныхъ городовъ, но ему и въ мысль не приходило чтобы Сигизмундъ возмечталъ поработить себѣ все Государства. Немного размышлять нужно было великому мужу, чтобы убѣдиться въ совершенной невозможности исполнить Королевскія предначертанія. Гонсѣвскій, хорошо знавшій Россію, былъ однако-

ваго съ Гетманомъ мнѣнія. Навѣрное Русскіе не поддались бы добровольно Сигизмунду; слѣдственно предстояло бы завоевывать Россію, но при малочисленности Польскаго войска можно ли было ожидать успѣха въ столь огромномъ предпріятіи? Даже если бы и удалось Полякамъ занять Москву и мгновенно покорить обширныя области простирающіяся отъ предѣловъ Псковскихъ до Сибири и до Астрахани, то и тутъ представились бы не преоборимыя препятствія къ удержанію въ повиновеніи, на неизмѣримомъ пространствѣ, народа многочисленнаго и по естественному убѣжденію въ своемъ величіи, питавшаго непреодолимое отвращеніе къ чужеземному игу. Неминуемо возгорѣлась бы вѣковая борьба, въ коей Польша истощила бы свои ограниченныя средства прежде, чѣмъ могла достигнуть своей цѣли. По всѣмъ симъ причинамъ, Гетманъ, съ совѣта Гонсѣвскаго, рѣшился, вопреки Королевской воли, не только оставаться въ предѣлахъ столь не давно заключеннаго договора, но даже сохранить въ тайнѣ полученныя имъ предписанія, дабы не подать Москвитянамъ повода злобствовать на Короля и подозрѣвать его въ вѣроломныхъ замыслахъ.

Для успокоенія Москвы оставалось еще отдалить отъ нея Самозванца. Извѣстіе объ избраніи Владислава сначала поразило Лже-Димитрія,

который страшась, чтобы Сапѣгины Поляки не выдали его Гетману, 18 числа уѣхалъ изъ стана своего въ Угрѣшенскій монастырь, гдѣ находилась Марина, однакожъ на другой день онъ возвратился въ станъ полагаясь на увѣренія Сапѣги, что войско его не имѣетъ никакого помышленія объ измѣнѣ. Вскорѣ получаемыя имъ свѣдѣнія изъ Москвы и замосковныхъ городовъ не только ободрили его, но даже породили въ немъ новыя надежды на успѣхъ. Избраніе Владислава сильно опечаливало Русскихъ. Многіе безмолвно покорялись горестному событію, по ихъ мнѣнію, необходимому для сохраненія общественнаго порядка въ Государствѣ; но другіе, въ воцареніи Самозванца находили болѣе ручательства для народности Русской, а ее они предпочитали всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ. Такое расположеніе умовъ болѣе всего обнаружилось въ городахъ Суздалѣ, Владимірѣ, Юрьевѣ, Галичѣ и Ростовѣ откуда и были тайныя посылки къ обманщику съ изъявленіемъ готовности передаться ему. Въ самой столицѣ не только чернь оказывала отвращеніе къ Владиславу; нѣкоторые изъ чиновныхъ людей раздѣляли сіе чувство, и хотя по неволѣ и присягнули Королевичу, но скоро послѣ того отъѣхали къ Самозванцу. Извѣстнѣйшіе изъ сихъ перебѣжчиковъ были Михайло Бочаровъ и Ѳедоръ Чулковъ.

Отвѣтъ Польскихъ пословъ, таковымъ же Русскимъ на съѣздѣ на рѣкѣ Вонѣ въ 1615 году.

Все сіе до такой степени увеличивало самонадѣянность Самозванца и довѣренность къ нему Сапѣжинцевъ, что покушенія Жолкѣвскаго или склонить его къ добровольной уступкѣ мнимыхъ правъ своихъ, или отвесть отъ службы ему бывшихъ при немъ Поляковъ, остались безуспѣшными. Напрасно Гетманъ писалъ Сапѣгѣ, что непристойно природнымъ Полякамъ воевать противъ Москвы присягнувшей уже Королевичу, что по долгу своему имъ предстояло уговорить Лже-Димитрія покориться Королю и ѣхать въ Польшу, гдѣ Сигизмундъ наградитъ его, по собственному его выбору, или Самборомъ или Гродною, и наконецъ, что въ случаѣ несговорчивости его, прямою ихъ обязанностію будетъ выдать его, или по крайней мѣрѣ оставить его службу, несовмѣстную съ ихъ преданностію къ своему отечеству, которую онъ полагалъ еще не совсѣмъ угасшею въ ихъ сердцахъ. Самъ Сапѣга охотно бы желалъ споспѣшествовать намѣреніямъ Гетмана, но онъ пользовался весьма ограниченною властію надъ предводительствуемою имъ своевольною Шляхтою, которая объявила, что не отступитъ отъ Москвы и всячески стараться будетъ возвесть Лже-Димитрія на престолъ Московскій.

Жолкѣвскій и дневникъ Осады Смоленска.

Гетманъ, разгнѣванный столь дерзкимъ отзывомъ, рѣшился силою принудить къ повинове-

нію, бурливыхъ своихъ соотечественниковъ. Снесясь предварительно съ Боярами, онъ ночью съ 25 на 26, тихо и на-легкѣ выступилъ изъ стана, гдѣ оставилъ всѣ обозы и на разсвѣтѣ явился въ боевомъ порядкѣ въ виду Сапѣгина лагеря. Бояре также съ своей стороны, оставя въ Москвѣ нужное число войска для обузданія черни, вывели въ поле 15,000 человѣкъ, которые подъ предводительствомъ Князя Мстиславскаго соединились съ Гетманомъ. Мстиславскій подъѣхалъ къ Жолкѣвскому, привѣтствовалъ его какъ правителя Государства и объявилъ, что готовъ исполнять его приказаніе.

Сапѣжинцы не ожидавшіе нападенія крайне встревожились. Москвитяне замѣтя ихъ смятеніе и неустройство, просили у Гетмана позволенія немедленно напасть на нихъ. Но Гетманъ хотѣлъ застращать, а не погубить своихъ единокровныхъ. Онъ удержалъ стремленіе Москвитянъ, въ ожиданіи отвѣта на краткое письмо посланное имъ къ Сапѣгѣ съ приглашеніемъ на свиданіе. Прежде полученія отвѣта, пріѣхалъ отъ Сапѣжинцевъ Побѣдинскій съ пятью Ротмистрами униженно просить чтобы не наступали на нихъ; Гетманъ обнадежилъ ихъ, что безъ крайней необходимости не допуститъ кровопролитія между братьями. Вскорѣ послѣ того прибылъ и Сапѣга. Свиданіе его съ Гетманомъ происходило на коняхъ.

Снявъ колпакъ онъ сказалъ, что хотѣлъ было собрать общее Коло, для совокупленія обоихъ Польскихъ войскъ и для убѣжденія Самозванца приступить къ договору съ Королемъ, но что подступленіе Гетмана помѣшало ему исполнить свое намѣреніе. Таковое предисловіе обѣщало сговорчивость. Въ самомъ дѣлѣ, не приготовленные къ битвѣ Сапѣжинцы рады были принять прежнее предложеніе Гетмана. Сапѣга взялся убѣдить Самозванца довольствоваться, по усмотрѣнію своему, Самборомъ или Гродною въ замѣнъ отреченія его отъ Царскаго престола и обѣщался отстать отъ него со всѣмъ Польскимъ войскомъ, если онъ откажется принять сіе предложеніе. Оба Польскіе вождя ударили по рукамъ, въ залогъ вѣрности сего, на словахъ заключеннаго договора. Гетманъ возвратился въ свой лагерь, а Мстиславскій въ Москву. Дневникъ Осады Смоленска.

Лже-Димитрія тогда не было въ станѣ; онъ находился у Марины въ Угрѣшенскомъ монастырѣ. Сапѣга послалъ къ нему Быховца и Побѣдинскаго, всѣ усилія коихъ склонить его къ согласію на предлагаемыя условія остались впрочемъ тщетными. Самозванецъ не безъ достоинства отвѣчалъ, что скорѣе будетъ служить у холопа изъ куска хлѣба, чѣмъ унизить себя принятіемъ Королевскаго дара. Надмѣнная Марина много содѣйствовала къ удержанію мужа Дневникъ Сапѣги.

*

своего отъ покорства. Она не преставая выказывать себя настоящею Царицею всея Россіи, съ гнѣвомъ повторила сіи сказанныя слова въ

Жолкѣвскій.

Тушинѣ: *Если Король уступитъ Царю Краковъ, то Царь отдастъ ему Варшаву.*

Гетманъ извѣщенный въ тотъ же день объ упорствѣ Самозванца, немедленно изготовился къ внезапному на него нападенію со стороны, откуда онъ не могъ его ожидать, то есть по лѣвому берегу Москвы рѣки. Для исполненія сего предпріятія ему предстояло или обойти около Сѣверной части города, или пройти через самый городъ; онъ избралъ послѣдній путь какъ кратчайшій и какъ представлявшій болѣе удобности скрыть движеніе. Къ тому же ему казалось не безполезнымъ ознакомить Москвитянъ съ присутствіемъ Польскихъ воиновъ среди столицы. Бояре, кои уже во всемъ искали угождать ему, согласились пропустить его черезъ городъ. 27, въ часъ по полуночи Гетманъ выступилъ изъ лагеря, переправился черезъ Москву рѣку на Дорогомиловскомъ мосту и направился не только черезъ Деревянный и Бѣлый городъ, но даже и черезъ Кремль, къ Коломенской заставѣ, гдѣ въ полѣ ожидало его 30-ти тысячное Московское войско. Бояре вывели оное изъ города, прежде прохода Поляковъ, въ ознаменованіе особеннаго довѣрія своего къ Гетма-

ну, который нашелъ при всѣхъ внутреннихъ укрѣпленіяхъ лишь малочисленную стражу. Жолкѣвскій съ своей стороны, въ отвращеніе всякаго безпорядка, не позволилъ своимъ людямъ слѣзать съ лошадей во все время прохода черезъ городъ.

Оба войска соединившись при Коломенской заставѣ, двинулись къ Угрѣшенскому монастырю въ надеждѣ захватить тамъ Самозванца. Но злодѣй уже былъ предваренъ о подступленіи Гетмана, Москвитяниномъ ушедшимъ изъ столицы. Самъ онъ, Марина и находившіяся при ней женщины вскочили на коней и поспѣшно отправились черезъ Серпуховъ въ Калугу, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ козаковъ предводительствуемыхъ Заруцкимъ. Козацкій Атаманъ сей послѣ разгрома Тушинскаго стана передавшійся Сигизмунду и сопровождавшій Гетмана отъ Царева-Займища до Москвы, по прибытіи къ столицѣ снова отъѣхалъ къ Лже-Димитрію, изъ негодованія на Жолкѣвскаго не удовлетворившаго честолюбивому его желанію получить главное начальство надъ Русскимъ войскомъ соединившимся съ Королевскимъ, и вмѣсто него ввѣрившимъ сіе начальство Ивану Михайловичу Салтыкову. Маскѣвичъ.

Когда Гетманъ узналъ объ удаленіи Самозванца, сей имѣлъ уже шесть часовъ переду. Нельзя

Жолкѣвскій. было надѣяться настигнуть его, почему подъ вечеръ соединенное войско возвратилось въ столицу. Москвитяне остались въ городѣ, а Жолкѣвскій съ своими полками вышелъ на Звенигородскую дорогу и сталъ лагеремъ въ селеніи Карамышевѣ, въ 7 верстахъ отъ Москвы.

Рукопись Филарета.

Первымъ слѣдствіемъ бѣгства Самозванца было разсѣяніе собраннаго имъ подъ Москвою войска. Знатнѣйшіе изъ Русскихъ его приверженцевъ, Бояре Князь Михайло Самсоновичь Туренинъ и Князь Ѳедоръ Тимоѳѣевичь Долгорукій, да Князь Алексѣй Ситцкій, Александръ Нагой, Григорій Сунбуловъ, Ѳедоръ Плещеевъ, Князь Ѳедоръ Засѣкинъ и дьякъ Петръ Третьяковъ, пріѣхали къ Жолкѣвскому съ объявленіемъ о готовности всѣхъ прочихъ присягнуть Владиславу, но просили его ходатайства о сохраненіи имъ боярства и другихъ чиновъ, жалованныхъ имъ Лже-Димитріемъ. Гетманъ принялъ ихъ ласково и всемѣрно старался уговорить Бояръ, чтобъ они приняли пріѣхавшихъ братски и признали носимыя ими званія. Онъ съ нѣкоторою предусмотрительностію полагалъ, что такое снисхожденіе будетъ служить приманкою для другихъ приверженцевъ Самозванца, начальствующихъ въ многихъ еще ему подвластныхъ городахъ и вѣроятно много ускоритъ покореніе сихъ мѣстъ. Но Бояре съ твердостію отвергли сіе

Окружная грамота Князя Мстиславскаго съ товарищами, изъ Москвы, отъ 4 Сентября 1610.

Жолкѣвскій.

предложеніе, въ особенности несообразное съ духомъ мѣстничества; ибо Самозванецъ возводилъ въ Бояре даже такихъ людей, которые по роду своему вовсе не достойны были сеіі почести. Къ тому же сохраненіе чиновъ злодѣйскою службою полученныхъ, казалось имъ опаснымъ поощреніемъ къ измѣнѣ и разврату. Должно признаться, что трудно было бы имъ рѣшиться признать равными себѣ безсовѣстныхъ разорителей отечества. Правда что по смерти Отрепьева, никто не утратилъ жалованныхъ имъ чиновъ. Но сей примѣръ не могъ быть примѣненъ къ настоящему случаю. Управленіе Отрепьева, всею Россіею признаннаго за истиннаго Царя, имѣло по крайней мѣрѣ нѣкоторый видъ законности и порядка. Напротивъ власть присвоеваемая Тушинскимъ воромъ могла только уподобиться распоряженіямъ разбойническаго Атамана. И такъ, Московскіе сановники, не безъ основанія ограничились объявленіемъ прощенія послѣдователямъ Самозванца и возвращеніемъ имъ чиновъ, коими они пользовались до отъѣзда своего къ Лжедимитрію. Но Тушинцы, какъ то предвидѣлъ Гетманъ, остались не довольными и многіе изъ нихъ опять отправились въ Калугу. Туда же поѣхалъ съ согласія самаго Гетмана, и Царь Касимовскій, увлеченный оте-

Маскѣвичъ. ческою нѣжностію къ сыну находившемуся при Самозванцѣ.

Сапѣгины Поляки положили между собою оставаться въ Коломенскомъ до 19 Сентября, въ ожиданіи Королевскаго отвѣта на посольство отправленное ими подъ Смоленскъ. Донскіе козаки служившіе Самозванцу, присягнули Владиславу 6 Сентября. Изъ прочихъ Русскихъ Коломенскаго стана иные явились съ повинною въ Москву, другіе разбрелись по разнымъ сторонамъ, а нѣкоторые возвратились къ ложному Царю своему въ Калугу.

Дневникъ Сапѣги.

Глубокомысленный Гетманъ удаливъ отъ Москвы опаснѣйшаго изъ искателей Царскаго престола, хотѣлъ имѣть въ рукахъ своихъ и другихъ соперниковъ Владислава, присутствіе коихъ въ столицѣ могло поколебать сомнительную вѣрность Москвитянъ къ Королевичу призванному ими очевидно не по убѣжденію, а по необходимости. Царь Василій, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Ѳедоровичъ Романовъ были предметомъ его основательныхъ подозрѣній. Происками своими онъ успѣлъ склонить Бояръ къ отправленію бывшаго Царя въ Іосифовъ монастырь, вопреки настояніямъ Патріарха, который страшился оставить несчастнаго Василія въ обители, занятой Поляками откуда ничто не могло имъ препятствовать, от-

Никоновская лѣтопись.

править его въ Польшу на вѣчный позоръ Россіи. Въ отвращеніе сего онъ предполагалъ удалить Василія въ Соловецкій монастырь. Немногіе изъ Бояръ пристали къ мнѣнію Патріарха. Въ большой части изъ нихъ, увлекаемыхъ угодливостію Гетману во всѣхъ случаяхъ не касавшихся до ихъ родовыхъ преимуществъ, благоразумная предусмотрительность Святителя къ стыду ихъ не нашла отголоска. Царицу послали въ Суздаль въ Покровскій монастырь, а Царскихъ братьевъ, Князей Димитрія и Ивана Шуйскихъ, выдали Жолкѣвскому, съ тѣмъ, чтобы Король не оказывалъ имъ никакой милости и содержалъ бы ихъ какъ плѣнниковъ; условіе свидѣтельствующее о неумолимой ненависти Москвитянъ къ симъ Князьямъ, преслѣдуемымъ общимъ мнѣніемъ за приписываемое имъ участіе въ смерти героя Скопина. Дневникъ Осады Смоленска.

Чтобы удалить Князя Голицына, Жолкѣвскій предложилъ ему принять первое мѣсто между свѣтскими людьми назначаемыми въ посольство къ Королю подъ Смоленскъ. Онъ представлялъ ему, что симъ откроетъ себѣ путь къ особенному предъ прочими Боярами благоволенію новаго Государя. Голицынъ не смѣлъ отказаться, не столько по Царедворческимъ расчетамъ, сколько изъ опасенія возбудить подозрѣнія Поляковъ. Михайла Ѳедоровича Романова по малолѣтству Жолкѣвскій.

не возможно было включить въ посольство. По крайней мѣрѣ Гетманъ хотѣлъ имѣть во власти своей важный, по его мнѣнію, залогъ бездѣйствія приверженцевъ сего юноши. По его убѣжденію, Бояре назначили Духовною Главою Посольства отца Михайла Романова, Митрополита Филарета.

Никоновская лѣтопись.

Къ довершенію мѣръ предосторожности предпринятыхъ Гетманомъ, для удержанія столицы въ повиновеніи, онъ почелъ полезнымъ уменьшить число Русскихъ ратныхъ людей, въ Москвѣ находившихся. Подъ предлогомъ необходимости обезопасить Новгородъ отъ Шведовъ и покорить буйный Псковъ, онъ предложилъ Боярамъ послать войско по направленію къ симъ городамъ. Все уже исполнялось по его желанію, со стороны Бояръ слѣпо довѣрявшихъ ему или постыдно раболѣпствовавшихъ. Иванъ Михайловичь Салтыковъ съ 18,000 человѣкъ, между коими было много стрѣльцевъ, выступилъ изъ Москвы 7 Сентября по дорогѣ на Бѣжецкъ.

Маскѣвичь. Донесеніе Ивана Салтыкова Королю изъ Новгорода отъ 17 Ноября 1610.

Отправляемое къ Королю Посольство снаряжалось пышно и величаво. Настоящими Послами были Митрополитъ Филаретъ, Бояринъ Князь Василій Васильевичь Голицынъ, Окольничій Князь Данило Ивановичь Мезецкій, Думный Дворянинъ Василій Борисовичь Сукинъ, Думный дьякъ Томила Луговскій и дьякъ Сыдавный Васильевъ.

Никоновская лѣтопись.

Но къ нимъ присоединили выборныхъ отъ всѣхъ сословій, а именно: Новоспаскаго Архимандрита Ефимія, Троицкаго Келаря Аврамія Палицына, Угрѣшенскаго Игумена Іону, Вознесенскаго Протоіерея Кирилла, Стольниковъ Ивана Головина и Бориса Пушкина, Дворянъ Князя Якова Борятинскаго и Бориса Глѣбова, Стряпчаго Леонтья Пивова, Жильцевъ Ивана Коробьина и Семена Иванова, Стрѣлецкаго Голову Ивана Козлова, Гостей Ивана Кошурина и Григорья Твердикова и при нихъ шесть изъ лучшихъ торговыхъ людей, восемь Стрѣльцевъ изъ Приказовъ, четырехъ Московскихъ Жилецкихъ людей съ сотенъ и слободъ, семь Подъячихъ и сорокъ шесть Дворянъ изъ городовъ, между коими находился Захаръ Ляпуновъ. Выборные сіи посылались отъ лица всей земли, испросить у Короля отпуска сына его на царство. Свита была многочисленная. При одномъ Митрополитѣ находилось восемь священниковъ, одинъ Ризничій, одинъ Духовникъ и 130 Митрополитскихъ дѣтей Боярскихъ и служебниковъ; кромѣ того считалось въ прислугѣ при послахъ 211, да при выборныхъ 247 человѣкъ. Наконецъ для охраненія Пословъ и въ почесть имъ, сопровождала ихъ дружина изъ 456 Дворянъ, дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ. Такимъ образомъ всего на всего отправлялось 1,146 человѣкъ.

Голиковъ.

Боярская Дума снабдила Пословъ подробнымъ наказомъ. Къ дополненію договора постановленнаго Гетманомъ, они должны были домогаться: 1-ое чтобы Королевичь перекрестился въ Православную вѣру прежде прибытія своего въ Москву; 2-е чтобы онъ не ссылался съ Папою по дѣламъ о вѣрѣ; 3-е чтобы Русскихъ, которые сталибы переходить въ Латинскую вѣру, казнить смертію, а имѣніе ихъ брать въ казну; 4-е чтобы не много Поляковъ, и именно не болѣе 500 сопровождали Владислава въ Россію; 5-е чтобы титулъ новаго Царя писался по прежнему; 6-е чтобы Владиславъ избралъ себѣ въ супруги особу Православнаго исповѣданія; 7-е чтобы Полякамъ которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья во внутреннихъ областяхъ Россіи, а не въ порубежныхъ съ Польшею городахъ; 8-е чтобы Король отступилъ отъ Смоленска; 9-е чтобы Сигизмундъ отпустилъ немедленно Владислава въ Москву; 10-е чтобы онъ вывелъ всѣ Польскія войска изъ предѣловъ Россійскихъ; наконецъ 11-е чтобы Русскіе Послы допущены были на Сеймъ, дабы въ ихъ присутствіи рѣчь Посполитая утвердила постановленные договоры. Въ случаѣ непреодолимаго упорства со стороны Поляковъ, Посламъ дозволялось допускать измѣненія лишъ въ слѣдующихъ статьяхъ: по *первой*, по крайности они должны были доволь-

ствоваться обѣщаніемъ что Владиславъ по прибытіи своемъ въ Москву, исполнитъ то что о перекрещеніи его будетъ положено съ общаго совѣта Духовенства Православнаго и Латинскаго, по *пятой* согласиться, чтобы о перемѣнѣ титула Владиславъ совѣтовался съ Патріархомъ, Соборомъ и Боярскою думою, и по *шестой* постановить чтобы Владиславу не вступать въ супружество безъ согласія всей Русской земли. Кромѣ того предписывалось Посламъ стараться отводить Поляковъ отъ ихъ требованій на вознагражденіе за военные убытки, на допущеніе Римскаго костела въ Москвѣ, на оставленіе Польскихъ чиновниковъ въ порубежныхъ Русскихъ городахъ до совершеннаго успокоенія Государства и на провѣрку границъ по разуму прежнихъ мирныхъ постановленій. Въ случаѣ же настояніи Поляковъ по симъ предметамъ, Посламъ вмѣнялось въ обязанность отвѣчать, что они не имѣютъ на то полномочія и что по точному смыслу учиненнаго съ Гетманомъ договора, рѣшеніе сихъ вопросовъ отнесено къ сношеніямъ долженствующимъ открыться между Королемъ и въ Москвѣ уже водворившимся его сыномъ. Наконецъ возбранялось Посламъ входитъ въ богословскія прѣнія о вѣрѣ (*).

(*) Смотри Приложенія № XV.

Голиковъ. Посольство отправилось изъ Москвы 11 Сентября. Передъ выѣздомъ, Послы просили благословенія Патріарха, который умолялъ ихъ стоять твердо за православіе и не смущаться никакою мірскою прелестью. Митрополитъ Филаретъ тронутый его увѣщаніями, произнесъ торжественный обѣтъ не щадить живота своего за истинную вѣру. Патріархъ послалъ съ нимъ грамоту къ Королю, въ коей убѣдительно просилъ Сигизмунда не противиться принятію Владиславомъ Греческой вѣры (*). Гетманъ далъ Посламъ въ приставы для препровожденія ихъ до Смоленскаго стана, Гербурта Старосту Тломацкаго.

Никоновская лѣтопись.

Жолкѣвскій.

Пока сіи важныя дѣла и перевороты происходили въ Москвѣ, Сигизмундъ продолжалъ терять время и людей подъ Смоленскомъ. По открытіи весны, осадныя работы не скоро возобновились. Король ожидалъ осадныхъ орудій изъ Риги и до 15,000 козаковъ изъ Бѣлой и съ Украины. Три пушки доставлённыя водою по Двинѣ и по Каспле, были выгружены въ 40 верстахъ отъ Смоленска и 19 Мая привезены въ лагерь. Но передовые полки Запорожцевъ прибыли не прежде Іюня. По полученіи извѣстія о ихъ приближеніи, осаждающіе снова принялись за

Дневникъ Осады Смоленска.

(*) Смотри Приложенія № XVI.

дѣло. Въ ночи съ 10 на 11 Іюня, они поставили девять туровъ насупротивъ четвероугольной башни, разбитой еще въ прошломъ Октябрѣ мѣсяцѣ. Въ ночи съ 12 на 13 прибавили еще нѣсколько туровъ. Осажденные стрѣляли но безъ большаго урона для работниковъ. Въ ночи съ 13 на 14, Польская пѣхота получила приказаніе ставить туры на равнинѣ въ 60 шагахъ отъ стѣны, Между копытинскими воротами и разбитою башнею, а Нѣмцамъ велѣно копать рвы для безопаснаго сообщенія прежнихъ шанцевъ съ новыми турами. Дабы отвлечь вниманіе Смолянъ, Запорожцы съ большимъ крикомъ подступали къ восточной части города, но осажденные не дались въ обманъ и замѣтивъ главную работу направили на оную сильный ружейный и пушечный огонь. До 70 Поляковъ было убито и ранено. Краткость ночи не дозволила засыпать землею всѣхъ поставленныхъ туровъ, которые впрочемъ по ошибкѣ Инженеровъ учреждались не въ 60, какъ предполагались, а во 150 шагахъ отъ стѣны. Въ слѣдующія три ночи продолжали засыпать поставленные туры и ставить новые. Такимъ образомъ усртоились новые шанцы, кои 20 и 21 были снабжены орудіями.

Какъ не всѣ еще ожидаемые Запорожцы прибыли, а Король безъ сего подкрѣпленія не хотѣлъ приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то

съ устроенныхъ батарей стрѣльбы не производилось болѣе трехъ недѣль.

Наконецъ 11 Іюля, Полковникъ Кульбака привелъ послѣдній отрядъ Запорожцевъ, и за тѣмъ снова приступили къ работамъ. Инженеръ Апельманъ повелъ подступной ровъ къ четвероугольной башнѣ находившейся влѣво отъ Копытинскихъ воротъ. Осажденные 16 числа, подкопомъ взорвали часть сего рва, но Апельманъ исправилъ повреждение и на другой день дошелъ до подошвы башни, которую нашелъ снизу складенную изъ тесаннаго камня и потому не могъ пробить ее.

Янъ Потоцкій, Воевода Брацлавскій, имѣвшій главное начальство надъ осаждающимъ войскомъ, весьма завидовалъ блестящему подвигу Жолкѣвскаго подъ Клушинымъ и страстно желалъ покореніемъ Смоленска затмить славу ненавистнаго ему Гетмана. Ничто не препятствовало ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, ибо въ сіе самое время Король сильно занемогъ и не принималъ никакого участія въ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ. Сіе обстоятельство послужило новымъ побужденіемъ Потоцкому, принять рѣшительныя мѣры коихъ успѣхъ относился бы лишъ къ чести одного его.

Плачевное состояніе въ коемъ находились осажденные, казалось оправдывало надежды Поль-

скаго вождя. Отъ тѣсноты помѣщенія жителей въ частяхъ города не подверженныхъ непріятельской стрѣльбѣ, открылась заразительная цынга, причинившая большую смертность. Число способныхъ къ бою людей ежедневно уменьшалось, такъ что едва доставало оныхъ для охраненія обширной ограды города. Однакожъ твердость духа Смолянъ не уменьшалась и они отнюдь не помышляли о сдачѣ.

18 числа рано по утру Потоцкій послалъ Шеину письмо въ коемъ требовалъ сдачи города и давалъ только три часа срока на размышленіе. Но неустрашимый Шеинъ отказался даже принять письмо. Тогда Потоцкій приказалъ открыть огонь изъ пушекъ въ четвероугольную башню, до которой Апельманъ проводилъ ровъ. Стрѣльба сія производилась столь успѣшно, что подъ вечеръ сдѣланъ былъ довольно большой проломъ. Потоцкій приказалъ изготовляться къ приступу.

Въ ночи войска снабженныя лѣстницами, вывивными ступами и другими орудіями, стали въ ружье. 19 на разсвѣтѣ, Староста Пуцкій съ сотнею Нѣмцевъ и Панъ Горецкій съ столькимъ же числомъ Венгерцевъ направились къ пролому башни. За ними должны были слѣдовать 1,000 Запорожцевъ. Другіе Запорожцы имѣли порученіе дѣлать въ разныхъ мѣстахъ притворныя на-

паденія, выказывая намѣреніе приставлять лѣстницы къ стѣнамъ. Но приступъ не удался. Смоляне почью забили бревнами проломъ. Правда Польскія ядра скоро выломили сію задѣлку; но повалившіяся бревна такъ загромоздили внутренность башни, что Нѣмцы и Венгерцы не смотря на храброе свое подступленіе не могли въ оной засѣсть. Они для очищенія себѣ прохода принуждены были зажечь бревна; но прежде чѣмъ успѣли симъ способомъ проложить себѣ путь, отступленіе ихъ уже сдѣлалось неизбѣжнымъ. Долженствующіе поддерживать ихъ козаки оробѣли и не пошли за ними. При малочисленности нападающихъ не возможно было имъ удержаться безъ подкрѣпленія, и потому они спѣшили возвратиться въ шанцы, что впрочемъ исполнили не безъ урона.

Потоцкій не отказался однакожъ отъ своего предпріятія. По его приказанію, пушечный огонь былъ направленъ на стѣну близъ пробитой башни; подъ вечеръ уже оказался проломъ шириною въ двѣ сажени. На слѣдующую ночь къ сему пролому провели подступной ровъ. Сильная стрѣльба продолжалась 20 для расширенія пролома. Потоцкій, найдя оный достаточно доступнымъ, повелъ войско опять на приступъ, 21 по утру. Двѣсти Нѣмцевъ и столько же Венгерцевъ, снова отправились къ пробитой башнѣ.

За ними слѣдовавшимъ козакамъ предписано было приступать къ пробитому въ стѣнѣ пролому. Въ подкрѣпленіе нападающихъ шли Гусарскія роты и со всего войска вызванные охотники. Но по неосмотрительности Потоцкаго не были еще уничтожены боковыя обороны осажденныхъ. Орудія невредимо оставшіяся на круглыхъ башняхъ, сосѣдственныхъ къ пробитой четвероугольной, перекрестнымъ огнемъ столь сильно поражали наступающихъ, что ни козаки ни поддерживающіе ихъ Поляки не могли удержаться передъ стѣнами и укрылись въ шанцахъ. Только Нѣмцы и Венгерцы мужественно исполнили данное имъ порученіе и опять ворвались было въ башню, но оставленные прочими и они въ свою очередь принуждены были отступить.

Не смотря на вторичную неудачу, стоившую осажденнымъ уже нѣсколько сотъ человѣкъ Потоцкій не унывалъ. Наученный опытомъ онъ приказалъ сбить бойницы двухъ круглыхъ башень. Стрѣльба сія начавшаяся 22, продолжалась три дня. Между тѣмъ Инженеръ Апельманъ повелъ подкопъ на отысканіе подкоповъ осажденныхъ, но не довольно углубился, чѣмъ и подалъ Смолянамъ способъ взорвать его ходъ 24 числа. При семъ случаѣ погибло со стороны осаждающихъ 3 Венгерца и 15 Русскихъ работниковъ.

Жолкѣвскій.

Дневникъ Осады Смоленска.

*

Осажденные принимали дѣятельнѣйшія мѣры къ усиленію угрожаемой части ограды. За стѣною находился старый валъ вышиною въ двѣ сажени, и коимъ городъ оборонялся, прежде сооруженія Царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ каменныхъ укрѣпленій. Шеинъ приказалъ отъ одной круглой башни до другой исправить сей валъ и устроить на немъ насыпанные землею деревянные срубы, между коими были поставлены пушки, заряженныя картечью, для дѣйствія на непріятеля могущаго ворваться черезъ проломы стѣны и четвероугольной башни.

Вечеромъ 24, Польскіе батареи открыли въ обѣихъ круглыхъ башняхъ довольно значительные проломы которые, впрочемъ осажденные немедленно крѣпко заколотили деревомъ. Но Потоцкій, полагая, что не трудно будетъ выбить задѣлку, сталъ приготовляться къ новому приступу. На слѣдующій день, онъ отрядилъ къ проломамъ нѣсколько сотъ Нѣмцевъ и Венгерцевъ и 1,000 козаковъ, въ подкрѣпленіе коихъ самъ повелъ большое число изъ рыцарства вызвавшихся охотниковъ. Передъ начатіемъ приступа Поляки пытались еще уговорить осажденныхъ къ сдачѣ. Левъ Сапѣга, Канцлеръ Литовскій и Крицкій Подканцлеръ Коронный, подъѣзжали къ стѣнамъ, вызывая на переговоры Смоленскихъ Воеводъ, но Шеинъ не иначе со-

глашался приступить къ оньмъ, какъ съ предварительнымъ условіемъ, чтобы прекратилась стрѣльба по городу и чтобы стоявшее уже подъ ружьемъ Польское войско возвратилось въ свой лагерь. Поляки на сіе не соглашались; къ тому же находившаяся въ охотникахъ пылкая Шляхта уже соскучившая продолжительною осадою, хотѣла кончить дѣло однимъ разомъ и начинала бунтовать, требуя приступа. Потоцкій не удерживая долѣе ихъ стремленія, приказалъ изготовленному войску двинуться къ стѣнамъ. Но въ сіе самое время, вовсе неожиданно, малая туча разразилась проливнымъ дождемъ, воспрепятствовававшимъ дѣйствію орудій. Черезъ два часа дождь перестаàлъ, однакожъ земля сдѣлалась столь скользкою, что Поляки почли неудобнымъ нападать и распустили войско.

Между тѣмъ подъ Смоленскомъ получено было донесеніе Жолкѣвскаго о сношеніяхъ его съ Московскими Боярами, по предмету избранія Владислава. Все предвѣщало близкій успѣхъ сихъ переговоровъ. Извѣстіе сіе воспламенило новымъ жаромъ Потоцкаго, питавшаго зависть къ Гетману. Онъ рѣшился во чтобы нистало сорвать Смоленскъ. Желая однакожъ увѣриться въ готовности войска къ чрезвычайнымъ усиліямъ, онъ 9 Августа созвавъ всѣхъ Ротмистровъ на *Коло*, представилъ имъ, что Королевскому

войску стыдно отстать въ подвигахъ отъ сослуживцевъ Гетмана, и что только взятіемъ Смоленска открытою силою, они могутъ соперничествовать съ ними въ славѣ. Кромѣ нѣкоторыхъ Ротмистровъ дворцовыхъ хоругвей, представлявшихъ малонадежность предпріятія, всѣ прочіе письменно обязались весть роты свои на приступъ.

На другой день войско выступило изъ лагеря, но когда пришло приказаніе спѣшиться, чтобъ итти въ шанцы и оттуда на приступъ, товарищи одинадцати ротъ взбунтовались и отказались слѣзать съ лошадей, подъ предлогомъ что безъ предварительнаго ихъ согласія, нельзя употреблять ихъ на службу для конницы не обязательную. Увѣщанія Ротмистровъ и посланныхъ къ нимъ Потоцкимъ Дорогостайскаго, Маршала Литовскаго, Скумина Писаря Литовскаго и Горскаго Подсудка Каменецкаго, остались безуспѣшными. Тогда самъ Потоцкій принужденъ былъ ѣздить съ Сенаторами изъ роты въ роту и Королевскимъ именемъ убѣдительнѣйше умоляя непослушныхъ не посрамить чести Польскаго оружія. Наконецъ, своенравіе упорствующей Шляхты уступило мѣсто уваженію къ объявляемой Королевской воли. Всѣ спѣшились и пошли къ шанцамъ. Но какъ удобное къ нападенію время уже протекло, и осажденные имѣя

нѣсколько часовъ въ виду собранное войско, могли изготовиться къ сильному отпору, приступъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Однакожъ дабы имѣть все войско подъ рукою, Польскія роты не были отпущены въ лагерь, а оставлены на ночлегъ въ шанцахъ. Ночью назначаемые къ нападенію отряды были снабжены лѣстницами, кулями набитыми мохомъ и другими, къ облегченію ихъ дѣйствій нужными орудіями.

11 числа, до разсвѣта осаждающіе высыпали изъ шанцевъ и съ большимъ остервененіемъ приступили къ стѣнамъ. Съ обѣихъ сторонъ сражались мужественно. Не только Нѣмецкая и Венгерская пѣхота дѣйствовала съ обычною ей храбростію, но даже сами Запорожцы, подъ предводительствомъ Атамана своего Каленика дошли до четыреугольной башни и дерзко силились ворваться въ оную. Смоляне защищались отчаянно, осыпали нападающихъ картечью, пулями, каменьемъ и ослѣпляющимъ пѣскомъ. Нѣмцы, Венгерцы и козаки, утомленные тщетными усиліями, наконецъ отступили. Не болѣе посчастливилось и Полякамъ. Напрасно Струсъ Староста Хмѣльницкій приступалъ съ гусарами къ оградѣ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ нашелъ передъ стѣною глубокій и широкій ровъ. Гусары двукратно пытались перебраться чрезъ сіе вовсе для нихъ неожиданное препятствіе, но ширина

рва остановила ихъ стремленіе и они также принуждены были отказаться отъ своего предпріятія.

Отбитый приступъ сей причинилъ Полякамъ болѣе урона чѣмъ оба прежніе. По собственному ихъ показанію, они потеряли 172 человѣка убитыми и 645 ранеными. Упадшій духомъ Потоцкій, не посмѣлъ возобновить предпріятія, столько разъ оказавшагося неудачнымъ. Однакожъ осадныя орудія оставлены были въ новыхъ шанцахъ, хотя по отдаленности ихъ отъ Королевскаго лагеря и по малочисленности наряжаемаго къ нимъ прикрытія, они подвергались опасности попасть въ руки осажденныхъ. Но къ счастію Поляковъ, Шеинъ не позволялъ себѣ дѣлать никакихъ вылазокъ, сберегая воиновъ своихъ коихъ и безъ того уже страшно истребляла усилившаяся язва.

Жолкѣвскій.

Первое извѣстіе о присягѣ Москвитянъ Владиславу дошло подъ Смоленскъ 22 числа, но обстоятельное донесеніе Гетмана о важномъ семъ событіи получено было только 26. Вмѣстѣ съ гонцемъ Жолкѣвскаго пріѣхали три Русскихъ чиновника, отправленные въ Смоленскъ съ грамотами и съ словеснымъ приказаніемъ Князя Мстиславскаго Шеину слѣдовать примѣру столицы. 28, имъ позволили пріѣхать въ Смоленскъ, откуда одного изъ нихъ Шеинъ послалъ на дру-

Дневникъ Осады Смоленска.

гой день къ Королю, для испрошенія позволенія отправить въ лагерь посланниковъ для переговоровъ. Сигизмундъ охотно принялъ предложеніе сіе и 31 шесть посланниковъ отъ всѣхъ сословій Смоленскихъ явились передъ нимъ, съ просьбою чтобы онъ приказалъ прекратить стрѣльбу и отвелъ бы отъ города свои войска. Отвѣтъ на сіе требованіе былъ отложенъ до слѣдующаго дня, въ который посланники были призваны къ Коронному Подкоморію, гдѣ находились всѣ Сенаторы. Канцлеръ Литовскій Сапѣга объявилъ имъ, что Смоленскъ, древнее достояніе Польши, долженъ покориться самому Королю, но что Его Величество обѣщаетъ Смолянамъ сохраненіе ихъ вѣры и неприкосновенность ихъ имущества.

Отзывъ сей опечалилъ но не поколебалъ Смолянъ. Они съ общаго совѣта твердо положили, ни въ какомъ случаѣ не отлагаться отъ Россіи. Въ слѣдствіе новыхъ ссылокъ, Шеинъ 7 Сентября выѣхалъ въ поле для свиданія съ Канцлеромъ Сапѣгою. Напрасно съ обѣихъ сторонъ старались убѣдить другъ друга. Сапѣга не хотѣлъ довольствоваться покорностію Смолянъ Владиславу, а Шеинъ не соглашался отдѣляться отъ Россіи и признать владычество Польши. Наконецъ остановились на томъ, чтобы отложить переговоры до пріѣзда Московскихъ Пословъ.

Однакожъ нѣсколько дней спустя, уговорились еще о немедленномъ размѣнѣ плѣнныхъ.

Пока происходили сіи переговоры, шайка Запорожцевъ, соскучившихъ бездѣйствіемъ своимъ подъ Смоленскомъ, выбѣжала изъ лагеря и быстро направилась на Украинскіе города еще повиновавшіеся Самозванцу. Она, 1 Сентября явилась уже передъ Козельскомъ, гдѣ по случаю нечаяннаго нападенія не встрѣтила важнаго сопротивленія. Послѣ двухчасоваго сраженія, Запорожцы овладѣли городомъ, обратили его въ пепелъ и побили до 7,000 человѣкъ. На обратномъ пути, они взяли и разграбили Мещевскъ, а 16 Сентября возвратились подъ Смоленскъ отягченные богатою добычею.

Беръ.

Дневникъ Осады Смоленска.

Тамъ осадныя дѣйствія возобновились, но не открыто, а подземельною работою. Потоцкій полагалъ всю надежду свою на выбѣжавшаго изъ города Русскаго подкопщика, которому извѣстны были всѣ слухи осажденныхъ. Поляки поручили ему веденіе подкоповъ, но сначала успѣхъ мало соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ. Смоляне бдительно стереглись въ своихъ слухахъ и часто взрывали подземныя работы непріятеля. 23 Сентября имъ удалось даже взорвать нѣкоторую часть шанцевъ.

На Сѣверо-Западныхъ границахъ Россіи, оказался новый непріятель. Шведы изъ невѣрныхъ

союзниковъ обратились въ явныхъ враговъ. Делагарди съ остатками войска пораженнаго подъ Клушинымъ, отступая отъ торжка мимо Новгорода, раздѣлился на двое. Делавиля съ отрядомъ Видекиндъ.
послалъ онъ къ Ладогѣ для поиска на сей городъ, а самъ съ прочими воинами направился къ Устью Невы, въ намѣреніи соединиться съ Врангелемъ, который уже около трехъ мѣсяцевъ Никоновская лѣтопись и Видекиндъ.
безуспѣшно осаждалъ Ивангородъ. Но Лисовскій, съ 4,000 своихъ наѣздниковъ, смѣло перерѣзалъ сообщеніе между обоими Шведскими Полководцами; Делагарди не отважился открыть себѣ путь вооруженною рукою и обратился къ Корелѣ. Покореніе города сего удержаннаго за Россіею благороднымъ упорствомъ своихъ жителей, вопреки повелѣніямъ Царя Василія Ивановича, сдѣлалось предметомъ особенныхъ исканій Шведовъ. Делагарди осадилъ его при помощи подкрѣпленій полученныхъ имъ изъ Финляндіи.

Ладога сдалась Делавилю 15 Августа. Ивангородъ напротивъ того продолжалъ обороняться упорно. Въ слѣдствіе продолжительнаго обложенія городскіе запасы истощились. Жители терпѣли голодъ, ѣли кожи но оставались вѣрными своему Лжецарю. Впрочемъ долговременное стояніе утруждало и осаждающихъ. Приближеніе осенняго ненастья въ особенности тревожи-

ло склонныхъ къ неповиновенію иноземцевъ. 6 Сентября Французы и Ирландцы, подъ предводительствомъ своего начальника Режиса взбунтовались и выступили изъ лагеря въ намѣреніи засѣсть въ Невскомъ городкѣ, но настигнутые посланные за ними въ погоню Шведами, претерпѣли сильное пораженіе. Многіе изъ нихъ были взяты, другіе бѣжали въ Ревель, а 2,000 Ирландцевъ перешли къ Русскимъ въ Ивангородъ.

Вѣрность Шведовъ казалось доказанною на опытѣ, но если на нее полагались вожди, то не долго оставались въ заблужденіи. Сами Шведы заразились духомъ своевольства тѣхъ коихъ недавно карали. Сильный ропотъ и частые побѣги распространились между ними. Въ сихъ обстоятельствахъ начальники нашлись принужденными снять осаду и отойти въ Нарву.

Сему событію однакожъ предшествовало разбитіе Лисовскаго подъ Ямами, Шведскимъ отрядомъ предводительствуемымъ Горномъ. Лисовсовскій отступилъ въ Гдовъ, откуда вмѣстѣ съ Просовецкимъ направился къ Пскову. Но оба начальники сіи уже были въ разномысліи. Избраніе Владислава поселяло въ нихъ плевелъ раздора. Лисовскій, какъ Полякъ, не находилъ возможнымъ уклоняться отъ покорства Королевичу. Напротивъ того Просовецкій, не хотѣлъ

Донесеніе Боярина Ивана Салтыкова, Королю Сигизмунду, изъ Новгорода отъ 17 Ноября 1610.

отставать отъ Самозванца. Распри ихъ доходили до кровопролитія. Наконецъ, они разошлись. Лисовскій съ 3 или 4 тысячами всякаго сброда людей пошелъ въ Островъ, а Просовецкій съ 14,000 Донскихъ козаковъ, остановился въ 20 верстахъ отъ Пскова.

Дневникъ Сапѣги.

Лже-Димитрій снова укрѣпился въ Калугѣ. Напрасно Жолкѣвскій еще разъ вызывалъ его къ покорству чрезъ посланнаго къ нему въ Калугу, главнаго наперстника его Валявскаго. Ни онъ, ни Марина и слышать не хотѣли объ отреченіи отъ мнимыхъ правъ своихъ. Впрочемъ самонадѣянность Самозванца нѣсколько оправдывалась положеніемъ его дѣлъ. Почти во всей Россіи чернь ему благопріятствовала. Изъ Москвы многіе, не довольные избраніемъ Владислава, выѣзжали къ нему. Города Украинскіе и Сѣверскіе не занятые Поляками не отставали отъ него. Мордовская земля также оставалась ему вѣрною. Для большаго ея охраненія, онъ послалъ Пана Керновицкаго съ отрядомъ. Но Керновицкій былъ разбитъ подъ Шацкомъ наступившимъ на него изъ Мурома Окольничимъ Княземъ Мосальскимъ. Впрочемъ Князь Мосальскій совершивъ подвигъ сей, возвратился въ Муромъ, считая себя безсильнымъ предпринять покореніе Мордовской земли.

Жолкѣвскій.

Отвѣтъ Польскихъ пословъ Князю Воротынскому, на Вопскомъ съѣздѣ, въ 1615 году.

Столяровъ хронографъ.

Подъ Москвою, Жолкѣвскій продолжалъ при-

нимать всѣ возможныя мѣры къ упроченію владычества Поляковъ. Его безпокоило еще сосѣдство Сапѣжинцевъ, коихъ сомнительное покорство и обычное самовольство не представляли достаточнаго ручательства въ сохраненіи ими должнаго порядка, въ особенности послѣ неудовольствія возбужденнаго въ нихъ отказомъ Гет-
Жолкѣвскій. мана на сдѣланное ими недѣльное требованіе сравнить службу ихъ съ службою Королевскаго войска. Они домогались еще быть впущенными въ столицу, но на сіе Гетманъ могъ согласиться тѣмъ менѣе, что напротивъ того онъ старался удалить ихъ вовсе отъ Москвы. Въ семъ намѣреніи онъ внушалъ имъ, что трудно будетъ имъ прокормиться зимою подъ столицею. Тогда они объявили желаніе итти въ Рязанскую землю. Гетманъ, который хотѣлъ сберечь сію обильную страну для продовольствія собственнаго своего войска, рѣшительно отозвался, что не отпуститъ туда Сапѣжинцевъ, хотябы для удержанія ихъ пришлось употреблять силу оружія. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, онъ склонилъ ихъ удовольствоваться обѣщаніемъ его ходатайствовать у Сигизмунда, чтобы въ платѣ они были уравнены съ Тушинцами Зборскаго уже служившими Королю; въ замѣнъ чего они обязались отправиться въ Сѣверскую землю, для отнятія ея отъ Самозванца. Успѣшному окончанію сего

дѣла, содѣйствовали не столько увѣщанія Жолкѣвскаго, сколько розданныя имъ деньги. Въ Сапѣжинцахъ склонность къ грабежу равнялась расточительности. Похищенныя ими Русскія сокровища не сберегались въ ихъ рукахъ. Они находились въ такой бѣдности, что даже не имѣли средствъ достаточно призрѣть своихъ больныхъ и раненыхъ. Гетманъ приказалъ выдать имъ изъ Царской казны 10,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Кромѣ того многіе изъ частныхъ начальниковъ, пользовавшихся довѣріемъ своихъ подчиненныхъ, тайно получили отъ него нѣсколько сотъ злотыхъ. Онъ не щадилъ пожертвованій, чтобы безъ дальнѣйшихъ хлопотъ избавиться отъ безпокойныхъ соотечественниковъ своихъ. Сапѣжинцы выступили 14 Сентября и медленно направились черезъ Боровскъ и Медынь къ Мосальску и Мещевску. Дневникъ Сапѣги.

По силѣ заключеннаго съ Москвитянами договора, Гетману слѣдовало бы отойти къ Можайску. Но зыбкость основаній, на коихъ опирался престолъ Владислава въ Москвѣ, не укрылась отъ его проницательности. При ненадежномъ расположеніи умовъ Москвитянъ, ему казалось опаснымъ удаляться; напротивъ того онъ сталъ искать предлога угнѣздиться въ самой Москвѣ. Оказавшіяся въ черни нѣкоторыя смуты

Палицынъ. клонившіеся къ призванію Самозванца, способствовали предпріятію Жолкѣвскаго. Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ и другіе закупленные Поляками предатели отечества, начали внушать испуганнымъ Боярамъ, что одно присутствіе Поляковъ можетъ избавить ихъ отъ избіенія, коему подвергало ихъ готовящееся въ столицѣ торжество холопьей стороны. Увлеченные страхомъ они сами стали просить Геткана расположить войско свое въ Москвѣ. Обрадованный Жолкѣвскій послалъ 16 Сентября Гонсѣвскаго и Струса расписать квартиры въ городѣ, что едва не произвело явнаго бунта. Народъ созванный монахомъ ударившимъ въ набатъ, сталъ толпиться въ улицахъ, съ намѣреніемъ воспротивиться входу Поляковъ въ городъ. Бояре, въ избѣжаніе кровопролитія, послали просить Гетмана занятіе Москвы отложить до удобнѣйшаго времени.

Дневникъ Осады Смоленска.

Непріязненное расположеніе Москвитянъ смутило самаго Гетмана. Отпустивъ Запорожцевъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ обратно въ Украину, онъ имѣлъ при себѣ только иноземцевъ, отставшихъ отъ Делагардія и до 6,000 Поляковъ. Съ симъ малочисленнымъ войскомъ ему казалось ненадежнымъ поселиться посреди многолюднаго города въ коемъ недоброжелатели Поляковъ очевидно превышали числомъ ихъ

приверженцевъ. Останавливаясь на средней мѣрѣ, соображенной съ двоякою цѣлію не раздражать напрасно Московской черни и обезопасить Польское войско отъ внезапнаго народнаго возстанія, онъ предложилъ Боярамъ позволить ему занять 4,300-мъ человѣкъ Дѣвичій монастырь и близь лежащія подгородныя слободы. Хотя предложеніе сіе не очень нравилось Боярамъ, находившимъ болѣе обезпеченія для себя въ помѣщеніи Поляковъ въ самомъ городѣ, однакожъ они изъявили согласіе; но Патріархъ сильно воспротивился. Онъ возражалъ что не прилично оставить монахинъ въ монастырѣ, ни высылать ихъ оттуда. Вообще ему казалось опаснымъ и противнымъ достоинству Россійскаго Государства самую столицу подвергать своекорыстному покровительству Поляковъ, въ особенности когда прямыя намѣренія Сигизмунда еще достаточно не объяснились. Многіе Дворяне и служивые люди призванные Святителемъ, раздѣляли его благоразумную недовѣрчивость къ Полякамъ, и уговорились съ нимъ требовать чтобы Жолкѣвскій, въ исполненіе принятаго имъ обязательства, шелъ немедленно въ Калугу на искорененіе Самозванца. Но Князь Мстиславскій и прочіе Бояре сильно возставали противъ сего, представляя что безъ помощи Поляковъ трудно будетъ удержать въ повиновеніи Московскую

Отвѣтъ Польскихъ пословъ Князю Воротынскому на Воинскомъ съѣздѣ, въ 1615 году. Дневникъ Осады Смоленска. Жолкѣвскій. Маскѣвичь.

чернь, возмущаемую приверженцами Лже-Димитрія. Иванъ Никитичь Романовъ даже сказалъ Патріарху, что если Гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ всѣмъ Боярамъ придется слѣдовать за нимъ для спасенія головъ своихъ, что за тѣмъ вѣроятно столица подпадетъ подъ власть Калужскаго вора и что отечество признаетъ его Святителя виновникомъ всего зла и разоренія отъ того произойти могущихъ. Сколь ни твердъ былъ Гермогенъ, но поколебался, и не отважился принять на себя важную отвѣтственность коей подвергали его главнѣйшіе сановники Государства. Въ довершеніе убѣжденія Патріарха, ему сообщили строгій уставъ начертанный Гетманомъ, для предупрежденія безчиній и для наказанія неистовствъ, къ коимъ Польскіе Жолнеры имѣли обычную наклонность. Успокоенный на счетъ безопасности Москвитянъ, Патріархъ не противился долѣе сильному желанію Бояръ впустить Поляковъ въ самый городъ. Гетманъ съ своей стороны, также въ угодность Боярамъ, отказался отъ намѣренія своего ограничиться занятіемъ Дѣвичьяго монастыря и пригородныхъ слободъ.

Опасались еще Московской черни, уже грозно изъявившей свою готовность не допускать въ нѣдра столицы закоренѣлыхъ враговъ Россіи. Съ общаго совѣта, положили воспользовать-

ся ночнымъ временемъ, чтобы скрытно ввесть назначаемыхъ въ Москву 800 пѣшихъ иноземцевъ и 3,500 Поляковъ.

Въ ночи съ 20 на 21 Сентября войско сіе вступило въ городъ тихо и какъ бы украдкою. Гетманъ и Гонсѣвскій съ пѣхотою расположились въ Кремлѣ, гдѣ самъ Жолкѣвскій занялъ домъ бывшій Бориса Годунова. Полкъ Зборовскаго помѣстился въ Китаѣ, въ сосѣдствѣ съ Кремлемъ на Посольскомъ дворѣ и по близь лежащимъ домамъ, а полкъ Казановскаго въ Бѣломъ городѣ противъ Кремлевскихъ воротъ на дворахъ Князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ. Изъ предосторожности каждый полкъ стоялъ въ совокупности и не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Пробудившіеся отъ сна Москвитяне изумились увидя себя преданными во власть ненавистныхъ Ляховъ. Чернь покоряясь необходимости безмолвствовала; но въ сердцахъ кипѣло живое чуство негодованія на Бояръ и омерзѣнія къ чужеземному игу.

Изъ остальнаго своего войска Гетманъ ввелъ четыре роты полка Гонсѣвскаго въ Дѣвичій монастырь, а свой полкъ и полкъ Струса отправилъ въ Можайскъ, Борисовъ и Верею для охраненія сообщеній своихъ съ Королемъ. Къ симъ двумъ полкамъ Бояре присовокупили Русскій

отрядъ подъ начальствомъ Князя Воротынскаго.

Съ Гетманомъ подъ Москвою находилось 2,500 Делагардіевыхъ иноземцевъ. На службу ихъ можно было полагаться толко въ такомъ случаѣ когда бы имъ исправно платилось жалованье, но Жолкѣвскій весьма нуждался въ деньгахъ и потому рѣшился оставить при себѣ только 800 человѣкъ пѣхоты которыхъ съ собою ввелъ въ Кремль и 150 человѣкъ конницы. Всѣхъ же прочихъ отпустилъ обратно въ ихъ землю, удовлетворивъ ихъ за прослуженную четверть года изъ Царской казны, на что Бояре тѣмъ охотнѣе согласились что имъ весьма пріятно было удаленіе сихъ Нѣмцевъ, много докучавшихъ имъ своимъ своевольствомъ когда находились на Царской службѣ.

Жолкѣвскій прилагалъ тщательное стараніе о сохраненіи общаго спокойствія, удерживаявъ должномъ порядкѣ буйныхъ своихъ подчиненныхъ. Для отвращенія всякаго пристрастія разборъ распрей кои могли возникнуть, былъ предоставленъ судьямъ, избраннымъ въ равномъ числѣ изъ Русскихъ и Поляковъ. Продовольствіе Поляковъ даже не касалось Москвитянъ; сія тягость была возложена на замосковные города и волости, которые были росписаны по разнымъ Польскимъ ротамъ; каждая изъ нихъ должна была

получать содержаніе отъ приписаннаго къ ней участка.

Личныя качества Гетмана много содѣйствовали къ водворенію желаемаго имъ устройства. Умомъ, ловкостію и привѣтливостію онъ обвороживалъ всѣхъ. Не одни Бояре любили его; самый главный противникъ Поляковъ Патріархъ, уловленный почтительнымъ его обхожденіемъ и глубокимъ уваженіемъ, оказываемымъ имъ къ Православной вѣрѣ, сблизился съ нимъ и казался его другомъ. Онъ даже умѣлъ привлечь къ себѣ и грубыхъ Стрѣльцевъ. За отряженіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ Иваномъ Салтыковымъ подъ Новгородъ, ихъ оставалось въ столицѣ еще нѣсколько тысячъ. Дабы вполнѣ господствовать въ городѣ, Жолкѣвскому весьма нужно было имѣть въ рукахъ своихъ сихъ воиновъ строптивыхъ, необузданныхъ, но хорошо вооруженныхъ и которые числомъ превосходили Поляковъ. Для снисканія ихъ доброжелательства, онъ не щадилъ ни подарковъ, ни угощеній и довелъ ихъ до того, что они охотно приняли себѣ въ главные начальники Поляка Гонсѣвскаго, Боярами облеченнаго въ сіе важное званіе, по особенному настоянію Гетмана. Для упроченія владычества Владислава, Жолкѣвскій не упустилъ ничего что могло зависѣть отъ человѣческой предусмотрительности.

Москва захваченная безъ боя, безъ кровопро-

литія, одними хитрыми изворотами Гетмана, казалась спокойною. Но звукъ Польскаго оружія по городскимъ улицамъ ежечасно напоминалъ жителямъ, о невольничествѣ столицы, оскорбительномъ для народной чести. Чернь въ особенности обижалась господствомъ иноземцевъ. Однакожъ негодованіе ея еще таилось до удобнаго времени. Все зависѣло отъ рѣшенія Короля. Но слабоуміе и запосчивость сего Государя предвѣщали что онъ скорѣе неблаговидными поступками своими раздражитъ Москвитянъ, чѣмъ утушитъ въ нихъ наклонность къ возстанію, благоразумными распоряженіями сообразными съ глубокомысленными предначертаніями Гетмана. Провидѣніе, оберегающее народность Русскую, на славу временъ грядущихъ, отвратило сердце Сигизмунда отъ мудрыхъ совѣтовъ Великаго мужа, коимъ по справедливости гордилась тогда Польша (*).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

(*) *Примѣчаніе.* Какъ находившійся между Польскими рукописями Пулавской библіотеки, дневникъ осады Смоленска, никогда напечатанъ не былъ, но вошелъ въ число употребленныхъ нами матеріаловъ, то полагаемъ нужнымъ представить оной въ Русскомъ, хотя въ худомъ, но почти буквальномъ переводѣ. Смотри приложенія № XVII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

УНИВЕРСАЛЪ

Е. В. Короля до Смолянъ, отъ 9/19 Сентября 1609.

Самъ Великій Государь Сигизмундъ III, Божіею милостію Король Польскій и проч. и проч.

Въ Смоленскъ Преподобнымъ Владыкамъ, Архимандритамъ и Игуменамъ, Воеводамъ, Дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, торговымъ людямъ, стрѣльцамъ, козакамъ, пушкарямъ, затинщикамъ, приворотникамъ, и всѣмъ посадскимъ и установленнымъ жильцамъ и всѣмъ служебнымъ людямъ старшимъ среднимъ и младшимъ. Вы сами то видѣли, что съ тѣхъ поръ какъ по святому изволенію Божію, послѣдній потомокъ Великихъ Государей, Великихъ Князей Московскаго Государства, блаженной памяти братъ нашъ, Великій Государь и Великій Князь Θедоръ Ивановичь переселился отъ сего земнаго Царства въ небесное, а по немъ люди не Царскаго рода, и не по Божію изволенію, а собственнымъ своимъ хотѣніемъ, насиліемъ, хитростію и обманомъ, во первыхъ Борисъ Годуновъ а послѣ него и другіе, содѣлались Великими Государями и почали владѣть Московскимъ Государствомъ, то съ самаго того времени, Господь Богъ въ наказаніе за ихъ алчность и кич-

ливость, что не по своей мѣрѣ возвысившись до Царскаго достоинства и престола, излилъ Божескій гнѣвъ свой на весь христіанской Московской Русской народъ, и множество Христіанской крови проливалось безпрестанно; возстали братъ противъ брата, пріятель противъ пріятеля, слуга и холопъ противъ своихъ господъ, обращаясь между собою какъ водится между врагами, другъ друга, поражая, побивая и умерщвляя; кровь Христіянская безпрестанно проливалась какъ самими Московскими людьми, такъ и поселившимися съ давнихъ лѣтъ между ними Иноземцами, кои и въ недавнемъ времени, много замковъ, городовъ и волостей повоевали, душъ Христіянскихъ безъ числа полонили, и церкви Божіи разорили и сожгли. Нѣмцы также наровятъ забрать много замковъ и волостей Московскаго Государства и хотятъ инспровергнувъ Православную Христіянскую Русскую вѣру замѣнить ее своею еретическою, для чего съ войскомъ своимъ и идутъ на Московское Государство. Все сіе достойно соболезнованія всякаго христіанина и многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго Государства, изъ многихъ замковъ, и даже изъ самаго столичнаго города Москвы, видя такую гибель, били челомъ намъ Государю, посредствомъ тайныхъ посылокъ, чтобы мы Государь какъ Царь Христіянскій и наиближайшій родичь Московскаго Государства, вспомнивъ свойство и братство существовавшія съ прадѣдовъ между нами и природными старинными Государями Московскими, сжалились надъ пропадающимъ и гибнувшимъ Государствомъ Московскимъ, не допустили бы до конечнаго разоренія, Христіанской вѣры, Божіихъ церквей и также ихъ женъ, дѣтей и домовъ и избавили бы всѣхъ ихъ отъ погибели и уничтоженія. И мы Великій Государь Христіянскій, сообразно нашему Королевскому достоинству, соболезнуя о такой гибели вашей и о безпрестанномъ пролитіи крови Христіянской, и удовлетворяя челобитью многихъ Русскихъ людей, сами идемъ къ вамъ нашимъ Королевскимъ могуществомъ съ великимъ войскомъ, не для того чтобы воевать васъ или проливать кровь вашу а дабы при помощи Божіей и молитвами Пресвятой Богородицы

и всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, оборонять васъ отъ всѣхъ враговъ вашихъ и кровь Христіянскую избавить отъ плѣненія и конечнаго разоренія, стараясь пуще всего о сбереженіи Православной Русской вѣры и о доставленіи всѣмъ покоя и тишины.

Когда вы всѣ Смоляне возрадуетесь о такомъ милосердіи Божіемъ и о нашемъ Королевскомъ благоволеніи и встрѣтите насъ съ хлѣбомъ и солью, то положите всему дѣлу доброе начало, а мы благосклонно и милостиво принимая васъ подъ защиту благополучной Державы нашей, обѣщаемъ вамъ не касаться вашей Русской вѣры и содержать васъ при всей вольности вашей и въ возможной чести, и на всемъ томъ, если того пожелаете, готовы мы вамъ крестъ цѣловать сами и съ Панами Рады нашими, и выдать вамъ грамоту за нашею Королевскою печатью; однимъ словомъ хотимъ оказать вамъ нашу Государскую благосклонность и милость, въ степени вами самими признанною за приличнѣйшею, достойнѣйшею и для васъ выгоднѣйшею. А если вы пренебрежете теперешнимъ милосердіемъ Божіимъ и нашею Королевскою милостію (чего однакожъ не чаемъ) то войско наше не пощадитъ ни васъ самихъ, ни женъ, ни дѣтей, ни домовъ вашихъ, а нашей вины въ томъ не будетъ передъ Господомъ Богомъ. Данъ на рубежѣ Оршанскомъ и Смоленскомъ, въ нашемъ Королевскомъ станѣ, лѣто отъ рождества Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа 1609, мѣсяца Сентября въ 19 день.

№ II.

ПИСЬМО

Марины къ Сигизмунду III Королю Польскому отъ 8/18 Января 1610.

Наияснѣйшій

Милостивый Король!

Милость Вашего Королевскаго Величества, фамиліи моей и лично мнѣ оказанная, по существу своему требовала, дабы я въ семъ моемъ сиротствѣ подъ милостивую защиту В. К. Величества прибѣгла: но сіе несчастное заключеніе, которое совсѣмъ почти отняло у меня свободу воли, воспрещало мнѣ и сіе надежнѣйшее и вѣрнѣйшее утѣшеніе. Теперь, когда В. К. В. на границу Московскаго Государства изволили вступить, я съ моей стороны искренно желаю, чтобы хорошія намѣренія имѣли счастливое начало, предпринимаемая война—вождѣленный успѣхъ, а начатые подвиги — счастливыя послѣдствія. Если кѣмъ нибудь на свѣтѣ играло счастье, то конечно мною: ибо изъ Шляхетскаго званія, вознесло меня на высоту Московскаго престола, откуда бросило въ ужасное заключеніе; изъ него проглядывала обманчивая свобода, но судьба ввергла меня въ лучшую, какъ казалось, но, вѣроятно, въ болѣе пагубную неволю; и теперь въ такомъ положеніи меня оставила, что, по сану моему, я не могу жить спокойно. Отъ Всевышняго Господа Бога все сіе съ благодарностію принимая, Его Святой премудрости предаю дальнѣйшія дѣла мои. Несомнѣнно

въ томъ увѣрена, что Онъ, яко разными путями многое чинитъ, то и теперь въ сихъ замѣшательствахъ моего счастія не оставитъ милостиво изторгнуть меня изъ бѣдъ и спасти. Такъ какъ В. К. Величество изволили быть причиною и помощникомъ прежняго моего счастія, то я совершенно увѣрена въ милости В. К. Величества, и полагаю надежду на Господа Бога, что и въ семъ несчастіи моемъ соизволите подать мнѣ помощь. Все отняла у меня неблагопріятная фортуна; остались при мнѣ: одна справедливость и право на Московскій престолъ, коронаціею обезпеченное, признаніемъ за Обладательницу утвержденное и двоякою присягою отъ всѣхъ сословій жителей Московскаго Государства укрѣпленное. Все сіе на милостивое вниманіе и проницательный умъ В. К. Величества представляю, будучи увѣрена, что В. К. Величество, по мудрости своей, меня и фамилію мою, которая кровію, отважностію и издержками тому способствовала, щедро вознаградите; что неминуемо будетъ важною причиною къ возвращенію сего Государства и къ удержанію крѣпкаго союза В. К. Величества, при благословеніи Господа Бога, который справедливость щедро и изобильно награждаетъ. Желая сего, предаюсь защитѣ и милостивому вниманію В. К. Величества. Данъ въ лагерѣ подъ столичнымъ городомъ Москвою 15 Генваря.

В. К. Величеству, всякаго счастія отъ Господа Бога желающая,

Марина Царица Московская.

№ III.

ЛИСТЪ

за Королевскою рукою і за печатью, на чомъ договоръ былъ і присегалъ Король Боярину Михаилу Глѣбовичю Салтыкову с товарыщи.

Наяснѣйшаго Жигимонта третьего, Божіею милостію Короля Полскаго и Великаго Князя Литовскаго, Московскаго Государьства боляромъ, околничимъ, дворяномъ и дьякомъ думнымъ и всѣмъ станомъ, на артикулы и прозьбы ихъ.

Написали есте, когда дастъ Богъ Великіи Господарь Король его милость на Московскомъ Господарьствѣ і на всѣхъ преславныхъ и великихъ Господарьствахъ Россійскихъ захочетъ Великимъ Господаремъ Царемъ и Великимъ Князем учинити сына своего Владислава, абы его милость Великіи Господарь Царь и Великіи Князь на Московское Господарьство коруновался коруною, або венчался венцомъ Царскимъ діадимою въ Москвѣ отъ руки Патриарха Московскаго стародавнымъ звычаемъ, яко прошлые великіе Господари Московскіе на преславное Господарьство Московское коруновались: на то его Королевская милость позволяти рачитъ, кгды Господь Богъ волю и часъ свой за успокоеніемъ доскопалымъ того Господарьства пошлетъ.

2. Абы святая православная вѣра Греческаго закону и святая Апостольская церковь мѣла свою цѣлость и красоту по первшему, и во Апостольскихъ и Вселенскихъ научителехъ

науцѣ и поданью ни въ чомъ не нарушена была, и абы учители Римскіе и Лютарскіе і иныхъ вѣръ, разорванья церковнаго нечинили. А которые Римскіе вѣры захочутъ приходить до церкви Греческіе, тые абы приходили зо страхомъ, якъ пристоитъ православнымъ Христіаномъ, а не гордостію и не въ шапкахъ, и псовъ бы съ собою въ церковь не водили, и не водлугъ часу въ церквы не сидѣли: на то его Королевская милость позволяти рачитъ, ведже ихъ для людеіі Римское вѣры потреба мѣть костелъ, яко о томъ еще за Бориса мовы были, а при томъ костелѣ Капляновъ, або поповъ Ляцкихъ, и о томъ съ Патріархою и зо всѣмъ духовенствомъ и зъ бояры зъ думными намова быти маетъ. Абы для людеіі Католическіе вѣры костелъ хотя одинъ могъ быти въ мѣстѣ столичномъ Москвѣ для набоженства людей Полскихъ и Литовскихъ, при которыхъ естьли бы зъ Рускихъ людей кому быти трафилось, абы съ таковоюжъ учтивостью въ костелѣ яко и въ Рускихъ церквахъ справовалсе; отводити тежъ отъ Греческое вѣры въ Римскую вѣру и ни въ которую иную, Король его милость и сынъ сво Королевскіе милости некажетъ, кгдыжъ вѣра есть даръ Божіі, и никого до вѣры силою отвадити, або примушанье негодитсе, але Русину Руская, а Полскимъ и Литовскимъ Ляцкая вѣра волна быти маетъ. А Жидомъ въ Московскомъ Государьствѣ съ торгомъ и никоторыми дѣлы бывать непозволятъ о овсѣмъ закажутъ.

3. Цѣлбоносные гробы и тѣла святыхъ Король его милость, яко истинныи Государь Христіанскіи, зъ сыномъ своимъ въ великой учтивости мѣти хочетъ; Патріарха тежъ Московскаго, также Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ и весь духовныи станъ хочетъ шановать и въ милости ховать, такъ яко Римскаго Костела Архіепископы и Епископы и вси капланы и слуги Божія шануютъ и милуютъ; въ справы тежъ духовные вдаватьсе небудетъ, и въ духовные дѣла мимо уставы отцовъ святыхъ и Апостольской церкви вступатисе нехочетъ; а хто чего недостоинъ, і иныхъ вѣръ на духовный станъ Еписковства, Государь его милость подавати небудетъ.

4. Наданья всѣхъ прошлыхъ Государей Московскихъ и бояр-

скіе и всякихъ людей наданья на церкви Божья и на монастыри въ цѣлости при церквахъ и монастырѣхъ зоставовати будутъ, ни вчомъ ихъ не нарушаючи; также до которыхъ церквей священникомъ і діакономъ и всякимъ церковнымъ слугамъ звычаю и щодробливости давано зъ Господарскихъ росходовъ и оброки, то Господарь его милость росказати рачитъ давать завжды зъ Господарскихъ расходовъ, и надто спобожности своеѣ для хвалы Божьей, церквамъ Божьимъ и монастыремъ отчинъ и оброковъ прибавляти будетъ.

5. Бояръ, окольничихъ и всякихъ думныхъ и ближнихъ и приказныхъ людей Господарь его милость хочетъ мѣти вучтивости и власцѣ своей Господарской, яко кто годенъ і яко было спочатку, и звычаи всѣ давные добрые хочетъ заховать, и жалованья, денежные оброки и помѣстья и отчизны хто што мѣлъ передтымъ, тоѣ и впередъ мѣти маетъ, а Господарь его милость зласки и щодробливости своей и надто водлугъ заслугъ каждого прибавляти и причиняти будетъ рачитъ.

6. Служилымъ людямъ, дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ, Господарь его милость, Господарское жалованье давати велитъ счетверти кождого году водлугъ звычаю давнаго, а есть ли что прибавлено не отвластныхъ Господарей и неводлугъ ихъ достойности, або есть ли у которыхъ убавлено безъ вины, о томъ Господарь его милость будетъ рачить нарадится и намовить з бояры думными: и якая рада або намова ихъ будетъ, его Господарская милость такъ втомъ поступати будетъ рачить яко се годитъ, и лготу гдѣ спустошоны отчизны и помѣстья учинити будетъ рачить нарадившисе зъ бояры; а дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ которые жалованье Господарское берутъ зъ городовъ, Господарь его милость давати имъ жалованье Господарское кажетъ водлугъ службы, яко передтымъ бывало за первшихъ Господарей.

7. На Москвѣ и въ городѣхъ ружникомъ и оброчникомъ, которые при первшихъ Великихъ Господарехъ для ихъ службы бывали въ Москвѣ и въ городѣхъ, жалованье денежное и хлѣб-

ное Господарь его милость давати велитъ по першему съ Господарьской казны.

8. Суды маютъ быти суженые и отправованы водлугъ звычаю и судебника; а будетъ ли хотѣть поправы вчомъ для укрепленья судовъ и справедливости, то волно будетъ Бояромъ и всей землѣ, а Господарь его милость поправы судовъ позволити рачитъ, што бы было до святое справедливости потребно.

9. Противъ всѣхъ неприятелей, которые бъ одно хотѣли наступовать на Королевство Полское и на Великое Княжество Литовское, албо на Господарьство Московское, слушная рѣчь противъ тыхъ стоять обоими Господарствы за одно.

10. Такъ же тежъ на Татарскихъ Украйнахъ яко людей ховать обоихъ Господарствъ, яко бы себѣ помогать могли, есть то рѣчь случная, але о тыхъ рѣчехъ надобетъ намовы Становъ Корунныхъ и Литовскихъ з бояры думными Московскими; а якъ оны промежъ себе приговорятъ и постановятъ, Господарь на то позволитъ рачитъ.

11. Есть ли хто провинитъ зъ якого кольвекъ стану и каранье заслужитъ въ Господарьскихъ земскихъ дѣлѣхъ, кого Господарь его милость водлугъ вины и выступку карати маетъ, осудивши перве и справедливо зъ Бояры и зъ думными людми; а жены, дѣти, братья которые того учинку непомогали и невѣдали, албо непрозволяли, казнены быти немаютъ, и овсѣмъ при звоихъ отчизнахъ и помѣстьяхъ и маетностяхъ и дворехъ зоставатъ маютъ, а недошедши выступку и неосудивши судомъ зъ бояры всѣми, никого некарати, чести, зиихъ небрати, на везенье незасылати, помѣстья и отчизны и дворовъ неодымати, и великихъ становъ невинне непонижати, а меньшей станъ подносити водлугъ заслугъ; отчизнъ тежъ и маетностей ни вкого не брати, але естьли хто безъ потомства сойдетъ, то на близкихъ повинныхъ спадати мастъ; а все то Господарь его милость чинити будетъ спорадою и намовою бояръ думныхъ, а без рады и намовы Бояръ думныхъ Господарь его милость ничего чинити небудетъ. До литвы тѣжъ и до Полши никого по неволне Господарь его милость водити не-

будетъ рачитъ. А для науки вольно каждому з народу Московского людямъ ѣздити въ иншіе Господарьства Христіанскіе, опричь Бусурманскихъ поганскихъ, а Господарь его милость отчизны и маетности и дворовъ у нихъ за то отдымовати небудутъ.

12. Которыхъ дворянскихъ и боярскихъ и всякихъ служивыхъ и неслуживыхъ людей братья и жены и дѣти въ теперешніе розрухи взято вполонъ до Полши и до Литвы, росказать раче Король его милость вернуть родству ихъ скоро бы одно панъ Богъ далъ успокоеніе.

13. Полскимъ и Литовскимъ Паномъ на Москвѣ и по городахъ воеводствъ и врядовъ недавать, а тыхъ что при Великомъ Господарѣ зостать будутъ муселн, денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами нагорожати, однакъ сполною обоихъ Господарьствъ радою, якобы на украинныхъ замкахъ для людей сполныхъ народовъ уряды певные до сконалаго успокоенья Господарьства того, и при людехъ нашихъ зоставали, зъ боярами думными намовать се будетъ рачитъ Господарь его милости на часѣ своёмъ.

14. Пожитки і доходы Господарьскіе всякіе зъ городовъ, сволостей, такъжъ с кабаковъ и стамги гроши велитъ Господарь его милость отбирать по давному, якъ было за прошлыхъ Великихъ Господарей, а надъ давные звычаи некажетъ ничего новаго прибавлять. А которые городы отъ войны спустошили, да тыхъ пошлетъ Господарь его милость списати и довѣдатсе, многоль чего убыло, а доходы брать зоселыхъ роскажетъ водлугъ описанья и дозору, а на незвоеванный городъ естьли что на перпіе подати прибавить, о томъ збояры и зъ думными людьми намовитъсе будетъ рачитъ Господарь его милость.

15. Купцомъ Полскимъ и Литовскимъ въ Московскомъ Господарьствѣ, а Рускимъ Московскимъ въ Полше и въ Литве торги маютъ быти волные, а не толко всвоихъ Господарьствахъ во всѣхъ, всякими товары торговать, але и до чужихъ земель черезъ Полшу и Литву купцамъ Рускимъ для торговъ ѣздити позволяти рачитъ Его Королевская милость. А тамги

з нихъ на Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московскаго Господарьства такъ же въ Полше и въ Литве роскажетъ брать водлугъ стародавнаго обычаю, якъ брано передтымъ, ничего болши надто не прибавляючи, а ни упоминковъ не вымогаючи.

16. Мужикомъ хрестьяномъ до Литвы з Руси, а зъ Литвы до Руси, и на Руси всякихъ становъ людемъ Рускимъ промѣжь себя выхожденья не кажетъ Король Его Милость допущать.

17. Холоповъ невольниковъ боярскихъ заховать рачитъ Господарь Его Милость при давныхъ звычаяхъ, абы бояромъ албо панамъ своимъ по первому служили, а волности имъ Господарь Его Милость давать не будетъ рачить.

18. На Волзѣ, на Дону, на Яикѣ и на Терке казаковъ есть ли надобе, албобо не надобе, намовитъ се о томъ будетъ рачитъ Господарь Его Милость з бояры и думными людьми.

А чего втыхъ артикулахъ недоложено, а дастъ Господь Богъ его Господарская милость будетъ подъ Москвою и на Москвѣ, и будетъ его Господарской милости о которые артикулы бити челомъ Московскаго Господарьства Патріархъ и весь освѣщенный соборъ и бояре и дворяне и всѣхъ становъ люди, тогды о тыхъ артыкулахъ его Господарьской милости мовити и становити и конецъ учинити зъ Московскаго звычаю Господарьства съ Патріархомъ и со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ и зъ бояры и совсею землею. Писанъ на стану нашемъ подъ Смоленскомъ, лѣта отъ нароженья Іисусъ Христа Сына Божьего 1610 мѣсяца Февраля 14 дня.

Жигимонтъ Король.

И за подписомъ Януша Скумина Тишкѣвича, писаря Великаго Княжества Литовскаго, старосты Браславскаго.

№ IV.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

Короля Сигизмунда III. Къ Польскимъ Сенаторамъ. Отъ 2/12 Марта 1610.

Вельможные и нашему
сердцу милые Господа!

Послѣ прибытія нашего подъ Смоленскъ, мы выслали сколь поспешнѣе возможно было, Пословъ нашихъ подъ Московскую столицу до Рыцарства нашего Государства, дабы увѣдомить о предпріятіи нашемъ и войти въ отеческія сношенія съ сынами Польши, для блага, славы и безопасности отечества. Хотя Послы наши часто извѣщали, какъ о сдѣланномъ имъ пріемѣ такъ и о томъ чего ожидать намъ можно было отъ тамошняго Рыцарства и отъ находящейся въ соединеніи съ нимъ Москвы, но теперь изустное донесеніе ихъ дало намъ полное и обстоятельное свѣдѣніе о положеніи дѣла. Еще въ бытность ихъ въ тамошнемъ станѣ, тотъ человѣкъ который выдавалъ себя за покойнаго Димитрія, самъ ли недовѣряя собственному несправедливому дѣлу, или въ слѣдствіе чьего либо совѣта, постыдно убѣжалъ изъ войска своего въ городъ Калугу и тамъ снова занялся призваніемъ подъ свою хоругвь разноплеменной вольницы. По побѣгѣ его сдѣлалось было смятеніе въ Подмосковномъ войскѣ но чрезъ стараніе Пословъ нашихъ и чрезъ доброе расположеніе Рыцарства, кончилось тѣмъ что

обратились къ намъ какъ къ Государю своему и чрезъ посланцевъ своихъ извѣстили насъ о готовности и желаніи своемъ содѣйствовать въ счастливомъ предпріятіи нашемъ, однако съ условіями коихъ удовлетворить казна наша не была въ состояніи, ибо просили чтобы мы обезпечили на имѣніяхъ Рѣчи Посполитой и на маетностяхъ нашихъ заплату двухъ четвертей жалованья обѣщанныхъ имъ Самозванцемъ, который сулилъ имъ болѣе чемъ могъ или хотѣлъ когда либо дать. Мы не видѣли справедливой причины согласиться на ихъ требованіе, какъ потому что не могли того сдѣлать безъ соизволенія Сейма, такъ какъ и въ разсужденіи великаго оскудѣнія казны нашей. Кромѣ того они хотѣли чтобы мы имъ выдали жалованье за четверть впередъ чистыми деньгами на всѣхъ показываемыхъ ими вооруженныхъ на коняхъ людей, а войско свое исчисляли въ четыре тысячи Гусаръ и четыре тысячи Пятигорцевъ. Хотя въ семъ отношеніи требованіе ихъ имѣло нѣкоторое основаніе, но и того исполнить намъ представлялось мало возможности по причинѣ истощенія казны нашей. Также присланы къ намъ и отъ Московскаго войска подъ столицею съ Самозванцемъ стоявшаго, Послами Бояре, люди знатные, которые главнѣйше настаивали о сохраненіи Греческой вѣры и старинныхъ вольностей своихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно просили насъ, дать имъ сына нашего Королевича Владислава въ Государи Московской Монархіи, потому что отъ поколѣнія законныхъ ихъ Государей никого въ живыхъ не осталось. Они увѣряли также что если дадимъ имъ милостивое удовлетвореніе въ ихъ просьбѣ, то и прочая Москва державшая теперь сторону другихъ особъ, охотно отстанетъ отъ нихъ и согласится на Государствованіе сына нашего, видя въ немъ потомка Христіанскихъ Королей.

Хотя при такомъ сихъ людей усильномъ желаніи, мы, съ совѣта здѣшнихъ Пановъ Рады нашей, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и Москву державшую сторону Шуйскаго и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ, но такъ какъ мы походъ сей предприняли не для собственной пользы

нашеіі и потомства нашего, а для общей выгоды Рѣчи Посполитой, то мы безъ соизволенія всѣхъ чиновъ ея, не хотѣли ничего положительнаго съ ними заключить и постановить, чтобы могло совершенно успокоить ихъ Монархію и возстановить единомысліе во всемъ Московскомъ Государствѣ. На другія статьи не столь затруднительныя, мы дали наше соизволеніе въ рѣшительно удовлетворительныхъ выраженіяхъ. Что касается до самаго столичнаго города Москвы то и тамъ много раздору и часто бываютъ смятенія отъ соперничества Скопина-Шуйскаго съ Васильемъ, похитившимъ верховную власть; говорятъ что и тамъ многіе тайно имѣютъ большую наклонность къ намъ и къ сыну нашему. Хотя же большая сила имѣется при Скопинѣ, но не льзя положить чтобы и та была въ состояніи противиться нашему вторженію, въ особенности если Тушинское Рыцарство будетъ помогать намъ; неединово Скопинъ пытался отдѣльно нападать на полки нашихъ, но не только ихъ и по одиначкѣ разбить не могъ но даже часто нашими отбиваемъ былъ съ большимъ урономъ. При такомъ, по милости и благословенію Всевышняго, цвѣтущемъ положеніи нашихъ дѣлъ, легко В. В. разсудите, что при помощи смутъ однихъ и доброжелательства къ намъ другихъ, открывается намъ путь къ умноженію славы Рыцарства, къ расширенію границъ Рѣчи Посполитой и даже къ совершенному овладѣнію цѣлою Московскою Монархіею, если только не помѣшаетъ тому недостатокъ казны и имущества нашего. Хотя же мы о сихъ дѣлахъ ревностно трудимся съ находящимися при насъ Панами Рады и съ Рыцарствомъ нашимъ, но работая для общей славы и общей пользы общаго отечества нашего, мы обязываемся просить совѣта и помощи и отъ другихъ оставшихся дома В. В. Очевидно что намъ трудно все совершить безъ обильныхъ и скорыхъ домашнихъ денежныхъ пособій, для снабженія коими здѣсь не имѣемъ никакихъ средствъ. Грамотами нашими убѣдительно просимъ какъ В. В. такъ и другихъ Пановъ Рады, чтобы В. В. вѣдая о счастливомъ началѣ нашего вторженія, о положеніи дѣлъ въ здѣшнемъ Государствѣ и о представляющемся удоб-

ликому Новуграду, Бояръ своихъ, Ѳедора Давыдовича, да 1478.
Ивана и Семена Борисовичевъ, велѣли есмы спросити тебя, своего богомолца, и своея вотчины, Новагорода, какъ вы хотите нашего Государства Великихъ Князей, на отчинѣ нашей Великомъ Новѣгородѣ, и вы того у насъ заперлися, и къ намъ пословъ своихъ о томъ сказали есте не посыловали, а взложили есте на насъ, Великихъ Князей, то, что рекше мы надъ вами, надъ своею отчиною, силу чинимъ, и на нея толико еже ложь положили есте на насъ, своихъ Государей, но и много иныхъ неисправленій вашихъ къ намъ, Великимъ Княземъ, и нечестія намъ много чинится отъ васъ; и мы о томъ поутвержалися, ожидая обращенія вашего къ намъ, а вы впредь лукавѣйшіи явистеся къ намъ, и за то не возмогли есмы терпѣти вамъ, и за злобу вашу и походъ ратію положили есмы на васъ, по Господню словеси: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, шедъ обличи его предъ собою и тѣмъ единѣмъ; аще послушаетъ тебе, пріобрѣлъ еси брата твоего, аще не послушаетъ тебя, пойми съ собою два или тріехъ свидѣтелей, при устѣхъ бо дву или тріехъ свидѣтелей да станетъ всякъ глаголъ, аще ли и тѣхъ не послушаетъ, повѣждъ Церкви, аще ли жъ и о Церкви нерадити начнетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь. И мы жъ, Великіе Князи, посылали къ вамъ, своей отчинѣ, престаните отъ злобъ вашихъ и злыхъ дѣлъ, а мы по прежнему жалованію своему жалуемъ васъ, отчину свою; вы же не восхотѣсте сего, но яко чужіи вмѣнистеся намъ; мы же, положивше упованіе на Господа Бога и на Пречистую Матерь Его, и на всѣхъ Святыхъ Его, и на молитву прародителей своихъ, Великихъ Князей Рускихъ, и пошли есмы на васъ за неисправленіе ваше. По семъ Иванъ Борисовичь нача глаголати къ нимъ: Князь Великій, тебѣ богомольцу своему, и Посадникомъ, и Житьимъ сице глаголетъ: Били есте челомъ мнѣ, Великому Князю, о томъ, чтобъ я нелюбовье свое сложилъ своей отчинѣ, и вы поставили рѣчи о Боярехъ Новогородскихъ, о которыхъ прежде сего опалилися есмы, и мнѣ бы тѣхъ жаловати отпустити; а вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, Владыцѣ, да и вамъ, Посадникомъ, и Житьимъ, и всему Новугороду, что на тѣхъ Бояръ били челомъ мнѣ, Вели-

№ V.

ДВѢ ДОГОВОРНЫЯ ВЗАИМНЫЯ ЗАПИСИ

Боярина и Воеводы Князя Михайлы Скопина-Шуйскаго, съ предводителемъ Шведскихъ вспомогательныхъ войскъ Яковомъ де ла Гардіемъ.

Первая.

Божиею милостию, Великого Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русиі Самодержца, Владимерского, Московского, Ноугоротцкого, Царя Казанского, Царя Асторохапского, Царя Сибирского, Государя Псковского, Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя Царя і Великого Князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ярославского, Белозерского, Ростовского, Удорского, Обдорского, Кондинского, і всея Сѣверные страны Повелителя, и Государя Іверскіе земли Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинские земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, і иныхъ многихъ Государствъ Государя и Облаадателя, Его Царского Величества бояре і воеводы Князь Михаіло Васильевичь Шуиской с товарыщи, з бояры и с воеводы, которые со мною, договорились велеможно і высокорожденнаго Князя и Государя Карла девятаго, Свитцкого, Готцкого, Вендинского, Өинского, Корѣлсково, Лопского в Сѣверной странѣ, Каянского, Естерского в Лиөляптахъ Короля з болшимъ с рат-

нымъ воеводою съ Яковомъ Пуптосовичемъ де ла Гардою на томъ: видячи его Королевскую любовь и дружбу и споможенье, которое чинитъ Государю нашему Царю і Великому Князю Василью Івановичю всеа Русиі Самодержцу і всему Росиискому Государству в томъ, что ныне онъ велеможныи Король єще послалъ четыре тысячи добрыхъ ратныхъ збруиныхъ людей ко Государю нашему Царскому Величеству противъ его недрузеи на помочь; а Королевскаго Величества ратному воеводе Якову Пунтосову отписать вскоре к тѣмъ ратнымъ людемъ, чтобъ онѣ шли к нему не мотчавъ, и пришедъ тѣмъ ратнымъ людемъ къ ратному воеводе къ Якову Пунтосову, Государю нашему Царскому Величеству і всему Росиискому Государству вѣрно служити, и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ измѣнниковъ Московское Государство очищати, и Ево Царского Величества подданныхъ людеи не побивати и не грабити, и насилства надъ ними никоторого не чинити, и церквеи не разоряти, и Государевыхъ бояръ і воеводъ Князя Михаила Васильѣвича, или которые будутъ бояре і воеводы Государя нашего Царскаго Величества посланы, нигдѣ не отставати и от нихъ не воротитца, и какъ, Божиею милостию, Государь нашъ Царское Величество своими Рускими и Королевскими людми и Королевскою помочью Руское Государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людеи очиститъ, и какъ будутъ Литва изъ Государевы земли выгонены, И язъ Князь Михаило Васильевичь з бояры и с воеводы, которые со мною, руки свои и печати к сеи грамоте приложили, вѣдаючи волю Государя своего, обещаюся противъ того, что Государю нашему Царскому Величеству велеможному Королю Карлу противъ его Королевскои любви и дружбы и спроможенья и протореи, которые велеможному Королю Карлу учинились і впередъ учинятца в тѣхъ ратныхъ людехъ, которыхъ ныне послалъ і впередъ пошлетъ, полное воздаянье воздати, опричѣ города Корѣлы с уѣзды, что ныне отдати, чтобъ тѣхъ протореи стоило, чево велеможныи Король у Государя нашего Царского Величества по достоянью попроситъ, города, или земли, или уѣзда, и на чомъ обоихъ Великихъ Государеи

1478. ка, и Посадники, и Житьи били челомъ о томъ же, какъ передъ Великимъ Княземъ, да чтобы Государь пожаловалъ указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положитъ ему на сердцѣ своя отчина жаловати; и Князь Великій велѣлъ имъ отвѣчати такъ по первому отвѣту, что присылали Назара да Захара, а называли есте насъ Государи, и мы потому и пословъ своихъ посылали спросити васъ, какова хотите нашего государства, и вы того у насъ заперлися, а на насъ есте ложь возложили, и мы, неможа терпѣти того, помоливъ Господа Бога, и Пречистую Матерь Его, и всѣхъ Святыхъ Его, пошли есмы на васъ, веземъ Бога на помощь и силу Животворящаго Креста Господня, и восхощетъ намъ, Великимъ Княземъ, бити челомъ наша отчина, Великій Новгородъ, и они знаютъ, какъ бити челомъ. И Владыка и иже съ нимъ сущіи били челомъ, чтобъ Князь Великій поволилъ ехати въ городъ, да опять пріехати по тому же опасу; Князь Великій поволилъ имъ. Того жь дни Царевичь Даньяръ пришелъ подъ городъ, а съ нимъ Воевода Великаго Князя, Василей Образецъ съ Боровичи, и Князь Великій велѣлъ Царевичу Даньяру стати въ Кириловѣ манастырѣ, да у Андрея Святаго въ манастырѣ, на городецкой же сторонѣ, а приставомъ Царевичевымъ, Князю Петру Оболенскому, да Князю Ивану Звенцу, велѣлъ стати на Ковалевѣ въ манастырѣ, а Василью Образцу съ Боровичи велѣлъ стати у Спаса въ манастырѣ на Волотовѣ. Того же дни пришолъ подъ городъ Князь Андрей Васильевичь Болшой, и Князь Великій велѣлъ стати ему въ манастырѣ у Воскресенія на Древяницѣ, а Тверскому Воеводѣ, Князю Михаилу Ѳедоровичу, велѣлъ стати съ полкомъ своимъ у Миколы на Островкѣ. Декабря жъ въ 5-й день, въ пятокъ, пріиде изъ Новагорода Владыка Ѳеофилъ, да и Посадники, и Житьи, которые преже съ нимъ били, къ Великому Князю, а у него тогда братья его, Князь Андрей и Князь Борисъ, и Князь Андрей Меншій; а били челомъ Владыка, и вси иже съ нимъ, какъ и прежде того, чтобъ Государь смиловался, а въ томъ ся повинили, съ чемъ посылали Назара да Захара, да предъ послы Великаго Князя того заперлися; и Князь Великій велѣлъ отвѣчати имъ: А

ца з ближнимъ з бояриномъ і воеводою со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Шуйскимъ и сыными бояры і воеводы, во имя и вмѣсто Его Царсково Величества, договорились и утвердились на томъ, какъ по семъ написано: что Ево Царсково Величества і все Руско Государство моево велеможнейшаго Короля и Государя Королуса девятаго великую любовь и дружбу и поможенье видели, не токмо прежь сево къ Ево Царскому Величеству вспоможенье было, но и ныне, по Князя Михаила Васильевича прошенью и хотѣнью, мною четыре тысячи добрыхъ збруйныхъ ратныхъ людей противъ Его Царского Величества недруговъ на помочь пришлетъ, и о томъ ко мнѣ отъ моево велеможнейшаго Короля и Государя подлинная вѣсть и грамоты есть. И язъ Яковъ Пунтосовъ де ла Гарда обещаюсь симъ, что тѣмъ ратнымъ людемъ итти наспехъ, по моей отписке; и какъ тѣ ратные люди к намъ приѣдутъ, и имъ Ево Царскому Величеству і всему Рускому Государству вѣрно служити, и Ево Царского Величества подданныхъ людей не побивать, и не грабить и насилства никоторого не чинить, и церкви не пустошить, и имъ и сь Ево Царсково Величества подданными людми отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ мятежниковъ и измѣнниковъ Руское Государство очистить, и Его Царского Величества боярина і воеводы Князя Михаила Васильевича Шуйскаго, или иныхъ его Государевыхъ присланныхъ бояръ і воеводъ не отстать, и от ихъ не поворотитца. А противъ того, Князь Михаило Васильевичь Шуйской сыными бояры і воеводы, которые с нимъ, сесь договоръ своими руками подписалы и печати свои приложили, во имя і вмѣсто Ево Царсково Величества, вѣдаючи волю Его Царского Величества, по своей Христьянской вѣре и правде обещалися и утвердилися. И какъ, Божиею помочью, Ево Царсково Величества с своими Рускими и моево велеможнейшаго Короля и Государя ратными людми и помочью отъ Литовскихъ и отъ Полскихъ людей и отъ мятежниковъ Руское Государство очиститъ, и Полские люди изъ Ево Царсково Величества земли выгнаны будутъ; и тогда Ево Царскому Величеству моему велеможнейшему Королю и Государю Коро-

лю Карлусу девятому, противъ его Королевской любви и дружбы и поможенья, и противъ тѣхъ протореи, которые в тѣхъ ратныхъ людехъ, что Ево Королевское Величество ныне послалъ і впередъ пришлетъ, учинилися і впередъ учинятца, полное воздоянье воздати, опричь города Корѣлы с уѣздомъ, что ныне, по Ево Царского Величества грамотѣ, отдати и очистити, и что тѣхъ протореи будетъ стоило и что Ево Королевское Величество отъ Ево Царсково Величества попроситъ по достою, города, или земли, или уѣзда, и на чемъ ся обѣихъ Великихъ Государей послы договорятца; а тѣмъ ратнымъ людемъ ихъ наемъ давати по прежнему договору, что в Новѣгороде учиненъ, какъ былъ Монша Мартыновъ отъ Граѳа Малсъѳелтцкого присланъ, безо всякие убавки давати; да Евожъ Царскому Величеству подданнымъ изъ города Корѣлы и ис тово уѣзда никого силою невывозити и обманомъ не подговаривати, но по прежнему договору, что в Выборе учиненъ, держати. И на томъ что сесь договоръ крѣпко и нерушимо держати, Князь Михаило Васильевичь Шуиской з бояры, которые с нимъ, по своеи Крестьянской вѣре и правде мнѣ обѣщалися и утвердилися, что отъ сево времени месяцъ спустя, Его Царсково Величества Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русиі Самодержца утверженную грамоту, за Ево Царсково Величества і всеѣ земли печатью, мнѣ по сему договору до рукъ доставить; и для утверженья, Князь Михаило Васильевичь Шуиской с тѣми бояры і воеводы, которые с нимъ, печати свои приложили и руки свои подписали. А противъ тово, обещаюся язъ Яковъ де ла Гарда, что я то, что во имя і вмѣсто своего велможнеишаго Короля (Короля) в семъ договоре обещался, и то нерушимо держати и исполняти; а для полнова утвержденья, язъ Яковъ де ла Гарда печать свою приложилъ и руку свою подписалъ. Писано в Олександровой слободѣ, Декабря въ 17 день, лѣто отъ Рождества Христова 1609 году.

№ VI.

ГРАМОТА

Царя Василья Іоанновича, Шведскому Королю Карлу IX, подтвердительная договоровъ заключенныхъ въ Александровой слободѣ между Княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ и Генераломъ Делагарди.

Божіею милостію мы Великій Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь, всея Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всеа Сѣверные страны Повелитель, и Государь Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, даемъ вѣдати сею нашею грамотою любительному Государю Карлусу, Королю Свѣйскому, Готцкому, Вендѣйскому, Фипскому, Корѣльскому, Лопскому въ Сѣверной странѣ, Каянскому, и Эстерскому въ Ифлянтахъ, что въ нынешнемъ въ 118 году Декабря въ 17 день,

нашего Царского Величества бояре и воеводы, князь Михайло Васильевичь Шуйской съ товарыщи, съ бояры нашими и воеводы, которые съ нимъ, договорились съ вашимъ Королевскимъ съ большимъ ратнымъ воеводою съ Яковомъ Пунтусовичемъ Делегардомъ на томъ:

Видя вашу Королевскую любовъ и дружбу и вспоможенье, которое чинишъ нашему Царскому Величеству и всему нашему Російскому Государству, въ томъ, что нынѣ вы, любителной Государь Карлусъ Король, еще послалъ четыре тысячи добрыхъ ратныхъ збруйныхъ людей къ нашему Царскому Величеству, противъ нашихъ недрузей, на помочь; а вашему ратному воеводѣ Якову Пунтусову отписати вскорѣ къ тѣмъ ратнымъ людемъ, чтобъ они шли къ нему, не мотчавъ, и пришедъ тѣмъ ратнымъ людемъ къ ратному воеводѣ къ Якову Пунтусову, нашему Царскому Величеству и всему Російскому Государству служити, и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ нашихъ измѣнниковъ наше Російское Государство очищати, и нашего Государства людей не побивати и не грабити и насилства надъ ними никоторого не чинити, и церквей не разоряти, и нашихъ бояръ и воеводъ, князя Михайла Васильевича, или которые будутъ бояре и воеводы нашего Царского Величества посланы, нигдѣ не отставати и отъ нихъ не поворотиться. И какъ, Божіею милостію, мы Великій Государь, съ нашими Русскими и вашими Королевскими людьми и вашею Королевскою помочью, наше Російское Государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей очистимъ, и какъ будутъ Литва изъ нашіе земли выгонены: и нашему Царскому Величеству вамъ, любителному Государю Карлусу Королю, противъ вашіе любви и дружбы и вспоможенья и проторей, которые вамъ учинились и впередъ учинятся въ тѣхъ ратныхъ людехъ, которыхъ нынѣ послалъ и впередъ пошлешъ, полное воздояніе воздати (опричѣ города Корѣлы, съ уѣзды, что нынѣ отдати), чтобъ тѣхъ проторей стоило, чего вы, любителный Государь Карлусъ Король, у нашего Царского Величества, по достоянью, попросишъ, города, или земли, или уѣзда, и на чемъ обоихъ насъ Великихъ Государей по-

слы договорятся. А какъ напередъ сего къ нашему Царскому Величеству посыланъ былъ отъ воеводы вашего отъ Якова Пунтусова секретарь Монсъ Мартыновъ, и втѣноры, за многими помѣшками на Москвѣ, о томъ не договореноcя; а ратнымъ людемъ, которые будутъ, наемъ имъ давати по тому договору; который учиненъ въ Новѣгородѣ, какъ былъ присыланъ Монсъ Мартыновъ отъ графа Еонма Мансвелтцкого, безо всякіе убавки. А изъ Корѣлы и изъ Корѣльскаго уѣзду нашимъ людемъ насилствомъ никого не вывозити и оманомъ никого не подговаривати, а держати по прежнему договору, который учиненъ въ Выборѣ. И что тому договору быти крѣпку и не подвижному, и бояринъ нашъ и воеводы князь Михайло Васильевичь, съ нашими бояры и съ воеводы, которые съ нимъ, обѣщался, что съ тѣхъ мѣстъ, мѣсяцъ спустя, доставить ему нашего Царского Величества вашему воеводѣ Якову Пунтусову на тотъ договоръ утверженная грамота за нашею Царскою печатью; а противъ того воевода вашъ Яковъ пунтусовъ Делегардъ боярину нашему и воеводѣ князю Михайлу Васильевичю далъ свое утверженье, за своею рукою и за печатью.

И мы Великій Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, тотъ договоръ боярина нашего и воеводы Князя Михайла Васильевича Шуйскаго съ товарыщи, что онъ договорился съ воеводою вашимъ съ Яковомъ Пунтусовымъ, держати хотимъ, и сее нашу Царскую грамоту, за нашею Царскою печатью, вамъ любителному Государю Карлусу Королю дали есмя. А вамъ, любителному Государю Карлусу Королю, съ своей стороны, дружбу свою и любовь и вспоможенье къ нашему Царскому Величеству и ко всему нашему Государству совершити, ратныхъ своихъ людей къ намъ, на помочь, по прежнему и по сему нынѣшнему утверженью, дослати сполна, и Государство наше отъ воровъ и отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ нашихъ измѣнниковъ отъ Русскихъ людей, вмѣстѣ съ нашими людьми, очистити, и во всемъ вамъ любителному Государю Карлусу Королю, также и вашимъ воеводамъ, и ратнымъ людемъ, дѣ-

лати и совершити во всемъ по тому, какъ въ прежней нашей укрѣпленной грамотѣ и въ нынѣшнемъ въ семъ укрѣпленьѣ написано, и держати вамъ то все крѣпко и стоятелно. Писана въ Государствія нашего Дворѣ царствующаго града Москвы, въ лѣто отъ созданія міру 7118 Генваря въ 17 день.

№ VII.

ПИСЬМО

Князя Рожинскаго къ Королю Сигизмунду, отъ 17/27 Февраля 1610.

Съ Вторника на Середу, Царица отправилась въ Калугу, переодѣвшись въ мужское платье въ сопровожденіи только одной служанки и одного служителя. Сбившись съ дороги она заѣхала въ Дмитровъ гдѣ и теперь находится. Здѣшнее войско сильно бунтуетъ и если на положенной срокъ не получится извѣстія могущаго удовлетворить рыцарство, то трудно будетъ удержать оное отъ дальнѣйшаго безпорядка. Нѣсколько Бояръ выбѣжавшихъ изъ столицы, показываютъ согласно съ увѣдомленіями лазутчиковъ, что Москвичи имѣютъ большую наклонность къ В. К. В., и молятъ Бога только чтобы В. К. В. изволили поспѣшнѣе прибыть къ намъ. Василій Шуйскій въ распрѣ съ Михайломъ Скопинымъ и каждый изъ нихъ промышляетъ самъ о себѣ. Не мѣшало бы написать письмо Скопину; по имѣемымъ мною отъ лазутчиковъ увѣдомленіямъ, не трудно было бы его привлечь на сторону В. К. В. Боярамъ оставшимся съ Патріархомъ при насъ, весьма не нравится что не получили ни одной грамоты отъ В. К. В; желательно бы доставить имъ сіе утѣшенье дабы удержать ихъ при прежнихъ замыслахъ. Они также весьма обижаются дѣй-

ствіями Запорожцевъ которые въ Зубцевскомъ уѣздѣ грабятъ и убиваютъ братіи ихъ и женъ отбираютъ, хотя Зубцевскіе уѣздные люди болѣе всѣхъ прочихъ преданы В. К. В. За симъ предаю, съ вѣрноподданническимъ и покорнѣйшимъ послушаніемъ, нижайшую службу мою воззрѣнію В. К. В. Милостиваго Государя нашего. Писано въ станѣ подъ столичнымъ городомъ Москвою 27 Февраля 1610 г. Касимовскій Царь усильно проситъ позволенія предстать предъ В. К. В.

В. К. В. вѣрный подданный и нижайшій слуга

Рожинскій Романъ.

№ VIII.

ЗАПИСЬ

НА ЧЕМЪ БЫЛЪ ДОГОВОРЪ И ЦЕЛОВАЛЪ КРЕСТЪ ГЕТМАНЪ СТАНИСЛАВЪ ЖЕЛКОВСКОЙ В ЦАРЕВЕ ЗАЙМИЩЕ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ ѲЕДОРУ ЕЛЕТЦКОМУ, ДА ГРИГОРЬЮ ВОЛУЕВУ I ВСѢМЪ РАТНЫМЪ ЛЮДЕМЪ.

Целую сеи Святыи Животворящіи крестъ Господень, Великаго Государя Жигимонта Короля Полскаго и Великаго Князя Литовскаго и сына его Королевича его милости Владислава Жигимонтовича я Гетманъ въ Полковниковъ и Ротмистровъ, въ Полскихъ и въ Литовскихъ, и въ Черкасъ и въ гейдуковъ, и за всѣхъ служилыхъ Полскихъ и Литовскихъ людей, и за Нѣмецъ і иныхъ земель, которые нынѣ при мнѣ Гетманѣ, въ ихъ во всѣхъ мѣсто, своею душею, воеводамъ Князю Федору Елетцкому да Григорью Волуеву и дворяномъ и головамъ Стрелецкимъ и казачьимъ и сотникомъ и дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ и стрѣльцомъ и казакомъ и пушкарямъ и даточнымъ, и тѣмъ которые станутъ приѣжжати ко Государю съ Москвы всякимъ чиномъ, и всѣмъ служилымъ людемъ, и гостемъ и торговымъ всякимъ людемъ Росискаго Государства, на томъ, что мнѣ Гетману съ Полскимъ и съ Литовскимъ Рыцарствомъ вѣры Христіянскіе у Московскихъ людей неотымати, престоловъ Божьихъ не разоряти, и костеловъ Римскихъ въ Московскомъ Государствѣ не строити, и

шкоты умышленьемъ ни какіе надъ Московскими людьми несдѣлати, а быти Государемъ Королевичу Владиславу на Московскомъ Государствѣ, какъ и прежніе природные Государи, и правити во всѣмъ Россійскомъ Государствѣ. А бояромъ прироженнымъ Московскимъ и всякихъ чиновъ быти по прежнему, и въ Московскомъ Государствѣ въ городы Полскихъ и Литовскихъ людей на воеводство не посылати, и въ староство городовъ не отдавать, и у дворянъ и дѣтей боярскихъ и у всякихъ жилыхъ людей четвертного и городоваго денежнаго жалованья и помѣстя и вотчинъ ихъ старыхъ и окладовъ помѣстныхъ и вотчинъ, которые даваны при прежнихъ Государехъ по се время, не отымать и животовъ ихъ и статковъ не грабить и на боехъ что имано: Литовскихъ лошадей и платья и збруи и всякія рухляди, того у нихъ не отымати, и всякихъ Московскихъ людей межъ себя не побивати и не грабити, и въ полонъ въ Полшу и въ Литву и въ иные Государства не отсылати, и засылкою і иною никоторою хитростью и умышленьемъ, убивствомъ и грабежомъ нечинити, и женъ ихъ и детей не позорити, и въ полонъ къ себѣ неимати, и зъ женами ихъ и зъ детьми не разводити, и людей ихъ і крестьянъ не отымати; а служити людямъ и крестьяномъ по прежнему ихъ обычаю. Да которыхъ дворянъ и детей боярскихъ въ полону въ Полше и въ Литвѣ: отцы и матери и братья и сестры и жоны и дѣти и люди и крестьянѣ сведены: и Государю нашему Королю и Королевичу Владиславу Жигимонтовичу тѣхъ людей сыскивати и сыскавъ отдавати.

А которой воръ называетца Царевичемъ Дмитріевымъ имянемъ, и на того стояти и битися и промышляти надъ нимъ за одно; и которые городы за воромъ, и тѣ городы очищати къ Московскому Государству; а какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ Государю наияснѣйшему Королевичу Владиславу Жижимонтовичу городъ Смоленскъ, и Жигимонту Королю Полскому и Великому Князю Литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Полскими и Литовскими людьми, и порухи и насильства на посадѣ и въ уѣздѣ никакіе не

здѣлать, и помѣстья и вотчины Смоляномъ и въ иныхъ городѣхъ, которые Государю Королевичу добили челомъ, очистити, и городомъ всѣмъ рубежнымъ быти къ Московскому Государству по прежнему.

Цѣлую язъ Гетманъ и во всѣхъ товарищей своихъ мѣсто, всего рыцарства, которые нынѣ при мнѣ, сей Святыи Животворящіи крестъ Господень на томъ на всѣмъ, как въ сей записи писано.

№ IX.

ГРАМОТА

отъ Смольнянъ и Брянчанъ къ Гетману Жолкѣвскому и отвѣтъ Гетмановъ.

Грамота Смольнянъ и Брянчанъ.

Наияснѣйшаго Сигизмунда III, Божею милостію Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, и Господаря нашего Корелевича Владислава Сигизмундовича, Польской Короны войскъ ихъ Гетману Пану Станиславу Станиславовичу Смольняне, Брянчане челомъ бьютъ. Присылалъ ты къ намъ Смольнянъ дворянъ, Федора Суселина съ товарищами, и съ ними грамоты и списки отвѣтныхъ рѣчей, клятвоцѣловальную грамоту въ томъ, въ чемъ ты Князю Федору Елецкому и Григорью Волуеву съ товарищами цѣловалъ крестъ: и мы тѣ грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись сами прочитывали, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и многимъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ; и они прочитавъ говорятъ: что де въ записѣ не написано, чтобы Господарю нашему Королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ нашу Христіанскую вѣру и крестившись сѣсть на Московскомъ Господарствѣ, а Польскимъ людямъ и Литовскимъ людямъ не быть насильственно въ городахъ Московскаго Госпо-

дарства, наипаче отъ Господаря нашего Королевича приближенныхъ, кои съ нимъ Господаремъ будутъ находиться на Москвѣ, чтобы никакого утѣсненія не было.

А такъ бы намъ такъ же цѣловать крестъ на тѣхъ условіяхъ, которыя въ записи были написаны. А мы тѣ условія написали, которыя потребно въ запись прибавить. А когда ты намъ на ту запись Смольнянамъ, Брянчанамъ и всѣмъ служилымъ разныхъ городовъ людямъ, поцѣлуешъ крестъ, на ту запись, на которую запись Князю Ѳедору Елецкому и Григорію Волуеву съ товарищами цѣловалъ крестъ, какъ равно и на всѣ тѣ прибавленныя условія, которыя мы вамъ написали, и когда поцѣлуешъ крестъ на все то̀, что̀ мы къ тебѣ писали, ты намъ отвѣтъ и запись ту пришли, на которую будешъ намъ крестъ цѣловать, и пришли тѣхъ же дворянъ, которые отъ насъ къ вамъ поѣхали; а поѣхали къ тебѣ съ той грамотою Смольняне дворяне: Михайло Васильевъ сынъ Бестужевъ, Михайло Филиповъ сынъ Кочковъ, Иванъ Третьяковъ сынъ Максимовъ, Василій Ивановъ сынъ Яковлевъ, Григорій Афонасьевъ сынъ Листовъ, Афонасій ....овъ сынъ Бѣляковскій да Брянчанинъ Ѳедоръ Нелюбовъ сынъ Парфентіевъ. Писана грамота Іюля 14 дня.

Отвѣтъ Гетмана.

Наяснѣйшаго Великаго Господаря Сигизмунда III, Божіею милостію Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго Воевода Кіевскій и пр. Станиславъ Жолкѣвскій изъ Жолквы, въ Москву, Московскаго Господарства дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, Смолянамъ и Брянчанамъ и всѣмъ служилымъ людямъ разныхъ городовъ, которые хотятъ служить наияснѣйшему Королевичу Владиславу Сигизмундовичу.

Привѣтствую васъ какъ моихъ пріятелей.

Нынѣшняго 118 года Іюля 15 дня прислали вы ко мнѣ въ станъ подъ Можайскомъ Смольнянъ, дворянъ: Михайлу Без-

стужева, Михайлу Пелова, Өедора Чмашева, Василія Бестужева, Григорія Уварова, Григорія Верещагина, Григорія Листова, Аөанасія Бѣяковскаго, Ивана Максимова, Василія Яковлева и Брянчанина Өедора Парфеньева, и съ ними прислали грамоты, въ коихъ пишете ко мнѣ, что присланы мною къ вамъ Смольняне, Өедоръ Суселинъ съ товарищи, и чрезъ нихъ получены вами грамоты и списки отвѣтныхъ рѣчей наияснѣйшаго Господаря Короля его милости и цѣловальная крестная запись, на которую я Князю Федору Елецкому и Григорію Волуеву съ товарищи цѣловалъ крестъ. И вы, прочитавши сами тѣ грамоты, давали читать оныя въ Москвѣ дворянамъ и всѣмъ дѣтемъ боярскимъ разныхъ городовъ, и они Московскіе дворяне и всѣ дѣти боярскіе разныхъ городовъ грамоты и запись прочитали, и прочитавши говорятъ, что де въ записѣ не написано, чтобы Господарю нашему Королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ вашу Христіанскую вѣру, и крестившись сѣсть на Московскомъ Господарствѣ. Но вы уже видѣли въ письмѣ Господаря его милости Короля, къ которому его Королевская милость руку приложилъ и Королевскою своею печатію утвердилъ, что Господарь Король его милость и сынъ его Королевской милости, Господарь Королевичь его милость Владиславъ Сигизмундовичь, вашей Православной истинной вѣры Греческаго закона и Божіихъ церквей ни въ чемъ не нарушатъ, и всѣ условія, въ записи его Милости Короля изображенныя, и всѣ Московскіе обычаи желаютъ сохранять ненарушимо. А если бы что было опущено въ тѣхъ отвѣтныхъ рѣчахъ, о томъ вольно Патріарху со всѣмъ преосвященнымъ соборомъ, боярами и всею землею совѣщаться съ наияснѣйшимъ Великимъ Господаремъ, Его Милостію Королемъ. Что же вы упоминаете о крещеніи Королевича его милости Владислава въ Русскую вѣру, то это дѣло есть духовное, Патріаршеское и всего духовенства. А о прочихъ дѣлахъ, чего вы въ добавленіе хотите, Боярамъ, посовѣтовавшись со всѣми Думными людьми, съ Гостьми, съ торговыми и черными людьми, отправить къ его милости Королю нарочитыхъ пословъ отъ всея земли, и во время хорошо окон-

чить дѣло, дабы сколько возможно скорѣе прекратить пролитіе крови Христіанской и совершенно успокоить Государство. Съ сею грамотою отпускаю къ вамъ дворянъ Смольнянъ Михайла Неѣлова и Григорія Вырлова. Писано въ станѣ въ Можайскѣ 118 Іюля 16 дня по старому Московскому Календарю.

*

№ X.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

Москвитянъ во всѣ Русскія города отъ 24 Іюля 1610 года, съ приложеніемъ образца присяги временному правительству.

Въ Сургутъ воеводамъ господамъ Федору Васильевичу Волынскому, да Івану Володимеровичю Благова, і детемъ боярскимъ, і Литвѣ, і сотникомъ стрелецкимъ, і стрелцомъ, і казакомъ, и посадцкимъ, і торговымъ всякимъ людемъ, і Сургутцкого уѣзду Остякомъ, боярѣ, и околничие, и приказные люди, и стряпчие, і дворянѣ, і дѣти боярские, і всѣхъ городовъ гости і торговые люди всего Московского Государьства, служилыѣ и жилецкие люди челомъ бьютъ. За грѣхъ всего православного Крестьянства, въ Московскомъ Государьстве многоѣ время кровь Крестьянская льетца межъусобною бранью; и видя межъ православныхъ Крестьянъ межъусобье, Полские і Литовские люди пришли в землю Московского Государьства, і многую кровь Крестьянскую пролили, і церкви Божиі і монастыри разорили, і образомъ Божиімъ поругаютца, і хотятъ православную Крестьянскую вѣру в Латынство превратить; і нынѣ Полской и Литовской Король подъ Смоленскимъ, а гетманъ Желтовский с Полскими і с Литовскими людми стоитъ в Можайску, а ныѣ Литовские люди і Рускиѣ воры пришли с воромъ подъ Москву і стали въ Ко-

ломенскомъ і хотягъ Государьствомъ Московскимъ завладѣти, и православную Крестьянскую вѣру разорити, а свою Латынскую вѣру учинити. И дворянѣ і дѣти боярские всѣхъ городовъ, і гости, и торговые і всякиѣ люди, і стрелцы і казаки, і посадские і всѣхъ чиновъ люди всего Московского Государьства, поговоря межь себя і слыша Украинныхъ городовъ ото всякихъ людеі, что Украинныхъ городовъ всякиѣ люді Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русиі на Московскомъ Государьствѣ не любятъ, и к нему Государю не обращаютца і служити ему не хотятъ, і кровь Крестьянская межъусобная льетца многоѣ время, і въсталъ отецъ на сына і сынъ на отца, братъ на брата, другъ на друга, і видя всякиѣ люди Московскому Государьству такое конечноѣ разоренье, били челомъ ему Государю всею землею всякие люди, чтобъ Государь Государьство отставилъ для межъусобные брани і для того, которые отъ него Государя боятся опалы, іли которые его Государя не любятъ, къ нему Государю и ко всему Московскому Государьству не обращаютца, і тѣбъ всѣ были в соединенье и стоялибъ за православную Крестьянскую вѣру всѣ заодно. Июля въ 17 день Государь Царь і Великии Князь Василеи Івановичь всеа Русиі, по челобитью всѣхъ людеи, Государьство отставилъ і съѣхалъ на свои на старои дворъ, і нынѣ въ черицахъ. І мы бояре, і околничие, и приказные люди, і столники, и стряпчие, и дворянѣ, і дети боярские, і всѣхъ городовъ гости и торговые люди, и стрелцы, і казаки, і пушкари, і всякие служилые и жилецкие люди целовали животворящиі крестъ Господень на томъ: что намъ всѣмъ противъ воровъ стояти всѣмъ Государствомъ заодно, і вора на Государьство не хотѣти, которои называетца Царевичемъ Дмитреемъ, і вамъ всѣмъ всякимъ людемъ стояти с нами вмѣсте заодно и быти в соединенье, чтобъ наша православная Крестьянская вѣра не разорилась, і монастырибъ наши и жены і дѣти въ Латынскои вѣре не были; а на Московское Государьство выбрати намъ Государя всею землею, собрався со всѣми городы, ково намъ Государя Богъ дастъ. А до тѣхъ

мѣстъ правити бояромъ Князю Федору Івановичю Мстиславскому с товарищи, і промежъбы всѣхъ православныхъ Крестьянъ убивства, и бою і грабежу і всякого воровства не было, никому никаковы недружбы не мстити, и противъ вора і Литовскихъ людеі стоятибъ всѣмъ заодно, чтобъ Государьства Московского Полские і Литовские люди і воръ, которои называетца Царевичемъ Дмитреемъ до конца не разорили, і вѣры Крестьянскои бы не разорили, і всѣхъ православныхъ Крестьянъ до конца не погубили. І в Сургутцкои бы уездъ к Тотаромъ і к Остякомъ отъ себя отписали, чтобъ они памятуя свою вѣру і шерть, были с нами вмѣсте, і противъ бы Полскихъ и Литовскихъ людеі и тово вора, которои называетца Царевичемъ Дмитреемъ, стояли с нами заодно, чтобъ Московскимъ Государьствомъ не завладѣли и нынишнеебъ Крестьянские вѣры не разорили, и жены и дѣти в Латынскои вѣре не были. А целовати бы вамъ крестъ, какъ мы всѣ Московского Государьства межъ себя крестъ целовали; а по которои мы записи крестъ целовали, і с тои записи списавъ послали к вамъ списокъ; і выбъ, господне, целовавъ крестъ всякие люди, а Татаръ привели к шерти, укрепя всякихъ людеи въ соединенье за православную Крестьянскую вѣру к Московскому Государьству, прислали к Москвѣ ізо всехъ чиновъ выбравъ по человѣку, и к намъ отписали; і житибъ, господне, вамъ отъ воровъ бережно. Писана на Москвѣ, лѣта 7981 году, Іюля въ 24 день.

Образецъ Присяги.

Целую крестъ, имркъ, на томъ: мы дворяне, и чашники, и столники, и стряпчие, и головы, и дѣти Боярские, и сотники, и стрелцы, и казаки, і всякие служилые люди и приказные, и гости, и торговые и чорные і всякие люди всего Московского Государьства, били мы челомъ бояромъ Князю Ѳедору Івановичю Мстиславскому с товарыщи, чтобъ пожаловали прямили Московское Государьство, докуды намъ дастъ

Богъ Государя на Московское Государство, и крестъ намъ на томъ целоваті, что намъ во всемъ ихъ слушаті и судъ ихъ всякои любити, что оне кому за службу и за вину приговорятъ, и за Московское Государство и за нихъ стояті и сызмѣнники битись до смерти; а вора, хто называетца Царевичемъ Дмитреемъ, на Московское Государство не хотѣти, и межъ себя другъ надъ другомъ и надъ недругомъ никакова дурна не хотѣті и недружбы своеи некому не мститі, и не убиваті и не грабиті и зла никому ни надъ кѣмъ не мыслити, и в—ызмѣну во всякую никому никуда не хотѣти. А выбрати Государя на Московское Государство имъ бояромъ и всякимъ людемъ всею землею; а бояромъ Князю Ѳедору Івановичю Мстиславскому с товарыщи пожаловаті, чтобъ имъ за Московское Государство стояти, и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судиті, и Государя на Московское Государство выбраті с нами со всякими людми всею землею и сослався з гогороды, ково дастъ Богъ на Московское Государство. А бывшему Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичу всеа Руси отъказати, и на Государеве дворе не быти і впредь на Государстве не сѣдети, и намъ надъ Государемъ и надъ Государынею и надъ его братьями убивства не учинити и никакова дурна; а Князю Дмитрею да Князю Івану Шуискимъ з бояры в приговоре не сидѣти.

№ XI.

ПИСЬМО

Гетмана Жолкѣвскаго къ Москвитянамъ, отъ 22 Іюля 1610 года.

Ясневельможному Боярину Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому сътоварищи, боярамъ, окольничимъ, дворянамъ, дьякамъ и всѣмъ думнымъ людямъ и всѣхъ чиновъ людямъ Великаго Московскаго Государства, находящимся теперь въ Москвѣ, братіи и пріятелямъ моимъ Станиславъ Жолкѣвскій и пр. Я васъ какъ братьевъ и пріятелей поздравляю. Сего Іюля 22 д. по старому календарю, пріѣхали ко мнѣ изъ Москвы Боярскіе дѣти: Иванъ Дивовъ, Смирный и Григорій Свиньины и Михаилъ Кочковъ, и говорили, что Князь Василій Шуйскій, сложивъ съ себя правленіе, постригся въ Чудовѣ монастырѣ, а братья его, Князь Димитрій и Князь Иванъ Ивановичь Шуйскіе, находятся въ Москвѣ подъ крѣпкою стражею: мы отъ сего въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобы съ ними не случилось чего худаго. Сами вы вѣдаете и намъ всѣмъ въ Коронѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ вѣдомо, что Князья Шуйскіе въ семъ Россійскомъ Государствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ Государямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не щадили. Князь Петръ Ивановичь Шуйскій во Псковѣ по части военной съ большимъ разумомъ дѣйствовалъ и всею

душею Господарю своему служилъ и радѣлъ. И Князь Михаилъ Васильевичь Шуйскій за сіе Господарство сильно стоялъ. А всѣ великія Господарства стоятъ своими великими боярами и ратными военными людьми, которые Господарямъ своимъ служатъ вѣрою и правдою. Поелику же наияснѣйшій Господарь его милость и Великій Князь, панъ нашъ милостивый, не желаетъ всѣмъ вамъ боярамъ и всѣхъ сословій людямъ никакого зла; напротивъ отъ всего сердца желаетъ вамъ и всему славному великому Россійскому Господарству всевозможнаго добра, прочнаго мира и спокойствія и прекращенія пролитія крови Христіанской: то вы бояре со всѣми думными и всѣхъ сословій людьми должны имѣть крѣпкую надежду на милость Божію и на его Королевскія милости, и сына Короля его милости наияснѣйшаго Владислава Сигмунтовича Королевича милосердіе и на доброе, Христіанское расположеніе его къ вамъ и всѣмъ людямъ Россійскаго Господарства; а между собою должны жить въ мирѣ и тишинѣ, не причиняя никому и другимъ не позволяя причинять никакого безпокойства, печали, разоренія и утѣсненія. Довольно и такъ уже пролито въ семъ Господарствѣ невинной крови Христіанской: время уже ей уняться и вамъ всѣмъ стараться о томъ, чтобы она болѣе не проливалась. Находящихся въ рукахъ вашихъ, Князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не попуская причинять имъ никакого насильства, разорѣнія и притѣсненія: ибо ихъ, наияснѣйшій Господарь Король его милость съ сыномъ своимъ Королевичемъ его милостію, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ, когда вы будете служить Господарямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣріи и жаловать всѣмъ Господарскимъ жалованьемъ. Сихъ же дѣтей боярскихъ, которыхъ къ вамъ о добрыхъ дѣлахъ съ сею грамотой посылаю, отпустите ко мнѣ, не задерживая; равно какъ и я вашихъ посланцевъ, которыхъ станете посылать, буду отправлять къ вамъ безъ всякаго задержанія. Писано въ станѣ.

№ XII.

ПИСЬМО

Тушинскаго вора къ Яну Петру Сапегѣ, изъ стана подъ Москвою отъ 18/28 Іюля 1610.

Великими и важными обстоятельствами, особенно во время таковыхъ возмущеній въ областяхъ нашихъ, мы приведены были выдерживать различныя не только набѣги и опустошенія областей нашихъ отъ пограничныхъ Государей, но и должны были сносить необузданную собственныхъ подданныхъ нашихъ измѣну столь заразительную, что, безъ помощи и пособія обоихъ народовъ, трудно было бы оную уничтожить. Находясь въ такомъ положеніи и зная, что границы областей Короны Польской почти соединены съ Государствомъ Московскимъ, нашею отчизною и наслѣдственнымъ Государствомъ нашимъ, мы обратились касательно помощи къ знаменитой Коронѣ Польской: представляя чтобы она въ такія бурныя времена воздержалась отъ непріятельскихъ нападеній на Государство, наказанное отъ Бога внутренними раздорами, но чтобы лучше по любви Христіанской и сосѣдственной, къ дальнѣйшему укрощенію своевольства, (дабы въ послѣдствіи свѣтъ не имѣлъ таковаго примѣра) подали бы помочь отъ столь могущественнаго Королевства Польска-

го; оба сіи пункта нами получены: и они отъ насильственнаго завладѣнія областей нашихъ удержались. И такъ принявъ во уваженіе надлежащимъ образомъ таковое доброжелательство знаменитаго народа непобѣдимаго Королевства Польскаго относительно насъ и областей нашихъ, мы предприняли и постановили свято, — утвердясь на престолѣ нашемъ, искать съ Королевствомъ Польскимъ прочной дружбы и заключить ее постояннымъ образомъ. Что же касается теперешняго доброжелательства его, которое оказало намъ въ этомъ несчастіи, не щадя для насъ ни крови своей, ниже имуществъ, обѣщаемъ, и какъ несомнѣнный долгъ на себя словомъ нашимъ Царскимъ принимаемъ: Королю Польскому, тотчасъ же по возшествіи на престолъ, дать триста тысячь золотыхъ, а въ Казну Речи Посполитой въ продолженіи десяти лѣтъ, будемъ обязаны давать ежегодно по триста тысячь злотыхъ. Сверхъ того Королевичу также ежегодно въ теченіе сего времени по сту тысячь злотыхъ. Всю землю Ливонскую своимъ коштомъ обратно завоевать Коронѣ Польской обѣщаетъ. Также касательно Королевства Шведскаго собственнымъ коштомъ нашимъ помочь Королю Польскому обѣщаемъ, и пока будетъ продолжаться эта экспедиція, 15,000 войска способнаго къ бою изъ народа здѣшняго ставить будемъ обязаны; обѣщая притомъ противъ каждаго изъ непріятелей Короны Польской помогать равнымъ образомъ своими людьми, въ чемъ и они намъ противъ непріятелей нашихъ помогать долженствуютъ. А такъ какъ между нами и Королевствомъ Польскимъ есть недоразумѣніе касательно земли Сѣверской, то мы не прочь отъ того, (когда дастъ Богъ благополучно возсядемъ на престолъ предковъ нашихъ,) чтобы вести о семъ посредствомъ великихъ пословъ нашихъ переговоры; и ежели окажется, что дѣйствительно будетъ что либо кому слѣдовать, то (желая сохранить любовь и согласіе,) отъ должнаго отступать не будемъ; но лучше будемъ желать, чтобы каждый остался при своемъ. И на предбудущее время во всѣхъ выгодахъ Короны Польской и народа сего вспомоществовать обѣщаемъ, и все то, что добровольно на себя мы

приняли, постоянно сдержать обѣщаемъ; равно какъ удовлетворить всѣхъ обѣщаемъ и присягаемъ, вѣрою, совѣстію нашею, и словомъ нашимъ Царскимъ; также обѣщаемъ утвердить это, возсѣвъ на престолъ, съ согласіемъ и подписью Думныхъ Бояръ нашихъ. Къ чему нынѣ для большей достовѣрности собственною рукою подписались. Писано въ станѣ подъ столичнымъ городомъ Москвою, Іюля 28 дня 1610.

Димитрій Царь.

№ XIII.

ОБОЮДНЫЯ ЗАПИСИ

Гетмана Жолкѣвскаго и Боярина Князя Мстиславскаго съ товарищами, заключенныя подъ Москвою 27 Августа 1610.

Запись Жолкѣвскаго.

Наяснейшого и Великого Государа Жикгимонта третего, Божью милостью Короля Полского, и Великого Князя Литовскаго, Руского, Пруского, Жомонтского, Мазовецкого, Киевского, Волынского, Подолского, Подляского, Инфлянского, Естонского, и иныхъ, и дедичного Короля Шведского, Кготского, Вандалского, Кнежати Фипляпского и иныхъ, воевода Киевскии, гетманъ коруны Полское, староста Рогатынскии, Каменацкии и Калускии, я Станиславъ Станиславовичь Жолкевскии зъ Жолкви ведомо чыню сею моею прыговорною утвержденною записью, што по всесилного в Троицы славимого Бога милости и воли, а по благославенью и по совету светешого Гермогена Патрыярхи Московского и всея Руси, и Митрополитовъ, и Архиепископовъ, и Епископовъ, и Архимандрытовъ, и Игуменовъ и всего освещенъного собора, и по прыговору всихъ бояръ, и околничыхъ, и дворанъ, и дьяковъ думныхъ, и столниковъ, и дворанъ, и странчыхъ,

и жылцовъ, и дворанъ изъ городовъ, и головъ стрелецкихъ, и всякихъ приказныхъ людеи, и детеи боярскихъ, и гостеи, и торговыхъ людеи, и стрелцовъ, и козаковъ, и пушкареи, и всихъ чыновъ служылыхъ и жылецкихъ людеи великого Московского Господарьства, бояре Князь Өедоръ Ивановичь Мстиславскии, Князь Василеи Васильевичь Голичынъ, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, да околничыи Князь Данило Ивановичь Межецкии, да думные дьяки Василеи Телепневъ и Томило Луговскии, зъеждчалисе со мною и говорыли и советовали о обранью Господара на Владимерское и Московское и на вси великие Господарьства Росиискые, и прыговорыли и дали мне гетману свою утверженъную прыговорную запись за своими руками и печатми; и светыи жывотворящыи крестъ Господень целовали они и вси бояре, и околничые, и дворане, и дьяки думные, и столники, и дворане, и страпчые, и жылцы, и дворане изъ городовъ, и головы стрелецкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости и торговые люди, и стрелцы, и казаки, и пушкары, и всехъ чыновъ служилые и жылецкие люди Московского Господарьства на томъ: што светеишому Гермогену Патрыарху Московскому и всея Руси, и Митрополитомъ, и Архиепископомъ, и Епископомъ, и Архимандритомъ, и Игуменомъ и всему освещенному собору, и бояромъ, и околничымъ, и двораномъ, и дьякомъ думнымъ, и столникомъ, и двораномъ, и страпчымъ, и жылцомъ, и головамъ стрелецкимъ, и двораномъ изъ городовъ, и приказнымъ людемъ, и детемъ боярскимъ, и гостемъ, и торговымъ людемъ, и стрелцомъ, и козакомъ, и пушкаремъ, и всихъ чыновъ служылымъ и жылецкимъ людемъ Московского Господарьства послати бити чоломъ къ Великому Господару наяснеишому Жыкгимонту Королю, и къ сыну его Королевское милости къ Королевичу наяснеишому Владиславу Жыкгимонтовичу, штобъ наяснеишыи Государъ Жикгимонтъ Король пожаловалъ ихъ, далъ на Владимерское и Московское Государьство и на вси великие Росиискые Государьства сына своего наяснеишого Владислава Королевича; о чомъ светеишыи Гермогенъ Патрыархъ Московскии и всея

Руси, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимандриты, и Игумены и весь освещенный соборъ Бога молятъ, и Господара Владислава Королевича на Росинское Государство хотятъ з радостью. А вси бояре, и околничые, и дворане, и дьяки думные, и столники, и дворане, и страпчые, и жылцы, и головы стрелецкие, и дворане изъ городовъ, и приказные люди, и дети боярские, и гости и торговые люди, стрелцы, и козаки, и пушкары, и всихъ чыновъ служылые и жилецкие люди Московского Государства наяснешому Государу Владиславу Королевичу и потомкомъ его целовати светыи и жывотворащыи крестъ Господень на томъ: што имъ ему Государу и потомкомъ его во веки служыть и добра хотети во всемъ, какъ и прежнимъ прыроженымъ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руси; а лиха ему Государу и потомству его не хотети, ни думати, ни мыслити, и иного никого из Московского Государьства, изыныхъ Государствъ на Московское Государство, опрычь Государа Владислава Королевича, не хотети. А ему Государу по которои мере быть на Росинскомъ Государстве, и о томъ бояре Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскии съ товарыши дали мне гетману по статьямъ писмо, и я гетманъ по тому писму о всехъ статьяхъ з бояры говорылъ; и о которыхъ статьяхъ я гетманъ з бояры договоръ учынили и постановили, и на тые статьи далъ я бояромъ Князю Ѳедору Ивановичу с товарыши сюю запись и утвердилъ своею рукою и печатью, и крестъ целовали я гетманъ и вси полковники и ротмистры за Великого Государа нашего Жыкгимонта Короля, и за его сына за Великого Государа Королевича Владислава Жыкгимонтовича, и за великие Государства за корону Полскую и за Великое Князство Литовское, и за себя и за всю рать, которая с Королемъ его милостью и со мною гетманомъ, на томъ: какъ благословитъ Богъ и пречыстая Богородица, и великие чудотворцы Московские Петръ и Алексеи, Иона и вси светые, а Великии Государъ нашъ Жыкгимонтъ Король пожалуетъ дастъ на Владимерское и на Московское и на вси великие Государь-

ства Росийские сына своего Королевича Владислава Жыкгимонтовича, и Государу Королевичу Владиславу Жыкгимонтовичу, коли он Государь прыидеть в столныи городъ Москву, венчатися на Владимерское и на Московское и на вси великие и преславные Государства Росииские Царскимъ венцемъ и деадимою, отъ светейшого Гермогена Патрыарха Московского и ото всего освещенного собора Греческое веры, по прежнему обычаю и достоинию, якъ прежние Велнкие Государи Московские венчалисе. А будучы Государу Королевичу Владиславу Жикгимонтовичу на Росийскомъ Государстве, церкви Божьи на Москве и по всимъ городамъ и по селамъ во всемъ Московскомъ Государстве тчити и украшати во всемъ по прежнему обычаю, и отъ розоренья всякого оберегати, и светымъ Божьимъ иконамъ и пречистое Богородицы и всимъ светымъ чудотворнымъ мощемъ поклонятися почытати, и светителскому и священническому и иноческому чыну и всимъ православнымъ Хрестияномъ быти в православнои Хрестиянскои вере Греческого закона по прежнему, и Рымское веры и иныхъ розныхъ верь костеловъ и всякихъ иныхъ верь молебныхъ храмовъ в Московскомъ Государьстве и по городамъ и по селамъ нигдѣ не ставити; але штобъ в столномъ городе на Москве хотя одинъ Рымскии костелъ быти могъ для людеи Полскихъ и Литовскихъ, которие пры Государу Королевичу его милости мешкати будутъ, о томъ Государу его милости с Патрыархомъ и всимъ духовнымъ чыномъ и з бояры и всими думными людми намова быти маетъ, и Хрестиянское православное веры Греческого закона ничемъ не рушить и не безчестить, и иныхъ никакихъ верь не вводити, штобъ светая православная Хрестиянская вера Греческого закону мела свою целость и красоту по прежнему; и Росийского Государьства людеи православныхъ Крестиянъ отъ Греческое веры в Римскую и ни в которую иную веру силою и нужею и иными никакими мерами не отъводити; и Жыдомъ в Росииское во все Государьство с торгомъ и ни с которыми иными дѣлы не ездити; целбоносные гробы и мощы светыхъ Государу Королевичу

Владиславу Жикгимонтовичу мети въ великои чести; а светеншого Гермогена Патрыарха Московского, и Митрополитовъ, и Архиепископовъ, и Епископовъ, Архимандрытовъ, Игуменовъ, поповъ и дьяконовъ, и священническии и иноческии чынъ, и весь освещенпыи соборъ Хрестиянское православное веры Греческого закону чтити и беречы во всемъ, и в духовные всякие светителскис дела не вступатися, и иныхъ веръ, опрычь Греческое веры, в духовнои чынъ не поставляти. А што дано церквамъ Божьимъ и в манастырп отъчпны или угодеи, и што шло при прежнихъ Государехъ ружного хлеба и денегъ и всякихъ угодеи, и того данья всихъ прежнихъ Государеи Московскихъ и боярского и всякихъ людеи данья у церквеи Божьихъ и у манастыреи не отънимати, быти всему по прежнему, ни в чомъ не нарушаючы; и церковныхъ всякихъ и манастырскихъ чыновъ ни в чомъ не рушити, и ружные всякие оброки церковные и манастырские, которымъ прежъ сего давано изъ Государское казны, то все давати по прежнему изъ Государское казны; и милости ради великого Бога къ церквямъ и манастыремъ всякого наданья прибавливати. Бояромъ, и околничымъ, и дворяномъ, и дьякомъ думнымъ, и чашникомъ, и столникомъ, и стрянчымъ, и дьякомъ, и приказнымъ всякимъ людемъ во всехъ приказехъ у всякихъ Государственныхъ и у земскихъ росправныхъ делъ, и по городомъ воеводамъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ и всякимъ чыномъ быти по прежнему, какъ повелосе в Московскомъ Государстве при прежнихъ Великихъ Государехъ; а Полскимъ и Литовскимъ людемъ на Москве ни у какихъ земскихъ росправныхъ делъ, и по городомъ въ воеводахъ и в приказныхъ людехъ не быть, и в наместничество и в староство городовъ Полскимъ и Литовскимъ людемъ не давать; а штобъ обоихъ Государьствъ думою быть и Полскимъ и Литовскимъ людемъ в приказехъ на порубежныхъ городехъ до достаточного успокоенья того Государьства, о томъ Государъ его милость прыговоръ учынитъ з бояры думными на часе своемъ, ведь же вся земля про тую статью Государу его милости чоломъ бьютъ, штобъ того не было, опрычь дела. А

которые Полские и Литовские люди будутъ при Государу Королевичу, и тыхъ Государу Королевичу его милости устроити и пожаловати денежнымъ жалованьемъ и поместьемъ, по ихъ достоинству хто чого достоенъ. Московъского Государьства бояръ, и околничыхъ, и дворанъ, и дъяковъ думныхъ, и столниковъ, и дворанъ, и страпчыхъ, и дъяковъ, и жылцовъ и дворанъ изъ городовъ, и головъ стрелецкихъ, и всякихъ приказныхъ людей, и детеи боярскихъ, и гостеи и торговыхъ людеи, и стрелцовъ, и козаковъ, и пушкареи, и всихъ чыновъ служилыхъ и жылецкихъ людеи Росиискогo Государьства мети Государу его милости всихъ по достоинству, в чести и в жалованью и в милости, какъ было при прежнихъ Великихъ Государехъ Московскихъ; и прежнихъ обычаевъ и чыновъ, которые были в Московскомъ Государьстве, не переменять; и Московскихъ Княженецкихъ и боярскихъ родовъ прыеждчыми иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати. Ажалованье денежное, оброки и поместья и отъчыны, хто што мелъ до сихъ местъ, и тому быти по прежнему; и родителскихъ отчынъ ни у кого не отымати, и впередъ всякихъ людеи Росиискогo Государьства жаловати, смотра по службе и хто чего достоенъ. Иноземцевъ всякихъ, которые выеждчали з розныхъ Государьствъ къ прежнимъ Московскимъ Государемъ, жаловати по прежнему, и оброковъ и поместеи и отчынъ у нихъ не отънимати; бояромъ, и дворапомъ, и столникомъ, и страпчымъ, и детемъ бояркимъ, и всимъ приказнымъ служылымъ людемъ Государьское жалованье велети давати изъ четверти по всякии годъ, по прежнему обычаю. А будетъ што кому прибавлено отчынъ и поместеи и денежныхъ оброковъ не поихъ достоинству, или будетъ у которыхъ убавлено безъ вины, о томъ Государу его милости советовати и думати з бояри и думными людми; и якъ Государь его милость прыговорытъ з бояры, по тому такъ и учынить, яко достоитъ. А которые дворане и дети боярские Государское жалованье берутъ за городомъ, и тымъ жалованье давати, якъ прежъ сего бывало при прежнихъ Государехъ; на Москве и в городехъ ружникомъ и оброчникомъ, ко-

торымъ при прежнихъ Великихъ Государехъ для ихъ службы жалованье давали, и тымъ давати жалованье денежное и хлебное зъ Государское казны по прежнему. На Москве и погородомъ суду быти и совершатися по прежнему обычаю и по судебнику Росиискаго Государства; а будетъ похотятъ в чемъ по полнити для укрепленья судовъ, и Государу на то поволити, з думою бояръ и всее земли, штобъ было все праведно. Великому Государю неяснейшому Жыкгимонту Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, и его Государствамъ коруне Полскои и Великому Князству Литовскому быти з Великимъ Государемъ Королевичемъ Владиславомъ Жикгимонтовичомъ и зо всѣми Государствы Росиискими в миру, въ дружбе, в любви навеки неподвижно, и промежъ себе рати и воины не вщынати никкими делы; а которие недруги толко похотятъ наступать на Росиискиe Государьства, или на Королевство Полское и на Великое Князство Литовское, и противъ тыхъ всихъ недруговъ стояти обоими Государствы заодно. На Татарскихъ Украинахъ толко надобно будетъ держати обоихъ Государьствъ ратныхъ людеи, и якъ будетъ Государъ Королевичь на Московскомъ Государьстве, и о томъ, говора з бояры, зошлется з Великимъ Государемъ его милостью Жыкгимонтомъ Королемъ, якъ тому делу прыгоже з обе стороны быти. Умышленьемъ никкимъ, ни засылкою шкоты никкое и убиства надъ людми Московского Государьства не делати, и дворовъ и жыьвотовъ и иного ничого у всякихъ людеи не отыимати, и в Полску и в Литву и выные Государства Московского Государьства людеи не розсылати, и не Полски і из Литвы на ихъ местце никкихъ людеи не прыводити; и жонъ и детеи ни чыихъ не позорити ни в чемъ, и в полонъ не имати и не зъсылати, и з женами и з детми никого не розводити. А хто виненъ будетъ, которого чыну нибудь, и казни будетъ достоенъ в Государскихъ и в земскихъ делехъ, того по вине его казнити, осудивши напередъ з бояры и з думными людми; а жены, дети, братья, которие того дела не делали и не ведали и не хотели, и тыхъ не казнити, и быти имъ во всемъ по прежнему, и отчинъ и поместеи и жи-

вотовъ и дворовъ у нихъ не отнимати; а не сыскавши вины и не осудивши судомъ всими бояри, никого не казнити, и чести ни у кого не отымати, и в заточенье не засылати, поместей, отчынъ и дворовъ не отымати. А хто бездѣтенъ умретъ, и то все, што останетсе, отдавати ближнимъ его или кому прикажетъ. А все то делати Государу, съ прыговоромъ и советомъ боярѐ и всихъ думныхъ людей; а безъ думы и прыговору, такихъ делъ не совершати. Якъ рострыгу убили всимъ Московскимъ Государьствомъ, и втупору на Москве многие Руские люди побиты отъ Полскихъ и Литовскихъ людей, а отъ Рускихъ людей такъ же побяты Полские и Литовские люди, и того дела ныне и впередъ не вщынати и не мстити з обеихъ сторонъ. А которие Полские и Литовские люди, полковники, и ротмистры, и шляхта и всякие люди были в полону в Московскомъ Государъстве, и тые з Московского Государьства отданы мне гетману безъ выкупу; а которие Полские и Литовские люди осталисе еще в Московскомъ Государьстве, а взяты в нинешнююжъ смуту, и тыхъ зыскавши з Московского Государьства отпустити в Полску и в Литву безъ выкупужъ: а которие дворане, и дети боярские, и стрелцы, и козаки, и пушкары, и всякие служилые и неслужылые люди, и дворанские, и детей боярскихъ, и стрелцовъ, и козаковъ, и пушкарей, и всякихъ служилыхъ и неслужылыхъ людей матеры, сестры, жены, дети и всякие люди Росийского Государьства, мужеска полу и женска, в нинешнюю смуту, пры бывшемъ Государу Василью, взяты в полонъ в Полску и в Литву, и тыхъ Государу Королю его милости велети, сыскавъ, отъ мала и до велика отдати в Московское Государьство безъ выкупужъ. Доходы Государские зъ городовъ, з волостей такъ же с кабаковъ и с тамогъ денги и всякие доходы велети Государу его милости збирати по прежнему, якъ было при прежнихъ Великихъ Государехъ; а зверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря з бояры, ни в чемъ не прыбавливати. А которые городы отъ войны запустѣли, а в тые городы и в уезды послати Государу его милости описати и дозрати, многоль чого убыло, и доходы велети брати зъ жы-

вущего по описи и подозору; а на запустошеные отчыны дати и лготы, поговора з бояры; а на невосваные городы што будетъ передъ прежнимъ доведется прыбавити, и о томъ з бояры и з думными людми поговорыти. А купцомъ Московского Государьства всихъ городовъ в Полще и в Литве, а Полскимъ и Литовскимъ купъцомъ в Московскомъ Государьстве торговати поволно по прежнему, и тамги в Московскомъ Государстве и в Полще и в Литве велети брати по прежнемужъ обычаю, якъ брано прежъ сего, и продажъ и насилства з обе стороны торговымъ людемъ не чынити. Торговымъ и пашеннымъ хрестияномъ в Литву з Руси и з Литвы на Русь выходу не быть; такъ же и на Руси промежъ себя крестяномъ выходу не быти. Бояромъ и двораномъ и всемъ чыномъ держати крепостныхъ людеи по прежнему обычаю, по крепостямъ. На Волге, на Дону, на Яике и на Терке козаковъ будетъ надобе, или не надобе, о томъ Государу Королевичу говорыти з бояры и з думными людми, какъ будетъ на Господарстве. А про городы, Московскому Государьству належачые, такъ тые, на которыхъ теперь Полскіе и Литовские люди, яко и тые, што нине за воромъ, я гетманъ прыговорылъ с паны бояры, што наяснеишому Государу Королю его милости, и сыну его Королевское милости наяснеишому Владиславу Жыкгимонтовичу Королевичу тые городы зо всимъ, какъ были до нинешнее смуты, къ Московскому Государьству очычистити; а великимъ посломъ Московского Государьства зъ Господаремъ Королемъ его милостью впередъ договоръ учынити про кошъ и накладъ Государа Короля его милости, на ратное дело учыненыи и про заплату Полскимъ и Литовскимъ людемъ, якъ бы про тое дело сюю статью совершыти. А про вора, што называется Царевичемъ Дмитремъ Ивановичемъ, мне гетману вместе з бояры думатити и печаль мети, якъ бы того вора изымати, или убити; а коли воръ изыманъ, или убитъ будетъ, и мне гетману з войскомъ его Королевское милости отъ столного города отъ Москвы отоити къ Можайску, или гдѣ прыгоже, по договору с паны бояры, и тамъ великихъ Московскихъ пословъ поверенья и росказу

его Королевское милости ожыдати. А только воръ противъ столного города Москвы похочетъ якое воровство или насилство чынити, и мне гетману противъ того вора стояти и битися з нимъ, а пана Сапегу с Полскими и Литовскими людми отъ того вора отвести. А естли воръ отъ Москвы з Рускими людми поидетъ прочь, а людеи Полскихъ и Литовскихъ при немъ што немногихъ зостало, и мне гетману надъ нимъ и людми, которые при немъ будуть, з воискомъ Короля его милости сполне с паны бояры промышляти вскоре, штобъ крови Хрестиянское болшъ не розливалъ, и земля бы в тишине зостала. А Марыне Мнишковне, которая была за убитымъ ростригою Гришкомъ Отрепъевымъ и з нинешнимъ воромъ по Московскомъ Государьстве ходитъ, Государынею Московскою не называтися, и смуты никоторое впередъ в Московскомъ Государьстве не делати, и отвести ее в Полску. А во всемъ Государу его милости Королевичу Владиславу Жыкгимонтовичу делати по ихъ упрошению, и по договору пословъ великихъ з Великимъ Государемъ его милостью Жикгимонтомъ Королемъ и по сеи утвержденнои записи. А про Смоленскъ мнѣ гетману бити чоломъ и отписати къ Королю его милости, штобъ по Смоленску бити не велѣлъ, и теснотыбъ николое городу чынити не велелъ. А о крещенью, штобъ Государу его милости Владиславу Жыкгимонтовичу Королевичу пожаловати креститися въ ихъ православную Хрестиянскую веру Греческого закону, и быти в православнои Хрестиянскои Греческои вере; и о иныхъ недоговорныхъ статьяхъ и о всякихъ делехъ, што се деело здавна межъ Государствы до нинешнее смуты, какъ бы межы Государьми ихъ милостью и ихъ Государствы договоръ о всемъ и докончанье учынити; а любовь, милость и приязнь на обе стороны множылася и задержалася навеки. О чомъ я гетманъ теперь отъ Государа Короля его милости науки и порученья не маю, и о томъ я гетманъ прыговорылъ с паны бояры, што имъ послати о томъ бити чоломъ и договоръ чынити къ Государу Королю его милости и Королевичу его милости Владиславу Жыкгимонтовичу. А мне гетману в городъ Москву Полскихъ и Ли-

товскихъ и Немецкихъ и всякихъ ратныхъ людей, которие со мною и которие с паномъ Яномъ Сапегою, безъ позволенья бояръ и безъ дела, не впущати. А для покупки, прыждчати в городъ в Москву не Полскихъ из Литовъскихъ изо всихъ обозовъ з моими гетманскими проежчыми листы, человѣкъ по двадцати, или мало большъ; а безъ проежчыхъ листовъ и болшын того в городъ в Москву не въеждчати. А для утверженья, къ сеи записи я гетманъ Станиславъ Станиславовичь Жолкевъскии печать свою прыложылъ и руку подписалъ; такъ же и панове пулъковники и ротмистры, которые на тотъ часъ при мне, к сеи грамоте руки свои подписали. Писанъ в обозѣ подъ столнымъ городомъ Москвою, лѣта отъ нароженья Исусъ Христа Господа Бога и Спаса нашего тисеча шесть сотъ десятого, месяца Авъгуста двадцать семого дня.

Станиславъ Жолкевскій, воевода Кіевскій, гетманъ корунный, рукою своею.

Янушъ съ Збаражъ Порицкій рукою своею.

Николай Гербуртъ рукою своею.

Станиславъ Доморацкій, подстолій Львовскій, рукою своею.

Юрій съ Кракова Щущій рукою своею.

Мартынъ Казановскій рукою своею.

Александръ Балабанъ.

Андрей Млоцкій.

Васѣчинскій Криштовъ.

Янъ Жебридовскій.

Адамъ Олизаръ Волчкевичь, ротмистръ Короля его милости, рукою своею.

Николай Козаковскій.

Николай Удрицкій, подчашій Бѣльскій.

Войцехъ Рудницкій.

Гоциковскій Марціанъ.

Марко Валамовскій рукою своею.

Самуилъ Дунпковскій.

Николай Малускій.

Янъ Невядовскій, ротмистръ Короля его милости.

Запись Князя Мстиславскаго съ товарищи.

По благословенію и по совѣту святѣйшого Ермогена Патріарха Московскаго и всея Руссіи, и Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ и всего освященнаго собора, и по приговору бояръ, и окольничихъ, и дворянъ, и дьяковъ думныхъ, и стольниковъ, и дворянъ, и стряпчихъ, и жильцовъ, и дворянъ изъ городовъ, и головъ стрѣлецкихъ, и всякихъ приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей, и стрѣльцовъ, и козаковъ, и пушкарей, и всѣхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей великаго Московскаго Государства, мы бояре Князь Өедоръ Ивановичь Мстиславскій, да Князь Василей Васильевичь Голицынъ, да Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, да окольничей Князь Данило Ивановичь Мезетской, да думные дьяки Василей Телепневъ да Томило Луговской, съѣзжалися Великаго Государя Жигимонта Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго съ Станиславомъ Желтковскимъ съ Жолкви, съ воеводою Кіевскимъ, съ гетманомъ короны Польскія, съ старостою Рогатынскимъ, Каменетскимъ и Калускимъ, и говорили и совѣтовали о обиранья Государскомъ на Владимерское и Московское и на всѣ великія Государства Россійскаго Царствія, и приговорили на томъ: что святѣйшему Ермогену Патріарху Московскому и всея Руссіи, и Митрополитамъ, и Архіепископамъ, и Епископамъ, и Архимандритамъ, и Игуменамъ и всему освященному собору, и намъ боярамъ, и окольничимъ, и дворянамъ, и дьякамъ думнымъ, и стольникамъ, и дворянамъ, и стряпчимъ, и жильцамъ, и дворя-

намъ изъ городовъ, и головамъ стрѣлецкимъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и торговымъ людемъ, и стрѣльцамъ, и козакамъ, и пушкаремъ, и всѣхъ чиновъ служилымъ и жилетскимъ людемъ Московскаго Государства послати бити челомъ къ Великому Государю къ Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, и къ сыну его къ Королевичу ко Владиславу Жигимонтовичу, чтобъ Великій Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ, далъ на Владимерское и Московское и на всѣ Великія Государства Россійскаго Царствія сына своего Владислава Королевича; о чемъ святѣйшій Ермогенъ Патріархъ Московскій и всея Руссіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимандриты, и Игумены и весь освященный соборъ Бога молятъ, и Государя Владислава Королевича на Россійское Государство хотятъ съ радостію. А мы всѣ бояре, и окольничіе, и дворяне, и дьяки думные, и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрѣлецкіе, и всякіе приказные люди, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые люди и стрѣльцы, и козаки, и пушкари, и всѣхъ чиновъ служилые и жилецкіе люди Московскаго Государства Великому Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичу и дѣтемъ его цѣловали святый животворящій крестъ Господень на томъ: что намъ ему Государю и дѣтемъ его вовѣки служити и добра хотѣти во всемъ, какъ прежнимъ прирожденнымъ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руссіи; а лиха ему Государю и дѣтемъ его не хотѣти, ни думати, ни мыслити, и иного никого изъ Московскаго Государства и изъ иныхъ Государствъ на Московское Государство, опричь Государя Владислава Королевича, не хотѣти. А на которой мѣрѣ Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичу быти на Россійскомъ Государствѣ, и о томъ мы Бояре Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской съ товарищи дали гетману письмо по статьямъ, и потому письму во всѣхъ статьяхъ съ гетманомъ Станиславомъ говорили; и о которыхъ статьяхъ мы бояре съ гетманомъ договоръ учинили и постановили, и на тѣ статьи далъ намъ боярамъ Князю Ѳедору Ивановичу Мсти-

скихъ Воеводъ, инніи не хотяху, того ради, чтобы тутъ 1488.
не оставить, а большіе Воеводы, емлюще отъ Казанцовъ дары многіе, не хотяху взяти; и тако стояху три дни; послаша по Князей Казанскихъ. И тогда Князь Великій, Василей Ивановичъ, видя себя болѣзньми изпуряема, и познавъ, яко вскорѣ умрети, призва Бояры своя десятію седмицы прежде кончины своея, рекъ имъ тако: Вы вѣсте, яко много съ вами трудихся, и землю Рускую укрѣпихъ, завѣтъ же отческій имамъ, на немъ же вы и отцы ваши крестъ ему цѣловасте, яко большому сыну по отцѣ быти на Великомъ Княженіи, а братіи своей и меншимъ сыновьямъ давати удѣлы малые, по городу и по два, да не спорятъ, чтобъ не могли усилитися и зло сотворити; нынѣ же азъ вижу себя близъ смерти, того ради написахъ, како по мнѣ имать быти Княгинѣ моей, и сыновомъ, и братіи, и аще добрѣ видите, положити руки ваша и на томъ, что сохранити, цѣлуйте ми крестъ; а буде что недобрѣ написахъ, ино переписати можно. Они же совѣтовавше, уложиша, и написавше подписашася, иніи печати приложиша и крестъ на тѣмъ цѣловаша, а Князь Великій свою большую печать приложи Сентября 20-го дня, а въ 21-е Сентября, призвавъ Великую Княгину, Елену, оба сыны своя, вся Князи и Бояра, тогда воздвигшись отъ одра своего, рече: Любезная супруга моя! Азъ тя пояхъ для чадородія, и Богъ ны утѣши по желанію; хотѣвъ же съ тобою вкупѣ воспитати я, но нѣсть ми время, отхожу ко отцемъ моимъ, а предаю тебѣ воспитати и научити я; не дай имъ воли во младости, и вся земля славу и честь воспріимете, и возвеселишися ты въ чадѣхъ твоихъ. А зане сіи маліи, сего ради наиболѣе поручаю Княземъ съ тобою правити, Князю Ивану Овчинѣ Оболенскому, да отцу твоему, Князю Михайлу, да Князю Борису Горбатому, да Михайлу Юрьевичу Захарьину; и вдаде имъ душевную свою о завѣщаніи, рекше: Како вы поправите, тако вамъ Богъ воздастъ. По семъ приведоша къ нему сына его старѣйшаго, Князя Ивана, ему же тогда юну сущу, начавшу четвертому лѣту.

Сей благочестивый Государь и Князь Великій, Василей Ивановичъ, добрый правитель хоругви земли Рус-

1488. кія, скипетродержавлаго корене добрѣ врученные ему избра, люди упасе и отъ всѣхъ соблюде, и единовластіе Руское утверди, толико сей мечемъ храбрѣ вся сопротивныя ему побѣждая покори, и силу своея земли умножи, яко по Владимірѣ Мономахѣ, даже до сего, не бысть ни единъ великій толико силенъ и врагомъ страшенъ, а другомъ своимъ пріятенъ, елико оружіемъ, толико любовію къ своей державѣ присовокупляя; и тако Руская держава разширися, градъ бо Смоленскъ за Литвою бяше 100 лѣтъ, и вящше, Сѣвера же до 200 лѣтъ, Резанское отдѣлися при Ярославѣ Великомъ и бысть особно безмала 400 лѣтъ, а сей паки державѣ своей соедини; колико же отъ иновѣрныхъ на Востокѣ приобрѣте, и на Югѣ по Дону, и къ Казани рубежи Рускіе простре и умножи. По завѣту же отчу титулъ и печатъ себѣ премѣни, имже званіемъ давно никто не писася отъ рода, яко сей въ грамотахъ и лѣтописяхъ повелѣ писатись:

Божіею Милостію Царь и Князь Великій, Василей, Владимірскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Казанскій и Болгерскій, Государь Тферскій, Ростовскій, Ярославскій, Пермскій, Вятскій, Черниговскій, Смоленскій и Рязанскій, и всея Русіи Государь и Обладатель.

Пріятъ же и печать по матери своей Греческихъ Царей, Орелъ пластаный, и тою повелѣ къ Государемъ грамоты печатати.

Тоя же нощи, по смерти Государя Великаго Князя, Василія Ивановича, вси Князи и Бояре съ Преосвященнымъ Митрополитомъ Даніиломъ, и властми, въ полатѣ Великаго Князя, цѣловаша вси Честный и Животворящій Крестъ, на томъ, что имъ Великому Государю, Ивану Васильевичу всея Русіи, и матери его, Великой Государинѣ Царицѣ, Еленѣ, прямо служити и Великаго Княженія подъ нимъ беречи въ правду, безъ хитрости за одинъ; да и братьевъ Государевыхъ, Великаго Князя Василія Ивановича, Князя Юрія и Князя Андрея, того часа привели къ цѣлованію, на тѣхъ грамотахъ, какъ уставилъ отецъ ихъ, Великій Князь, Иванъ Васильевичь, и они цѣловаша Крестъ отъ рукъ Преосвященнаго Митрополита, что имъ братаничу своему, Вели-

кому Князю, Ивану, добра хотѣти и Великаго Княженія 1488.
подъ нимъ блюсти, и стеречи, и самимъ не хотѣти, а подъ тою записью подписалися. Потомъ повелѣша на утріе всѣхъ Князей Бояръ, дѣтей Боярскихъ, и всякихъ чиновниковъ, и гостей въ Соборней церкви приводити къ цѣлованію, да и по всѣмъ городамъ послаша зъ записми приводити къ цѣлованію, и не бысть преки нигдѣже. Но ненавидяй тоя же весны, по діаволю дѣйству и лихихъ людей возмущеніемъ, учиниша Великому Князю смятню, начаша вадити Великому Князю и его матери, Великой Княгинѣ, на Князя Андрея, что Князь Андрей на Великаго Князя и на его матерь, Великую Княгиню, гнѣвъ держитъ, что ему вотчины не придали, и хочетъ бѣжати, и Князю Андрею сказываютъ на Великую Княгиню, что хочетъ его поймати. И напредъ того лѣта 7042, Генваря, послѣ Великаго Князя преставленія, не съѣзжая съ Москвы во свою отчину, послѣ сорочинъ, билъ челомъ Князь Андрей Великому Князю, Ивану Васильевичу, всея Русіи, и его матери, Великой Княгинѣ, Еленѣ, а припрашивалъ къ своей отчинѣ городовъ чрезъ отца своего благословеніе и чрезъ духовную грамоту; и Князъ Великій, и его мати, Великая Княгиня, Елена, не придали ему городовъ къ его отчинѣ, а почтили его, какъ прежде того, по представленіи Великихъ Князей, и братьѣ давали, а ему дали, и свыше давали ему шубы, и кубки, и кони, и коходры въ сѣдлахъ. Князь же Андрей поѣхалъ къ себѣ въ Старицу, училъ на Великаго Князя, и на его матерь, на Великую Княгиню, гнѣвъ держати о томъ, что ему отчину не придали; къ тому присташа лихіе людіе, и наводиша на Князя Андрея Великому Князю, а Князю Андрею сказаша на Великаго Князя, что хочетъ его Князь Великій поимати. Князь Великій и его мати, Великая Княгиня, послали ко Князю Андрею Боярина своего, Князя Ивана Васильевича Шуйскаго, да Дьяка своего меншаго Путятина, въ томъ его увѣщати, что слова неправыя, а у Великаго Князя Ивана, и у его матери, Великія Княгини, Елены, лиха въ мысли нѣтъ ни котораго; Князь же Андрей, по приказу Великаго Князя, и его матери, Великія Княгини, Елены, къ Москвѣ пріе-

Россійскаго Государства жаловати, смотря по службѣ и кто чего достоинъ. Иноземцовъ всякихъ, которые выѣзжали изъ розныхъ Государствъ къ прежнимъ Московскимъ Государемъ, жаловати по прежнему, и оброковъ и помѣстей и вотчинъ у нихъ не отъимати; боярамъ, и дворянамъ, и стольникамъ, и стряпчимъ , и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ приказнымъ и служилымъ людемъ Государское жалованье велѣти давати изъ чети по всякой годъ, по прежнему обычаю. А будетъ что кому прибавлено вотчинъ и помѣстей или денежныхъ оброковъ не по ихъ достоинству, или будетъ у которыхъ убавлено безъ вины, о томъ Государю совѣтовать и думать съ бояры и съ думными людьми; и какъ Государь приговоритъ съ бояры, и потому такъ учинити, какъ достоитъ. А которые дворяне и дѣти боярскіе Государское жалованье емлютъ съ городомъ, и тѣмъ жалованье давати, какъ прежъ сего бывало при прежнихъ Государѣхъ ; на Москвѣ и въ городѣхъ ружникамъ и оброчникамъ, которымъ при прежнихъ Великихъ Государѣхъ для ихъ службы жалованье давали, и тѣмъ давати жалованье денежное и хлѣбное изъ Государскія казны по прежнему. На Москвѣ и по погородамъ быти и совершатись по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго Государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ, и Государю на то поволити съ думою бояръ и всей земли, чтобъ было все праведно. Великому Государю Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, и его великимъ Государствамъ корунѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому быти съ Великимъ Государемъ Королевичемъ Владиславомъ Жигимонтовичемъ и со всѣми Государствы Россійскаго Царствія въ миру, въ дружбѣ, въ любви навѣки недвижно, и промежъ себя рати и войны не вчинати никоторыми дѣлы; а которые недруги похотятъ наступать на Россійское Государство или на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское, и противъ тѣхъ всѣхъ недруговъ стояти обоими Государствы за одно. На Татарскихъ Украйнахъ только надобно будетъ держати обоихъ Государствъ ратныхъ людей, и какъ будетъ Государь Королевичь на Московскомъ

а про Князя Андрея тайно обвѣдывати, есть ли про него каковъ слухъ, и зачемъ къ Москвѣ не поехалъ; и тѣ посланники, пріехавши, сказали Великому Князю, что люди у него прибылыя есть, которые не всѣ у него годы живутъ, а говорить не смѣютъ, а которые имъ пріятны, и тѣ имъ сказываютъ тайно, что Князь лежитъ, затѣмъ къ Москвѣ ехати не смѣетъ; Князь же Андрей, по лихихъ людей рѣчамъ самъ къ Москвѣ не смѣлъ ехати, а послалъ на Москву къ Великому Князю и къ его матери, Великой Княгинѣ, Еленѣ, Боярина своего, Князя Ѳеодора Дмитревича Пройскаго; а Князь Ѳедоръ Пройской, отъ Князя изъ Старицы къ Великому Князю на Москву еще не пріехалъ, и въ то время сынъ Боярской, Княжь Андрѣевъ, Князь Василей, Княжь Ѳедоровъ, сынъ Лубовъ, Ростовскихъ Князей, изъ Старицы прислалъ тайно ночью къ Великаго Князя Боярину, Князь Ивану Ѳедоровичу Овчинѣ, человѣка своего чрезъ костимъ, что Князю Андрѣю одноконечно на утро бѣжати; и Князь Иванъ то сказалъ Великому Князю, и Князь Великій, и мать его, Великая Княгиня, послали за Княземъ Андреемъ Крутицкаго Владыку, Досиѳея, да Архимандрита Симонавскаго Филоѳея, да отца его духовнаго, Протопопа Спаскаго, Симеона, а велѣли ся имати, по Великомъ Князѣ, и его матери, по Великой Княгинѣ, что у нихъ лиха и въ мысли нѣтъ никотораго, а ничто будетъ Князь Андрей Владыкѣ и Архимандриту, и отцу своему духовному, не повѣритъ, а побѣжитъ. Князь Великій для того послалъ за Князь Андрѣемъ, Ивана Ѳедоровича Овчину, да Князя Никиту Васильевича Оболенскихъ, и Бояръ своихъ со многими людми, а по Боярина Князя Андрѣева, по Князь Ѳедора Пройскаго, послали въ стрѣчу, а велѣли его поимати, да на Москву привести. И какъ Князь Ѳедора поимали, втѣ пора ушолъ Князь Андрѣевъ сынъ Боярской судокъ Дмитріевъ сынъ Сатинъ, да прибѣжалъ къ своему Князю, и сказалъ Князю Андрею, что Боярина его Князя Ѳедора Пройскаго поимали, а слухъ его дошолъ, что послалъ Князь Великій Бояръ своихъ, Князя Никиту, да Князя Ивана Овчину Оболенскихъ со многими людми тебя имати. И втѣ поры пригонилъ въ Старицу съ Волока Княжь Андрѣевъ же сынъ 1488.

выкупужъ: а которые дворяне, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и козаки, и пуштари, и всякіе служилые и неслуживые люди, и дворянскіе, и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и козаковъ и пушкарей, и всякихъ служилыхъ и неслуживыхъ людей матери, и сестры, и жены и дѣти, и всякіе люди Россійскаго Государства мужеска полу и женска въ нынѣшнюю смуту, при бывшемъ Царѣ Василье, взяты въ полонъ въ Польшу и въ Литву, и тѣхъ Королевскому Величеству велѣть всѣхъ сыскавъ отъ мала и до велика отдати въ Московское Государство безъ выкупужъ. Доходы Государскіе съ городовъ, съ волостей, также съ кабаковъ и съ тамогъ деньги и всякіе доходы велѣти Государю сбирати по прежнему, какъ было при прежнихъ Великихъ Государѣхъ; а сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни въ чемъ не прибавливати. А которые города отъ войны запустѣли, и въ тѣ городы и уѣзды послати Государю описати и дозирати, многоль чего убыло, и доходы велѣти имати съ живущаго по описи и по дозору; а на запустошенныя вотчины и помѣстья дати льготы, поговоря съ бояры; а на невоеванные городы что будетъ предъ прежнимъ доведется прибавити, и о томъ съ бояры и съ думными людьми поговорить. Купцамъ Московскаго Государства всѣхъ городовъ въ Польшѣ и въ Литвѣ, а Польскимъ и Литовскимъ купцамъ въ Московскомъ Государствѣ торговати повольно по прежнему, и тамга на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскаго Государства, также въ Польшѣ и въ Литвѣ во всѣхъ городѣхъ велѣти имати по прежнему же обычаю, какъ имано прежъ сего, и продажъ и насильства съ обѣ стороны торговымъ людемъ не чинити. Торговымъ и пашеннымъ крестьянамъ въ Литву съ Руси, а изъ Литвы на Русь выходу не быти; также и на Руси промежъ себя христіанамъ выходу не быти. Боярамъ и дворянамъ и всѣмъ чинамъ держати крепостныхъ людей по прежнему обычаю, по крѣпостямъ. На волгѣ, на Дону, на Яикѣ и на Теркѣ козаки будетъ надобе, или не надобе, о томъ Государю Королевичу говорити съ бояры и думными людьми, какъ будетъ на Государствѣ. А про городы, къ

Московскому Государству належачіе, такъ тые, въ которыхъ теперь Польскіе и Литовскіе люди, яко тые, которые вышѣ за воромъ, съ нами бояры гетманъ приговорилъ, что Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Государю Владиславу Королевичю городы со всѣмъ, какъ были допынѣшнія смуты, къ Московскому Государству очистить; а великимъ посламъ Московскаго Государства съ Великимъ Государемъ Жигимонтомъ Королемъ впередъ договоръ учинить про коштъ и накладъ Королевской, на ратное дѣло учиненымъ, и про заплату Польскимъ и Литовскимъ людемъ, какъ было про то дѣло сее статью совершить. А про вора, что называется Царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, гетману Станиславу Станиславовичу думати и промышляти съ нами бояры, какъ бы того вора изымати, или убити; а какъ воръ изыманъ, или убитъ будетъ, и гетману со всѣмъ Королевскимъ войскомъ отъ царствующаго града отъ Москвы отойти въ Можаескъ, или гдѣ пригоже, по договору съ нами бояры, и тамъ великихъ Московскихъ пословъ поворотки и указу Королевскаго ждати. А только воръ царствующему граду Москвѣ похочетъ какое воровство или насильство чинити и гетману Станиславу противъ того вора стояти и биться съ нимъ, а Яна Сапегу съ Польскими и съ Литовскими людьми отъ того вора отвести. А будетъ воръ съ Рускими людьми пойдетъ прочь, а что при немъ Польскихъ и Литовскихъ людей останется немного, и гетману Станиславу надъ нимъ и людьми, которые при немъ будутъ, съ Королевскимъ войскомъ вмѣстѣ съ нами бояры промышляти вскорѣ, чтобъ крови Христіанскія больши не разливалъ, и землябъ въ тишинѣ стала. А Сендомирскаго воеводы дочери Маринѣ, которая была за убитымъ розстригою Гришкою Отрепьевымъ и съ нынѣшнимъ воромъ въ Московскомъ Государствѣ ходитъ, Государынею Московскою не называтися, и смуты никоторыя впредь въ Московскомъ Государствѣ не дѣлать, и отвести ее въ Польшу. И во всемъ Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичу дѣлати по нашему прошенью, и по договору пословъ съ Великимъ Государемъ Жигимонтомъ Королемъ и по сей

утверженной записи. А гетману Станиславу Станиславовичу въ городъ Москву Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ и и всякихъ ратныхъ людей, которые съ нимъ и которые съ Яномъ Сапегою, безъ позволенія бояръ и безъ дѣла, не впущать. Для покупки пріѣзжать въ городъ Москву изъ Польскихъ и изъ Литовскихъ и изо всѣхъ обозовъ съ гетманскими проѣзжими листы, человѣкъ по двадцати, или мало больши; а безъ проѣзжихъ листовъ и больши того въ городъ Москву не въѣзжати. А про Смоленскъ гетману бити челомъ и отписати къ Великому Государю Жигимонту Королю, чтобъ Король по смоленску бити не велѣлъ, и тѣснотыбъ городу никакія учинити не велѣлъ. А о крещеньи, чтобъ Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичу пожаловати креститися въ нашу православную Христіанскую вѣру Греческаго закона, и быти въ нашей въ православной Христіанской Греческой вѣрѣ; и о иныхъ недоговорныхъ статьяхъ и о всякихъ дѣлехъ, что ся дѣлало межъ Государствъ издавна до нынѣшнія смуты, какъ бы межъ Государьми и ихъ Государствы о всемъ договоръ и докончаніе учинилося; а любовь, милость и пріязнь на обѣ стороны множилася навѣки. О чемъ сказалъ гетманъ, что тепере отъ Короля науки не имѣетъ, и о томъ гетманъ съ нами бояры приговорилъ, что намъ послати о томъ бити челомъ и договоръ чинити къ Великому Государю Жигимонту Королю и къ Королевичу. А для утверженія, къ сей записи мы бояре Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, да Князь Василій Васильевичь Голицынъ, да Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, да окольничей Князь Данило Ивановичь Мезетской печати свои приложили; а мы дьяки Василей Телепневъ, да Томило Луговской руки свои приписали. Писанъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7981, Августа мѣсяца.

№ XIV.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

Отъ Боярина Князя Мстиславскаго съ товарищи о избраніи Королевича Владислава, съ образцемъ крестоприводной Записи 19 Августа 1610 года.

Окружная Грамота:

Въ Пермь Великую воеводѣ господину Ивану Ивановичу Чемоданову, да подьячему Пятому Филатову, и Пермскихъ городовъ посадскимъ и волостнымъ людемъ, бояре Князь Өеодоръ Ивановичь Мстиславской съ товарищи челомъ бьютъ. Послали есмя къ вамъ прежде сего, что по челобитью всего Московскаго Государства, Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всея Русіи Царство отставилъ и нынѣ въ черицахъ; а вамъ велѣно всѣхъ чиновъ людемъ ѣхать къ Москвѣ чтобъ выбрать Государя на Московское Государство; а гетманъ Желтовской со всѣми Литовскими людьми и Иванъ

Салтыковъ съ Рускими людьми стоитъ подъ Москвою на Сѣтуни, и изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали. И мы, всѣмъ Московскимъ Государствомъ, совѣтовавъ съ святѣйшимъ съ Ермогеномъ Патріархомъ всея Русіи, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ бояры, и съ окольничими, и съ дворяны, и съ дьяки думными, и стольники, и съ стряпчими, и съ дьяки, и съ дворяны, и съ дѣтьми боярскими, и съ гостьми, и съ торговыми людьми, и стрѣльцы, и казаки, и со всякими служивыми и съ жилецкими людьми всего Московскаго Государства, цѣловали крестъ Королевичу Владиславу Жигимонтовичу на томъ: что ему Государю быть на Владимерскомъ и на Московскомъ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи, въ нашей православной Христіанской вѣрѣ Греческаго закона. А съѣздъ былъ подъ Москвою съ корунскимъ гетманомъ съ Станиславомъ Станиславовичемъ Желтовскимъ, и по договору съ гетманомъ, записи межъ себя разнесли и крестъ цѣловали, что намъ послати бить челомъ Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, чтобъ онъ Государь пожаловалъ далъ намъ сына своего Владислава Королевича на Московское Государство Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи; и къ Королю идутъ о томъ бояре бити челомъ, чтобъ Король Жигимонтъ пожаловалъ намъ сына своего Владислава Королевича на Государство. И которые Литовскіе люди подъ городы и въ войнѣ, и къ тѣмъ ко всѣмъ гетманъ писалъ, а велѣлъ отъ городовъ и изъ войны всѣмъ Литовскимъ людемъ къ себѣ итти; а самъ, дождався съ Литовскими людьми, хочетъ отъ Москвы отойти прочь. А по которой записи мы и всего Московскаго Государства цѣловали крестъ, и тое запись послали къ вамъ, подклея подъ сю грамоту, и вамъ бы со всѣми людьми по той записи крестъ цѣловати; и какъ крестъ поцѣлуете, и вамъ бы о томъ къ намъ отписати. Писана на Москвѣ, лѣта 7581, Августа въ 19 день.

*

Крестоприводная Запись.

Целую сеі святыи и животворящеи крестъ Господень на томъ: что святейшему Ермогену Патриарху Московскому и всеа Русиі, и Митрополитомъ, и Архиепископомъ, и Епископомъ, и Архимаритомъ , и Игуменомъ и всему освященному собору, и бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ, и діакомъ думнымъ, и столникомъ, и дворяномъ, и стряпчимъ, и діакомъ, и жилцомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и головамъ стрелецкимъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и детемъ боярскимъ, и гостемъ и торговымъ людемъ, и стрелцомъ, и казакомъ, и пушкаремъ, і всѣхъ чиновъ служивымъ и жилетцкимъ людемъ Московского Государства послати бити челомъ к Великому Государю к Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому, и к сыну его Великому Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичу, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ насъ, далъ на Владимерское и на Московское и на всѣ великие Государства Росиіского Царствия сына своего Владислава Королевича; о чемъ святейшеи Ермогенъ Патриархъ Московскиі и всеа Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ Бога молятъ, и Государя Владислава Королевича на Росиіское Государство хотятъ с радостью. А мы, бояре, и околничие, и дворяне, и дьяки думные, и столники, и дворяне, и стряпчие, и дьяки, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрелцы, и казаки, и пушкари, і всѣхъ чиновъ служивые и жилетцкие люди Московского Государства, Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю и детемъ его, которыхъ ему Государю Богъ дастъ, целуемъ святыи и животворящеи крестъ Господень на томъ: что намъ ему Государю и детемъ его вовеки служити и добра хотѣти во всѣмъ, какъ и прежнимъ прироженымъ Великимъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі; а лиха ему Государю и детемъ

ево намъ не хотѣти, ни думати, ни мыслити, и иного никого изъ Московскаго Государства и изыныхъ Государствъ на Московское Государство, опричь Государя Владислава Королевича, не хотѣти по сему крестному целованью; а ему Государю дѣлати во всемъ по нашему прошенью, и по договору пословъ Московского Государства з Государемъ з Жигимонтомъ Королемъ, и по утверженнои записи гетмана Станислава Станиславовича Желковскаго.

№ XV.

НАКАЗЪ

Посламъ отправленнымъ отъ Московскаго Государства къ Польскому Королю Сигизмунду III въ 1610 году.

Лѣта 7581, Августа въ 17 день, святѣишеи Ермогенъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі, и Митрополиты, и Архиепискупы, і Епискупы, і Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, і околничие,....ряне, и дьяки думные, і столники, і стр....., и дьяки, и жилцы, и дворяне изъ горо......... вы стрелецкие, і приказные люди, і дети . ..ские, и гости і торговые люді, і стрелцы, ...заки, і пушкари, і всякихъ чиновъ Московского Государства служилые і жилетцкие люді, совѣтовавъ приговорили ѣхати бити челомъ к Великому Государю к Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому, и к сыну его к Великому Государю х Королевичю ко Владіславу Жигимонтовичю, Митрополиту Өиларету Ростовскому і Ярославскому, да Боярину Князю Василью Васильевичю Голицыну, да околничему Князю Данилу Ивановичю ..зетцкому, да думному дворянину Василью Борисовичю Сукину, да ... ... думному Томилу Луговскому, да Сыдавному

Васильеву; да с нимижъ вмѣсте ото всего Московского Государства ізо всѣхъ чиновъ людемъ, а списки тѣмъ людемъ даны боярину Князю Василью Васильевичю :....... Нынешнего 791 года, Июля въ 18 день, били челомъ Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичу всеа Русиі всѣхъ чиновъ люді Московского Государства, что в Московскомъ Государстве при немъ Государе многие городы не похотѣли ему Государю служити, и отъ того многая смута в Московскомъ Государстве дѣлаетця; і Государь Царь і Великиі Князь Василеи Івановичь всеа Русиі, о томъ порозсудя і не хотя Крестьянские крови, Государство отставилъ. А бояре, і околничие, и дворяне, и дьяки думные, і столники, і стряпчие, и дьяки, і жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і приказные люді, и дети боярские, і гости і торговые люді, і стрелцы, и казаки, і пушкари, і всякихъ чиновъ служилые і жилетцкие люді говорили і совѣтовали, чтобъ имъ, прося у Бога милости и у пречистые Богородицы и у великихъ чюдотворцовъ и у всѣхъ святыхъ, избирати на Владимерское і Московское і на всѣ великие Государства Росииского Царствия Государя; и говоря і совѣтовавъ о томъ, приговорили бити челомъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ, далъ на Владимерское и Московское і на всѣ великие Государства Росиискаго Царствия Государемъ сына своего болшого Королевича Владислава Жигимонтовича; а Королевичюбъ Владиславу Жигимонтовичю пожаловати креститися в православную Христьянскую вѣру Греческого закона. А на каковѣ мѣре Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю на Московскомъ Государстве Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі быти, и о томъ, по благословенію і по совѣту святѣишего Гермогена Патриарха Московского і всеа Русиі, і Митрополитовъ, і Архиепискуповъ, і Епискуповъ і всего освященного собора, и боляръ, і околничихъ і всѣхъ чиновъ людеи Московского Государства, бояре Князь Ѳедоръ Івановичь Мстиславской, да Князь Василеи Васильевичь Голицынъ, да Ѳедоръ Івановичь Шереме-

тевъ, да околничеи Князь Данило Івановичь Мезетской, да думные діаки Василеи Телепневъ, да Томило Луговской, съезжалися и говорили Великого Государя Жигимонта Короля Полского і Великого Князя Литовского съ его Государскимъ паномъ радою з гетманомъ с Станиславомъ Станиславовичемъ Желковскимъ и з бояриномъ сЫваномъ Михаиловичемъ Салтыковымъ с товарыщі, по договору бояръ Михаила Глѣбовича Салтыкова с товарыщі; и о которыхъ статьяхъ гетманъ з бояры договоръ учинилъ, і о тѣхъ статьяхъ бояре з гетманомъ написали утверженные записи, і на своеи записи гетманъ Желковскии і полковники і ротмистры целовали крестъ за Короля і за Королевича, і за коруну Полскую и за Великое Княжество Литовское, и за себя і за всю рать, которая с Королемъ и с нимъ з гетманомъ, и руки свои приписали і печать свою гетманъ приложилъ. А бояре, и околничие, и дворяне, и дьяки думные, и столники, и дворяне, і стряпчие, и дьяки, і жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люді, і дети боярские, и гости і торговые люді, и стрелцы, і казаки, и пушкарі, і всѣхъ чиновъ служилые і жилетцкие люди Московского Государства целовали крестъ на томъ: что святѣишему Ермогену Патриарху Московскому і всеа Русиі, и Митрополитомъ, и Архиепискупомъ, і Епискупомъ, и Архимаритомъ, и Игуменомъ і всему освященному собору, и бояромъ, і околничимъ, и дворяномъ, и дьякомъ думнымъ, і столникомъ, и дворяномъ, і стряпчимъ, и дьякомъ, і жилцомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и головамъ стрелецкимъ, і всякимъ приказнымъ людемъ и детемъ боярскимъ, і гостемъ і торговымъ людемъ, и стрелцомъ, и казакомъ, і пушкаремъ, и всѣхъ чиновъ служилымъ і жилетцкимъ людемъ Московского Государства, послати бити челомъ к Великому Государю к Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому, и к сыну его к Великому Государю нашему х Королевичю Владиславу Жигимонтовичу, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ, далъ на Владімерское и Московское і на всѣ великие Государства Росииского Царствия сына своего Владислава Королевича; о чомъ

святейшеи Гермогенъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі, і Митрополиты, і Архиепископы, і Епискупы, і-Архимариты, і Игумены і весь освященный соборъ Бога молятъ, и Государя Владіслава Королевича на Росиіское Государство хотятъ с радостью. А бояре, і околничие, и дворяне, и дьяки думные, і столники, і дворяне, і стряпчие, и дьяки, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякіе приказные люді, и дети боярские, і гости, и торговые люді, и стрелцы, и казаки, і пушкари, і всѣхъ чиновъ служилые і жилетцкие люді Московского Государства Великому Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичю и дѣтемъ его, которыхъ ему Государю Богъ дастъ, целовати святыи і животворящии крестъ Господень на томъ: что ему вовеки служити і добра хотѣти во всемъ, какъ и прежнимъ прирожепнымъ Великимъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі; а лиха ему Государю і дѣтемъ его не хотѣти, ни думати, ни мыслити, и іново никово изъ Московского Государства і иныхъ Государствъ на Московское Государство, опричь Государя Владіслава Королевича, не хотѣти: а ему Государю дѣлати во всемъ по прошенью всѣхъ людеи Росиіского Царствія, і по договору пословъ Московского Государства с Великимъ Государемъ з Жигимонтомъ Королемъ, і по утвержепнои записи гетмана Станислава Желковского. А о крещенье, чтобъ Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичю пожаловати креститися въ православную Христьянскую вѣру Греческаго закона, і быти въ православнои Христьянскои Греческои вѣре, и о иныхъ статьяхъ сказалъ гетманъ, отъ Короля науки не имѣетъ; а приговорилъ о томъ зъ бояры, что послати о томъ ото всего Московского Государства бити челомъ і договоръ чинити к Великому Государю Жигимонту Королю и х Королевичу Владіславу Жигимонтовичю. І для того святѣишеи Ермогенъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі, і Митрополиты, и Архиепискупы, і Епискупы, и Архимариты, і Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, і околничие, и дворяне, и дьяки думные, і стольники, и дворяне, и стряпчие, и дьяки, и жилцы, и дворяне із

городовъ, і головы стрелецкие, і всякие приказные люді, и дети боярские, и гости і торговые люді, и стрелцы, и казаки, і пушкарі, і всѣхъ чиновъ служилые і жилетцкие люді Московского Государства приговорили ѣхати бити челомъ к Великому Государю Жигимонту Королю, и к сыну его к Великому Государю х Королевичю ко Владіславу Жигимонтовичю о томъ, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ отпустилъ па Владимерское и Московское и на всѣ великие Государства Росиіского Царствия сына своего Великого Государя Королевича Владислава Жигимонтовича; а Государь бы Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ крестился въ православную Христьянскую вѣру Греческого закона, и о иныхъ статьяхъ, о которыхъ сказалъ гетманъ, что у него науки отъ Короля нѣтъ; а каковы утверженныя записи бояре з гетманомъ постановили і закрепили, и боярину Князю Василью Васильевичу с товарыщі с тѣхъ с утверженныхъ записеи даны списки слово въ слово.

И Митрополиту Филарету, и бояріну Князю Василью Васильевичю с товарыщі, и всѣхъ чиновъ людемъ Московского Государства ѣхати к Великому Государю къ Жигимонту Королю, гдѣ Король будетъ, не мешкая нигдѣ. А какъ приѣдутъ в Полскіе и Литовские полки, которые стоятъ подъ Москвою, и имъ обослатися з гетманомъ с Станиславомъ Желковскимъ, что ѣдутъ они отъ Патриарха и ото всего освященного собора і ото всѣхъ чиновъ людеи Росиіского Государства к Великому Государю къ Жигимонту Королю, и къ сыну его к Великому Государю х Королевичу ко Владіславу Жигимонтовичю, для доброво земского дѣла; и гетманъ бы далъ имъ приставовъ, чтобъ имъ дорогою отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людеи и ото всякихъ ратныхъ людеи до Короля пройти здорово, безо всякихъ зацѣпокъ і безъ задержанья; а х Королюбъ гетманъ отписалъ же, что они с Москвы пошли, чтобъ Королевскому Величеству про нихъ было вѣдомо. Да какъ имъ гетманъ приставовъ дастъ, и Митрополиту Филарету и бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі итти х Королю на Можаескъ, да на Вязму, да па Дорогобужъ, да

к Смоленску въ Королевские полки, гдѣ Король стоитъ; а изъ Можаиска, или с котораго мѣста пригожъ, послати напередъ себя подъ Смоленскъ изъ дворянъ, ково пригожъ, к Великому Государю къ Жигимонту Королю и с нимъ х Королю отписати, что ідутъ они к нему к Великому Государю къ Жигимонту Королю, и к сыну его к Великому Государю х Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю отъ Патриарха и ото всего освященного собора, и отъ бояръ и ото всякихъ чиновъ людеи всего Росиискоrо Царствия; і Великиі бы Государь Жигимонтъ Король Полскиі и Великиі Князь Литовскиі пожаловалъ велѣлъ к нимъ прислати на встрѣчю приставовъ, чтобъ имъ отъ его ратныхъ людеи шкоты никакие не учинилося, і проѣхатибъ имъ здорово. А отпустя х Королю, самимъ итти в Королевские полки с тѣми приставы, которохъ с ними пошлетъ гетманъ Станиславъ Желковскиі; а гдѣ будетъ ихъ Королевские приставы встрѣтятъ, і имъ итти с Королевскими приставы і стати туто, гдѣ имъ Королевские приставы мѣсто укажутъ. А ставъ і устроями, приказати с приставы къ паномъ радамъ, чтобъ Король пожаловалъ велѣлъ имъ быти у себя, і видетибъ имъ Его Королевское Величество и сына его Великого Государя нашего Королевича Владислава Жигимонтовича, ихъ Государские очи, не замешкавъ.

Да какъ Король и Королевичь пожалуютъ велятъ имъ быти у себя, и Митрополиту Ѳиларету и боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі і всѣхъ чиновъ людемъ итти х Королю и х Королевичю; а пришедъ, правити Королю отъ Патриарха и ото всего освященного собора, и отъ бояръ, и от околничихъ, и отъ дворянъ, и отъ діаковъ думныхъ и ото всякихъ чиновъ людеи челобитье, а молыти Митрополиту Ѳиларету:

«Божиею милостию, Великиі Государь Жигимонтъ Король Полскиі і Великиі Князь Литовскиі, Рускиі, Прускиі, Жемоитцкиі, Мазоветцкиі, Киевскиі, Волынскиі, Подолскиі, Подляшскиі, Ифлянскиі, Эстонскиі, и иныхъ, и дѣдичныи Король Шветцкиі, Кготцкиі, Вандалскиі, Княжато Видлянское и иныхъ! Святеишеи Ермогенъ Патриархъ Московскиі і всеа

Русні, и Митрополиты, и Архиепископы, і Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ Бога молятъ і вамъ Великиму Государю человъ бьютъ.»

А после того говорити боярину Князю Василью Васильевичю, а молыти:

«Божиею милостию, Великиі Государь Жигимонтъ Король Полскиі и Великиі Князь Литовскиі, Рускиі, Прускиі, Жемонтцкиі, Мазоветцкиі, Киевскиі, Волынскиі, Подолскиі, Подляскиі, Ифлянскиі, Эстонскиі, і иныхъ, і дѣдичныи Король Шведцкиі, Кготцкиі, Вандалскиі, Княжато Финлянское і иныхъ! Бояре Князь Федоръ Івановичь Мстиславскои съ товарыщі и всего великого Московского Государства всѣхъ чиновъ люді вамъ Великому Государю человъ бьютъ.»

А будетъ туто при Королѣ сынъ его Великиі Государь Королевичь Владіславъ Жігимонтовичь, и Митрополиту Філарету и боярину Князю Василью Васильевичю с товорыщі правиті челобитье Великому Государю Королевічю Владіславу Жигимонтовичю, а молыти Митрополиту Филарету:

«Великіи Государь Королевичь Владиславъ Жігимонтовичь! Богомолцы твои святѣішиі Ермогенъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі, и Митрополиты, і Архиепископы, і Епископы, і Архимариты, і Игумены і весь освященныи соборъ о вашемъ Государскомъ здоровье Бога молятъ, і вамъ избранному, Божіею милостию, Великому Государю Царю і Великому Князю Владіславу Жігимонтовічю всеа Русні человъ бьютъ.»

А после того молыти боярину Князю Василью Васильевичю:

«Великиі Государь Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь! Вашего Государскаго Величества Росиіского Государства бояре Князь Федоръ Івановичь Мстиславскоі с товарыщі, і всего великого Московского Государства всѣхъ чиновъ люді вамъ избранному, Божіею милостию, Великому Государю Царю і Великому Князю Владіславу Жігимонтовичю всеа Руссиі человъ бьютъ.»

А после того подати Королю вѣрющие грамоты; а подавъ вѣрющее грамоты, говорити рѣчь Королю.

Боярину Князю Васисью Васильевичю:

«Божіею милостію вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому святѣішія Гермогенъ Патріархъ Московскія і всеа Русиі, и Митрополиты, і Архиепискупы, и Епискупы, і Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, и дворяне, дьяки думные и стольники и дворяне і стряпчие, и дьяки, і жилцы, и дворяне, изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люді, і дети боярские, и гости, і торговые люді, и стрелцы, и казаки, і пушкарі, і всѣхъ чиновъ служилые і жилетцкие люді великого Росииского Царствия велѣли бити челомъ. Былъ на Росиискомъ Царствии Государь Царь і Великиі Князь Василеи Івановичь всеа Русиі, и при его Государстве многие городы не похотѣли ему Государю служіти, і отъ того учала быти многая смута и рознь, і во многихъ мѣстехъ учали называтися многие воры Государскимі детми, и многая Христьянская кровь отъ того лилася; и Московского Государства всѣхъ чиновъ люді били челомъ Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичю всеа Русиі, чтобъ кровь Христьянскую унялъ, Государство отставилъ, и Государь Царь і Великиі Князь Василеи Івановичь всеа Русиі, о томъ порозсудя і не хотя видети Христьянского кроворозлитья, Государство отставилъ. И святѣишиі Ермогенъ Патріархъ Московскій і всеа Русиі і весь освященныи соборъ, и боярс, и околничие, і всѣхъ чиновъ служилые і жилетцкие люді великого Московсковского Государства говорили і совѣтовали, чтобъ, прося у Бога милости і у пречистые Богородицы и у великихъ чудотворцовъ і у всѣхъ святыхъ, изобрати на Владимерское і на Московское и на всѣ великие Государства Росииского Царствия Государя Царя і Великого Князя всеа Русиі.»

Околничему Князю Данилу Івановичю:

«Божиею милостію, вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому святѣишиі Гермогенъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі, и Митрополиты, и Архиепискупы, і Епискупы, и Архимариты, і Игу-

мены і весь освященный соборъ, и бояре, і околничие, и всѣ думные люди, і всѣхъ чиновъ служилые и приказные і жилетцкие люди великого Росийского Царствия велѣли бити челомъ. И совѣтовавъ о томъ Патриархъ Ермогенъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре, і околничие і всѣхъ чиновъ люді Московского Государства приговорили бити челомъ вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому, и сыну вашему Великому Государю Королевичю Владіславу Жигимонтовичю, чтобъ вы Великиі Государь пожаловали дали на Владімерское і на Московское и на всѣ великие Государства Росийского Царствия Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русві сына своего Королевича Владислава Жигимонтовича; а сынубъ твоему, Государю нашему, Королевичю Владиславу Жигимонтовичу пожаловати креститись въ нашу православную Христіанскую вѣру Греческаго закона, и быти бы ему Государю на Россійскомъ Царствіи Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руссіи въ нашей православной Христіанской Греческой вѣрѣ, какъ были прежніе Великіе Государи наши Цари и Великіе Князи Россійскіе. И по благословенію и по совѣту святѣйшаго Ермогена Патріарха Московскаго и всея Руссіи, и Митрополитовъ, и Архіепискуповъ и Епискуповъ и всего освященнаго собору, и бояръ, и окольничьихъ, и дворянъ, и дьяковъ думныхъ, и всякихъ чиновъ людей Московскаго Государства, бояре Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, да Князь Василей Васильевичь Голицынъ, да Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, да околничей Князь Данило Ивановичь Мезецкой, да думные дьяки Василей Телепневъ, да Томило Луговской съѣзжались о томъ и о иныхъ Государственныхъ и о земскихъ дѣлехъ говорити и становити съ вашимъ Государьскимъ паномъ радою Станиславомъ Станиславовичемъ Желкевскимъ съ Желкви, съ воеводою Кіевскимъ, съ гетманомъ коруны Польскія, старостою рогатынскимъ, Каменецкимъ и Калускимъ, и съ бояриномъ съ Иваномъ Михайловичемъ Салтыковымъ съ товарыщи, по договору бояръ Михаила Глѣбовича Салтыкова съ товарыщи.»

Думному дворянину Василью Борисовичу:

«Божіею милостію, вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Польскому и Великому князю Литовскому святѣйшій Ермогенъ Патріархъ Московскій и всея Русіи, и Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и Архимариты, и Игумены и весь освященный соборъ, и бояре, и околничьи, и всѣ думные люди, и всѣхъ чиновъ приказные и служивые и жилетцкіе люди великаго Россійскаго Царства велѣли бити челомъ. О которыхъ дѣлехъ гетманы съ бояры со Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ съ товарыщи договоръ учинили и постановили, и о тѣхъ дѣлѣхъ и записи утверженныя пописали съ обѣ стороны, и на своей записи гетманъ и полковники и ротмистры, которые съ нимъ, на всѣхъ статьяхъ, которыя въ той записи писаны, крестъ целовали за васъ Великаго Государя, и за вашего Государскаго сына за Королевича Владислава Жигимонтовича, и за ваши великія Государства за коруну Польскую и за Великое Княжство Литовское, и за себя и за всю рать, которая съ вами Великимъ Государемъ и съ нимъ съ Гетманомъ; а великого Московскаго Государства бояре Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской съ товарыщи на своей записи крестъ цѣловали и печатьми своими запечатали, а дьяки думные руки свои приписали. Да и всѣ бояре, и окольничие, и дворяне, и дьяки думные, и стольники, и дворяне, и стряпчіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрѣлетцкіе, и всякіе приказные люди, и дѣти боярскіе, и гости, и чорные люди, и всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди Московскаго Государства цѣловали крестъ на томъ: что святѣйшему Ермогену Патріарху Московскому и всея Русіи и всему освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и всѣхъ чиновъ служилымъ и жилетцкимъ людямъ Московскаго Государства бити челомъ къ вамъ Великому Государю къ Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, и к вашему Государскому сыну к Великому Государю х Королевичю Владіславу Жигимонтовичю, чтобъ вы Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ насъ, далъ на Владімерское і

Московское і на всѣ великіе Государства Росиского Царствия сына своего Владіслава Королевича.»

Думному діаку Томилу:

«Божиею милостию, вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому святѣйшиі Ермогенъ Патриархъ, и Митрополиты, и Архиепископы, і Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, і всѣ думные люді, і всѣхъ чиновъ служилые і приказные і жилетцкие люді великого Росиского Царствия велѣли бити челомъ. Святѣишиі Ермогенъ Патриархъ Московскій и всеа Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, і Игумены і весь освященныи соборъ о томъ Бога молятъ, і Государя Владіслава Королевича на Росиское Государство хотятъ с радостью. А бояре всѣ, и околничие и дворяне, и діаки думные, і столники, и дворяне, і стряпчие, и дьяки, і жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люді, і дети боярские, и гости, и торговые люді, и стрелцы, и казаки, і пушкари, і всѣхъ чиновъ служилые і жилетцкие люді Московского Государства Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю, и дѣтемъ его, которыхъ ему Государю Богъ дастъ, целовали святыи і животворящиі крестъ Господень, на томъ: чтобъ намъ ему Государю і дѣтемъ его вовѣки служити і добра хотѣти во всемъ, какъ і прежнимъ прирожеппымъ Великимъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі; а лиха ему Государю и дѣтемъ его намъ не хотѣти, ни думати, ни мыслити, и иного ни кого изъ Московского Государства и ізыныхъ Государствъ на Московское Государство, опричь Государя Владислава Королевича, не хотѣти: а ему Государю, будучи на Московскомъ Государстве, пожаловати дѣлати во всемъ по нашему прошенью, и подоговору насъ Московского Государства пословъ с вами Великимъ Государемъ Жигимонтомъ Королемъ, и по утвержениои записи гетмана Станислава Станиславовича Желковскаго.»

Діаку Сыдавному:

«Божіею милостию, вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому святѣишін Ермогенъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архиепискупы, і Епискупы, и Архимариты, і Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, і всѣ думные люди, і всѣхъ чиновъ служилые і приказные і жилетцкие люді великого Росиского Царствия велѣли бити челомъ; а оболшомъ дѣле о крещеньe, чтобъ Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь крестился въ нашу православную Христьянскую вѣру Греческого закона, и бытибъ ему Государю в нашеи православнои Христьянскои вѣре, и о иныхъ о многихъ статьяхъ гетманъ Желковскиі вашие Государские науки у себя не сказалъ; а приговорили о томъ послати бити челомъ вамъ Великому Государю и вашему Государскому сыну Королевичю Владіславу Жигимонтовичю ото всего Московского Государства пословъ. И святѣішиі Ермогенъ Патріархъ Московскиі і всеа Русиі, и Митрополиты, і Архиепискупы, і Епискупы, и весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, і всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люді великого Росиского Царствия прислали насъ бити челомъ к вамъ Великому Государю Жигимонту Королю и к вашему Государскому сыну х Королевічю ко Владіславу Жигимонтовичю, чтобъ вы Великиі Государь пожаловалъ отпустилъ на Владімерское і на Московское і на всѣ великие Государства Росиского Царствия Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русиі сына своего Королевича Владислава Жигимонтовича; а Государь бы нашъ Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь пожаловалъ крестился в нашу православную Христьянскую вѣру Греческого закона, и былъ бы онъ Государь в нашеи православной Христьянскоі Греческои вѣре, какъ были прежние Великие Государи наши Цари і Великие Князи Росиские, чтобъ ево Государя встрѣтити іс царствующаго града Москвы с чюдотворными образы і с честными і животворящими кресты Патріарху, і Митрополитомъ, і Архиепискупомъ, і Епискупомъ і всему

освященному собору, и бояромъ і всѣмъ людемъ, по Царскому чину і достоянью.»

Боярину Князю Василью Васильевичю:

«Божіею милостию, вамъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому святѣйшии Ермогенъ Патріархъ Московскиі і веса Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, і Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре и всѣ думные люді, і всѣхъ чиновъ служилые і приказные і жилетцкие люді великого Росииского Царствия велѣли бити челомъ, чтобъ Государь нашъ Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь пожаловалъ шолъ на свои Царскои престолъ в царствующиі градъ Москву не мешкая, чтобъ великие Государства Росииские, видя его Царские пресвѣтлые очи, наполнилися радости і прияли бъ покои и тишину; а для подлинного становленья о болшомъ дѣле о крещенье Государя нашего Королевича Владислава Жигимонтовича, і о иныхъ Государственныхъ і о земскихъ дѣлехъ, пожаловали бъ вы Великиі Государь велѣлъ с нами говорити і становити паномъ радамъ.»

А изговоря рѣчь Жигимонту Королю, говорити рѣчь Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю.

Боярину Князю Василью Васильевичю:

«Великиі Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь! Святѣишии Гермогенъ Патриярхъ Московскиі і веса Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, и дворяне, и діяки думные, и столники, и дворяне, и стряпчие, и діаки, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрелцы, и казаки, и пушкари, і всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди великого Росииского Царствия, ваши Государские подданые, вамъ избран-

ному, Божiею милостiю, Великому Государю Царю i Великому Князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русi велѣли бити челомъ. Былъ на Росиискомъ Царствии Государь Царь i Великии Князь Василеи Iвановичь всеа Русi, и при его Государстве многие городы не похотѣли ему Государю служити, и отъ того учала быти многая смута и розпь, i во многихъ мѣстехъ учали называтися многие воры Государьскими детми, и многая Христьянская кровь отъ того пролилася; и Московского Государства всѣхъ чиновъ люди били челомъ Государю Царю i Великому Князю Василью Iвановичю всеа Русi, чтобъ кровь Христьянскую унялъ, Государствобъ отставилъ; и Государь Царь i Великiи Князь Василеи Iвановичь всеа Русi, о томъ порозсудя и не хотя видети Христьянского крворозлитья, Государство отставилъ. И святѣишии Ермогенъ Патриярхъ Московскии i всеа Русi i весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, i всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди Московского Государства говорили и совѣтовали, чтобъ, прося у Бога милости и у пречистые Богородицы и у великихъ чюдотворцовъ и всѣхъ святыхъ, изобрати на Владимерское и на Московское и на вс҃ѣ великие Государства Росиiского Царствия Государя Царя i Великого Князя всеа Русi.»

Околничему Князю Данилу Iвановичю:

«Великiи Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь! Святѣишии Ермогенъ Патриярхъ Московскии i всеа Русi, и Митрополиты, и Архиепископы и Епископы, и Архимариты, и Игумены i весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, и всѣ думные люди, i всѣхъ чиновъ служилые и приказные и жилетцкие люди великого Росиiского Царствия, ваши Государские подданые, вамъ избранному, Божiею милостiю, Великому Государю Царю i Великому Князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русi велѣли бити челомъ; и совѣтовавъ о томъ Патриярхъ Ермогенъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре, и околничие i всѣхъ чиновъ люди

Московского Государства приговорили бити челомъ отцу твоему Великому Государю Жигимонту Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, и вамъ Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ отецъ твои Великии Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ далъ на Владимерское и на Московское и на всѣ великие Государства Роспискаго Царствия Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі васъ, сына своего, Великого Государя Королевича Владислава Жигимонтовича: а вамъ бы Великому Государю пожаловати крестітисябъ в нашу православную Христьянскую вѣру Греческого закона, и бытибъ вамъ Великому Государю на Росписком Царствии Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русии в нашеи православнои Христьянскои в Греческои вѣре, какъ были и прежние Великие Государи наши Цари і Великие Князи Росписких. И по благословению и по совѣту святѣишего Ермогена Патриярха Московского и всеа Русии, и Митрополитовъ, и Архиепископовъ, и Епископовъ і всего освященного собора, и бояръ, и околничихъ, и дворянъ, и дьяковъ думныхъ і всякихъ чиновъ людеи Московского Государства, бояре Князь Өедоръ Іванович Мстиславскои, да Князь Василеи Васильевичь Голицынъ, да Өедоръ Івановичь Шереметевъ, да околничеи Князь Данило Івановичь Мезетскои, да думные діаки Василеи Телеппевъ, да Томило Луговскои сьежалися о томъ и о иныхъ Государственныхъ и о земскихъ дѣлехъ говорити и становити, отца вашего Великого Государя Жигимонта Короля с паномъ радою с Станиславомъ Станиславовичемъ Желкевскимъ з Желкви, с воеводою Киевскимъ, з гетманомъ коруны Полские, с старостою Рогатынскимъ, Каменитцкимъ и Калускимъ, и с вашимъ Государскимъ бояриномъ с-Ываномъ Михаиловичемъ Салтыковымъ с товарыщи, по договору вашихъ же Государскихъ бояръ Михаила Глѣбовича Салтыкова с товарыщи.»

Думному дворянину Василью Борисовичю:

«Великиі Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь! Святѣишии Ермогенъ Патриярхъ Московскии і всеа Русиі, и

Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы, и Архимариты и Игумены і весь освященный соборъ, и бояре, і всѣ думные люди, і всѣхъ чиновъ служилые и приказные и жилетцкие люди великого Росийского Царствия, ваши Государские подданые, вамъ избранному, Божиею милостию, Великому Государю Царю і Великому Князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русии велѣли бити челомъ. И о которыхъ дѣлехъ гетманъ з бояры со Княземъ Ѳедоромъ Івановичемъ Мстисловскимъ с товарыщи договоръ учинили и постановили, и о тѣхъ дѣлехъ и записи утверженные пописали с обе стороны, и на своеи записи гетманъ и полковники и ротмистры, которые с нимъ, на всѣхъ статьяхъ, которые в той записи писаны, крестъ целовали за отца твоего Великого Государя Жигимонта Короля, и за васъ Великого Государя, и за великие Государства за корону Полскую и за Великое Княжество Литовское, и за себя и за всю рать, которая с отцомъ твоимъ с Великимъ Государемъ Жигимонтомъ Королемъ и с нимъ з гетманомъ, и руки свои приписали и печать свою гетманъ приложилъ; а великого Московского Государства бояре Князь Ѳедоръ Івановичь Мстисловской с товарыщи на своеи записи крестъ целовали и печатми своими запечатали, а діаки думные руки свои приписали. Да и всѣ бояре, и околничие, и дворяне, и діаки думные, и столники, и дворяне, и стряпчие, и діаки, и жилцы и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, і всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди Московского Государства целовали крестъ на томъ: что святѣишему Ермогену Патриярху Московскому і всеа Русии и всему освященному собору, и бояромъ, и околничимъ, і всѣхъ чиновъ служилымъ и жилетцкимъ людемъ Московского Государства послати бити челомъ к отцу твоему Великому Государю Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому, и к вамъ Великому Государю х Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ отецъ твой Великий Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ далъ на Владимерское и Московское и на всѣ великие Государства Росийского Царствия

сына своего, васъ Великого Государя Владислава Королевича.»

Думному діаку Томилу Луговскому:

«Великии Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь! Святѣишии Гермогенъ Патриярхъ, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре и всѣ думные люди, і всѣхъ чиновъ служилые и приказные и жилетцкие люди великого Росииского Царствия, ваши Государские подданые, вамъ избранному Божиею милостию, Великому Государю Царю і Великому Князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русии велѣли бити челомъ; а святѣишии Ермогенъ Патриярхъ Московскии і всеа Русии, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ о томъ Бога молятъ, и васъ Великого Государя на Росииское Государство хотятъ с радостью. А бояре всѣ, и околничие, и дворяне, и дьяки думные, и столники, и дворяне, и стряпчие, и діаки, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрелцы, и казаки, и пушкари, і всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди Московского Государства вамъ Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю и вашимъ Государскимъ дѣтемъ, которыхъ вамъ Государю Богъ дастъ, целовали святыи и животворящии крестъ Господень на томъ: что имъ вамъ Великому Государю и дѣтемъ вашимъ вовеки служити и добра хотѣти во всемъ, какъ и прежнимъ прироженнымъ Великимъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі; а лиха вамъ Государемъ и дѣтемъ вашимъ не хотѣти, ни думати, ни мыслити, и иного никого изъ Московского Государства и из-ыныхъ Государствъ на Московское Государствъ на Московское Государство, опричь васъ Великого Государя Владислава Королевича, не хотѣти; а вамъ Великому Государю, будучи на Росииском Царствии, пожаловати дѣлати во всемъ по нашему прошенью, и по договору насъ Московского Государства пословъ съ отцомъ ва-

шимъ Великимъ Государемъ з Жигимонтомъ Королемъ, и по утверженнои записи гетмана Станислава Станиславовича Желковскаго.»

Дiяку Сыдавною:

«Великии Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь! Святѣишии Ермогенъ Патриархъ, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епискупы, Архимариты, и Игумены, і весь освященныи соборъ, и бояре і всѣ думные люди, і всѣхъ чиновъ служилые и приказные и жилетцкие люди великого Росиского Царствия, ваши Государские подданые, вамъ избранному, Божиею милостию, Великому Государю Царю і Великому Князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русиі велѣли бити челомъ; а о болшомъ дѣле о крещенье, чтобъ вы Великии Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ крестился в нашу православную Христьянскую вѣру Греческого закона, и бытибъ вамъ Великому Государю в нашеи православнои Християнскои Греческои вѣре, и о иныхъ о многихъ статьяхъ гетманъ Желковскии вашие Государские науки у себя не сказалъ; а приговорили о томъ послати бити челомъ к отцу твоему к Великому Государю Жигимонту Королю и к вамъ Великому Государю х Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю ото всего Московского Государства пословъ. И святѣишии Гермогенъ Патриархъ Московскии и всеа Русии, и Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, и всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди Росиского Царствия прислали насъ бити челомъ к отцу вашему к Великому Государю Жигимонту Королю и к вамъ Великому Государю х Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ отецъ вашъ Великии Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ отпустилъ васъ Великого Государя на Владимерское и Московское и на всѣ великие Государства Росиского Царствия Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ всеа Русиі; а вамъ бы Великому Государю пожаловати креститися в нашу православную Християнскую вѣру Греческого закона, и бытибъ вамъ Великому Государю в на-

шеи православнои Християнскои Греческои вѣре, какъ были прежние Великие Государи Цари і Великии Князи Росииские, чтобъ васъ Великого Государя встрѣтити изъ царствующаго града Москвы с чюдотворными образы и с честными и з животворящими кресты Патриярху, и Митрополитомъ, и Архиепископомъ, и Епископомъ і всему освященному собору, и бояромъ, и всѣмъ людемъ, по Царскому чину и достоянию.»

Бояриву Князю Василью Васильевичю:

«Великии Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь! Святѣишии Ермогенъ Патриярхъ Московскиі і всея Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, і всѣхъ чиновъ служилые и приказные и жилетцкие люди великого Росииского Царствия, ваши Государские подданые, вамъ избранному, Божиею милостию, Великому Государю Царю і Великому Князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русиі велѣли бити челомъ, чтобъ вы Великии Государь пожаловалъ шолъ на свои Царскои престолъ в царствующии градъ Москву не мешкая, чтобъ ваши великие Государства Росииские, видячи ваши Царские пресвѣтлые очи, наполнилися радости и принялибъ покои и тишину; а для подлинного становленья о болшомъ дѣле о крещенье и о иныхъ вашихъ Государственныхъ и о земскихъ дѣлехъ пожаловалъ бы отецъ вашъ Великии Государь і вы Великии Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь велѣли с нами говорити и становити паномъ радамъ.»

Да какъ после посолства велитъ имъ Король быти у себя, и Митрополиту Филарету, да бояриву Князю Василью Васильевичю с товарыщи і всѣхъ чиновъ людемъ итти х Королю и х Королевичю; и какъ Король пошлетъ ихъ в отвѣтъ с паны радою, и Митрополиту Филарету и бояриву Князю Василью Васильевичю с товарыщи, пришедъ в отвѣтъ, говорити паномъ радамъ:

«О которыхъ дѣлехъ били есмя челомъ на посолстве Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Госу-

дарю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю, и вамъ то вѣдомо; а которые дѣла имъ Государемъ от насъ ещо не объявлены, і вамъ бы паномъ радамъ, о тѣхъ дѣлехъ выслушавъ у насъ, донести о томъ до Великого Государя до Жигимонта Короля и сына его до Великого Государя Королевича Владислава Жигимонтовича, а мы вамъ тѣ дѣла объявимъ по статьямъ.» Да говорити бояриву Князю Василью Васильевичю с товарыщи:

«Божиею милостию, Великому Государю Жигимонту Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, і сыну его Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю святѣйшии Ермогенъ Патриярхъ Московскии і всеа Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, и дворяне, и діаки думные, и столники, и дворяне, и стряпчие, і діаки, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрелцы, и казаки, и пушкари і всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди велѣли бити челомъ:

Первая статья. Чтобъ Великии Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ отпустилъ на Владимерское и на Московское и на всѣ великие и преславные Государства Росииского Царствия сына своего, Государя нашего, Королевича Владислава Жигимонтовича; а Государь бы нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ крестился в нашу православную Христьянскую вѣру Греческого закона. А креститисябъ ему Государю в Смоленску отъ Митрополита Филарета Ростовского и Ярославского, да отъ Архиепискупа Сергея Смоленского и Брянского, и пришолъ бы Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь в царствующии градъ Москву, крестився в нашу православную Христьянскую вѣру Греческого закона, чтобъ ево Государя встрѣтити с чюдотворными образы и с честными и з животворящими кресты Патриярху, и Митрополитомъ, и Архиепискупомъ, и Епискупомъ і всему освя-

щенному собору, и бояром и всѣмъ людемъ Московского Государства, по Царскому чину и достоянию.

Вторая статья. Чтобъ Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ, будучи на Московскомъ Государстве, отъ Папы Римского ихъ закону о вѣре не просилъ и благословения не прималъ, и с нимъ о томъ не ссылался.

Третья статья. Которые будутъ Московского Государства люди духовного чину, или служилые и приказные, которыхъ чиновъ нибуди, для какихъ мѣръ нибуди, или которые гости и торговые люди, для своихъ пожитковъ и для безпошлинной торговли и льготы, похотятъ своимъ малоумием отъ Греческое вѣры отступити к Римской вѣре, и Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю поволити бояромъ и всей землѣ такихъ казнити смертью; а помѣстья і вотчины и дворы и животы имати на себя Государя, чтобъ за то межъ Государей и Государствъ ссоры и мятежу не было, а былибъ Государства в покое і в тишинѣ.

Четвертая статья. Чтобъ Государю Королевичу взяти с собою Государемъ в Московское Государство не Полши и изъ Литвы немногихъ людей, бес которыхъ ему Государю быти нелзѣ; а многихъ бы людей Государь Королевичь пожаловалъ, для нынешнего разоренья и пустоты, в Московское Государство неималъ.

Пятая статья. В титле писатися Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю по томужъ, какъ прежние Великие Государи Цари Росииские в титлехъ писалися; а передъ прежнимъ титла пожаловатибъ ему Государю ни в чемъ не убавливати.

Шестая статья. Какъ благоволитъ Богъ, приспѣетъ время Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю женитися, и ему бы Государю женитися, изобравъ в Московскомъ Государстве православные Християнские Греческие вѣры, у ково ему Государю Богъ благоволитъ.

Семая статья. В утверженныхъ записяхъ, какъ утвержался з бояры гетманъ коруннои Станиславъ Желковской, написано про городы, к Московскому Государству належачие, в кото-

рыхъ ныне Полские и Литовские люди, также и про тѣ, которые ныне за воромъ, а бояры гетманъ приговорилъ, что Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю нашему Владиславу Королевичю тѣ городы со всѣмъ, какъ были до нынешние смуты, к Московскому Государству очистити; і Великии бы Государь Жигимонтъ Король и сынъ его Великии Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, по утверженью Гетмана Станислава Желковского, велѣлъ всѣ тѣ городы со всѣмъ очистити к Московскому Государству, какъ были до нынешние смуты.

Осмая статья. Которые люди будутъ при Государе Королевиче ис Полши и изъ Литвы, и тѣмъ бы людемъ Государь Королевичь помѣстья велѣлъ давати не блиско Литовского рубежа; а в Смоленскубъ і в-ыныхъ порубежныхъ городѣхъ тѣхъ людеи, которые будутъ ис Полши и изъ Литвы, в порубежныхъ городѣхъ помѣстити не велѣлъ, чтобъ в порубежныхъ мѣстахъ в земляныхъ дѣлехъ отъ того межъ Государствъ ссоры не было.

Девятая статья. Которые дворяне, и дети боярские, и стрелцы, и казаки, и пушкари, и всякие служилые и неслужилые люди, и дворянские и детеи боярскихъ, и стрелцовъ, и пушкареи і всякихъ служилыхъ и неслужилыхъ людеи матери и сестры и жены і дѣти і всякие люди Росиинского Государства мужеска полу и женска в нынешнюю смуту при бывшемъ Царѣ Василье взяты в полонъ в Полшу і в Литву, і Великии бы Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ, по утверженью гетмана Станислава Станиславовича Желковского, тѣхъ всѣхъ велѣлъ, сыскавъ, отдати в Московское Государство безъ выкупу по томужъ, какъ и Полские и Литовские люди полковники и ротмистры и шляхта і всякие люди были в полону в Московскомъ Государстве и отданы изъ Московского Государства Гетману Станиславу безъ выкупужъ.

Десятая статья. Московского Государства Патриярхъ, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие и всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди велѣли бити че-

ломъ, чтобъ Великии Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ отъ Смоленска со всѣми своими ратми отступилъ, и тесноты бъ Смоленску никакие чинити не велѣлъ. А въ записи, на чемъ целовалъ крестъ гетманъ Станиславъ Желкевской Царевского Острожку воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людемъ, написано: какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ Государю наяснѣйшему Королевичю Владиславу Жигимонтовичю городъ Смоленскъ, и Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Полскими и Литовскими людми, а порухи и насилства на посаде і в уѣзде никакие не здѣлати; а какъ гетманъ Станиславъ Желковскии утвержался з бояры, и онъ в своемъ утверженье написалъ же, что ему Великому Государю Жигимонту Королю бити челомъ и отписати, чтобъ Король по Смоленску бити не велѣлъ и теснотыбъ никакие городу чинити не велѣлъ. І Великии бы Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ, по утверженью, на чомъ целовалъ крестъ гетманъ Станиславъ Желкевскии, совершилъ, отъ Смоленска отступилъ и теснотыбъ никакие Смоленску и Смоленскому уѣзду чинити не велѣлъ, и людеи бы всѣхъ Полскихъ и Литовскихъ изо всего Смоленского уѣзду велѣлъ вывести.»

А приговорябъ и поставя о тѣхъ статьяхъ, да на тѣхъ бы на всѣхъ статьяхъ, и которые статьи з бояры утвердилъ гетманъ Станиславъ Желковскои, Великии Государь Жигимонтъ Король и сынъ его Государской, Великии Государь нашъ, Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь сами целовали крестъ, и паныбъ рада коруны Полские і Великого Княжества Литовского, и полковники и ротмистры и надпреднѣишее рыцерство по томужъ на тѣхъ записяхъ крестнымъ целованьемъ затвердили, чтобъ то утверженье было крѣпко и неподвижно навеки. А совершивъ и укрепя тѣ дѣла Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю Владиславу Королевичю утверженными грамотами и крестнымъ целованьемъ, пожаловати Великому Государю Жигимонту Королю отпустити сына своего, Великого Государя нашего, Королевича Владислава Жигимонтовича в Московское Государство; а

Великии бы Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ шолъ на свои Царскои престолъ на Росинские Государства не мешкая, чтобъ его великие Государства, будучи безгосударны, не опустѣли и не разорялися; а самъ бы Великии Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ со всѣми Полскими и Литовскими людми и со всею своею ратью изъ Московского Государства шолъ в свое Государство в Полшу і в Литву, и изо всѣхъ городовъ и мѣстъ изъ Московского Государства Полскихъ и Литовскихъ людеи велѣлъ вывести. А какъ будетъ соимъ, и Королевскоебъ Величество поволилъ прісляти на соимъ ото всего Московского Государства пословъ, чтобъ на томъ соиме паны рада коруны Полские і Великого Княжства Литовского и рѣчь посполитая духовная и светцкая то все великое утверженье подкрепили и на тѣхъ утверженныхъ записяхъ крестъ целовали, что тому всему утверженью быти непремѣнну навеки.

А говорити бояри789 Князю Василью Васильевичю, да околничему Князю Данилу Івановичю, да думному дворянину Василью Борисовичю, и дьякомъ думному Томилу Луговскому да Сыдавному Васильеву сѣ статьи росписавъ по себѣ по статьямъ; а будетъ паны рада попросятъ тѣмъ рѣчемъ ихъ писма, и боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи паномъ раде и писмо рѣчемъ своимъ дати; да какъ после того о тѣхъ о всѣхъ статьяхъ учнутъ паны рада з бояры договариватись и постановляти, и боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити о тѣхъ статьяхъ.

Будетъ противъ первые статьи учнутъ имъ паны рада говорити в отвѣте, что Великии Государь Жигимонтъ Король, по прошенью Патриярха і всего освященного собора, и бояръ, и околничихъ, и дворянъ, и діаковъ думныхъ и всѣхъ людеи Росиискою Государства, сына своего Королевича Владислава Жигимонтовича на Росииские Государства Государемъ дастъ; а быти Королевичю в Рымскои вѣре, а васъ никого Королевичь отъ вѣры не отводить и ни в чемъ вашеи вѣре порухи чинити не будетъ, о томъ и прежъ сего Король отвѣтъ свои далъ боярину Михаилу Глѣбовичю Салтыкову, и

пыне о томъ гетманъ Станиславъ Желкевскии з бояры договоръ учинилъ и записми с обе стороны утвердили, и по тому утверженью Король и Королевичь во всемъ учнутъ держати крѣпко и стоятелно.

I боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «о которыхъ статьяхъ бояре з гетманомъ договоръ учинили и закрепили утверженными записми и крестнымъ целованьемъ, то намъ вѣдомо; а о болшомъ дѣле, что Государю Королевичю креститися в православную в нашу Християнскую вѣру Греческого закона, и о иныхъ о многихъ статьяхъ гетманъ Королевские науки у себя не сказалъ, а написано в утверженныхъ записяхъ, что о крещенье и о иныхъ статьяхъ послати Патриярху и бояромъ і всему Московскому Государству бити челомъ и становити к Великому Государю к Жигимонту Королю и к сыну его к Великому Государю Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю. I великого Росииского Царствия Патриярхъ Ермогенъ, и Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы, и Архимариты, и Игумены і весь освященныи соборъ Росииского Царствия, и бояре, и околничие, и дворяне, и діаки думные, и столники, и дворяне, и стряпчие, и діяки, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и головы стрелетцкие, і всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, і всѣхъ чиновъ служилые и жилетцкие люди Московского Государства прислали насъ бити челомъ Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю нашему Королевичю Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ крестился в нашу в православную Християнскую вѣру Греческого закона, и пришолъ бы Государь на свои Царскои престолъ в царствующии градъ Москву, крещенъ в православнои Християнскои вѣре Греческого закона, чтобъ его Государя встрѣтити с чюдотворными образы и с честными и з животворящими кресты Патриярху, и Митрополитомъ, и Архиепискупомъ, и Епискупомъ, і всему освященному собору, і бояромъ і всѣхъ чиновъ людемъ Московского Государства, по Царскому достояншю; і венчатисябъ ему Государю на Росии-

ское Государство Царскимъ венцомъ и диадимою, в нашеи и православнои Християнскои Греческои вѣре, такъ же, какъ и прежние Великие Государи наши Цари і Великие Князи венчалися по древнему чину и достоянию. А вѣдомо про то подлинно Государю вашему Жигимонту Королю и вамъ паномъ раде: отъ крещенья Руские земли, какъ Великии Государь Владимеръ Святославичь просветилъ Рускую землю святымъ крещениемъ, православные святые Греческие вѣры, тому болши шти сотъ лѣтъ, и отъ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста на великихъ Росиискихъ Государствахъ были Государи православные Християнские вѣры Греческого закона, и толко ныне Великии Государь Жигимонтъ Король и Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь Патриярха і всего освященного собора, и бояръ і всего Росииского Государства людеи православныхъ Християнъ не пожалуетъ, Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь в Греческую вѣру не креститца, и Московское Государство конечно о томъ оскорбитца, и будетъ о томъ великая печаль и сѣтованье; і Великии бы Государь Жигимонтъ Король и Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь Росииское Государство тѣмъ пожаловали обрадовали, а Королевичь бы Владиславъ Жигимонтовичь началное свое жалованье и милость ко всему Государству показалъ, крестилсябъ в нашу в православную Християнскую вѣру Греческого закона.»

А будетъ паны рада учнутъ говорити, что Королевичь и такъ крестился въ православную Християнскую вѣру, і вдругорядъ ему какъ креститися, другово крещенья Християнину не бываетъ?

І бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «то мы вѣдаемъ, что Государь Королевичь крещенъ в Римскую вѣру по Римскому закону; а толко Государь Королевичь надъ нами умилосердится, пожалуетъ насъ, похочетъ быти в нашеи православнои Християнскои вѣре Греческого закона, и ему Государю подобаетъ нынѣ креститися истиннымъ святымъ крещениемъ нашие святые Християнские вѣры Греческого закона, потому что прежние Великие Госуда-

ри наши Росийские были нашие Християнские Греческие вѣры; а тому какъ возможно быти, что Государю нашему быти не в той же вѣре, в которой были прежние Государи наши? Да и то вамъ, папове, мочно разсудить, у васъ на коруне Полской и на Великомъ Княжстве Литовскомъ бываютъ ли Государи иныхъ вѣръ, кромѣ вашие Римские вѣры? А и последнее, нынешней Государь вашъ Жигимонтъ Король былъ Люторские вѣры; а какъ учинился Королемъ на коруне Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, и Государь вашъ Жигимонтъ Король по вашему прошенью, принялъ вашу Римскую вѣру.»

А будетъ папы рада сами, или учителей своихъ приведутъ, а похотятъ о вѣре говорити.

И боярину князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «святѣйший Ермогенъ Патриярхъ, и Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы і весь освященныи соборъ, и бояре і всѣ люді Московского Государства прислали насъ бити челомъ к Великому Государю Жигимонту Королю и к сыну его к Великому Государю х Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю, а спороватися намъ о вѣре не наказано; и мы ныне такъ и совершаемъ: просимъ умилосердаго Бога милости, а Великому Государю нашему Королевичю Владиславу Жигимонтовичю бьемъ челомъ со слезами, чтобъ онъ Государь пожаловалъ призрилъ на наше челобитье і всѣхъ бы людей Росийского Царствия неизреченные радости наполнилъ, принялъ бы крещение нашие православные Християнские вѣры Греческого закона, и былъ бы на Росийскомъ Государстве Государемъ Царемъ і Великимъ Князем всеа Русиі в нашей православной Християнской Греческой вѣре также, какъ были прежние Великие Государи наши Цари и Великие Князи Росийские. А то вамъ самимъ всѣмъ вѣдомо, что наша Християнская вѣра Греческого закона изъ древнихъ лѣтъ истинная, святая, непорочная, православная вѣра, і во всемъ православномъ основании Божиею благодатию отъ начала и до сего дни стоитъ твердо и непоколебимо.»

Да розсужати папомъ радамъ, сами опи говорятъ и мы то вѣдаемъ: Аптомъ именуемъ вѣру даръ Божии; авосе милосердыи Богъ надъ нами умилосердится, вложитъ в сердце Государю нашему Королевичю Владиславу Жигимонтовичю даръ Свои, и похочетъ креститися в нашу православную Хрпстьянскую вѣру Греческого закона; и опибъ паны рада Божии воли пе супротивлялися, Государябъ нашего Королевича отъ того не отводили, и говорити имъ всякими мѣрами, чтобъ опи Государю Королевичю о крещенье не отговаривали.»

Да какъ милосердыи Богъ милость Свою объявитъ, а Государь Королевичь пожалуетъ произволитъ креститися в нашу православную Християнскую вѣру Греческого закона, а крещенье похочетъ будетъ приняти на Москвѣ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи бити челомъ Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ опъ Государь пожаловалъ крестился в Смоленску, или гдѣ онъ Государь произволитъ, хотя и блиско Москвы подшодчи, в которомъ городе, чтобъ ему Государю притти на свои Царскои престолъ в царствующии градъ Москву в нашеи провославнои вѣре Греческого закона, и встрѣтилибъ его Государя с чюдотворными образы и с честными и з животворящими кресты Патриярху и Митрополитомъ, и Архиепискупомъ, и Епискупомъ і всему освященному собору, и бояромъ і всѣмъ людемъ Московского Государства, по Царскому чину и достоянию.

А будетъ Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь о крещенье на тоѣ мѣру не произволитъ, а учнетъ говорити, что, не совѣтовавъ с обе стороны духовному чину, никакъ вдругие креститися нелзѣ; а какъ опъ Государь будетъ на Росииском Государстве, и тогды о томъ духовныи чинъ с обе стороны переговорятъ, и на котороп мѣре постановятъ, и опъ Государь по тому и учинитъ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «Патриярхъ Ермогенъ, и Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы и весь освященный соборъ, и бояре і всѣ

люди Росийского Государства прислали насъ к Великому Государю Жигимонту Королю и к сыну его ко Государю нашему х Королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю бити челомъ, чтобъ Великии Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ крестился в нашу православную Христианскую вѣру Греческого закона в Смоленску, или гдѣ онъ Государь произволитъ, не доходя Москвы; а въ царьствующии градъ Москву притти бы ему Государю, крестився в нашеи православнои Христьянскои вѣре Греческого закону, чтобъ его Государя встрѣтити с чюдотворными образы и с честными и з животворящими кресты Патриярху, и Митрополитомъ, и Архиепискупомъ, и Епискупомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и всѣмъ думнымъ людемъ і всѣмъ людемъ Росийского Государства, по Царскому чину и достоянию; и какъ намъ о томъ приказано бити челомъ отъ Патриярха и ото всего освященного собора, и отъ бояръ и ото всѣхъ людеи Московского Государства, и мы такъ Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Государю нашему Королевичю и бьемъ челомъ. І вы, панове рада, Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Государскому, Государю нашему, Королевичю Владиславу Жигимонтовичю донесите наше челобитье, чтобъ Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь прошенья и моленья всѣхъ православныхъ Християнъ множества людеи Росийского Царствия не презрѣлъ, чтобъ всѣ православные Христьяне Росийского Царствия, слыша его Государскую милость и жалованье, наполнилися великие радости.»

И будетъ Государь Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь на то не произволитъ и паны рада конечно о томъ откажутъ, что не поговоря о томъ с обе стороны з духовнымъ чиномъ, учинити того нелзя; а отложитъ о томъ Государь Королевичь до тѣхъ мѣстъ, какъ будетъ на Москвѣ, и тогды о томъ духовнои чинѣ с обе стороны переговорятъ, и на которои мѣре постановятъ, и онъ Государь по тому і учинитъ.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «какъ намъ отъ Патриарха и ото всего собору і ото

всеи земли наказано бити челомъ, и мы о томъ Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю нашему Королевичю Владіславу Жигимонтовичю і бьемъ челомъ; а іного намъ приказу о томъ никоторого нѣтъ. I Великиі бы Государь Жигимонтъ Король и сынъ его Великиі Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловали поволили намъ о томъ отписати к Патриарху и ко всему собору, і к бояромъ и ко всѣмъ думнымъ людемъ и ко всеи землѣ, чтобъ имъ вѣдомо было, что ихъ Государская милость о томъ ко всему Росиискому Царствию; а самъ бы Великиі Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь шолъ на свои Царскои престолъ на Росииское Государство не мешкая, чтобъ ево великие Государства, будучи безгосударны, не разорялись и не пустѣли.»

Противъ 2-й статьи, о ссылкѣ с Папою, будетъ паны рада учнутъ говорити: которые Государи были на Московскомъ Государстве напередъ Государя Королевича, і тѣ с Папами Римскими ссылались, а ныне для чего с Папою Государю Королевичю не ссылатися?

И бояриpу Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «прежние Великие Государи Цари і Великие Князи Росиискиe с Римскимі Папами ссылалися о Государственныхъ дѣлехъ, а о вѣре і о законе с Папою не ссылались. А ныне, Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ похочетъ с Папою Римскимъ ссылатися, опрочѣ вѣры і духовныхъ дѣлъ, о іныхъ которыхъ царственныхъ дѣлехъ, і в томъ его Государская воля; а о вѣре і о духовныхъ дѣлехъ пожаловатибъ ему Государю с Папою не ссылатися, і законубъ никакова о вѣре от него не просити і не прiмати, і учителемъ бы Римскимъ і иныхъ вѣръ в Московскомъ Государстве не быти.» Да одноличпо всякими мѣрами то у пановъ радъ отговаривати, чтобъ Королевичю с Папою о законехъ и о духовныхъ дѣлехъ не ссылатися, і закону никакова у него не просити і не принимати, і в утверженьебъ та статья написати імянно.

А противъ 3-й статьи, будетъ толко хто изъ Московского

*

Государства отъ Греческие вѣры в Римскую вѣру похочетъ отступиті, учнутъ будетъ в отвѣте паны рада говорити, чтобъ того не унимати, хто в какои вѣре похочетъ быти, і в томъ всякому воля.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «изначала в Росиискомъ Государстве сияетъ святая наша непорочная Христьянская вѣра Греческого закона, і всѣ люді Росииского Царствия держали тоѣ вѣру крѣпко і неподвижно, а іныхъ никакихъ вѣръ не искали і не принимали, і воли в Росииском Государстве людемъ отступати отъ нашие Христьянские Греческие вѣры в-ыные вѣры не бывало, і ныне тому быти не возможножъ, і о томъ бы учинити утверженье, чтобъ Росииского Государства людеи отъ Греческие вѣры не принимати в Римскую вѣру, былибъ в своеи в стареи в Греческои вѣре і учителибъ Римские и иныхъ вѣръ в Московскомъ Государстве не были; а только которые Руские люді учнутъ приступати отъ Греческие вѣры к Римскои вѣре, і в томъ чаяти в людехъ ссоры і мятежу і всякого не добра; и Государь бы Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь о тои статьѣ велѣлъ в утверженье написати і закрепити по тому, какъ в статейномъ списку написали есмя, чтобъ впередъ за то ссоры і мятежу в Росииском Государстве не было і Государствабъ были в покое і в тишинѣ.» Да одноличне о томъ говорити паномъ раде накрепко, чтобъ о тои статьѣ в утверженье написати імянно, чтобъ в томъ ссоры і мятежу в Государстве не было.

А противъ 4-и статьи, чтобъ Королевичю с собою взяти немногихъ людеи, будетъ паны рада учнутъ говорити, что Королевичь Владиславъ Государь Великои и сынъ Великого Государя, какъ ему итти в такое великое Государство с малымі людми?

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі паномъ раде говорити: «Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь поидетъ на Росиискоe Государство не воинскимъ обычаемъ, взялъ бы Государь Королевичь с собою не многихъ ближнихъ людеи, бес которыхъ ему Государю быти нелзя; а

гдѣ Государь Королевичь велитъ себя встрѣтити Московскимъ бояромъ, и околничимъ, и столникомъ, і стряпчимъ, і жилцомъ и инымъ которымъ чиномъ, и по его Государскому повелѣнью, бояре і околничие і всѣхъ чиновъ люді тутъ єво Государя і встрѣтятъ; а толко будутъ з Государемъ с Королевичемъ многие Полские и Литовские люді, и то будетъ Московского Государства людемъ сумнително, и Государь бы Королевичь пожаловалъ взялъ с собою немногихъ людеи, да і то имъ самимъ вѣдомо, что Московское Государство ныне в разоренье и в пустотѣ, и Государскихъ полныхъ обиходовъ собрати и привести не отколе.»

А будетъ паны рада учнутъ говорити, что Государю Королевичю с малымі людми стыдно і показатися в такое великое Государство.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «какъ Государь вашъ Жигимонтъ Король пришолъ изъ Свеи на Королевство Полское і на Великое Княжство Литовское, и многиель люді с нимъ Государемъ изъ Свеи пришли, і то вамъ самимъ вѣдомо? И Государюбъ нашему пожаловати, і по болшои мѣре, всякихъ людеи взяти с собою до пяти сотъ человекъ.»

Да одноличпо боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю Королевичю Владиславу бити челомъ, чтобъ Королевичю с собою всякихъ людеи болши пяти сотъ человекъ в Московское Государство не імати, і в утверженьебъ о томъ написати імянно.

О 5-и статьѣ, о титле, будетъ паны рада учнутъ говорити, что Государь Королевичь титла прежнего убавливати не будетъ; а что будетъ доведетца титла прибавити по его Государскому достоянию, і то ему Государю будетъ к болшой славе і к похвалѣ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «мы о томъ челомъ бьемъ Государю Королевичю, чтобъ Великиі Государь Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь пожаловалъ велѣлъ себя писати в титлахъ по преж-

нему, какъ прежние Великие Государи наши Цари Росииские в титле писалися; а прежнихъ бы Росииского Государства титуловъ пожаловалъ Государь не умаливалъ, и в утверженьебъ о томъ пожаловалъ Государь велѣлъ написати імянно.»

А будетъ паны рада учнутъ говорити: воленъ Богъ, да Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, какъ похочетъ в титле писатися, такъ ему Государю і писатись; і учнутъ будетъ какие статьи в титлахъ прибавливати, чего не бывало, или которые титла учнутъ убавливати і учнутъ о томъ стояти крѣпко.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити паномъ раде: «намъ приказано бити челомъ о томъ, чтобъ Государь нашъ Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь писался ныне во всѣхъ титлахъ по прежнему, какъ прежние Великие Государи наши Цари Росииские в титлехъ писались. А будетъ о томъ ныне постановленья не будетъ, и нынебъ приговорити о титле: какъ Великиі Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ на Росииском Государстве, и ему Государю тогды с Патриархомъ и со всѣмъ соборомъ, і з бояры і со всѣми думными людми о своемъ Государстве титуле приговорити, какъ ему Государю писатися, а болши того намъ о томъ приказу нѣтъ.»

Противъ 6-и статьи, о Королевичеве женитве, будетъ паны рада учнутъ говорити: какъ приспѣетъ время Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю женитись, ему Государю женитись, гдѣ похочетъ; а имянно для чего такъ приговаривати, что ему Государю женитись в Московскомъ Государстве?

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «мы для того о томъ ему Государю напоминаемъ, толко онъ Государь женитца, ізобравъ в Московскомъ Государстве, і ему Государю то будетъ ко всякому добру, і всѣмъ людемъ Московского Государства о томъ будетъ радостно; а толко ему Государю женитися в-ыномъ Государстве і не изъ Греческие

вѣры, и то будетъ Московского Государства людемъ сумнительно для Крестьянские вѣры.»

Да будетъ паны рада на тоѣ мѣру сондутъ, что Государю Королевичю Владіславу Жигимонтовичю, какъ ему Государю приспѣетъ время, женитися в Московскомъ Государстве Греческие вѣры, у кого онъ Государь произволитъ.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі по тому с паны радами приговорити і в записи написати.

А будетъ паны рада о томъ, чтобъ Государю Королевичю женитись в Московскомъ Государстве Греческие вѣры, учнутъ отговаривати; а учнутъ приговаривати к тому, чтобъ ему Государю женитися, гдѣ онъ Государь похочетъ, а имянно того написати в запись не похотятъ, что ему Государю женитися в Московскомъ Государстве.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити, чтобъ о той статьѣ написати в утверженье: какъ Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю приспѣетъ время женитись, і ему Государю о томъ говорити и совѣтовати с Патриархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з думными людми і со всею землею, гдѣ ему Государю женитись; да какъ приговорятъ, і емубъ пожаловати по тому и учинить; а безъ совѣту Патриарха і всего освященного собора, і бояръ и думныхъ людеи, того не учинити.

А противъ 7-е статьи, о городѣхъ, будетъ паны рада учнутъ говорити, что Жигимонтъ Король Полскиі і Великиі Князь Литовскиі и сынъ его Государь Владиславъ Королевичь тѣ городы, в которыхъ теперь Полские и Литовские люді, такъ і тѣ, которые ныне за воромъ, со всѣмъ, какъ были до нынешние смуты, велятъ очистити к Московскому Государству; а имъ бы бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи договоръ ныне учинити про коштъ и накладъ Королевскои, что Королю учинилося в ратномъ подъеме, и про заплату Полскимъ и Литовскимъ людемъ. И учнут просити Королевскихъ убытковъ, что онъ подымался в Московское Государство подъ Смоленскъ; а Полскимъ и Литовскимъ людемъ, которые з гет-

паномъ и которые были при воре с Сопѣгою, учнутъ просити наиму.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «вѣдомо самому Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его, Государю нашему, Королевичу Владиславу Жигимонтовичю і вамъ паномъ радамъ, что Московское Государство и такъ до конца разорено и кровь невинная Крестьянская многая пролилася, и многои народъ Крестьянскои Московского Государства выведенъ в Полшу і в Литву і выные Государства, и многие городы и мѣста отъ воины Полскихъ и Литовскихъ людеи запустѣли, да и ныне многими городами и мѣсты владѣютъ Полские и Литовские люди; а Великиі Государь Жигимонтъ Король Полскиі і Великиі Князь Литовскиі писалъ ко всѣмъ людемъ Московского Государства, что онъ Государь пришолъ в Московское Государство для успокоенья Государства, да и гетманъ Жолковскиі многижда писалъ в Московское Государство, что Великиі Государь Жигимонтъ Король пришолъ в Московское Государство и его гетмана прислалъ для успокоенья, чтобъ крестьянская кровь престала литися, а Московскоебъ Государство приняло покои и тишину. И Московского Государства Патриархъ, и Митрополиты, и Архиепискупы и Епискупы і весь освященныи соборъ, и бояре і всѣ люди Московского Государства бьютъ челомъ Великому Государю Жигимонту Королю, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ далъ на Владимерское и на Московское и на всѣ великие Государства Росиіского Царствия, сына своего Королевича Владислава Жигимонтовича, чтобъ Божиею милостию и имъ Государемъ, Государство Московское было въ покое і в тишинѣ, и такиебъ беды и разоренья и убытки в Московскомъ Государстве престали; і Великиі бы Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ для сына своего, Государя нашего, Королевича Владислава Жигимонтовича убытки свои и наклады отставилъ, а походъ его Государскои въ Московское Государство подъ Смоленскъ учинился по его Государскои воле, и города Смоленска доступалъ, і воиною и запустошеньемъ отъ Полскихъ и Литовскихъ лю-

деи болши нашему Московскому Государству убытковъ починилося, то сами можете разсудити.»

А будетъ паны рада учнутъ говорити о заплате наиму на тѣхъ Полскихъ и Литовскихъ людей, которые были с воромъ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «сами то можете разсудити, за то ли тѣмъ людемъ наемъ давати, что они, безъ Королевского повелѣнья и безъ рады рѣчи посполитые, пристали к вору и кровь Крестьянскую многую пролили, и Московское Государство разорили, многие городы и мѣста повоевали и пограбили, и монастыри великие обители выграбили, и раки чудотворные золотые и серебряные поимали, и оклады от образовъ золотые и серебряные, и сосуды церковные и казны монастырские, отъ многихъ лѣтъ собраные, розграбили и до конца святые мѣста разорили? Такое зло учинили, сложася с воры, чего в Росіскомъ Государстве искони не бывало, да сверхъ того имали опижъ наемъ на воре, збирая Московского Государства з городовъ; о томъ бы Великиі Государь Жигимонтъ Король і Великиі Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловали иразсудили своимъ Государскимъ премудрымъ разумомъ; а Государь бы нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, видячи такие невинные Крестьянские крови и разоренья, о своемъ Государстве пожалѣлъ, за што такимъ людемъ наемъ Московскому Государству платити. Да и ныне тѣ Полские и Литовские люди, которые были с воромъ, мимо гетманское утверженье, Московского Государства многие городы и монастыри разоряютъ и пустошатъ, и кровь Крестьянскую проливаютъ і в плѣнъ Московского Государства людей ведутъ.» Да одноличпо боярину Князю Василью Васильевичу с товарыщи бити челомъ Королю и Королевичю, какъ ихъ Богъ вразумитъ, чтобъ Великиі Государь Король і Великиі Государь Владиславъ Королевичь пожаловали, по гетманскому утверженью и крестному целованью, велѣли изо всѣхъ городовъ и мѣстъ Росиіского Государства, Полскихъ и Литовскихъ людей вывести; а которые городы въ смуте за воромъ, и тѣбъ городы очистили к Московскому Государству, а кошть

бы Королевской и наклад и заплату Полским и Литовским ратным людем велѣли от ставити, да і в утверженной бы своей грамоте пожаловали велѣли о той статьѣ написати имянно.

А будет паны рада о коште и о накладе Королевском, и о заплате Полским и Литовским людем отставити не похотят.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «мы о таком великом дѣле не токмо дѣлати, и говорити не смѣем; волев в том Бог, да Государь наш Королевичь Владислав Жигимонтовичь. Как он Государь будет на Московском Государстве, на своем Царском престоле, и тогды он Государь о том о всем, посовѣтовав с Патриархом и со всѣм освященным собором, и з бояры и со всѣм Государством, обошлетца с отцом своим с Великим Государем з Жигимонтом Королем; да і в утверженной в гетманове записи, как он утвержался з бояры, написанож: что о том вперед договор чинити. И нам ныне как о таком великом дѣле говорити без его Государского повелѣнья, и такое великое дѣло имати на все Государство без Государского повелѣнья? А Государство все Божье, да его Государево; как он Государь будет на своем Царском престоле, и как он Государь приговорит, так то дѣло и будет. А ныне б Великиі Государь Жигимонт Король и сын его Великиі Государь Владислав Королевичь пожаловали, свою Государскую милость оказали ко всему Московскому Государству, велѣли Полских и Литовских людей изо всѣх городов Московского Государства вывести и очистити к Московскому Государству; а которые городы за вором, и тѣ городы очистити к Московскомуж Государству.»

Да одноличнo боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи о том Великому Государю Жигимонту Королю, и сыну его Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю бити челом, чтоб Московского Государства всѣ люди, услыша их Государскую милость, радости наполнилися.

Да какъ та статья на той мѣре постановитца, и Боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи по тому і в утверженье та статья написати.

А противъ 8 и статьи, о Полскихъ и о Литовскихъ людехъ, чтобъ ихъ в порубежныхъ городѣхъ не помѣстити, будетъ паны рада учнутъ говорити: для чего въ порубежныхъ городѣхъ Полскихъ и Литовскихъ людей не помѣстити?

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «сами, панове, можете разумѣти, только Полскимъ и Литовскимъ людемъ жити блиско своеѣ отчинные земли, і в порубежныхъ мѣстехъ отъ нихъ безъ смуты не будетъ; а Московского Государства в людехъ сумнѣнье будетъ отъ тово, почаютъ в нихъ на рубежѣ завладѣнья земли к Литовской землѣ; и для того в утверженье о томъ велѣли написати, что тѣхъ людей, которые будутъ при Государе Королевиче не Полши и изъ Литвы, в порубежныхъ городѣхъ не помѣстити, а в томъ имъ убытка никакого не будетъ, что ихъ Государь Королевичь пожалуетъ не в Украинныхъ городѣхъ.

А противъ 9 статьи, Московского Государства о людехъ, которые в Полше і в Литвѣ в полону, паны рада только учнутъ говорити, что дворянъ и детей боярскихъ в Полше і в Литвѣ в полону никого нѣтъ; а которые дворяне и дѣти боярские иманы на дѣлехъ или которые сами приезжали, и тѣ всѣ з гетманомъ з Желковскимъ, а иные при Королѣ на своей же воле, а в Полше і в Литвѣ дворянъ и детей боярскихъ нѣтъ; а которыхъ мѣлкихъ людей имали в полонъ, и то гдѣ сыскати?

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «вѣдаете, панове сами, которой годъ Полские и Литовские люди воюютъ Московское Государство, а полонъ безпрестани изъ Московского Государства въ тѣ годы отсылали и ныне Московского Государства полонъ в Полше і в Литвѣ многой. А гетманъ Станиславъ Желковской о томъ первое в Царстве Заимище острожковскимъ сидѣлцомъ целовалъ крестъ, а потомъ бояромъ і всему Московскому Государству целовалъ крестъ, что Московского Государства всякихъ людей мужеска

полу і женска, которые в нынешнюю смуту, при бывшемъ Царѣ Василье, взяты въ полонъ в Полшу і в Литву, Великому Государю Жигимонту Королю велѣти, сыскавъ, отпустити ис Полши и изъ Литвы всѣхъ до одного человѣка; і Великіб Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ Московского Государства полонъ весь велѣлъ сыскати і в Московское Государство отпустити, чтобъ тѣхъ невинныхъ плѣнныхъ людеи слезы обратити в радость.»

А противъ 10 и статьи, о Смоленске, будетъ Великиі Государь Жигимонтъ Король отъ Смоленска не отступилъ, а учнутъ паны рада говорити, что онъ Смоленска Королю не хаживать, покамѣста Московское Государство успокоитца, и городы всѣ Королевичю добьютъ челомъ и крестъно цѣлуютъ, или иные которые мѣрыучнутъ о Смоленску вставливать, не хотячи отъ Смоленска отступити.

И болрину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «Великиі Государь Жигимонтъ Король Полскиі і Великиі Князь Литовскиі писалъ ко всѣмъ людемъ Московского Государства, что онъ Государь пришолъ в Московское Государство не для чего иного, толко для успокоенья Московского Государства; да и гетманъ Жолковскиі многижда писалъ в Московское Государство, что Великиі Государь Жигимонтъ Король пришолъ в Московское Государство и его гетмана прислалъ для успокоенья, чтобъ в Московскомъ Государстве кровь Крестьянская престала литися, а Государствобъ приняло покои и тишину. А по которои записи гетманъ целовалъ крестъ въ Церкве Заимище острожковскимъ сидѣлцомъ, і в тои записи написано: какъ городъ Смоленскъ Государю Королевичю добьетъ челомъ, и Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Полскими и Литовскими людми, а порухи и насилства на посаде і в уѣзде никакие не здѣлати; а какъ гетманъ утвержался з бояры, и онъ в своемъ утверженье написалъ же, что ему гетману къ Великому Государю къ Жигимонту Королю отписати, чтобъ Король по Смоленску бити не велѣлъ, и теснотыбъ никакие городу Смоленску учинити не велѣлъ.

А ныне, милостию Божиею, не токмо что Смоленскъ, і все Росиіское Государство Государя Королевича Владислава Жигимонтовича изобрали Государемъ, и для того мы ото всего Государства приѣхали, Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его, Великому Государю нашему, Королевичу Владиславу Жигимонтовичю бити челомъ, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король все Московское Государство пожаловалъ, сынабъ своего, Великого Государя нашего, Королевича Владислава Жигимонтовича отпустилъ на Росиіское Государство; а самъ бы Великиі Государь Жигимонтъ Король отъ Смоленска со всѣми с Полскими и с Литовскими ратными людми шолъ въ свое Государство, и изъ Смоленскогобъ уѣзду и изо всего Росиіского Государства Полскихъ и Литовскихъ людеи, которые з гетманомъ и которые были с воромъ, велѣлъ вывести.» Да одноличио боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи Жигимонту Королю и Государю Владиславу Королевичю бити челомъ и паномъ раде говорити, какъ ихъ Богъ вразумитъ, чтобъ Король пожаловалъ отъ Смоленска шолъ в свое Государство со всѣми Полскими и Литовскими людми и изъ Смоленскогобъ уѣзду и изо всего Московского Государства Полскихъ и Литовскихъ людеи велѣлъ вывести.

А приговоря и постановя о тѣхъ статьяхъ, боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи бити челомъ Великому Государю Жигимонту Королю і Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ пожаловали о тѣхъ о всѣхъ статьяхъ, о которыхъ статьяхъ они договоръ учинили и постановили, и тѣ статьи, о которыхъ гетманъ Станиславъ Желковской з бояры договоръ учинилъ и закрепилъ, велѣли написати в утверженную грамоту, и печатибъ свои Государские к тои грамоте велѣли приложити, и своими Государскими душами закрепили, на тои бы своеи грамоте крестъ сами целовали, и паныбъ рада коруны Полские і Великого Княжества Литовского и полковники и ротмистры и напредиѣишее рыцерство по томужъ на тѣхъ записяхъ крестнымъ целованьемъ затвердили, чтобъ то утверженье было крѣпко и неподвижно навеки.

А какъ тѣ всѣ дѣла совершатца, и грамотами утвержеными и крестнымъ целованьемъ закрепятъ, и Митрополиту Ѳиларету и бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи і всѣхъ чиновъ людемъ бити челомъ Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю Владиславу Королевичю, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ отпустилъ сына своего, Великого Государя нашего, Королевича Владислава Жигимонтовича на Росиіское Государство; а Великиі бы Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ шолъ на свои Царскои престолъ на Росиіские Государства не мешкая, чтобъ его великие Государства, будучи безгосударны, не пустѣли и не разорялися; а самъ бы Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ со всѣми Полскими и Литовскими людми и со всею своею ратью изъ Московского Государства шолъ в свое Государство в Полшу і в Литву, и изо всѣхъ городовъ и мѣстъ изъ Московского Государства Полскихъ и Литовскихъ людеи велѣлъ вывести.

Да Митрополитужъ Ѳиларету, да бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи бити челомъ Королю и Королевичю, какъ будетъ соимъ въ Полше і в Литвѣ, и Королевскоебъ Величество поволилъ прислати на соимъ ото всего Московского Государства пословъ, чтобъ на томъ сойме паны рада коруны Полские і Великого Княжства Литовского, и рѣчь посполитая духовная и светцкая то все великое утверженье подкрепили и на тѣхъ утверженныхъ записяхъ крестъ целовали, что тому всему утверженью быти крѣпку и непремѣнну навеки.

А будетъ Жигимонтъ Король, или паны рада учнутъ говорити, что Жигимонту Королю тѣхъ дѣлъ закрепляти и креста целовати не годитца; а закрепитъ тѣ дѣла, крестъ целуетъ на тѣхъ на всѣхъ статьяхъ Государь вашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «многие в тѣхъ статьяхъ такие дѣла, которые настоятъ межъ Великого Государя Жигимонта Короля і Великого Госу-

даря нашего Королевича Владислава Жигимонтовича, и межъ ихъ великихъ Государствъ и годны тѣ дѣла обѣма Государемъ и ихъ Государствамъ; і Великому Государю Жигимонту Королю годитца на тѣхъ статьяхъ и самому крестъ целовати, такжебъ и паномъ раде коруны Полские і Великого Княжства Литовского и полковникомъ и ротмистромъ и напредиѣишему рыцерству целовати крестъ на томъ на всемъ, чтобъ было Росиіскому Государству надежно и радостно, и былобъ такое великое дѣло стоятелно и неподвижно навеки.»

А будетъ Жигимонтъ Король, или паны рада учнутъ говорити, что Жигимонтъ Король и Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь утверженную грамоту на всѣ на тѣ статьи написати велятъ, и печати свои к тои грамоте велятъ приложити, и крестъ целуютъ сами и паны рада коруны Полские і Великого Княжства Литовского и полковники и ротмистры и напредиѣишее рыцерство; а имъ бы Бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи по томужъ утверженная запись на всѣ на тѣ статьи написати и крестъ на тои записи целовати за все Московское Государство.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи велѣти на тѣ на всѣ статьи своя запись написати, и печати свои к тои записи приложити и крестъ целовати. Да какъ утвержался з бояры гетманъ Станиславъ Желковскои, і в тѣхъ записяхъ написано, чтобъ въ столномъ городе на Москвѣ хотя одинъ Римскои костелъ быти могъ для людеи Полскихъ и Литовскихъ, которые при Государе Королевиче мешкати будутъ, и о томъ Государь Королевичь с Патриархомъ и со всѣмъ духовнымъ чиномъ и з бояры и со всѣми думными людми говорити будетъ.

И толко паны рада учнутъ о тои статьѣ говорити, чтобъ та статья ныне въ договоре и в совершенье учинити.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «в утверженныхъ записяхъ, какъ утвержался гетманъ з бояры, написано и укреплено крестнымъ целованьемъ, что въ Московскомъ Государстве и по городамъ и по селомъ Римскихъ костеловъ і всякихъ іныхъ вѣръ молебныхъ храмовъ

не ставити; да і острожсковским сидѣлцомъ, воеводамъ і всѣмъ ратнымъ людемъ, гетманъ целовалъ крестъ, что костеломъ в Росиискихъ Государствахъ не быти; а напомянулъ Гетманъ въ своеи утоерженнои записи, чтобъ въ царствующемъ граде на Москвѣ хотя одинъ Римскои костелъ быти могъ, и о томъ написано, что Государь Королевичь с Патриархомъ и со всѣмъ духовнымъ чиномъ и з бояры и со всѣми думными людми говорити будетъ, и ныне намъ о томъ, мимо его Государя, какъ говорити? А Московского Государства Патриархъ і всѣ люді и ныне о томъ бьютъ челомъ Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Великому Государю Королевичу Владиславу Жигимонтовичю, чтобъ костелу Римскому і иныхъ вѣръ ни одному въ царствующемъ граде Москвѣ і во всемъ Росиискомъ Царствіи не быти.»

И будетъ паны рада учнутъ говорити: у нихъ въ Государстве, въ коруне Полскои і в Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, Государь Жигимонтъ Король Римские вѣры, да і паны болшие радные всѣ і всѣ лутчие люді Римские вѣры, а которыхъ иныхъ вѣръ люді в Полше і в Литвѣ Греческие и Люторские і иныхъ вѣръ, и тѣмъ всѣмъ по ихъ вѣре храмовъ ставити незаборонно; а вѣре Римскои въ томъ порухи никакие нѣтъ: все то Христьяне.

И бояриоу Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «въ Полше і в Литвѣ то повелось издавна, а в Московскомъ Государстве того не бывало; а толко гдѣ чево не бывало, а вчати которое дѣло вновь, і в томъ будетъ многимъ людемъ сумнѣнье и скорбь великая і печаль; и Государюбъ Королевичю Владиславу Жигимонтовичю пожаловати та статья велѣти отставити, и Московского Государства людеи тѣмъ не оскорбити, чтобъ всѣмъ людемъ на него Государя было радостно.»

А будетъ учнутъ говорити паны рада: какъ былъ у Царя Бориса Датцкого Өредерика Короля сынъ Яганъ Королевичь, а женитца было ему у Царя Бориса на дочери, и Царь Борисъ для его велѣлъ поставити костелъ Люторскои.

И болрину Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «Яганъ Королевичь приѣхалъ былъ къ Царю і Вели-

кому Князю Борису Өедоровичю всеа Русі того для, что было Царю Борису дати за него дочь своя, а ему было креститца въ православную Христьянскую вѣру Греческого закона, да застигла его вскоре смерть въ его в Люторской вѣре; и Датцкие послы і всѣ Королевичевы люді, которые были с нимъ, били челомъ Царю Борису, чтобъ Царь Борисъ поволилъ имъ поставити для Королевича тѣла за городомъ обрубъ деревяной, пока мѣста Королевичево тѣло Государь ихъ Король пришлетъ, и Царь Борисъ Датцкимъ посломъ надъ Королевичевымъ тѣломъ обрубъ деревяной поставити поволилъ. А какъ бы прислалъ Датцкой Король по Королевичево тѣло, и тотъ бы обрубъ тотчасъ и сломали, да и про тотъ обрубъ во всемъ Государстве втупору на Царя Бориса многое сумнѣнье было.»

И будетъ паны рада за то упрямятца, чтобъ костель хоти одинъ в Московскомъ Государстве на Москвѣ поставити.

И бояриꙋ Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити, чтобъ тоѣ статью написати в договоре потомужъ, какъ въ нынешнихъ записяхъ з гетманомъ написано, что говорити о томъ Королевичю с Патреярхомъ и со всѣми думными людьми, какъ Государь Королевичь будетъ на Росиіскомъ Государстве. Да в утверженной же гетманской записи написано, чтобъ обоихъ Государствъ думою быті и Полскимъ и Литовскимъ людемъ в приказехъ на порубежныхъ городѣхъ до достаточнаго успокоенья Росдіского Государства, о томъ бы Государю приговоръ учинити з бояры думными в свое время; и Московского Государства всѣхъ чиновъ люді про ту статью Великому Государю челомъ бьютъ, чтобъ того не было, кромѣ дѣла.»

И толко паны рада о той статьѣ учнутъ говорити, чтобъ та статья договорити і в совершенье учинити ныне имъ бояриꙋ Князю Василью Васильевичю с товарыщи.

И бояриꙋ Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «напомянулъ гетманъ в своей записи, чтобъ обоихъ Государствъ думою быти и Полскимъ и Литовскимъ людемъ в приказехъ на порубежныхъ городѣхъ, до достаточного успокоенья Росвіского Государства, о томъ бы Государю приговоръ учинити з бояры думными в свое время; і Московского

Государства всѣхъ чиновъ люди тогдыжъ о той статьѣ Великому Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю били челомъ, і в утверженной записи написано, чтобъ того не было; и ныне намъ о той статьѣ какъ говорити? Отложена та статья до Государя нашего Королевича, какъ Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ на своемъ Царскомъ престоле на Москвѣ.»

А будетъ паны рада за тоѣ статью упрямятца і похотятъ з бояры о той статьѣ договоръ учинити, чтобъ до успокоенья Московского Государства быти в порубежныхъ городѣхъ в приказехъ і Полскимъ и Литовскимъ людемъ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «посмотрите, панове, в утверженные записи, что утверждался з бояры гетманъ і крестнымъ целованьемъ укрепили, какъ та статья написана; а Московского Государства боляре и всѣхъ чиновъ і ратные люди, Великому Государю Жигимонту Королю і Государю Владиславу Королевичю и ныне велѣли о томъ бити челомъ, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король і Великиі Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловали велѣлибъ написати о томъ в своемъ Государскомъ утверженье імянно, что Полскимъ і Литовскимъ людемъ і в порубежныхъ городѣхъ в приказехъ не быти ни на малое время, чтобъ отъ того ссоры і смуты не было и Московскогобъ Государства людемъ сумнѣнья никакого не было.»

И будетъ паны рада учнутъ говорити: Московскому Государству въ томъ убыли никакие не будетъ, еще в томъ прибыль будетъ, толко Полские и Литовские люди будутъ в приказехъ в порожнихъ городѣхъ, до тѣхъ мѣстъ, покамѣста Московское Государство достаточно успокоитца; а впередъ Полские и Литовские люди в Московскихъ ни в которыхъ городѣхъ не будутъ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «какъ Великиі Государь Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ на великихъ і преславныхъ Государствахъ Российского Царствія, на своемъ Царскомъ престоле в царствующемъ граде Москвѣ, и мы чаемъ милості Божьи, что Мо-

сковское Государство успокоитца; а Полскими і Литовскими приказными людми никоторого успокоенья не будетъ, опричь того, что Московского Государства людемъ в томъ будетъ сумнѣнье; і Государь бы Владиславъ Жигимонтовичь тоѣ статью велѣлъ отставити.»

Да какъ та статья на той мѣре совершитца, и бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи о той статьѣ і в утверженье потому велѣти написати.

А будетъ за тоѣ статью станутъ крѣпко, і бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «намъ отои статьѣ, опричѣ того, иного приказу никоторого нѣтъ; а в прежнихъ записяхъ гетмана Станислава Желковского та статья написана, и нынѣбъ написати в Государскомъ утверженье та статья по томужъ, какъ в гетманове утверженье написано. Да в утверженных же записяхъ, какъ утверждался з бояры гетманъ Станиславъ Желковской, написано, что о крещенье, чтобъ Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичю пожаловати креститися в православную Христьянскую вѣру Греческого закона і быти в православной Христьянской вѣре Греческого закона, и о иныхъ недоговорныхъ статьяхъ и о всякихъ дѣлехъ, что ся дѣяло межъ Государствъ іздавна до нынешней смуты, какъ бы межъ Государми и ихъ Государствы о всемъ договоръ і докончанье учинилося, а любовь, милость и приязнь на обе стороны множилась и содержалась навеки, о чомъ сказалъ гетманъ, что тонеро отъ Короля науки не имѣетъ; и о томъ гетманъ з бояры приговорилъ, что послати о томъ бити челомъ і договоръ чиниті к Великому Государю Жигимонту Королю и х Королевичю Владиславу Жигимонтовичю.»

И будетъ паны рада учнутъ бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи говориті, что с ними приказъ о тѣхъ дѣлехъ, что ся дѣяло межъ Государствъ издавна до нынешние смуты, какъ бы межъ Государми и ихъ Государствы о всемъ договоръ і докончанье учинилось; а любовь, милость і приязнь на обе стороны множилась и содержалась навеки.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи гово-

ритi: о которыхъ дѣлехъ ото всеи земли Росiскаго Государства бояре Князь Ѳедоръ Iвановичь Мстiславскои с товарыщи з гетманомъ с Станиславомъ Желковскимъ говорили, которые дела надобны всему Росiскому Государству, а гетманъ Станиславъ о тѣхъ дѣлехъ у себя науки Королевские не сказалъ, и мы отъ Патриарха и ото всего собору и отъ бояръ и ото всехъ людеи Московского Государства, о тѣхъ дѣлехъ Великому Государю Жигимонту Королю Полскому i Великому Князю Литовскому i Государю нашему Королевичю Владиславу Жигимонтовичю iбьемъ челомъ, а болши того с нами о иныхъ ни о какихъ дѣлехъ приказу нѣтъ.»

И будетъ паны рада учнутъ говорити: в утверженныхъ записяхъ гетмана Желковскаго написано, что говорити о всякихъ дѣлехъ, что ся дѣяло межъ Государствъ издавна нынешние смуты; а в прежнихъ лѣтехъ Государи Московские завладѣли у Литовского Государства многими городы и мѣсты, и о тѣхъ бы городѣхъ ныне с нами паны радою договоръ учинитi, какъ тѣмъ городомъ впередъ быти, чтобъ межъ Государми и Государствы любовь, милость i приязнь на обе стороны множилася и содержалась навеки.

И бояриnу Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «в утверженныхъ записяхъ та вся статья написана по нашему прошенью для того, что въ Росiскомъ Царствиi, в порубежныхъ мѣстехъ: в Путивле, i в Чернигове, i в Смоленску, и на Бѣлои, i в Торопце, и на Невлѣ, i на Лукахъ i во Пскове и по инымъ мѣстомъ, многими землями завладѣли насилствомъ к Литовскои землѣ, черезъ старые рубежи, и многие обиды тѣмъ городомъ отъ Литовскихъ украинныхъ городовъ чинятца; и бояре гетману говорили, чтобъ и о рубежѣхъ написати в утвержепье, что быти рубежомъ Московскому Государству с Литовскою землею потому, какъ были при Великомъ Государе Царѣ i Великомъ Князе Ѳедоре Iвановиче всеа Русиi i по перемирнымъ грамотамъ 89 году, а в обидахъ сыскатись; и гетманъ о томъ науки Королевские у себя не сказалъ же, и для того та статья написана в утверженныхъ записяхъ, чтобъ впередъ такие обидные дѣла в збвенье не

были. А ныне с нами и о томъ не приказано говорити для того, чтобъ за тѣмъ болшому дѣлу мешкаты не было; а какъ дастъ Богъ, Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ на Росиіскомъ Государстве на своемъ Царскомъ престоле, и тогды о тѣхъ о всѣхъ обидныхъ дѣлехъ сошлетца с отцомъ своимъ с Великимъ Государемъ з Жигимонтомъ Королемъ. А что вы вменяете к той нашей статьѣ, говорити о своихъ дѣлехъ, называючи городы Московского Государства к Литовскому Государству, и о такихъ намъ великихъ дѣлехъ нынеча не токмо что говорити, и помыслити нелзѣ; вѣдамо вамъ самимъ паномъ раде: какъ при прежнихъ Великихъ Государехъ бывали послы и посланники на обе стороны, и о тѣхъ дѣлехъ на обе стороны бывали многие рѣчи, Московские послы говаривали Московского Государства о городѣхъ, которые ныне к Полше и Литвѣ, а Литовские послы говаривали, что будто ихъ Полские и Литовские городы зашли к Московскому Государству, толко о томъ говоря і споровався на обе стороны, отставливали. А ныне мы всѣ целовали крестъ Государю своему Королевичю Владиславу Жигимонтовичю і приѣхали есмя бити челомъ, чтобъ онъ Государь надъ нами умилосердился, шолъ на свои Царской престолъ на Росиіское Государство, і втупору годитца ли намъ, подданнымъ его, о такихъ дѣлехъ говорити? А какъ дастъ Богъ, Великии Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ на великомъ Росиіскомъ Государстве на своемъ Царскомъ престоле, и Великиі Государь нашъ, посовѣтовавъ с Патреярхомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, і з бояры и со всѣми думными людми, тогды о всѣхъ дѣлехъ с отцомъ своимъ, с Великимъ Государемъ з Жигимонтомъ Королемъ сошлютца послы своими; а мы ныне о томъ не только говорити, и помыслити о томъ не смѣемъ.

А будетъ паны рада учнутъ говорити о какихъ о новыхъ дѣлехъ, которые дѣла в наказе имъ не даны, чтобъ имъ боярину Князю Василью Васильевичю с ними договоръ чинити і закрепляти.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи о та-

кихъ статьяхъ паномъ раде говорити, что имъ отъ Патреярха и отъ Архиепискуповъ и Епискуповъ и ото всего собора, и отъ бояръ и отъ околничихъ і всякихъ думныхъ людеи и ото всеѣ земли, о тѣхъ статьяхъ приказу нѣтъ, и паныбъ рада тѣ статьи и ныне отложили, покамѣста Государь Королевичь будетъ на своемъ Царскомъ престоле; и о тѣхъ статьяхъ, поговоря Государь Королевичь с Патреярхомъ і з бояры и со всѣми людми, сошлетца с отцомъ своимъ с Великимъ Государемъ Жигимонтомъ Королемъ.

А будетъ Государя Королевича Владислава Жигимонтовича при Королѣ в Московскомъ Государстве не будетъ, а велитъ имъ бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи Король итти х Королевичю в Полшу или в Литву, гдѣ Королевичь будетъ.

И Митрополиту Өиларету и боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи і всѣхъ чиновъ людемъ, которые посланы бити челомъ ото всего Московского Государства, итти ко Государю Королевичю, гдѣ Государь Королевичь будетъ, и бити челомъ Государю Королевичю, и дѣлати і становити о всемъ по сему наказу.

А будетъ Король или паны рада учнутъ говорити, что безъ болшого сонму, не прирадя всею землею, Государю Королевичю в Московское Государство итті нѣлзя, и для того Король велитъ сонмъ учинити коруны Полские і Великого Княжества Литовского всѣмъ людемъ, и опибъ дожидались сонму; а на сонме Король о всѣхъ дѣлехъ постановя, Королевича на Московское Государство отпуститъ.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «приѣхали мы отъ Патреярха и ото всего освященнаго собора, и отъ бояръ и ото всѣхъ чиновъ людеи Московского Государства, Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Государскому, Государю нашему, Королевичю Владиславу Жигимонтовичю бити челомъ, чтобъ Великиі Государь Жигимонтъ Король, постановя о тѣхъ дѣлехъ, о которыхъ мы ему Государю били челомъ, отпустилъ бы сына своего, Государя нашего, Королевича на Московское Государство, а Великиі

бы Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь пожаловалъ всѣхъ людеи Росиіского Царствія, шолъ на свои Царскои престолъ не мѣшкая. А толко соиму учнетъ Государь нашъ Королевичь дожидатца, и Росиіскіе Государства, будучи безгосударпы, і досталь разорятца і запустѣютъ, і будетъ о томъ в Росиіскомъ Государстве великая скорбь і смута; і Великиі бы Государь Жигимонтъ Король и Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, всѣхъ людеи Росиіского Царствія пожаловали, велѣли с нами о тѣхъ дѣлехъ, о которыхъ мы имъ Государемъ бьемъ челомъ, постановити ныне, не откладывая до соиму; и шолъ бы Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь на свои Царскои престолъ в царствующиі градъ Москву не мешкая, чтобъ Росиіского Государства всѣ люди, увидевъ его Государские пресвѣтлые очи, наполнились радості и прияли бъ покои и тишину; а какъ Великиі Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь будетъ на своихъ великихъ і преславныхъ Государствахъ Росиіского Царствія, і Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь тогды особно пословъ своихъ на соимъ пошлетъ. А будетъ Король и паны рада конечно откажутъ, что безъ болшого соиму, безъ рады всѣхъ людеи коруны Полские и Великого Княжства Литовского, отъиюдь Королевичю на Московское Государство не хаживать, і велятъ имъ дожидатися соиму, а соиму толко вскоре не чаяти.

И бояриму Князю Василью Васильевичю с товарыщи бити челомъ Великому Государю Жигимонту Королю і Королевичю Владиславу Жигимонтовичю и паномъ радамъ говорити, чтобъ ныне Жигимонтъ Король тѣ статьи, которые ему Государю возможно безъ соиму постановити, велѣлъ закрепити и крестъ бы на тѣхъ статьяхъ целовали Король и Королевичь, и паны рада, и полковники и ротмистры и напреднѣишее рыцерство; а ихъ бы пословъ со всѣми людми отпустили до соиму въ Московское Государство и самъ бы Великиі Государь Жигимонтъ Король со всѣми Полскими и Литовскими людми изъ Московского Государства вышелъ в свои Государства в Литву і в Полшу, і всякихъ бы своихъ воинскихъ людеи изъ Мос-

ковского Государства велѣлъ вывести; а в которое время у нихъ соимъ будетъ, і Московского Государства послы к тому времени опять на соимъ будутъ; а в томъ Королю прибыли никоторые не будетъ, что Московскимъ посломъ дожидатися соиму в Литвѣ, да і в Московскомъ Государстве будетъ о томъ сумнѣнье, толко посломъ будетъ задержанье.

И будетъ Король и паны рада учнутъ говорити, что тому быти не возможно, что имъ не дождався соиму и не соверша дѣла ѣхати назадъ, і велятъ имъ дожидатися соиму; а соимъ толко будетъ вскоре.

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи говорити: «в томъ воленъ Богъ, да Великиі Государь Жигимонтъ Король і Государь нашъ Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, какъ имъ велятъ, и они такъ і дѣлаютъ и соиму учнутъ дожидатися; а нынебъ они Государи поволили имъ о томъ отписати к Патреярху и ко всему собору, и к бояромъ и ко всеи землѣ, чтобъ про ихъ житье всему Государству было вѣдамо; а которые люди приѣхали с ними ото всѣхъ чиновъ бити челомъ Королю и Королевичю, и Король бы і Королевичь пожаловали ихъ отпустили к Москве, потому что они приѣхали толко бити челомъ имъ Государемъ, а дѣла на нихъ ни которого не належитъ. А самъ бы Великиі Государь Жигимонтъ Король пожаловалъ, со всѣми своими людми изъ Московского Государства вышолъ в свои Государства, і людеи бы всѣхъ Полскихъ и Литовскихъ изъ Московского Государства вывелъ, чтобъ сына его, Великого Государя нашего, Королевича Владислава Жигимонтовича великие Росиіские Государства не пустѣли и не разорялися.»

Да на которои мѣре о томъ о всемъ постановятъ, и Митрополиту Филарету і боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщи о томъ о всемъ отписати к Москве к Патреярху і к бояромъ.

А будетъ паны рада учнутъ спрашивати боярина Князя Василья Васильевича с товарыщі, на каковѣ мѣре было утверженье бывшему Царю і Великому Князю Василью с Свѣискимъ Карлусомъ Королемъ и с Свѣискимъ Королевствомъ?

И боярину Князю Василью Васильевичю с товарыщі говорити: «въ прошломъ во 561 году, воръ, которои называетца въ прежнего в убитого вора, въ Гришкино мѣсто Отрепьева, Государскимъ имянемъ Царевичемъ Дмитреемъ, с Полскими и с Литовскими людми и с воры с Рускими людми, пришедъ подъ Московское Государство, і во многихъ людехъ Московского Государства учала быти смута, и бывшеи Царь Василеи, видячи такое въ Государстве смятенье, послалъ в Великиі Новгородъ боярина і воеводу Князя Михаила Васильевича Шуиского; а велѣлъ ему с Свѣискимъ Карлусомъ Королемъ ссылатися и людеи на помочь просити. И бояринъ Князь Михаило Васильевичь с Карлусомъ Королемъ ссылался, і учинили договоръ и утверженье на томъ, что Карлусу Королю прислати къ Царю Василью на помочь своихъ ратныхъ людеи на наемъ; а тѣмъ его ратнымъ людемъ, противъ вора і Полскихъ и Литовскихъ людеи, стояти вмѣстѣ з бояриномъ і воеводою со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Шуискимъ и с Рускими с ратнымі людми, и Московское Государство отъ вора и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людеи очистити; а бывшему Царю Василью поступитися было за то Карлусу Королю къ Свѣискому Королевству города Корѣлы с уѣздомъ. И по тому договору Свѣискои Карлусъ Король прислалъ воеводу своего Якова Пунтусова с ратными людми. Да и другои былъ договоръ после того, бояринъ Князь Михаило Васильевичь Шуискои с воеводою с Яковомъ Пунтусовымъ учинилъ, что было воеводе Якову Московское Государство отъ вора и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей очистити; а бывшему было Царю Василью, і сверхъ Корѣлы, Карлуса Короля за то почтити, толкобъ Карлусовымъ Королевымъ вспоможеньемъ, Московское Государство отъ вора и отъ Полскихъ и Литовскихъ людеи, которые с воромъ, очистилося. И про то вамъ вѣдомо самимъ, как было дѣло бояромъ і воеводамъ з гетманомъ с Станиславомъ Желковскимъ, і въ Неметцкихъ людехъ учала быти измѣна: многие Неметцкие людi отъѣхали въ Полские и Литовские полки; а воевода Яковъ Пунтусовъ з досталнымі с Неметцкими людми пошолъ прочь, бояръ і

воеводѣ подалъ. И бывшеи Царь Василеи в Корѣлу писалъ: города Корѣлы Карлусу Королю давати не велѣлъ, потому что воевода его Яковъ Пунтусовъ і ратные люді по утверженью, на чомъ былъ договоръ і утверженье, не совершили; а после Царя Василья, і бояре в Корѣлу отъ себя писали, чтобъ Корѣлские воеводы і Корѣляне, города Корѣлы Карлусу Королю не отдавали. А ныне воленъ Богъ, да Государь нашъ Королевичь Владіславъ Жигимонтовичь; на которои мѣре похочетъ быти с Карлусомъ Королемъ и с Свѣискимъ Королевствомъ, і в томъ его Государская воля.

№ XVI.

ГРАМОТА

Патріарха Ермогена къ Польскому Королю Сигизмунду III, изъ Москвы отъ Сентября 1611 года.

Божьею милостію Великому Государю Жигимонту Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемонцкому, Мозовецкому, Кіевскому, Волынскому, Подолскому, Подляшкому, Ифлянскому, Естонскому і иныхъ, и дѣдичному Королю Шведскому, Къгодцому, Вандальскому, Княжате Финлянскому і иныхъ; Словенского языка, ясносіятельные православные вѣры Греческаго закона Великаго Московскаго Государства соборные великіе Апостольскіе церкви престолъ правящіи смиренный Ермогенъ Божіею милостію Патріархъ Московскіи и всея Русіи и о Святѣмъ Дусѣ сынове и сослужебники нашего смиренія, Митрополиты, Архіепископы и Епископы і Архимандриты і Игумены со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и Московскаго Государства бояре, і окольничіе, и дворяне, и діяки думные, и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и всякіе приказные люди, и головы стрелецкіе, и дѣти боярскіе, и гости, і торговые люди, и стрельцы, и пушкари, и всякіе служебные и жилецкіе люди и всѣ православные Христіане челомъ бьютъ и моленіе приносимъ вашего величества державѣ: вѣдомо вамъ, благородный

и великодержавный Королю: отъ благовѣрнаго Великаго Князя Владимира, нареченнаго во Святомъ крещеніи Василія, великаго Государства Владимерскаго и Московскаго скифетръ Россійскаго царствія держали Московскія Государи по своимъ Государскимъ степенемъ до приснопамятнаго и праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всея Русіи Самодержца; и православная наша Христіанская вѣра Греческаго закона сіяетъ яко солнце надо всѣми, и Божіимъ правѣднымъ судомъ онъ великіи Государь Царь и Великіи Князь Феодоръ отъ земнаго и тлѣемаго царства преселись въ небесное царство, игдѣже вси праведніи почиваютъ, иже уготова Богъ любящимъ Его, а за наши грѣхи Царскаго ихъ корени Московскому великому Государству наслѣдникъ не остася, и мы вси православніи Христіане осталися сиры безъ пастыря, и отъ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста, всего Московскаго Царства многонеисчитаемый народъ яко море волнуетца и аки корабль безъ кормника, сицежъ и Московскаго великаго Государства многіе неисчитаемые тьмы-темъ пародовъ, православные христіане не могутъ быть безъ пастыря; а былъ Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всея Русіи, и онъ Государство свое оставилъ и постригся во иноческій образъ. И нынѣ великаго Бога волею и хотѣніемъ по своей ему воле, понеже царство, Божіи жребіи, емуже хочетъ, тому подастъ и того возвыситъ и возвеличитъ и наставитъ на стезю правыхъ, и на путь ко спасенію; нынѣжъ молимъ ваше благородіе: православные Греческіе свѣтлосіятельные вѣры великаго Московскаго Государства царскіе хоругви, власть и держава двіжетца изшедшему отъ вашихъ чреслъ, къ вашему благородному сыну, наяснѣйшему Государю Королевичю Владиславу Жигимонтовичу, молимъ васъ благодатію Христовою весь освященный Соборъ, и Царскіи Синклитъ вкупе, и великаго Россійскаго царствія всенародное множество православныхъ Христіанъ, о великіи самодержавный Королю! даруй намъ сына своего, его же возлюби и избра Богъ во Цари, въ нашу православную Греческую вѣру, ея же Пророцы прорекоша, ея же Апостоли проповѣдаша, ея же святіи отцы ут-

вердиша, ся же всіи православніи Христіане неблазно и крѣпко содержаша, и по се время красуетца и свѣтлѣетъ и сіяетъ яко солнце. Сія вѣра красна добротою паче всего сыномъ человѣческимъ, на нея же божественная благодать изліявшись, и яко сладкая цевница движущи новую и благолѣпную пѣснь духовную въ концы земли въ скоре слышаму сотвори. Сія вѣра точаще нелестное млеко сосца непорочныя невѣсты Христовы, яко же есть писано, духовными наказаніи воспитаетъ и въ мѣрѣ возраста исполненія Христова сподобляетъ вѣрныхъ достигнути добре, Сія вѣра преблаженными и пребожественными дуновѣніи параклитовыми отъ всея земли отгна всякую бесовскую губительную прелѣсть; сею нашею вѣрою Святіи Апостоли и Святія мученицы и преподобніи и пустынножители, Богу угодили и вселилась въ небесное царство. Сію вѣру многими снисканьми благовѣрный Князь Владимиръ изыска, и Святое крещеніе принятъ во имя Святыя и Живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, и от купѣли здравъ изыде, славя Бога и многи люди крестивъ. О великіи державнѣйшіи Королю! Великіи Государь! даруй намъ Государя, заповѣди Божія соблюдати, и державу Рускую сохраняти, и насъ во тихости и въ кротости и въ любви и въ милости содержати. Даруй намъ Царя, имъ же бы вѣра Христіанская не разорилась. Аще Царь вѣренъ будетъ Богу, и Богъ для его и людемъ его, согрѣшенія отпуститъ. Аще ли Царь будетъ Богу невѣренъ, то большое зло наводитъ Богъ на землю ту, понеже той есть глава землѣ, и пастырь всему Христову стаду словѣсныхъ овецъ православныхъ Христіанъ. Патріархъ Іаковъ пасый безсловѣсныя овца, и человѣку хотя отвѣтъ дати, а не Богу, и нощь безъ сна провождая и зной и студень терпя, чтобъ ничто отъ стадъ онѣхъ погубити: кольми паче намъ пасти не надбезсловѣсными стоящими, но надъ духовными овцами, и не человѣку отвѣтъ дати, но Богу, и безсловѣсныхъ снискиваютъ человѣцы, а словѣсныхъ взыщетъ Богъ, понеже дѣла рукъ Его. О великіи Королю, Государь Полскій! слышимъ васъ яко съ великимъ мудрымъ доброуміемъ и спѣхомъ наше моленіе приемлете и все стрясше

наше печалное и своимъ послушнымъ любленіемъ къ намъ пишете. Благодаримъ Бога всегда о васъ, и мнимъ свѣтъ Параклитовъ вселішась въ васъ и срадостію моленіе приносимъ о душахъ вашихъ, что не хотите Бога гнѣвити и нашея православныя и Богомъ любимыя вѣры не хотите порушити, но и писаніемъ своимъ насъ подтверждаете, и мы о томъ хвалу Богу возсылаемъ и васъ молимъ и отъ такого прошенія молити не престанемъ, доидеже услышитъ насъ велие твоеі державы благородіе, и даруетъ намъ Царя съ вѣрою приняти Святое крещеніе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ нашу православную Греческую вѣру; любве ради Божія смилуйся, великій Государь, не презри сицѣваго прошенія, да не и вы сами Богу погрубите, и насъ богомольцевъ и толикихъ неисчетныхъ народовъ многихъ оскорбите; заповѣдь Государя и завѣщаніе крѣпко имамы вси, еже безо всякаго сумнѣнія молити васъ Великаго Государя; вамъ же безо всякаго прекословія еже непреслушати насъ въ заповедѣхъ Божіихъ, а Богъ послушаетъ и укрѣпитъ васъ не токмо въ земномъ, но и въ небѣсномъ царствіи. А послали есмя къ вамъ Великому Государю ото всего Собора о томъ великомъ дѣлѣ бити челомъ, и молити васъ: Пресвѣщеннаго Филарета Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, да Спаса новаго Архімандрита Еуфимія, да Троицы Живоначальныя Сергіева монастыря Келаря старца Аврамія, да Николы Чудотворца Угрѣшскаго монастыря Игумена Іону, да Вознесенскаго Протопопа Кирилла. А милость Божья и Пречистыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ молитва, и нашего смиренія и всего освященнаго Собору благословѣніе и молитва да есть и будетъ съ вашимъ благородіемъ во вѣки, аминь. Писана въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7119 Сентября въ . . .

1511. съ нимъ, и отпустивъ его къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, преставися Апрѣля въ 30-й день, со вторника на середу, въ 1 часъ нощи, положиша тѣло его въ церкви Пречистыя Успенія на Москвѣ.

Ханша Нуръ Салтана. Тоя жъ весны, Іюня въ 21-й день, пріиде изъ Казани Царица Нуръ Салтана на Москву. Іюля въ 27 день въ недѣлю возведенъ на Митрополичь дворъ и нареченъ Митрополитомъ всея Руссіи, Варлаамъ, Архимандритъ Симоновскій, а поставленъ на Митрополію всея Руссіи мѣсяца Августа въ 3-й день, въ недѣлю, а на поставленіи его быша: Архіепископъ Ростовскій, Васіанъ, и Епископъ Сумеонъ Суздальскій, Протасій Рязанскій, Нилъ Тверскій, Митрофанъ Коломенскій, Дософей Крутицкій, а Пермскій Никонъ прислалъ Грамоту свою единосовѣтную достоинству поставленія его.

М. Варлаамъ.

1512. 7020, 1512, Декабря въ 5-й день, въ пятокъ, Князь Великій, Василій Ивановичь, всея Руссіи, отпустилъ съ Москвы въ Крымъ Хана Менлигиреову Ханшу Нуръ Салтану, и Менлигиреева сына Сапепкиреа Салтана, а съ нею вмѣстѣ послалъ Князь Великій къ Хану Менлигирею своего посла, Околничего, Михаила Васильевича Тучкова, а проводити Царицу послалъ до Путимля, Князя Михаила Даниловича Щенятева.

Ханша въ Крымъ.

Тучковъ.

Тоя жъ зимы къ Великому Князю, Василью Ивановичу, всея Руссіи, отъ Хана Махмедаминя Казанского пріиде посолъ, Шаусейнъ Сеитъ, о крѣпкомъ миру и о дружбѣ, и Князь Великій о томъ велѣлъ съ нимъ говорити Бояромъ своимъ, и Великаго Князя Бояре, да Хановъ Махмедаминевъ посолъ, Шаусейнъ Сеитъ, приговоря на чемъ быти Хану Махмедаминю съ Великимъ Княземъ въ крѣпкомъ миру, и въ докончаніи; и грамоту шертную Шаусейнъ Сеитъ написалъ, и на той грамотѣ Шаусеинъ Сеитъ передъ Великого Князя Бояры шерть далъ на томъ, что Хану Махмедаминю въ Казани передъ Великаго Князя Бояры и посломъ шерть дати, что по той грамотѣ правити Великому Князю, и до своего живота, и Князь Великій послалъ къ Хану съ тою грамотою, съ Шаусейнъ Сеитомъ вмѣстѣ, посла своего, Околничего, Ивана Григорьевича Морозова, да Дьяка своего, Андрея Харламова; и въ Казани Ханъ Мах-

И съ Казанью.

Послы въ Казань.

Пана Льва Сапѣги Канцлера Вел. Княж. Литовскаго.	Гусаръ	300.
	Козаковъ	200.
	Пятигорцевъ	100.
	Волонтеровъ	120.
	Пѣхоты	200.
Короля, подъ начальствомъ Пана Гаевскаго при пушкахъ	Пѣхоты	400.
	Татаръ	300.

Роты идущія при Королѣ.

Подъ хоругвею Короля Его Мил.—Гетманомъ ихъ Панъ Маршалъ В. Кн. Литовскаго; Порутчикъ Панъ Барановскій . .	Козаковъ	100.
	Копейщиковъ	600.
	Пѣхоты	800.
Князя Острожскаго Каштеляна Краковскаго	Козаковъ	100.
	Гусаръ	100.
	Пѣхоты	100.
Пана Станислава Любомирскаго Старосты Сандомирскаго.	Козаковъ	100.
	Гусаръ	200.
	Пѣхоты	200.
Пана Кавалера Новодворскаго конницы	Рейтаръ	130.
Подъ начальствомъ Пана Вайера Нѣмецкой.	Пѣхоты	1,130.

Роты идущія позади.

Пана Воеводы Брацлавскаго людей въ полку		900.
Пана Старосты Бѣлокаменецкаго		150.
Пана Каменецкаго		100.
Пана Калиновскаго Старосты Брацлавскаго	Гусаръ	150.
	Пѣхоты	100.
Пана Струся Старосты Хмельницкаго	Гусаръ	150.
	Козаковъ	159.
	Пятигорцевъ	100.
Пана Варшавскаго	Гусаръ	100.
	Козаковъ	600.
Пана Скумина Тышкевича Старосты Брацлавскаго	Гусаръ	100.
	Пѣхоты	100.
Князя Криштофа Збаражскаго	Гусаръ	150.
	Пѣхоты	100.
	Стрѣльцевъ	200.
Пана Браницкаго Мечника Коронпаго	Гусаръ	100.
	Пѣхоты	100.
Пана Сноиковскаго	Гусаръ	100.
	Пѣхоты	40.
Пана Полковника Людвика Вайера	Гусаръ	200.
Пановъ Ротмистровъ Васичинскаго, Дунковскаго, Роговскаго	Пѣхоты	40.
Пана Чуйскаго	Гусаръ	100.
Пана Розена	Валлоновъ	300.

Пана Подскарбія Надворнаго Вел. Княж. Литовскаго и другія Квартовыя роты всѣ остались назади въ непроходимыхъ лѣсахъ. Чиновникъ Ксендза Бискупа Виленскаго, извѣстясь что за Паномъ Гетманомъ слѣдуетъ еще войско на Лукомль, снялъ мосты и завалилъ дороги.

СЕНТЯБРЬ 1609 года.

5-го. Въ Оршѣ, ничего новаго.

6. Панъ Гетманъ съ Паномъ Пржемыскимъ были у Короля. Того числа приказано было Пану Городничему Оршанскому писать письмо къ Смоленскимъ обывателямъ, оправдываясь въ нарушеніи границъ Смоленскихъ, происшедшемъ безъ вѣдома Короля и Пана Гетмана, отъ своевольныхъ Украинскихъ людей, и что будетъ судъ надъ ними.

7. Три орудія осадныя привезены изъ Витебска.

8. Получено извѣстіе изъ Бобруйска отъ 4-го Сентября отъ Пана Воеводы Брацлавскаго, что онъ предполагалъ быть у Могилева къ Вторнику. Находящіяся однакожъ при немъ роты идутъ весьма медленно по причинѣ худой дороги. Переправясь въ непродолжительномъ времени въ Піотровицахъ и починивъ несколько испорченныхъ возовъ, онъ пойдетъ куда Король прикажетъ.

9. Пришли большія орудія изъ Вильны, переправленныя съ большимъ трудомъ чрезъ Днѣпръ ибо 4 дни занимались переправою которую однакожъ совершили благополучно.

10. Получено извѣстіе что квартовыя роты проходили мимо Могилева. Отправленъ туда Дворянинъ Панъ Барановскій, дабы они тамъ не останавливались, и въ томъ мѣстѣ не забирали нужнаго для Короля продовольствія.

11. Приведенный Москаль сказалъ, что Смоленскіе обыватели въ тревогѣ, но что ожидаютъ помощи отъ Скопина; также подтвердилъ прежніе разсказы, что въ Смоленскѣ нѣтъ ратныхъ людей кромѣ 200 Дѣтей Боярскихъ и 300 Стрѣльцевъ.

12. Привезенъ отвѣтъ отъ Воеводы Смоленскаго на письмо Пана Старосты Оршанскаго, въ коемъ проситъ чтобы Король остановилъ разлитія Христіанской крови, отведя назадъ не только войско съ которымъ самъ наступаетъ, но и давно находящееся при Димитріѣ; Шеинъ исчисляя титулы Шуйскаго

прибавляетъ къ нимъ называя его дѣдичнымъ владѣльцемъ Сѣверской земли.

13. Полевыя и осадныя пушки вывезены изъ Орши къ границѣ: съ ними 400 человѣкъ пѣхоты подъ начальствомъ Пана Граевскаго.

14. Панъ Воевода Брацлавскій привѣтствовалъ Короля. Тогдаже было тайное совѣщаніе. Того же числа отцы Езуиты заложили костелъ святаго Михаила въ Оршѣ въ присутствіи Короля.

15. Въ Оршѣ получено извѣстіе, что наши вторгнулись въ предѣлы Смоленскія съ людьми Пана Подскарбія Литовскаго, и захватили много добычи. Королю было то очень досадно, ибо люди Московскіе наипачеже холопы показывали уже наклонность къ сдачѣ.

16. Король изъ Орши отправился ночевать въ Дубровну. Съ нимъ шла и его пѣхота. Слѣдовали также нѣкоторыя роты и отряды Гусарскіе и Казачьи; Королевское знамя однакожъ не было распущено.

17. Въ Дубровнѣ ожидали цѣлый день прибытія другихъ полковъ, коихъ много осталось назади при Воеводѣ Брацлавскомъ.

18. Въ Ивановицахъ совѣщались переходить ли границу съ частію войскъ, или ожидать пока соберутся всѣ? Рѣшили чтобы Панъ Гетманъ двинулся впередъ съ пушками, а Король медленно слѣдовалъ бы за нимъ оставаясь ночевать въ небольшомъ разстояніи, и выжидая идущихъ позади людей. А затѣмъ Панъ Гетманъ двинулся; съ нимъ при пушкахъ находилось 400 человѣкъ пѣхоты Граевскаго. Роты Гусарской самаго Пана Гетмана 200; квартоваго войска три роты по 150 лошадей: Панъ Канцлеръ Литовскій, также поѣхалъ съ Гетманомъ.

19. Представлены были 5 Москвитянъ, которые посланы были отъ земли съ просьбою о помилованіи, и обѣщаніемъ цѣловать крестъ и доставлять продовольствіе, лишьбы ихъ не убивали и не жгли.

20. Тамъ же былъ смотръ людямъ Пана Пржемыскаго:

	Королевской доброй пѣхоты	500.	
	Козаковъ	100.	
	Копейщиковъ	200	отличныхъ Поляковъ.
	Сабатовъ	100	имѣющихъ одежду и конскую сбрую по Венгерскому образцу
Также рота Пана Хвалибога	Козаковъ	100	съ рогатинами.

Того же числа послѣ обѣда пѣхота Нѣмецкая Пана Вайера Старосты Пуцкаго стройно вошла въ Королевскій лагерь на смотръ: хоругвей 7, въ каждой по 200 кнехтовъ одѣтыхъ не богато, но за то люди отличные и хорошо вооруженные.

Того же числа посланы универсалы изъ Канцеляріи, дабы сдались Королю, съ обѣщаніемъ сохранить Греческую вѣру по древнему обычаю и пощадить имущество; при чемъ замѣчено имъ что если станутъ упорствовать то подвергнутъ крайнему разоренію себя, женъ, дѣтей и все свое достояніе.

21. Король двинулся къ Московской границѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди Венгерская пѣхота	800.	
Пана Старосты Сандецкаго	200.	
Передъ Королемъ Пана Краковскаго Гусаръ	100.	отличные люди и лошади.
Около Короля лицъ до . .	70.	
Король.		
Придворная Гусарская хоругвь.	600.	

сѣде на своемъ мѣстѣ, а братія его, и Боляре, и Воеводы, 1514.
и Князи Смоленскіе, и Бояре по чину здороваша ему, а Князь Великій имъ противъ слово свое о здравіи молвилъ, да велѣлъ имъ сѣсти; и Князь Великій, позвавъ къ себѣ гостей, и Бояръ Смоленскихъ, и мѣщанъ, и глагола имъ уставную свою рѣчь, и совершенное свое жалованье, и далъ имъ Воеводу и Намѣстника, Боярина своего и Воеводу, Князя Васильевича Шуйского, и звалъ их къ себѣ сѣсти, и ѣли у Великаго Князя, а послѣ того учалъ ихъ жаловати, портищи собольи, и бархаты, и оксамиты, и камки, и отласы, златымъ и денежнымъ жалованіемъ, комуждо по ихъ достоянію, такоже и Дѣтей Боярскихъ, и служивыхъ людей, и мѣщанъ, комуждо по его пригожству. Тако жъ и Гетмановъ желнерскихъ, и желнерей жаловалъ, а Королева Намѣстника, Пана Юрья Салягубовича, отпустилъ къ его Государю, и проводити его велѣлъ до Орши.

Князь Шуйской.

Того же Августа въ 7-й день послалъ Князь Великій Боярина своего и Воеводу, Князя Михайла Даниловича Щенятева, да Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, и иныхъ своихъ Воеводъ, да Князей и Бояръ Смоленскихъ, со многими людми ко Мстиславу, на Князя Михаила Мстиславского, и Князь Михайло, послышавъ Великаго Князя Воеводъ, да ихъ встрѣтилъ, и билъ челомъ, чтобы Государь Князь Великій пожаловалъ взялъ его къ себѣ въ службу, и съ вотчиною, да и Кресть Воеводамъ на томъ цѣловалъ со всѣми своими людми, и къ Великому Князю съ Воеводами поѣхалъ, и Великій Государь пожаловалъ Князя Михайла къ себѣ въ службу и съ его вотчиною принялъ, и жаловалъ его портищи, и денгами, и его Бояръ и дѣтей Боярскихъ, и въ вотчину его ко Мстиславлю отпустилъ.

Х ко Мстиславлю.

Мстиславль отдался.

Кн. Михаилъ Мстиславскій.

Того жъ мѣсяца въ 13-й къ Великому Князю пріѣхаша изъ Кричева изъ Дубровки мещане, и черные люди, чтобы Государь Князь Великій пожаловалъ велѣлъ имъ служити, а городы Кричевъ и Дубровка передъ Государемъ, и Князь Великій пожаловалъ взялъ ихъ въ свое имя и въ крестное цѣлованье велѣлъ ихъ привести. Тогда же Князь Великій послалъ слугу сво-

Крычевъ и Дубровка.

Гусаръ	200.
Пѣхоты	200.

24. Тамъ же. Показывалъ Королю людей своихъ Панъ Маршалъ Литовскій:

Козаковъ	200.
Гусаръ	150.
Пѣхоты	200.

25 Тамъ же. Возвратился изъ Смоленска ѣздовой отправленный туда съ универсаломъ: отвѣта письменнаго не привезъ, а сказалъ только, что универсалы приняли, и по прочтеніи Смоленскій Воевода сказалъ ему: *«Ты много пустаго говоришь, Короля нѣтъ при войскѣ; онъ остался въ Вильнѣ, идетъ только Левъ Сапѣга съ Жолкевскимъ; ежели въ другой разъ пріѣдешь съ такими же предложеніями, напоимъ тебя водою.»*

Того же числа около вечера показывалъ своихъ людей Панъ Староста Кржеменецкій:

Пѣхоты	200	очень хорошей.
Гусаръ	150	хорошія лошади и нарядъ.

26. Такъ же и Панъ Хойсцкій показывалъ Королю 40 Гусаръ отличныхъ.

Того числа до Соросны. Рота Пана Невядомскаго съ Паномъ Омульскимъ Порутчикомъ Казаковъ Пана Литовскаго Канцлера подошли къ самымъ стѣнамъ Смоленска и сразившись съ Москвою, убили нѣсколько людей, а болѣе десятка ранили; захваченныхъ же одного чернца и нѣсколькихъ стрѣльцевъ отослали къ Королю. Съ нашей стороны перебили одному руку бердышемъ; подъ другимъ убита лошадь. Плѣнные сказываютъ, что Смоленскіе жители не вѣрятъ пріѣзду Короля: людей способныхъ къ битвѣ имѣютъ не много, стрѣльцевъ только 500; пушекъ достаточно, но стрѣлять не кому.

27. Надъ рѣкою Ухниею.

ко, и у нихъ многихъ людей и Воеводъ Ляцкихъ и 1515.
Литовскихъ и Польскихъ дѣтей и княжатъ побили, а Русскіе
Великаго Князя Воеводы, Князь Михайло Ивановичъ побиты.
Булгаковъ, да братъ его, Князь Дмитрій Булгаковъ, да
Иванъ Андреевичъ, и инные Воеводы, по грѣхомъ, въ Воеводы
Литовскіе руки попали. Епископъ же Варсунофій Смо- плѣнены.
ленскій, презрѣвъ Божественный судъ и поправъ свое-
го святительства совѣтъ, и преступивъ своего обѣща-
нія и клятву, и крестное цѣлованіе, измѣнилъ ко Го- Еп. Смо-
сударю Великому Князю, и посла къ Королю племян- ленскій
ника своего, Васка Ходыкина, съ писаніемъ, глаголя: измѣнилъ.
Аще нынѣ пойдеши самъ ко граду Смоленску, или Вое-
воды свои со многими людми пошлешь, можеши нынѣ
градъ безъ труда взяти. Князи же, и Бояре Смоленскіе
и мѣщане, свѣдавъ Владыки Смоленского измѣну и кре-
стное преступленіе ко Государю и Великому Князю,
и возвѣстиша сія вся Великаго Князя Боярину и На-
мѣстнику Смоленскому, Князю Василью Васильевичю
Шуйскому, по крестному цѣлованію въ правду объ-
искавъ. Князь же Василій Васильевичъ, слышавъ у Кня-
зей и Бояръ Смоленскихъ и у мѣщанъ ихъ обискъ, и
Владычню Варсунофьеву измѣну, что онъ на Православ-
наго Государя отчину наводитъ Латынство, и о томъ
велику похвалу воздаде, а Владыку Варсунофія послалъ Владыка
изъ Смоленска къ Государю Великому Князю на Москву; взятъ.
не по мнозѣхъ же днѣхъ по Владычнѣ присылкѣ пріи-
доша ко граду Смоленску Литовскіе Воеводы, Князь Кон- Полякн къ Смо-
стантинъ Острожской, и иные Воеводы со многими люд- ленску.
ми, и многіе ссылки и грамоты во градъ Смольяномъ по-
слаша, и приступы ко граду частые творяху, но Бо-
жіею помощію и Пречистыя Богоматере, Князи и Бо-
яре Смоленскіе, и всѣ люди граждане, съ Великаго Кня-
зя Воеводами, и со всѣми людми единодушно и крѣпко
противу Литовскихъ людей стояху, изъ града по часту
изхождаху, и съ ними крѣпко біяхуся; безбожный же
Острожской Государской измѣнникъ у града Смоленска
не успѣ ничтоже, возвратися съ великимъ срамомъ; абіе Прочь
же изъ града вышедше многіе люди, Москвичи и Смоль- пошли.
яне, погнаша за ними, и многихъ людей Литовскихъ

ОКТЯБРЬ.

1. Панъ Воевода Брацлавскій со своимъ полкомъ представлялся Королю Его Мил. надъ рѣчкою Яченкою.

Потомъ Король ѣхалъ къ великому лагерю подъ Смоленскомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Нѣмецкой пѣхоты.	1,400.
Пана Старосты Кржеменецкаго. . .	200.
Пана Мечника Коронпаго.	100.
Пана Конюшаго Литовскаго. . . .	100.
Королевскихъ венгерскихъ хоругвей .	семь.
Пана Старосты Сандецкаго.	200.
Пана Краковскаго.	100.
Пана Воеводы Брацлавскаго. . . .	300.
Пана Варшавскаго.	60.
Потомъ Козаковъ и Валлаховъ.	
Пана Воеводы Брацлавскаго хоругвей	три.
Пана Коссовскаго Пятигорцевъ. . .	100.
Одна половина съ копіями, другая съ рогатинами.	
Пана Горецкаго Пятигорцевъ съ рогатинами	100.
Пана Яна Потоцкаго Гусаръ. . . .	100.
Пана Старосты Фелинскаго Гусаръ. .	120.
Пана Воеводы Брацлавскаго Гусаръ .	280.
Пана Скомина Писаря Литовскаго Копейщиковъ.	80.
Пана Варшавскаго Копейщиковъ. . .	100.

Пана Старосты Сандецкаго Копейщи-
ковъ. . . . . 200.

Князя Пана Краковскаго. . . . . 100.

За ними Король со всѣми чиновниками и Сенаторами.

При Королѣ Козачья хоругвь Пана Краковскаго. 100.

При другой сторонѣ Пана Старосты Сандецкаго. 100.

За королемъ придворная хоругвь подъ которую сего числа вступила рота Пана Старосты Кржеменецкаго Копейщиковъ. . . . . 150.

Пана Тенчинскаго Копейщиковъ. . . 100.

Пана Спонковскаго Копейщиковъ. . . 108.

Въ разъѣздахъ:

Пана Браницкаго Мечника короннаго . 40.

Пана Хойскаго. . . . . 40.

Другихъ ходившихъ прежде подъ хоругвею копейщиковъ. . . . . . 300.

И другіе чиновники Придворные какъ Коронные такъ и Литовские: и прочие Дворяне Королевскіе.

А въ лагерѣ подъ крѣпостью Панъ Канцлеръ Литовскій ожидалъ Короля съ своимъ полкомъ.

Когда мы подступали къ лагерю, то Москва увидѣвъ Королевскихъ людей встревожилась, и зажгла посадъ, который горѣлъ только до дня, хотя домовъ могло быть до 6,000. Часто уже тогда стрѣляли изъ крѣпости. Ночью Нѣмецкая пѣхота подступивъ подъ крѣпость, дабы получить возможность лучше рекогносцировать оную и ознакомиться съ ея мѣстностью, имѣла стычку, съ тѣми которые при угольной башнѣ выпущены были изъ крѣпости къ Днѣпру; при томъ пѣхота сія зажгла устроенные непріятелемъ срубы. Отъ сего встревожился гарнизонъ въ крѣпости и началъ чаще стрѣлять и звонить въ колокола. Потомъ однакожъ пѣхота вынуждена была затушить пламя и отступить назадъ.

2. Снова Панъ Гетманъ съ нѣсколькими Шотландцами и

Нидерландцами объѣзжалъ крѣпость, осматривая позицію и укрѣпленія города, имѣющаго 37 башней—а какъ ограда представляла болѣе видъ круга, чѣмъ овала, то доступъ къ ней не такъ былъ удобенъ, какъ могло бы то казаться. Воротъ было отъ стороны сожженнаго посада трое, съ южной стороны трое и съ сѣверной также трое; двое только были прикрыты деревянными срубами. Множество черни стояло съ пожитками надъ Днепромъ, и тамъ солдаты Пана Гетмана захватили изъ пожитковъ сихъ довольное количество и съ людьми.

По полудни пришло 400 лошадей Копейщиковъ Пана Людвика Вайера, и когда шли на назначенное имъ мѣсто, то изъ нихъ конюха одного убили изъ пушки, и за нимъ лошадь, потому что слишкомъ поднялись на гору: и сей былъ первый убитый пушечнымъ выстрѣломъ. У одного товарища изъ роты Пана Тенчинскаго убиты двѣ лошади изъ подъ повозки. Также убили двухъ лошадей гайдуцкихъ. Стрѣляютъ часто и изъ пушекъ дальнометательныхъ. Ночью одинъ Капитанъ Нѣмецкій измѣрилъ пикою стѣну крѣпостную и донесъ что толщина ее въ 3 локтя.

Получено извѣстіе, что Нѣмцы оставили Скопина Шуйскаго; но когда изъ Москвы получены деньги, то Скопинъ опять уговорилъ ихъ возвратиться къ себѣ. Между тѣмъ Панъ Иванъ Сапѣга ударилъ на лагерь Скопина искусно расположенный и шанцами укрѣпленный: и вломился было уже въ шанцы: но Нѣмцы не далеко еще отшедшіе поворотясь отбили его, однакожъ не съ большимъ урономъ. Затѣмъ Панъ Сапѣга возвратился въ свой лагерь.

Князь Шуйскій Великій Иванъгородъ и другіе два замка уступилъ Каролюсу. Затѣмъ Каролюсъ послалъ въ Москву на помощь не малое число Нѣмцевъ и Шведовъ.

Люди Пана Воеводы Браславскаго схватили купца изъ Смоленска, который разсказывалъ, что только 300 стрѣльцевъ находятся въ городѣ, ибо 200 другихъ Воевода отправилъ въ Брянски, а хотя и приказалъ было имъ возвратиться, но они не послушались. Сказывалъ и то что граждане сначала поло-

жили подъ присягою не жечь посада, но что Воевода видя большое королевское войско, встревожился и объявилъ имъ, что не возможно никакъ защищать вмѣстѣ и посадъ и крѣпость. Тогда всѣ воскликнули *жги, жги.* Въ слѣдствіе чего зазженъ былъ посадъ. Сказывалъ еще что пушкарей находится 100 и пушекъ также 100. На каждой башнѣ въ верху по одной, въ серединѣ по двѣ и внизу по одной. А когда стрѣляли ночью 1-го Октября, то одна пушка лоппула, и пушкарю оторвало руку, и хотя еще онъ не умеръ, но въ живыхъ не останется.

Того же числа на Днѣпрѣ поставленъ мостъ приведенный 2-го Октября изъ Орши. Всей пѣхотѣ, бывшей въ лагерѣ приказано заготовлять туры.

4. Князь Корецкій показывалъ Королю свой отрядъ изъ 40 Гусаръ и 40 Козаковъ. Панъ Гетманъ приказалъ сдѣлать поискъ при помощи петардъ. Въ слѣдствіе сего Панъ Маршалъ Литовскій у красугольной башни при городѣ отъ стороны нашего лагеря, за полтора часа до начатія дня открылъ стрѣльбу изъ малыхъ полевыхъ пушекъ для стращанія, и изъ мортиръ бросалъ бомбы въ крѣпость, для встревоженія простаго народа коего множество въ крѣпости. Панъ Вайеръ Староста Пуцкій съ Нѣмецкою пѣхотою, долженъ былъ приложить петарду къ другимъ воротамъ отъ полевой стороны. А Панъ Кавалеръ Новодворскій съ Паномъ Шембекомъ въ девять часовъ отъ башни надъ Днѣпромъ пошелъ съ другими петардами къ Абрамовскимъ воротамъ. Диверсія Пана Маршала учинена была хорошо. Петарды Пана Людвика Вайера произвели малое дѣйствіе. А тамъ гдѣ Панъ Кавалеръ былъ съ Паномъ Шембекомъ петарды взорвали обое воротъ, но пѣхота Венгерская, которая должна была наступать съ своими начальниками, не хотѣла итти къ крѣпости. Трубачи также долженствующіе подать сигналъ объ выбитіи воротъ бѣжали отъ Пана Новодворскаго. И такъ подвигъ ничѣмъ кончился. Петардщики, бывшіе дважды въ крѣпости отступили, и войско стоявшее въ готовности, принужденнымъ нашлось отойти. Погибло отъ ружейнаго огня и отъ камней (ибо долго перестрѣливались) до

10 человѣкъ пѣхоты Венгерской и Нѣмецкой, а раненыхъ отъ камней и стрѣльбы было до 70.

5. Въ сію ночь пѣхота Нѣмецкая имѣла лучшій успѣхъ съ другой стороны отъ Днѣпра, въ части города (прилегающей къ посаду сожженному самою Москвою) обнесенной валомъ и имѣющей сообщеніе съ крѣпостью посредствомъ шанцевъ. Нѣмцы изгнавъ Москву изъ шанцевъ подложили огонь, при чемъ много непріятелей было убито и сожено съ домами, а именно до 40 служилыхъ Нѣмцевъ вышедшихъ изъ крѣпости: а когда гнались за бѣжавшими въ крѣпость болѣ десяти кнехтовъ вторгнулись въ ворота, но должны были отойти по причинѣ весьма сильной стрѣльбы. Схватили Попа который указалъ мѣсто, гдѣ стѣна была слабѣе, и повреждена отъ огня. Захваченъ также и другой Москаль, разсказывавшій между прочимъ, что народъ чуть было камнями не побилъ Воеводу, за то что сжегъ посадъ, и что 5 Москалей сговорились поджечь порохъ въ крѣпости; изъ нихъ одинъ былъ схваченъ и пытанъ но не о говорилъ товарищей своихъ.

6. Показывали Королю:

Панъ Староста Бялокаменскій	пѣхоты	100.
	Козаковъ	100.
	Гусаръ	200.
Панъ Николай Потоцкій Копейщиковъ		100.
Панъ Казановскій		100.
Панъ Староста Орлинскій		4.

Обыватели Мстиславскіе прислали своихъ посланниковъ къ Королю предлагая готовность свою споспѣшествовать предпріятію и извѣщая, что снаряжаютъ подъ Смоленскъ до 200 Козаковъ и 150 Копейщиковъ.

7. Панъ Юневичь Воеводичь Бржестскій и Староста Цеценскій привелъ на смотръ 100 Копейщиковъ.

Того же числа пришли къ Королю посланники отъ Запорожскихъ Козаковъ, испрашивая хоругви и донося что ихъ

до 300 * идутъ къ Королевскому войску. Они потомъ расположились лагеремъ при одномъ монастырѣ, по другой сторонѣ надъ Днѣпромъ вмѣстѣ съ полкомъ Пана Вайера для отпора, еслибы Москва сдѣлала нападеніе: Москва узнавъ, что тамъ находится много людей, не столь отваживалась на вылазку.

8. Панъ Гербуртъ Воеводичь Русскій показывалъ 100 Копейщиковъ.

Ночью Панъ Староста Пуцкій поставалъ туры противъ угольной башни, изъ которой болѣе всего стрѣляли на лагерь. Для охраненія сей батареи и на содержаніе при ней перемѣнной стражи назначено 400 человѣкъ Королевской Польской Пѣхоты, 200 Пана Старосты Кржеменецкаго и 2 Нѣмецкія хоругви. Потомъ прибавлено еще 200 Венгерцевъ для облегченія службы прочихъ и для учиненія сильнѣйшаго отпора на случай непріятельскаго нападенія.

9. Стрѣляли изъ сей батареи въ угольную башню, съ которой часто отвѣчали, но безъ всякаго урона для нашихъ, укрываемыхъ самимъ срубомъ Москвою занятымъ накоемъ она имѣла свои шанцы. Въ башнѣ однакожъ наши пушки дѣлали значительные проломы. Но Москва принялась такъ удачно засыпать землею, что вскорѣ завалила башню, хотя прежде ядра на сквозь проходили.

Тою же ночью Панъ Маршалъ Литовскій по другой сторонѣ Днѣпра, гдѣ Москва сожгла посадъ свой, устроилъ шанцы и поутру изъ полевыхъ пушекъ, поздравлялъ Архіепископа и Воеводу. Жители весьма встревожились ибо пушкарь съ первыхъ выстрѣловъ попалъ въ домъ Воеводы, и потомъ сильно стрѣлялъ въ крѣпостную ограду.

10. Панъ Вайеръ начатую съ утра стрѣльбу по башнѣ прекратилъ въ первомъ часу по полудни, когда Король собирался ѣхать за Днѣпръ дабы лучше осмотрѣть крѣпость. Дано знать что въ двухъ осадныхъ пушкахъ оказались трещины,

---

* *Примѣчаніе:* Очевидная ошибка, вмѣсто 300 должно читать 30,000, основываясь на Запискахъ Жолкевскаго.

такъ, что изъ нихъ болѣе стрѣлять не возможно. За тѣмъ Король отправился на ту сторону Днѣпра, а передъ нимъ шла хоругвь Пана Старосты Кржеменецкаго. Въ то время какъ Король производилъ рекогносцировку, сдѣлано два пушечныя выстрѣла изъ шанцевъ Пана Вайера по башнѣ, и видно было какъ ядра на сквозь пролетали, но Москва не переставала засыпать землею и отвѣчала изъ пушекъ.

Когда Король возвратился въ полатку привели пойманнаго на фланкировкѣ боярскаго слугу, которой сказывалъ, что изъ шанцевъ Пана Вайера убито въ крѣпости 3 пушкаря, что стѣна значительно повреждена, но башня засыпана и за нею сдѣланъ ретраншаментъ.

11. Того же ночью пушки изъ того мѣста, откуда стрѣлялъ Панъ Вайеръ привезены въ лагерь, ибо напрасно было бы терять порохъ и ядра.

12. Однакожъ Панъ Маршалъ приказалъ сильно стрѣлять по городу, начавъ съ самаго утра.

Въ полдень былъ смотръ ротѣ Пана Старосты Брацлавскаго изъ 150 Копейщиковъ.

Послѣ обѣда стрѣляли опять изъ шанцевъ Пана Маршала, но Москва не отвѣчала. Когда спрашивали плѣнныхъ почему? то сказывали, что отъ сильной стрѣльбы, вода пропадала изъ колодцевъ, а за водой къ Днѣпру ходить трудно, и отъ того въ крѣпости смирно стояли.

Панъ Староста Хмельницкій приводилъ на смотръ роту. 220.

Козаковъ съ рогатинами . . . . 150.

Пѣхоты. . . . . 300.

Панъ Староста Львовскій пѣхоты . . . . 60.

Гусаръ . . . . . . 12.

Ночью Панъ Маршалъ Литовскій подвелъ ближе къ самому городу мортирную батарею для метанія бомбъ въ крѣпость. Тогда же гайдукъ зажегъ мостъ, коего большая часть сгорѣла; Москва хотѣла было препятствовать сему дѣйствію, но была отражена выстрѣлами.

Тамъ же убиты ядрами одинъ гайдукъ Князя Збаражскаго, и другой Пана Конюшаго Литовскаго.

13. Къ вечеру брошены въ крѣпость двѣ бомбы изъ мортиръ, дабы узнать какъ далеко упадутъ: одна упала подъ стѣною, другая хорошо перелетѣла и встревожила людей. Ночью бросали чаще. Сдѣлался пожаръ но потушили. Одна бомба упала на башню, гдѣ лопнувъ много Москвѣ повредила. Того же ночью убита одна женщина боярская и двое дѣтей, отъ чего въ крѣпости сдѣлался плачь и большая тревога.

14. Пришли Козаки Запорожскіе числомъ до 3,000 и стали лагеремъ по другой сторонѣ крѣпости, гдѣ съ полкомъ своимъ стоялъ Панъ Людвигъ Вайеръ, по близости воротъ называемыхъ Абрамовскими, куда ходилъ съ петардами Панъ Кавалеръ Новодворскій. Того числа Панъ Канцлеръ Литовскій отправилъ одного гайдука въ крѣпость, сказывая, что Богданъ Величанинъ имѣетъ къ нимъ Королевское слово. Приказали войти въ крѣпость гайдуку и когда вошелъ, то держали его тамъ съ часъ: Панъ Канцлеръ думалъ, что хотѣли его мучить. Однакожъ послѣ совѣщанія отпустили его, сказывая, что готовы слушать что скажетъ Богданъ. А какъ уже былъ вечеръ, то и отложено дѣло сіе до другаго дня. Потомъ Панъ Гетманъ послалъ въ шанцы Пана Маршала, съ приказаніемъ удержаться отъ непріязненныхъ дѣйствій. И такъ ночь проведена въ тишинѣ.

15. Богданъ Величанинъ сойдясь съ ними сказалъ: Король Его Мил. удивляется вашему упорству и грубости, что вы не встрѣчаете его съ благодарностію, когда онъ какъ Христіанскій Государь, жалѣя о разлитіи Христіанской крови, столь давно здѣсь продолжающейся пришелъ въ намѣреніи прекратить оное и если окажетесь достойными такой Божіей милости, то и принять васъ подъ свое покровительство, по случаю смерти Государей вашихъ и частой перемѣны ихъ. И потому внемлите доброму намѣренію Короля, который хочетъ васъ помиловать, сберечь женъ и дѣтей вашихъ и сохранить неприкосновенно ваши права, и обычаи и вѣру, со всѣми обрядами ея. На сіе ему отвѣчали: *Мы похваляемъ Государя Ко-*

роля вашего за то что хочетъ поступать съ нами по Христіански, но опасаемся Литовцевъ, ибо на нихъ положиться не льзя. Если бы Король и обѣщался въ чемъ присягою, то они не сдержатъ слова и по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые хотя увѣряютъ что воюютъ за насъ, однакожъ сами забираютъ женъ, дѣтей и дочерей нашихъ и разоряютъ наши волости. Впрочемъ давъ время Боярамъ выспаться спокойно послѣ понесенныхъ ими трудовъ, завтра отправимъ къ вамъ на переговоры; и съ тѣмъ разошлись отложивъ все до другаго дня. Однакожъ изъ крѣпости сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ пищалей, потому что наши какъ люди свободные часто близко подъѣзжали къ стѣнамъ.

16. Москва принявъ Богдана Величанина подъ крѣпостью и поподчивавъ его водкой, сказалъ ему какъ и прежде: *Мы уже Шуйскому Государю нашему цѣловали крестъ и онъ обѣщаетъ помочь намъ и потому пусть Король вашъ дѣлаетъ что можетъ, мы же останемся вѣрны нашему Государю.* И такъ грубый народъ успѣлъ заставить насъ потерять два дня. Затѣмъ надлежало уже обратиться къ инымъ средствамъ.

Того же числа пришли въ лагерь 350 выбранцевъ Подляшцевъ, коихъ велъ Панъ Черпеевскій. Ночью Панъ Гетманъ приказалъ Пану Вайеру подвести шанцы ближе къ стѣнѣ противъ Богословской башни. На нихъ поставили 4 осадныя пушки. Когда насыпали туры, ружейными выстрѣлами убиты 2 выбранца Подляшскихъ а 3 опасно ранено.

Съ утра цѣлый день стрѣляли изъ пушекъ въ башню очень часто и сдѣлали не малый проломъ. Изъ крѣпости отвѣчали но изрѣдка, и безъ вреда для нашихъ.

Къ вечеру Панъ Гаевскій Староста Усцкій неосторожно стоявшій въ шанцахъ раненъ въ горло выстрѣломъ изъ пищали, такъ что тутъ же упалъ и скончался.

18. Стрѣляли сильно изъ шанцевъ Пана Маршала и Пана Вайера.

Того же числа стрѣльбою изъ шанцевъ Пана Маршала убито 5 поповъ и боярина молящихся по утру въ церкви называемой Пятница.

19. Часть Нѣмецкой и Королевской пѣхоты дѣлали шанцы у самихъ стѣнъ. Изъ крѣпости стрѣляли камнемъ — часто перестрѣливаясь изъ мушкетовъ и пищалей; двое нашихъ ранено но не опасно, а наша пушка сбила съ разрушенной башни двухъ москалей, метавшихъ камнями въ нашихъ.

20. Ночью пѣхота по приказанію Пана Гетмана начала копать траншеи въ 30 только шагахъ отъ стѣны. Былъ тамъ самъ Панъ Гетманъ. Двое нашихъ ранены выстрѣлами.

21. Вышло было изъ крѣпости до 20 Москалей для добытія языка, но бывшіе на сторожѣ увидали ихъ, почему они возвратились въ крѣпость не сдѣлавъ ничего.

22. Того числа стрѣляли часто въ городъ и въ стѣны изъ шанцевъ Пана Маршала и Пана Вайера.

23. Валлоны Пана Розена были на смотру у Короля.

200 Запорожскихъ самихъ лучшихъ Козаковъ пришли въ Королевской лагерь.

24. Козаки Пана Соколовскаго писаря Литовскаго ѣдучи за добычею за нѣсколько десятковъ миль отъ Смоленска по направленію къ Москвѣ, захватили Боярина съ подъячимъ отправленныхъ изъ Смоленска къ Шуйскому съ письмами и привели ихъ къ Королю.

Послѣ обѣда Панъ Медемъ Лифляндецъ показывалъ 60 конныхъ рейтаръ.

Того же числа получено отъ вѣрныхъ людей извѣстіе, что Запорожскіе Козаки, бывшіе при Царѣ, по приказанію Князя Рожинскаго Гетмана тамошняго войска пришли къ Бѣлой и убивъ передъ крѣпостью до 3,000 Москалей взяли городъ; но другіе въ замкѣ защищаются. Запорожцы сіи хотятъ при удобномъ времени итти на приступъ, ибо огнемъ не желаютъ брать крѣпости, въ ожиданіи большой добычи.

25. Нѣсколько десятковъ Москалей собравшись, схватили пѣхотную хоругвь Пана Старосты Сондецкаго по неосторожности Поручика и по большой оплошности пѣхоты поставленной у

моста для недопущенія до рѣки выходящихъ людей за водою изъ крѣпости отъ стороны шанцевъ Пана Маршала. При семъ случаѣ Москали унесли мостовые срубы, изъ коихъ подѣлали себѣ банкеты. Въ семъ предпріятіи они направляемы были однимъ Венгерцемъ давно уже поселившимся въ Москвѣ—Унеся хоругвь они безъ всякаго урона возвратились въ городъ. Пьяный Хорунжій, который хотѣлъ было опять отнять хоругвь былъ раненъ.

26. Запорожскіе Козаки присланные изъ подъ Бѣлой отъ тамошняго войска, представлялись Королю, изъявляя покорность и послушаніе и желая именемъ Короля и подъ начальствомъ Королевскихъ Гетмановъ продолжать свои подвиги.

Къ вечеру нѣсколько десятковъ конныхъ Москалей, ободренные вчерашнею добычею и успѣхомъ вышли изъ крѣпости и ударили на стражу, но при помощи приспѣвшаго подкрѣпленія, ихъ обратно вогнали въ крѣпость.

27. Тѣло покойнаго Пана Гаевскаго повезено изъ лагеря въ Польшу.

Того же числа былъ судъ надъ потерявшими хоругвь — Поручика приговорили къ смерти, а 72 гайдукамъ предоставлено заслуживать вину свою въ головѣ аттаки, когда пойдутъ на приступъ. Но и прежде того долженъ получить прощеніе тотъ изъ нихъ который бы до приступа еще отнялъ хоругвь у непріятеля, или сдѣлалъ какой значительной подвигъ.

28. Читаны переводы писемъ, которыя плѣнные везли изъ Смоленска къ Шуйскому—въ нихъ разсказываютъ все съ ними въ то время происходившее, но по обыкновенію Москалей съ преувеличеніемъ своихъ подвиговъ. Плѣнные сказываютъ такъ же, что копаются большіе слуховые колодцы въ пяти мѣстахъ въ предостереженіе отъ подкоповъ.

29. Назначенные посланцами къ подмосковному войску Панъ Пржемыскій, Князь Збаражскій, Панъ Людвикъ Вайеръ, Панъ Скуминъ Писарь Литовскій и Панъ Домарацкій получили извѣстное наставленіе.

Того же числа отъ того войска пріѣхалъ Панъ Кнутъ, ко-

торый сказываетъ, что ожидаютъ съ радостію приказанія Королевскаго.

Къ вечеру пойманнаго съ письмами Боярина послали въ ближайшія къ городу шанцы для переговора съ Москвою. Будучи въ шанцахъ онъ сталъ убѣждать, чтобы ударили челомъ Королю, представляя что подвергнутся большой опасности если будутъ упорствовать. Москва же отвѣчала изъ за стѣнъ: *Если бы ты былъ въ городѣ, то думалъ бы такъ какъ и мы думаемъ, но теперь ты говоришь какъ плѣнный.* Онъ усиливался уговаривать ихъ, напоминая что отъ Шуйскаго помощи ждать не чего и что людей Королевскихъ много и станутъ разорять волости, почему увѣщавалъ чтобы сжалились надъ самими собою и надъ женами и дѣтьми своими. Отвѣчали: *Не хотимъ погубить душъ своихъ.* За тѣмъ онъ просилъ чтобы позволено ему было говорить съ ними въ другое время. Отвѣчали: *Ежели о сдачѣ толковать будешъ, то не за чѣмъ приходить, но о другомъ какомъ добромъ дѣлѣ, всегда и вездѣ свободно тебѣ будетъ говорить съ нами когда захочешъ*—и такъ того дня разошлись.

30. Съ Пятницы не Субботу въ 2 часу ночи началось молебствіе въ церкви Бориса и Глеба Московскихъ Патроновъ, при которой находится постъ отъ войскъ Пана Гетмана. Молебствіе было 40 часовое, на которомъ въ Воскресенье Король былъ на обѣднѣ и на вечернѣ. Много воиновъ приходили на молебствіе въ оба дня и исповѣдовались и причащались.

31 Въ Субботу къ самому вечеру Москва сдѣлала вылазку изъ двухъ воротъ.

Изъ Копытецкихъ ударили на стражу Пана Канцлера Литовскаго, но будучи мужественно встрѣчены возвратились въ крѣпость. Изъ другихъ воротъ напали на Пана Людвига Вайера и тамъ долго сражались. Одинъ Москаль какъ кажется знатный, съ собольимъ воротникомъ, часто прискакивалъ къ нашимъ, которые старались его окружить, но болѣе десятка стрѣльцевъ берегли его и нѣсколько разъ выручали. Когда же онъ возвращался въ крѣпость, то нѣкто Тржебуховскій, подбивъ своею лошадью его лошадь, опрокинулъ его и державъ

*

уже за воротникъ, нанесъ ему саблею двѣ раны въ голову, но наконецъ отпустилъ его, не выдержавъ стрѣльбы отстаивающихъ его людей. Самъ Тржебуховскій былъ раненъ въ руку рогатиною. На бою пало 6 Москалей, но пѣхота унесла ихъ, какъ то у нихъ водится.

НОЯБРЬ.

1. Воевода велѣлъ схватить одного Боярина бывшаго сотскимъ, за то только что сказалъ «*однакожъ когда силъ недостанетъ мы должны будемъ сдаться, а лучше бы во время*. На другой день послѣ пытки Бояринъ умеръ.

Того же числа получено извѣстіе, что Скопинъ Шуйскій изъ своего войска отрядилъ 30 Бояръ, дабы собрали разбѣжавшихся по лѣсамъ людей и перехватывали или убивали нашихъ фуражировъ. Изъ тѣхъ Бояръ нѣкто Тржаска собравъ 3000 крестьянъ нападалъ изъ лѣсовъ и убилъ 40 пахоликовъ Пана Маршала и 10 Казаковъ Пана Краковскаго.

2. Назначенъ къ первымъ Посланцамъ, имѣющимъ отправиться въ Москву вмѣсто Пана Викентія Войны Панъ Скуминъ Староста Брацлавскій—Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ извѣстій посольство умножено.

Къ вечеру Москва сильно стрѣляла каменьями въ нашихъ, и ранила двухъ пѣхотинцевъ.

Передался одинъ Москаль пробравшись чрезъ отверстіе: сказываетъ что въ крѣпости большее бѣдствіе и дороговизна. Пудъ соли около половины нашего корца, продается по рублю; четверть Ржи по рублю же. Нѣтъ сѣна для лошадей. Въ водѣ недостатокъ. Вылазки дѣлаютъ для того только, чтобы могли кого отправить къ Шуйскому, ибо уже близь 4-хъ недѣль какъ никого не было ни отъ нихъ, ни къ нимъ. Онъ же разсказываетъ что и сегодня готовятся къ вылазкѣ съ тою же цѣлью. Узнавъ о томъ служившіе въ полку Пана Гетмана, Паны

Моравецъ, Борковскій, два Средзинскіе, Давидовскій и нѣкоторые другіе собирались вечеромъ, а другіе за ними, но прежде чѣмъ доскакали, увидѣли, что стража дерется съ вышедшими на вылазку. Бросились дружно и копіями счастливо сразились съ Москвою. Москва возвратилась въ крѣпость, они преслѣдовали ее съ саблями въ рукахъ, но наткнулись на пѣшихъ стрѣльцевъ которые начали убивать подъ ними лошадей. Первый Панъ Давидовскій потерялъ Коня но спасся, мужественно отбиваясь отъ превосходнаго въ числѣ непріятеля — Русскихъ было 150. Младшаго Пана Средзинскаго они такъ окружили, что онъ не могъ спастись хотя сражался довольно долго; товарищи удержанные ружейнымъ огнемъ не могли пособить ему и онъ попался въ плѣнъ. Другіе спаслись невредимы, съ окровавленными саблями; то доказываетъ, что много Москвы погибло, но они трупы своихъ людей уносятъ.

Панъ Борковскій только раненъ рогатиною въ лѣвую руку.

4. Ночью на Среду бросали бомбы въ крѣпость; изъ нихъ 6 попало, и загорѣлся одинъ домъ, такъ что видно было пламя: множествомъ народа однакожъ утушили, хотя и не безъ потери въ людяхъ.

По полудни стража Пана Людвика Вайера, поймала Москаля, простаго мужика, который доносилъ тоже о бѣдствіи и дороговизнѣ, что и передавшіеся прежде Стрѣлецъ, прибавляя, что Средзинскаго привели къ Воеводѣ и спрашивали *«скороли Король отступитъ*? Сказывалъ такъ же что нашихъ не изнуряютъ, и плѣннымъ даютъ по нѣскольку грошей, а есть ихъ до 50: ибо наши столь безпечны, что возвращаясь съ фуражированія, почти мимо самихъ стѣнъ проходятъ.

5. Сказалъ тотъ же Москаль, что собираются на вылазку ночью, изъ крѣпости на шанцы. Потому стояла въ ружье ночью сотня пѣхоты, и были въ осторожности въ шанцахъ, и часто стрѣляли. За тѣмъ Москва видя нашу готовность къ отпору, ничего не предпринимала.

Того же числа стрѣляли сильно изъ пушекъ въ меньшую башню возлѣ Богословской и сдѣланъ значительный проломъ въ верху.

6. Пришли къ Королю Депутаты отъ Козаковъ Запорожскихъ съ изъявленіемъ покорности, съ просьбою о пожалованіи хоругвей и съ извѣщаніемъ, что Панъ Вѣлегловскій манитъ ихъ къ Дмитріевой конфедераціи, но что они не хотятъ поднимать оружія противъ Короля.

Получено также извѣстіе что Дмитріево войско сдѣлало Конфедерацію, на слѣдующихъ основаніяхъ: заслуженной платы отыскивать соединенными силами; противиться ежели бы кто хотѣлъ на нихъ вооруженною рукою наступать, и пана своего не покидать. Пахолики однакожъ отозвались, что они не станутъ служить противъ своего Короля.

7. Другіе депутаты отъ Козаковъ изъ Вязьмы пришли къ Королю съ изъявленіемъ покорности и готовности служить — Ихъ было до 3,000, самыхъ отличныхъ и опытныхъ.

Панъ Староста Велижскій получилъ извѣстіе, что одинъ Козакъ, изъ полка Донскихъ Козаковъ, служившій цѣлое лѣто подъ начальствомъ Пана Гонсѣвскаго услышавъ, что Панъ Гонсѣвскій отправился къ Королю, отсталъ отъ его людей, которыхъ оставилъ между Торопцемъ и Велижемъ, и отправился къ Дмитрію. Получивъ отъ него грамоту, чтобы ему всѣ повиновались, онъ, съ нѣсколькими сотнями Донскихъ переодѣтыхъ Козаковъ, потянулся къ Торопцу. Но Торопчане напавъ на него, разбили и самаго его казнили на столбѣ.

Между тѣмъ Панъ Староста спосится съ Козаками Запорожскими стоящими у Бѣлой, узнавъ что они пришли служить Королю.

То еще слышно, что Василій Шуйскій и Дмитрій Скопинъ очень встревожены.

9. Ничего.

10. Козаки сговорившись съ Паномъ Людвикомъ Вайеромъ бросились ночью къ воротамъ съ топорами, но сильная стрѣльба изъ крѣпости не допустила ихъ къ онымъ.

Той же ночи съ другой стороны одинъ Поручикъ изъ полка Пана Старосты Пуцкаго хотѣлъ зажечь ворота, но былъ убитъ изъ пищали.

Того же числа Панъ Маршалъ въ своихъ шанцахъ захватилъ Пахолика, который бѣжалъ изъ полку Пана Воеводы Брацлавскаго обокравъ одного солдата, и передался Смоленскому Воеводѣ. Тотъ отправлялъ его уже однажды ночью шпіономъ въ лагерь. Во второй разъ онъ былъ схваченъ. Онъ много разсказываетъ и видно что о всемъ знаетъ, ибо во первыхъ указываетъ гдѣ хранится порохъ и сколько есть ядеръ; Исчисляетъ, кто убитъ изъ знатныхъ Московскихъ людей, и кто гдѣ похороненъ, а такихъ много; Сказываетъ, что народъ ежедневно понуждаетъ Воеводу къ сдачѣ крѣпости, дабы могли жизнь свою спасти. По словамъ его Воевода отдѣлывается тѣмъ только, что увѣряетъ, будто бы Король съ дня на день имѣетъ двинуться къ столицѣ. Да и когда повозки нашихъ посланцевъ переправлялись чрезъ Днѣпръ, они обрадовались, думая что Король выступаетъ въ походъ къ Москвѣ.

Пахоликъ тотъ берется зажечь пороховые магазейны но ему не довѣряютъ.

11. Получено донесеніе отъ Пана Добки, котораго депутаты наши отправили къ Москвѣ съ извѣщеніемъ о своемъ слѣдованіи,—что Панъ Вержбицкій, стоящій въ Дорогобужѣ принялъ его учтиво и съ почтеніемъ, и подъ прикрытіемъ 100 человѣкъ отослалъ въ Вязьму, гдѣ стоитъ Панъ Велегловскій, имѣя при себѣ до 400 Москалей. Добка обнадеживаетъ что Королевскіе посланцы будутъ тамъ хорошо приняты, ибо и отъ того войска отправлены къ Королю депутатами, Русецкій, Мархоцкій и Модржевскій, кажется съ хорошими извѣстіями, а именно того только желая отъ Короля, что бы Царицѣ предоставленъ былъ Самборъ на вотчинномъ правѣ а имъ за тяжкую ихъ службу, дозволено было воевать Молдавскую землю и на томъ хотятъ покориться Королю. Слышно что Дмитріево войско поразило Скопина.

12. Посланцы Королевскіе отправились въ путь къ подмосковному войску.

Того же числа Панъ Кохапскій бывшій посланникомъ въ Турціи возвратился къ Королю съ добрымъ отвѣтомъ и съ дружескимъ предостереженіемъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ.

Изъ нашихъ шанцевъ наряжены два Москаля, изъ коихъ одинъ братъ Игуменовъ, на переговоры съ осажденными, ибо прежде желали размѣна плѣнныхъ, но потомъ отреклись. По той сторонѣ отъ Папа Маршала были днемъ о томъ переговоры, но ни въ чемъ условиться не льзя, съ этимъ медвежьимъ народомъ.

Долго посланные двое плѣнныхъ, уговаривали къ сдачѣ осажденныхъ но глухому все сказки—и поспоривъ между собою въ весьма грубыхъ выраженіяхъ съ обѣихъ сторонъ разошлись. Потомъ стрѣляли очень сильно.

14. Съ Пятницы на Субботу около шестаго часу, Нѣмцы Пана Вайера, замѣтили что Москва вышла изъ крѣпости большею толпою къ Днѣпру за водой, въ которой ощущали недостатокъ, Нѣмцы начали стрѣлять дабы не допускать непріятеля къ водѣ; Москва освѣтя стѣны плошками открыла также такую сильную стрѣльбу, что люди въ лагерѣ встревожились—Кто то полагая что дѣлается вылазка на лагерь или на шанцы, приказалъ трубить тревогу—другіе подумали что уже идутъ на приступъ и желая имѣть участіе въ добычѣ, поспѣшно прибѣжали. Стычка продолжалась болѣе часа съ жестокимъ огнемъ, ибо и бывшіе въ шанцахъ сильно стрѣляли, а Москва изъ за стѣнъ не умолкала, опасаясь петардъ, которыя они называютъ Такварами; изъ нашихъ каждый приспѣвшій верхомъ или пѣшкомъ хотѣлъ выстрѣлить свой выстрѣлъ. — Въ лагерѣ всѣ оставались въ готовности къ бою почти до полуночи.

15. Панъ Кохапскій вручилъ Турецкія письма въ коихъ Султанъ удостовѣряетъ о постоянной своей дружбѣ, прибавляя что такъ какъ она существовала съ нашими предками то и намъ должно стараться ее поддерживать.

Сообщилъ также нѣкоторыя предостереженія отъ поганства, онъ предварялъ, что надобно Королю присматривать въ Польшѣ за нѣкоторыми людьми безпокойными и не доброжелательными.

16. Получено извѣстіе отъ Пана Добки, что пріѣхалъ въ Вязьму и былъ хорошо принятъ Паномъ Велегловскимъ, толь-

ко когда хотѣлъ писать къ Пану Гетману, то Воевода Дмитріевъ начальствующій въ Вязьмѣ, не хотѣлъ не прочтя писемъ дозволить посланнымъ съ ними отправиться въ путь—и письма сіи по сію пору еще не получены.

17. Ночью Москва опять толпою высыпала изъ крѣпости къ Днѣпру желая запастись водою; усмотрѣнные нашими они возвратились въ крѣпость, не безъ урона—съ обѣихъ сторонъ долго стрѣляли—наши никого не потеряли.

Того же числа Панъ Модзелевскій объяснялъ Пану Гетману, что не онъ причиною бывшаго грабежа, но нѣкоторый Татаринъ, по оклику назвавшійся Лупинымъ. Панъ Гетманъ отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ отыскалъ того Татарина, ибо иначе изъ того дѣла не выпутается.

18. Около полудня (не доставъ ночью воды и дровъ) опять непріятели вышли изъ крѣпости, еще большею чѣмъ прежде толпою,—Кнехты изъ шанцевъ Пана Маршала съ той стороны Днѣпра, и изъ шанцевъ Пана Вайера принялись ихъ отражать—два гайдука убиты и одинъ кнехтъ раненъ.

19. Панъ Гетманъ приказалъ сдѣлать шанецъ на одной горѣ съ которой можно бить въ ту часть крѣпости куда перебрались Бояре съ Воеводою дабы укрыться отъ стрѣльбы Пана Маршала. Съ горы сей удобно обстрѣливать всѣ заулки той части города.

Того же числа спустился одинъ Москаль изъ крѣпости но сломалъ себѣ ногу и отъ того не скоро пришелъ къ шанцамъ —Онъ извѣстилъ что къ Шуйскому отправлены нѣкоторыя лица; за ними послали въ погоню. Онъ сказывалъ также что въ крѣпости большое бѣдствіе отъ недостатка воды, соли и дровъ.

Того же числа Панъ Харлинскій на русскомъ языкѣ уговаривалъ народъ и стрѣльцевъ, дабы не подвергали душъ своихъ такой гибели и сдались богобоязливому Королю, который не только имъ возвратитъ имѣнія ихъ, но даже возведетъ ихъ въ бояре, и раздѣлитъ между ними боярскія волости — лишъ бы только они схватили тѣхъ кои съ такимъ упорствомъ ве-

дутъ ихъ на гибель—Онъ ихъ еще научалъ броситься на Воеводу. Но они ему не отвѣчали, а только съ умиленіемъ слушали.

20. По утру отъ Пана Маршала начали сильно стрѣлять, въ часть города гдѣ показался пожаръ, отъ чего въ крѣпости много людей пострадало. Однакожъ народъ потушилъ пожаръ. Того же числа былъ смотръ Гусарской ротѣ Пана Малинскаго во 100 коней.

21. Въ Субботу до полудня Москва высыпала на лагерь Низовыхъ Казаковъ, но вскорѣ отогната была съ крикомъ обратно въ крѣпость. Отъ того люди въ лагерѣ потревожились и была сильная стрѣльба изъ шанцевъ и изъ крѣпости. Тогда убитъ пушечнымъ выстрѣломъ одинъ Французъ, а другой Нѣмецъ при новыхъ шанцахъ раненъ въ руку.

22. Спокойно.

23. На другой день Москва толпами выходила желая запастись какъ прежде дровами и водою. Усмотрѣвъ сіе пѣхота изъ шанцевъ Пана Маршала, не хотѣла допустить ихъ къ водѣ, но была отбита по причинѣ многолюдства непріятеля ибо они вышли на битву въ числѣ 600 пѣхоты и около 300 стрѣльцевъ, однакожъ наши получивъ подкрѣпленіе снова обратились на нихъ и долго стрѣляли—Убито нашихъ нѣсколько, а Москвы до 10. Убитъ Гетманскій Казакъ Олексѣевичь, отъ того что пьяный гонясь за ними попалъ въ самую сильную ихъ толпу. Взяты въ плѣнъ два Москаля слуги боярскіе, и кто-то изъ нихъ знатный убитъ.

Того же числа пріѣхали къ Королю депутаты отъ подмосковнаго войска.

24. На другой день тѣ депутаты привѣтствовали Короля и отправляли посольство, которое Рыцарствомъ принято было съ негодованіемъ.

25. Былъ совѣтъ Рыцарства у Пана Гетмана; туда собрались всѣ Паны Сенаторы разсуждая, дать ли отвѣтъ Депутатамъ. Многіе настаивали чтобы съ ними строго поступить.

26. Депутаты отправлены обратно.

27. Привезены 4 большія пушки изъ Полоцка и Витебска.

28. Москва высыпала изъ крѣпости за дровами и водою. Противъ нихъ выбѣжала пѣхота Пана Старосты Сондецкаго и изгнала ихъ изъ церкви находящейся близь крѣпостныхъ стѣнъ; но когда наши возвращались, то изъ крѣпости открыли по нимъ сильный огонь. Убиты пушечными выстрѣлами поручикъ пѣхотный Пана Старосты Сондецкаго и хлопецъ Пана Маршала находящійся при немъ. Отъ ружейныхъ выстрѣловъ пали два гайдука при шанцахъ Пана Маршала. Изъ одной пушки убиты два товарища Пана Коссовскаго, рядомъ стоявшіе.

Ночью Панъ Маршалъ приказалъ сжечь малую церковь, въ которой Москва обыкновенно укрывалась выходя за дровами.

29. Казаки Низовые привели Москвитянина, шедшаго въ Смоленскъ съ письмами отъ Царя Шуйскаго и отъ Скопина. Въ письмахъ не было ничего важнаго, ибо были давно уже писаны; требовалось только чтобы о себѣ извѣщали сколь можно чаще.

30. Изъ крѣпости передался одинъ Бояринъ, и сказалъ, что осажденные отъ недостатка воды и дровъ доведены до того, что предпочитаютъ ударить на шанцы и испытать послѣдняго счастія чѣмъ гибнуть въ нуждѣ. Но Воевода не выпускаетъ ихъ на битву опасаясь чтобы не потерпѣли важнаго урона и даже чтобы не передались Королю, отъ чего въ обѣихъ случаяхъ оборона крѣпости ослабѣла бы.

ДЕКАБРЬ.

1. Панъ Блендовскій слуга Князя Рожинскаго пріѣхалъ отъ Подмосковнаго войска съ письмами отъ нѣкоторыхъ лицъ къ Пану Гетману и къ Пану Вицеканцлеру Коронному. Онъ ска-

залъ что Князь Рожинскій узнавъ о приближеніи Пана Добки и Королевскихъ Пословъ тотъ-часъ же пріѣхалъ изъ подъ Троицы въ большой лагерь подъ Москву; что онъ очень безпокоился о задержаніи Пана Добки, почему и послалъ немедленно просить его поспѣшить пріѣздомъ своимъ въ лагерь подъ Москву, и что вѣроятно онъ уже самъ отправился къ Можайску на встрѣчу Посламъ, которыхъ Блендовскій выпроводилъ изъ Вязьмы къ Москвѣ.

2. Цѣлое войско по предостереженію передавшагося Боярина стояло во весь день въ готовности, ожидая Московской вылазки, однакожъ ничего не было.

3. Панъ Гетманъ съ Сенаторами и нѣкоторыми Ротмистрами приговорилъ къ смерти Ротмистра Пана Модзелевскаго, за то что не могъ оправдаться по дѣлу о грабежѣ и нападеніяхъ на находящихся при Королѣ Литовскихъ Татаръ.

4. Казненъ Модзелевскій.

5. Панъ Гетманъ по дошедшимъ свѣдѣніямъ, что Москва собиралась сдѣлать вылазку, приказалъ войску быть въ готовности, что и исполнено, но вылазки не было.

(*Подъ числами 6, 7, 8 и 9, въ рукописи ничего не отмѣчено*).

10. Изъ крѣпости передался стрѣлецъ разсказывающій о великомъ недостаткѣ дровъ и продовольствія и что къ рѣкѣ сдѣлали ровъ на подобіе шанцевъ, дабы безопасно ходить за водою. Онъ же донесъ, что одинъ Москаль пришедшій въ крѣпость сказывалъ что Литва радуется полученному извѣстію о разбитіи Скопина подъ Троицею.

11. Къ Пану Гетману привезли Попа, который просилъ, дабы Король далъ ему письмо къ Архіепископу, къ Воеводамъ, къ стрѣльцамъ и ко всему міру,—Онъ увѣрялъ что хотябы пришлось ему претерпѣть мученіе, но что онъ рѣшился уговаривать Смольянъ и направлять ихъ къ тому, чтобы они долѣе не противились волѣ Господней и сдались бы въ избѣжаніе новыхъ бѣдствій для земли и безполезнаго пролитія крови. Въ залогъ же своей вѣрности онъ предлагаетъ оста-

вить сына своего у Пана Гетмана. Его отправятъ въ крѣпость лишь только письма будутъ изготовлены.

12. Получено извѣстіе, что Панъ Добка возвратился изъ лагеря Подмосковнаго войска, но что послы взяли его обратно съ собою. Онъ привезъ посламъ охранительную грамоту за печатью и подписью Дмитрія, данную Королевскому посланнику, для свободнаго и безопаснаго отправленья ихъ посольства къ коронному Рыцарству. Добка привезъ также грамоту и отъ Рыцарства, которое удостовѣряя въ безопасности пословъ, обѣщалось защищать и обранять ихъ отъ всякаго насилія.

Панъ Староста Велижскій доноситъ изъ подъ Бѣлой что выждавъ удобное время онъ отправилъ на приступъ Запорожскихъ Козаковъ и своихъ Поляковъ что наши зажгли башню и пробрались было на валъ, но сильная стрѣльба не дозволила имъ продолжать наступленіе, и что по сей причинѣ они возвратились въ шанцы, причинивъ значительный уронъ Москвѣ, а сами потерявъ весьма мало (ибо только 12 Козаковъ убито на приступѣ).

Князь Рожинскій и Панъ Велегловскій прислали уговаривать Козаковъ стоящихъ подъ Бѣлою, чтобы не отставали отъ Дмитрія: Козаки отвѣчали, что хотятъ сохранить вѣрность свою Королю, и крѣпко защищать его честь. Къ сему они присовокупили, чтобы подобныхъ предложеній имъ болѣе не дѣлали, потому что имъ даже кажется не приличнымъ ихъ слушать.

13. Приказано отправить 4 Пятигорскія роты и часть Татаръ въ помощь Пану Старостѣ Велижскому: Въ Пятницу онѣ выступили къ Бѣлой.

14. Посланники получили извѣстіе, что Скопинъ Шуйскій съ большимъ войскомъ наступаетъ на Троицу и вышедъ изъ Александровой слободы находился уже въ полторы мили отъ Троицы, гдѣ стоитъ войско Димитріево при Панѣ Сапѣгѣ. Скопинъ гдѣ только дѣлаетъ укрѣпленія, устроиваетъ оныя на маноръ Нидерландцевъ, и имѣетъ съ собою много Нѣмцевъ.

15. Одинъ Попъ рѣшился итти въ Смоленскъ взявъ письма отъ Короля къ Архіепископу, Воеводамъ и Посадскимъ, съ намѣреніемъ уговаривать ихъ сдачѣ. Въ залогъ оставилъ при Панѣ Гетманѣ своего сына. Въ понедѣльникъ онъ отправился туда, и кажется былъ принятъ охотно, но и сего дня еще ни чего о немъ не извѣстно.

16. Замѣчено что непріятель началъ весть тайникъ отъ Пятницкихъ воротъ къ Днѣпру, для безпрепятственнаго снабженія водою. Видя сіе и наши съ боку стали копать землю дабы не допустить осажденныхъ къ водѣ.

Начали въ городѣ раздавать рожь для продовольствія народа, чего у нихъ не дѣлается какъ развѣ по крайней необходимости.

17. Спокойно.

18. Ничего.

19. Ничего.

20. Прибѣжалъ гонецъ съ письмами къ Королю отъ Пана Гетмана, извѣщавшаго о новой опасности въ Лифляндіи отъ Мансфельда, который по вступленіи войска на квартиры, съ свѣжими силами собирается на Перновъ.

21. Былъ тайный совѣтъ.

Того же числа начался въ лагерѣ юбилей.

22. Передался одинъ Москаль изъ крѣпости, и разсказывалъ тоже что и другіе о недостаткѣ дровъ, воды, соли и продовольствія—такъ же, что копаютъ къ рѣкѣ ровъ на подобіе шанцевъ дабы снабжаться водою.

Попа посланнаго съ письмами отъ Короля въ крѣпость приняли, но Воевода съ Архіепископомъ не дозволяютъ ему показываться публично. Сдаваться не думаютъ, ожидая вскорѣ сильной помощи отъ Шуйскаго.

23. Вечеромъ публиковано съ трубами, что одинъ Москаль съ письмами отъ Шуйскаго, скрывается по деревнямъ, съ тѣмъ чтобы пробраться въ крѣпость—приказано его искать и

обѣщано 100 червонцевъ тому, кто его доставитъ къ Пану Гетману.

24. Спокойно.

25. Стрѣляли на стражу когда смѣнялась.

26. Пріѣхали къ Королю Капуджи Турецкіе. 100 товарищей изъ разныхъ ротъ отличныхъ и богато одѣтыхъ, встрѣтили ихъ не столько для сдѣланія имъ чести, сколько для показанія, какъ отлично Королевское войско—Потомъ были отведены они на квартиру.

27. Рыцарство целый день провело въ молитвѣ

28. Паны Сенаторы собрались къ Пану Гетману, для выслушанія Капуджіевъ, коихъ проводили довольно парадно черезъ лагерь: впереди ѣхало много красивыхъ товарищей, другіе гарцовали по лагерямъ въ разныхъ мѣстахъ, а пѣхота разныхъ ротъ стояла по обѣимъ сторонамъ съ мушкетами. Изъ пушекъ также стрѣляли сильно по крѣпости. Паны Сенаторы приняли ихъ какъ обыкновенно водится. Они поздравивъ Короля отъ имени Турецкаго Султана, требовали дабы сами могли вручить письма Королю. Но когда имъ по нѣкоторымъ уваженіямъ было въ томъ отказано, то они отдали письма Коронному Вицеканцлеру и возвратились на свою квартиру.

29. Пріѣхалъ посланный къ Королю отъ Запорожскихъ Казаковъ съ просьбою о хоругвѣ и жалобою на Князя Рожинскаго, что въ письмѣ своемъ угрожалъ висѣлицею, за то что не соглашались служить Дмитрію. Король милостиво его принялъ и велѣлъ дать хоругвь.

30. Нѣмцы Пана Вайера усмотрѣвъ тайники веденные Москалями къ рѣкѣ, ударили на нихъ и ихъ оттуда прогнали.

31. Передавшійся изъ крѣпости Москаль сказывалъ что переговоры и увѣщеванія ни къ чему не поведутъ и что добывать крѣпость должно силою. Онъ говорилъ еще что одинъ купецъ изъ Полоцка передался въ крѣпость и увѣрялъ что вскорѣ Король отступитъ, чему Москали очень радовались.

Онъ донесъ также, что Попа принесшаго въ крѣпость письма отъ Короля пытали и что въ крѣпости умираетъ множество людей отъ разныхъ болѣзней, такъ что ежедневно хоронятъ отъ 20 до 50 человѣкъ.

1610-й. ГЕНВАРЬ.

1. Получены письма отъ Пановъ Пословъ изъ Дмитріева лагеря, въ который вступили они 14 Декабря довольно пышно съ 3,800 (вѣроятно 380) человѣкъ пѣхоты и 400 отличныхъ копейщиковъ: прочихъ оставили они назади въ нѣсколькихъ миляхъ для удобнѣйшаго продовольствія. Видно что Скопинъ наступленіемъ своимъ такъ стѣснилъ тотъ лагерь въ отношеніи продовольствія что въ ономъ ощущаютъ не только дороговизну и недостатокъ до даже и нѣкоторое опасеніе. Встрѣчу имъ дѣлалъ сперва Панъ Зборовскій съ 200 человѣкъ а потомъ выѣхалъ и самъ Князь Рожинскій въ саняхъ, по причинѣ болѣзни; съ нимъ находился Панъ Староста Сандецкій. У самаго же лагеря привѣтствовалъ Пословъ Москаль Плещѣевъ отъ имени Дмитрія.

На третій только день они имѣли аудіенцію, ибо до того времени отъ нихъ домогались чтобы они почли Государя ихъ своимъ привѣтствіемъ, но такъ какъ къ нему они не имѣли никакого порученія, то и отозвались что не могутъ сами отъ себя войдти въ сношеніе съ нимъ. За симъ рыцарство вынуждено было выслушать Королевскихъ Пословъ. Панъ Пржемыскій отправлялъ посольство съ успѣхомъ, ибо знатнѣйшіе казались довольными; другіе же или не хотѣли понимать, или не дослышавъ, не поняли. За тѣмъ требовали отъ Пословъ сообщенія даннаго имъ наставленія: послы выдали записку съ изъясненіемъ причинъ какъ посольства такъ и вступленія Короля въ Россію.

Рыцарство собравшись на другой день, вмѣсто совѣщанія занялось ругательствомъ Янковскаго взводя на него будто бы

онъ самовольно отмѣнилъ наставленіе съ коимъ посланцы ихъ отправлялись къ Королю: даже чуть его не убили, говоря что онъ мерзавецъ и что ему не слѣдовало распоряжать ихъ честью, когда своей уберечь не умѣлъ. При семъ случаѣ произошло великое замѣшательство; Жолнеры разбили решетку сдѣланную для преграждения сообщеній—едва старшины успѣли ихъ унять. Япиковскій совѣтывалъ на словахъ и немедленно отвѣчать Посламъ: но прочіе и разсуждать о семъ не допустили. Пишутъ что много есть доброжелательствующихъ Государю и отечеству — и что хотя тамъ почти каждый Ротмистръ цѣнитъ заслуженное жалованье свое во сто тысячь, но видя невозможность получить такую сумму и съ другой стороны будучи тѣснимы Скопинымъ, который начинаетъ ихъ одолѣвать, они ради были бы лишъ что нибудь получить. Письма изъ лагеря и показанія пріѣзжающихъ оттуда людей согласуются въ томъ что имъ пришлось бы уже отступить съ стыдомъ и урономъ, еслибы Король не вступилъ въ Россію, но что походъ Королевскаго войска столько же ихъ ободрилъ, сколько Скопина встревожилъ: но всего болѣе ихъ обуздывало войско пришедшее съ Панами Послами которое по разнесшимся слухамъ они полагали въ большемъ числѣ; ибо отъ насъ отправлено только 2,000 человѣкъ а они считали ихъ до 7,000. Однакожъ знатнѣйшіе пишутъ что хотя съ ними Послы и уговорятся и хотя Москва при Дмитріѣ находящаяся, также передастся намъ, все еще дѣло не льзя будетъ полагать конченнымъ и придется Скопина отражать оружіемъ, а можетъ быть даже и окончательные трактаты заключать съ Шуйскимъ. На 27 Декабря велѣно было отправить по два товарища съ каждой роты на переговоры. Полкъ Пана Сапеги и люди Пана Вильковскаго и Копыцинскаго не хотѣли подписать конфедераціи—что много поможетъ къ лучшему и скорому успѣху.

Царица съ тѣмъ ложнымъ Дмитріемъ не устыдилась смотрѣть на въѣзжающихъ Пановъ Пословъ, которые по отправленіи посольства, возвратились въ свой лагерь. Царь объявилъ желаніе ѣхать прогуляться подъ Москву; какъ слышно

Панъ Вишневецкій не хотѣлъ было его пускать и лошадей велѣлъ запереть, но онъ настоялъ на своемъ и выѣхалъ съ 400 Донцевъ и столькоже Москалей. Изъ нашихъ никто съ нимъ не поѣхалъ. На противъ того Панъ Рожинскій погнался за нимъ и привелъ его обратно въ лагерь не довѣряя ему, ибо дѣло его плохо, и хотя желаютъ чтобы въ договорѣ и онъ и Царица были уважены, но какъ не менѣе того его жестоко ругаютъ и онъ то знаетъ, то не полагаясь на нашихъ онъ хочетъ бѣжать.

2. Донесено Пану Гетману, что Панъ Вержбицкій занимавшій Дорогобужъ на имя Дмитрія, возвратился въ лагерь съ бывшими при немъ людьми. Въ слѣдствіе сего извѣстія отправили Ротмистра Казацкаго Нелюбовича съ Козаками и стрѣльцами, который и занялъ на имя Короля Дорогобужъ и тамошнія волости, приказавъ разбѣжавшимся крестьянамъ возвратиться въ деревни.

3. Козаки Пана Короннаго Крайчего заняли на имя Короля какой то малый замокъ въ сторону отъ Дорогобужа и также тамошнія волости.

4. Получено извѣстіе, что Велегловскій находящійся въ Вязьмѣ со стороны Дмитрія, узнавъ что Запорожскіе Козаки послали къ Королю Его Милости, съ предложеніемъ своего покорства и съ просьбою о присылкѣ имъ хоругви, возвратился изъ Вязьмы въ лагерь. Козаки отъ того вознегодовали на подмосковное войско, и жаловались будто тамошній Гетманъ вмѣсто заслуженной платы и награжденія, угрожаетъ имъ висѣлицею.

5. Ротмистръ квартоваго войска Горецкій, уговорившись съ нѣсколькими товарищами, ночью подошелъ къ Смоленскимъ стѣнамъ отъ Абрамовскихъ воротъ, и для извѣстной военной надобности, измѣрилъ высоту каменной стѣны; но возвращаясь былъ замѣченъ непріятелемъ и нашолся въ большой опасности.

Стрѣляли часто изъ крѣпости и насмѣхаясь надъ Паномъ Вайеромъ, говорили ему: *Отъ чего не приходитъ къ намъ за колядою, какъ обѣщался* а вечеромъ когда музыканты играли

подъ стѣнами, одинъ Смолянинъ сказалъ: *вы пляшете, а наши жены и дѣти плачутъ.*

7. Капуджи Турецкіе отправлены въ Вильну, а письма посланы будутъ въ слѣдъ за ними, ибо не было переводчиковъ въ лагерѣ, а держать ихъ долѣе казалось не прилично, ибо подъ предлогомъ искать съ Жидовъ и Армянъ удовлетворенія Константинопольскихъ купцевъ, они дѣйствительно пріѣхали шпіонами, для развѣдыванія о Королевскихъ силахъ.

8. Ничего.

9. Нѣкто Садовскій изъ роты Пана Старосты Бѣлокаменскаго проѣзжалъ около стѣнъ, чтобы стать на стражу, потому что пришла его очередь, но Москва устроивъ засаду по близости нашихъ передовыхъ постовъ, выстрѣлила по немъ изъ мушкетовъ, сбила его съ лошади, и еле живаго утащила въ крѣпость гдѣ онъ и скончался.

10. Спокойно.

11. Получены извѣстія отъ нашихъ Пословъ, отъ 24 и 31 Декабря. Доносятъ что въ слѣдствіе перваго Посольскаго предложенія сдѣланнаго Паномъ Пржемыскимъ назначено было 27 Декабря явиться изъ каждой роты по два Товарища для узнанія отъ Пановъ Пословъ о волѣ Короля Его Милости и для объявленія собственныхъ своихъ желаній. А потому Паны Послы принуждены были ожидать назначеннаго дня, въ который съѣхавшись сперва предложили чтобы Король Его Мил. довольствовался согласіемъ лже-Димитрія, котораго они поддерживаютъ, на уступку Сѣверской земли и Смоленска, и за то способствовалъ бы къ возведенію на престолъ Самозванца. Въ отвѣтъ имъ поставили на видъ неудобоисполнительность и даже непристойность ихъ предложеній ибо можетъ быть труднѣе было занять предлагаемыя области чѣмъ самую столицу а съ другой стороны не было бы никакого приличія возводить на престолъ человѣка не имѣющаго ни малѣйшаго права на оный. Тогда они сказали: *Пусть же намъ Король Его Милость заплатитъ заслуженные нами 20 миліоновъ, и притомъ удовлетворитъ и Дмитрія и Царицу; тогда мы ему и Рѣчи посполитой ради будемъ доброжелательствовать.* Ко-

гда же и на сіе имъ возразили, что для столь огромной суммы не достанетъ ни Москвы ни половины свѣта, то они начали требовать чтобы Король Его Милость обеспечилъ 5 миліоновъ на своихъ столовыхъ имѣніяхъ въ Польшѣ, а остальное позволилъ имъ отыскивать на Сѣверской землѣ. Паны Послы и на то отозвались, что Королямъ Государямъ нашимъ не вольно обременять долгами столовыя имѣнія, только въ пожизненномъ пользованіи у нихъ находящіяся, и что для сего нужно согласіе всѣхъ чиновъ; къ сему они присовокупили что хотябы и согласіе было дано, то и тогда такую значительную сумму не въ Польскомъ Королевствѣ найти можно, а развѣ только на Испанскихъ галіонахъ. Также напоминаемо имъ было и то что они дѣло имѣютъ съ собственнымъ Государемъ своимъ и что рѣчь о пользѣ не одного Короля а общаго отечества и что имъ предстоитъ случай оказать услугу не кому другому какъ самой республикѣ. Рыцарство усовѣщенное возраженіями Пословъ, ограничилось наконецъ требованіемъ, чтобы Король Его Милость удовлетворилъ Жолнеровъ наличными деньгами какъ за двѣ протекшія четверти жалованья такъ и впередъ за третью четверть и чтобы за тѣмъ что останется не доплаченнымъ изъ заслуженыхъ ими денегъ было имъ выдано послѣ окончательнаго завоеванія Россіи, обезпечивъ впрочемъ сей долгъ на Сѣверской землѣ. Паны Посланники и на то не соглашаясь спросили у нихъ за что Королю платить за двѣ четверти, въ которыя они ему не служили, и откуда взять деньги на заплату третьей четверти впередъ, когда они сами знаютъ что Государственные доходы не значительны и сбираются съ трудомъ? При томъ замѣтили имъ, что они обязаны болѣе сдѣлать для отечества чѣмъ для чужаго, которому однакожъ служили долго и мужественно не получая отъ него платы, что впрочемъ неоспоривали права ихъ требовать отъ Россіи заслуженаго жалованья но не въ такой мѣрѣ какъ они написали въ спискахъ поданныхъ Дмитрію, по коимъ не предстоитъ никакой возможности удовлетворить ихъ и что наконецъ если бы когда дошло до платежа то предстояло бы сдѣлать расчетъ соразмѣрно цѣнѣ, какую

прочее рыцарство получаетъ отъ Короля, и только за то время, въ какое кто дѣйствительно служилъ, а не за произвольно показанное ими о себѣ въ спискахъ, а такъ же и въ изчисленіи четвертей просимыхъ въ награду сверхъ службы, должно будетъ руководствоваться умѣренностію и не требовать выше возможнаго. Кончилось тѣмъ что знатнѣйшіе изъ Рыцарства, дали знать что Жолнеры соглашаются допустить повѣрку списковъ, не требовать въ награду четвертей сверхъ службы и ожидать платежа изъ Московской казны, но настаиваютъ на томъ чтобы получить немедленно одну четверть и обезпечить участь своего Дмитрія и Царицы. Съ симъ вмѣстѣ согласились, хотя и неохотно, и на то, чтобы Паны Послы дали знать Шуйскому, что желаютъ весть съ нимъ переговоры о обидахъ и насиліяхъ причиненныхъ Рѣчи Посполитой и нашимъ людямъ. О томъ же сообщено было и Думнымъ людямъ и Боярамъ и Духовенству. Нашихъ въ Тушинскомъ лагерѣ людей считаютъ всею до 7.000. Москвы множество, которая того только и ожидаетъ чтобы мы между собою согласились и готовиться обратиться на ту сторону къ которой пристанетъ Польское войско, ибо между ними нѣтъ единомыслія, да и въ самой Москвѣ многимъ Боярамъ, а кажется и всему міру наскучило уже царствованіе Шуйскаго. Пока невѣдали о нашествіи Короля, желали имѣть Государемъ Голицына. Находящееся же въ полѣ Московское войско нарѣкаетъ на Царство Скопина. Отправляли лазутчиковъ въ столицу. Панъ Доморацкій снесясь съ тѣми, съ коими въ бытность свою въ Москвѣ имѣлъ связи, узналъ, что купцы наши, негодная Русь, дали знать міру и духовенству, что Король Его Мил. хочетъ возстать противъ ихъ вѣры и церквей, а потому увѣщавали ихъ не приставать къ Королю. Да и Шуйскій распространяетъ молву, что воюетъ не для сохраненія своего престола а за вѣру, желая тѣмъ Москвичей приманить къ себѣ. Однакожъ Паны Послы отправили другихъ лазутчиковъ дабы какъ можно лучше успокоить міръ, Бояръ и Духовенство на счетъ ихъ вѣры и обрядовъ. Да и сами Послы дѣлаютъ такіе же увѣренія какъ тайно такъ и открыто находящимся въ лагерѣ

Москалямъ, обѣщая имъ подъ присягою, что Король Его Мил. не обманетъ ихъ. Хуже всего того, что подъ Троицею Скопинъ сильнѣе Пана Сапѣги, которому Князь Рожинскій, по личной злобѣ, по сію пору не хочетъ давать помощи. Если же Панъ Сапеги принужденъ будетъ отступить отъ Троицы, то тамошняя Москва возымѣетъ болѣе отваги, а на противъ здѣшняя потеряетъ духъ. Ежедневно ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій, умоляя Бога, дабы сильною рукою своею споспѣшествовалъ начатому къ славѣ своего имени и къ утвержденію святой вѣры. О томъ ложномъ Государѣ своемъ и сами громко говорятъ, что не тотъ который былъ, да и Москва признается также что не тотъ. Но наши за неимѣніемъ лучшаго предлога хотятъ подъ его именемъ отыскивать заслуженой платы, а бѣдная Москва, боясь лютости Шуйскаго желаетъ держаться хоругви его противника, каковъ бы сей ни былъ. Удивительно однакожь, что наши вѣдая, что онъ не тотъ за кого себя выдаетъ и видя что онъ человѣкъ ничтожный, необразованный, безъ чести и совѣсти, ужасный богохульникъ, піяница, негодяй, самъ ничего придумать не умѣющій и ни чьего совѣта слушать не хотящій, некрестъ, который даже о Полякахъ, или какъ Москва говоритъ о Литвѣ, не только никогда хорошо не отзывается но даже еслибы имѣлъ власть и возможность то хотѣлъ бы всѣхъ ихъ истребить — за всѣмъ симъ чтятъ его, хотя впрочемъ Богъ вѣсть какъ. Такъ на примѣръ не давно Князь Рожинскій, въ его присутствіи ударилъ по щекѣ и билъ палкою любимца его Вишневецкаго а Панъ Тышкевичь тутъ же то же сдѣлалъ безъ всякаго уваженія къ его особѣ. Отъ того на вѣрное еслибы нашелъ возможность, бѣжалъ бы въ другое мѣсто, какъ и въ самомъ дѣлѣ о томъ помышляетъ, но его стерегутъ, однимъ словомъ наши держатся предлога а не человѣка.

12. Москва изъ за стѣнъ приглашала на переговоры, но вѣроятно приближался кто изъ начальниковъ, ибо вдругъ замолчали прося однакожъ обождать до ночи. За тѣмъ Панъ Гетманъ на скоро поѣхалъ къ шанцамъ, но болѣе со стѣнъ не откликались.

13. — — — — —

14. Одинъ Москаль передался изъ крѣпости и разсказываетъ о большомъ голодѣ въ войскѣ и въ крѣпости, и что онъ лучше рѣшился бѣжать, чѣмъ съ голоду умереть.

15. Получено извѣстіе, что ложный Дмитрій увидѣвъ готовность Поляковъ на соглашеніе съ Королевскими Послами и къ близкому заключенію договоровъ, 6 Января, оставя Царскую почесть и жену, бѣжалъ изъ лагеря въ Калугу, не задолго до вечерней зари.

16. Москва замѣтивъ подкопы, которые наши давно уже вели для взрыва стѣнъ порохомъ (о томъ по сю пору не упоминалось въ дневникѣ не отъ невѣдѣнія, а дабы тайнѣйшее предпріятіе не разгласилось между людьми), повели также свои подкопы отъ угольныхъ воротъ коихъ верхушка разрушена нашими выстрѣлами, вверхъ по горѣ и обнесли оными нѣсколько башенъ и куртинъ. Встрѣтившись при Шембековомъ подкопѣ начали стрѣльбу съ обѣихъ сторонъ и съ большею опасностію для нашихъ. Но какъ они подошли къ подкопу, то ни изъ пищали ни изъ мортиры, заряженной большимъ каменнымъ ядромъ, кусками желѣза и мѣлкими каменьями, не нанесли нашимъ вреда, и наши также только четырехъ изъ нихъ ранили выстрѣлами.

17. Нѣсколько Бояръ изъ Дорогобужскаго уѣзда били челомъ Королю, и для другихъ просили покровительства; изъ нихъ одного послали за людьми пошедшими къ Калугѣ по повелѣнію Царя, для приведенія и ихъ къ присягѣ Королю Его Милости. Надъ сими людьми начальствуютъ одинъ изъ Шаховскихъ и Кернозицкій.

18. Вложенъ пороховой рукавъ въ отверстіе подкопа, гдѣ наши перестрѣливались съ Москвою, и зажгли почью дабы взорвать Москву и ихъ стѣны, но какъ съ нашей стороны не крѣпко было забито, то порохъ не подѣйствовалъ какъ слѣдовало, ибо и въ задъ и въ передъ терялась его сила; однакожъ 16 человѣкъ Москвы были удушены въ ихъ подкопѣ. Они также черезъ отдушину бросили въ нашъ подкопъ, какую то пороховую штуку обшитую кожею и наполненную смрад-

1532. Того жъ лѣта додѣланъ бысть градъ каменъ Коломна.

Того же лѣта, повелѣніемъ Великаго Государя, Василія Ивановича, Божіею милостію Государя и Самодержца всея Руссіи, срубленъ бысть градъ Чернь, древянъ.

Чернь.

Того же лѣта срубленъ бысть на Коширѣ градъ древянъ, а на Осетрѣ каменнъ.

Комета.

Того же лѣта, Августа, являшеся звѣзда велія надъ лѣтнимъ всходомъ солнечнымъ по многія утренніия зари, лучь сіяше отъ нея вверхъ велій не по обычному теченію на полуночную страну, и послѣди того жъ мѣсяца являшеся та же звѣзда въ вечерней зорѣ, по захожденіи солнца, червленымъ образомъ, и лучь отъ нея сіяше червленъ въ верхъ же надъ лѣтнимъ западомъ.

Саидъ Гирей, Ханъ Крымской, не хотя терпѣти Ислама Салтана, Магмедъ Гиреева сына, изгна его изъ Крыма злонравія его ради; онъ же, скитаяся въ степи, не имѣя чимъ питатися, умысли коварство, ссорити Великаго Князя съ Ханомъ Саидъ Гиреемъ, и чрезъ то Ханомъ быти, или Русскую землю разоряти; присла къ Великому Князю Князя своего, Кудодаря Кудярова сына Бодгозмина, бити челомъ, что изъ Крыма Саидъ Гирей Ханъ и Крымскіе люди выслали его, и онъ ходитъ на полѣ за Дономъ, и Князь бы Великій пожаловалъ, учинилъ его себѣ сыномъ, а Исламъ бы Великаго Князя назвалъ отцемъ себѣ, и ежели какова невзгода будетъ, и Великій бы Государь пожаловалъ въ своей землѣ мѣсто, а онъ неотступенъ хочетъ быти и до своего живота. И Князь Великій послалъ къ Исламу Князя Михаила Ивановича Кубенскаго, а велѣлъ ему то сказати, что его Князь Великій пожаловалъ и сыномъ себѣ его назвалъ, и Исламъ предъ Княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Великому Князю крѣпку шерть учинилъ, что ему отъ Великаго Князя, и отъ его сына, Князя Ивана Васильевича, неотступну быти, и Великому Князю Василью и, его сыну, Ивану, и ихъ Украинамъ никоего зла не учинить.

Польскіе Послы.

Марта въ 17-й день пріидоша къ Великому Князю, Василію Ивановичу, всея Руссіи, на Москву Послы

торый подъ предлогомъ что Мансфельдъ проигралъ сраженіе по стачкѣ съ Паномъ Гетманомъ Литовскимъ, огласилъ его безчестнымъ и послалъ въ Эстляндію для арестованія его несколько десятковъ Драбантовъ. Но все сіе дѣлалось только чтобы отдѣлаться отъ платежа Мансфельду, который распустилъ всѣхъ своихъ людей. Войско его посылало за деньгами въ Ревель къ Коммисарамъ, которые отвѣчали что не въ Ревелѣ мѣсто платежа а въ Швеціи. Обиженные воины грабили по всей Эстляндіи волости которые находили не приготовившимися къ оборонѣ.

Пріѣхали изъ Тушина Князь Збаражскій, Панъ Скуминъ, Панъ Доморацкій а подъ вечеръ и Панъ Людвикъ Вайеръ. Они о трудахъ и стараніяхъ своихъ такъ разсказываютъ: во первыхъ, что во все время пока ложный Дмитрій не бѣжалъ, или не скрылся, онъ занималъ ихъ разными прѣніями и пирами; но 15 Января, (*очевидная ошибка въ числѣ*) бѣжалъ когда трубили зорю. Въ происшедшемъ тогда замѣшательствѣ почти все Царское имущество было разграблено; кто что схватилъ то и уносилъ, а при томъ досталось и нѣкоторымъ богатымъ Боярамъ. 17 (*должно читать* 7) Генваря собралось *Коло* близь квартиры Князя Збаражскаго, и тамъ взводили разныя нарѣканія, то на Князя Рожинскаго, что будто бы онъ съ пьяна прогналъ Царя, то на Пословъ, что они были причиною его побѣга. Всѣ какъ пѣшіе такъ и конные люди Пановъ Пословъ стояли подъ ружьемъ, ибо неоднократно рвались искать въ ихъ казенныхъ повозкахъ Дмитрія и Королевскихъ денегъ. Сіе продолжалось до вечера: наконецъ послѣ долгихъ прѣній Панъ Бучинскій одержалъ верхъ и сталъ обуздывать зачинщиковъ возмущенія, которые были по большей части изъ Пахоликовъ, мастеровыхъ, портныхъ и сапожниковъ. Поддержали Бучинскаго, Панъ Андрей Млоцкій, Панъ Яйковскій и много другихъ. Затѣмъ распустя *Коло* созвали на слѣдующій день другое близь лагеря. Князь Рожинскій самъ оправдывался. А Паны Послы начали собираться въ дорогу, дабы болѣе не слышать подобныхъ ругательствъ. Когда о томъ узнали то начали поступать смирнѣе, и послали про-

сить ихъ чтобы пріостановились до третьяго дня, обѣщая благопріятный отвѣтъ. Королю Его Мил. Послы на сіе согласились тѣмъ охотнѣе что приготовленія ихъ къ отъѣзду были только притворныя; имѣя порученія отъ Короля, они знали что въ такихъ обстоятельствахъ не льзя было уѣзжать и рѣшались лучше все претерпѣвать, чѣмъ оставить въ такомъ положеніи дѣла Рѣчи Посполитой и Короля. Между тѣмъ Московскіе люди начали переговоры съ Панами Послами и явно обнаруживали свое благорасположеніе къ Королю. Замѣтивъ сіе Паны Послы просили, дабы народъ Московскій собрался въ *Коло*. На сей призывъ собрались Патріархъ съ Духовенствомъ, Заруцкій съ военными людьми и Солтыковъ съ Думными Боярами и придворными чиновниками. Также Князь Касимовскій явился на *Коло*. Прибыли туда и Паны Послы и въ слѣдствіе даннаго имъ наставленія, привезли съ собою русскія грамоты за подписью Короля съ возвѣщеніемъ Москвѣ о Королевской милости. Переговоры открылъ Панъ Пржемыскій прекрасною и убѣдительною рѣчью, доказывая что Король Его Мил. пришелъ въ Россію не для разрушенія ихъ законовъ и вѣры, не для угнѣтенія ихъ народа, но для прекращенія разлитія Христіанской крови и для обезпеченія Государства и народа Русскаго. Потому если они не будутъ отвергать Божескаго на нихъ милосердія и воззрѣнія, то Король Его Милость, за неимѣніемъ наслѣдниковъ ихъ Государей, готовъ ихъ принять подъ свою защиту и покровительство, и освободить отъ невольническаго подданства тиранамъ, безъ всякаго права посягающимъ на Московскій престолъ. Было между Москвою радости и слезъ довольно. Начавъ съ Патріарха всѣ охотно слушали и принявъ грамоты, цѣловали Королевскую скую подпись и превозносили Рѣчь посполитую, за то что приспѣшила часъ ихъ избавленія. Тутъ же они вступили въ конфедерацію съ Польскимъ войскомъ обязуясь взаимно не оставлять другъ друга, и не приставать ни къ бѣжавшему вору, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Тайно же многіе изъ нихъ цѣловали крестъ Королю Его Милости. Войско Польское также обратилось на лучшій путь. Жолнеры изъявляютъ вѣр-

ность и ревность свою къ Королю и оправляютъ своихъ посланниковъ къ Королю Его Милости съ нѣкоторыми требованіями.

Между тѣмъ Дмитрій писалъ тайно изъ Калуги Царицѣ и другимъ, что уѣхалъ на охоту, и что соглашается возвратиться, если Поляки обяжутся новою присягою, а измѣнившіе Москали будутъ казнены. Казимирскій разносилъ письма его и успѣлъ нѣкоторыя раздать. Когда о томъ узнали признали его въ *Коло* и отняли у него не розданныя письма. Также опредѣлили, что кто имѣя письма не возвратитъ (а узнать было легко ибо Казимирскій могъ указать кому отдалъ) будетъ казненъ жестоко. Тутъ же начали сносить письма; принесенныя бросали въ огонь. Козимирскому обѣщана смертная казнь, если онъ осмѣлится болѣе мутить войско и давать поводъ къ неустройствамъ. Затѣмъ прислала Царица просить позволенія ѣхать къ мужу; ей въ томъ не отказано, но подъ смертною казнію запретили ѣхать съ ней кому либо изъ войска. Раздумавъ она просила дозволенія жить въ Можайскѣ, до пріѣзда Короля Его Милости. Но на сіе не согласились, опасаясь чтобы Самозванецъ (въ квартирѣ коего слышно найденъ Тальмудъ) не пришелъ къ ней.

И такъ Поляки и Москва отправляютъ посольства со своими требованіями.

Посылаетъ и Царица предава всѣ свои права на усмотрѣніе и совѣсть Короля Его Милости.

Требованія нашихъ какъ слышно преувеличены, но могутъ быть уменьшены. Въ разсужденіи несогласія войска и силы Скопина, посламъ не льзя было иначе дѣйствовать, однакожъ есть надежда и средство все исправить. Дрянь, которая тамъ всѣмъ заправляетъ, можетъ очиститься.

26. Ничего.

27. Москва замѣтивъ другой подкопъ, который наши дѣлали, начала копать на супротивъ и встрѣтясь долго изъ мушкетовъ одинъ противъ другаго стрѣляли, пока Москва возами пескомъ наполненными не завалила отверзтія. Бросила она однакожъ изъ мортиры большое ядро и много картечи, но такъ какъ подкопъ былъ въ сторонѣ, то не могли вредить нашимъ и весь зарядъ

1533. яславля, Ноября въ третій день, въ недѣлю. Во время же велія сея радости бяху на Москвѣ братія Великаго Государя, Ивана Васильевича, Князь Георгій, да Князь Андрей Ивановичи, и множайшіе Князи, и Бояре его, и бысть радость велія въ царствующемъ градѣ, Москвѣ, ради новорожденнаго чада его

Сандить Гирея из Крыма выслали. Ханъ Исламъ.

Ноября въ 7-й день пріѣхалъ къ Великому Князю паробокъ его, Ивашка Елизаровъ, изъ Волоховъ, а ѣхалъ на Крымъ, и сказалъ Великому Князю, что Саидитъ Гирея Хана съ Крыму сослали, а посадили на столѣ Крымскомъ Ханомъ Ислама, и Исламъ прислалъ къ Великому Князю своего человѣка, Маимуша, съ грамотою, и писалъ въ грамотѣ, что онъ учинился Ханомъ въ Крымѣ. Тогда же съ Ивашкомъ вмѣстѣ пріѣхалъ къ Великому Князю, Василію Ивановичу, на Москву отъ Воложскаго Воеводы, Петра, Посланникъ Юшко, съ грамотою; а писалъ Воевода въ грамотѣ, чтобы его Великій Государь жаловалъ, и берегъ отъ Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, а Князь Великій съ Литовскимъ Королемъ, Жигимондомъ, въ перемирьѣ, и Волошскій Воевода, Петръ, билъ челомъ Великому Князю, Василью Ивановичу, всея Руссіи, чтобы Великій Государь пожаловалъ послалъ къ Турскому Салтану, дабы Великаго ради Государя Турскій Салтанъ оборонилъ его отъ Литовскаго Короля, Жигимонда.

Гонецъ Воложскій.

Того же мѣсяца въ 18-й день пріиде на Москву Великаго Князя Посолъ, Іяковъ Григорьевичь Топлевинъ, да Аѳанасій Курицынъ, что послалъ ихъ Князь Великій въ Казань Яналея Хана сажать на Казань, и къ шерти привести его и свою землю Казанскую, и Ханъ въ Казани предъ Посланниками Великаго Князя на шертной грамотѣ правду учинилъ, и къ записи шертной печать свою Ханскую приложилъ, чтобъ ему неотступну быти отъ Великаго Государя, и дѣла его беречь. Тако жъ и Царевна съ Князи и всей земли Казанской люди присягу и правду учинили на записѣхъ шертныхъ, что имъ быти неотступнымъ отъ Великаго Князя со всею землею Казанскою до конца живота своего, и ихъ дѣтѣмъ, тако жъ ни Хана имъ, ни Салтана

Присяга Хана Яналея.

31. Послѣ обѣдни Паны Московскіе Послы были на аудіенціи у Короля Его Мил. въ многочисленномъ собраніи Пановъ Сенаторовъ и Рыцарскихъ людей. Старый Солтыковъ какъ первый Посланникъ, поцѣловалъ руку Короля Его Мил., началъ краткую рѣчь въ которой свидѣтельствовалъ о благорасположеніи Московскаго народа къ Королю, благодарилъ отъ имени его за милость изъявленную Королемъ въ письмѣ своемъ и черезъ Пановъ Пословъ и наконецъ молилъ Бога о вожделенномъ здравіи Короля и о благополучномъ окончаніи начатаго предпріятія. Потомъ сынъ его Иванъ Солтыковъ билъ челомъ Королю Его Мил. отъ имени Филарета Патріарха Московскаго и всего Московскаго Духовенства, благодаря что Король Его Мил. какъ Государь Христіанскій и милосердый, зная о общемъ смятеніи всѣхъ людей Московскаго Государства и о повсемѣстномъ разореніи и опустошеніи онаго областей, заботится о томъ чтобы стараніемъ своимъ при помощи Божіей водворить въ Московскомъ Государствѣ по прежнему миръ и тишину. За тѣмъ исчисляя по порядку Государей Московскихъ онъ упомянулъ о тѣхъ которые послѣ смерти наслѣдственныхъ владѣтелей неприлично похитили престолъ. Наконецъ (Иванъ Грамотинъ) отъ имени Думныхъ Бояръ, Окольничихъ, Дворянъ, Думныхъ Дьяковъ, Стольниковъ, Чашниковъ и всякаго званія людей билъ челомъ Королю и его дѣтямъ и привѣтствуя ихъ объявлялъ что въ Московскомъ Государствѣ и во всѣхъ великихъ Государствахъ Россійскаго Царства желаютъ имѣть Королевича Его Милость Государемъ, ежели Король Его Мил. сохранитъ ненарушимо святую Апостольскую Церковь и вѣру Греческую и не только не коснется ни въ чемъ древнихъ правъ и вольностей Московскаго народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ Государствѣ. То же повторилъ и старый Солтыковъ со слезами прося чтобы Король Его Мил. сохранилъ ненарушимо обряды ихъ вѣры. За симъ они просили о немедленномъ назначеніи для переговоровъ Пановъ Сенаторовъ, съ коими они обѣщали договариваться не только отъ своего имени, но и отъ имени всей Москвы, какъ

1533. Королю грамоту, чтобы Игумена провелъ чрезъ свою землю благополучно.

Февраля въ 22-й день Князь Великій, Василій Ивановичь, женилъ брата своего, Князя Андрея Ивановича, взялъ за него Княжну, Еуфросинію, дщерь Князя Андрея Хованскаго, а вѣнчалъ Князя Андрея Ивановича и Княжну Еуфросинію Даніилъ, Митрополитъ всея Руссіи, въ соборной церкви славнаго царствующаго града, Москвы; а на свадьбѣ былъ Князь Великій, Василій Ивановичь, всея Руссіи, у брата своего, Андрея Ивановича, и съ Великою Княгинею, Еленою, и съ братомъ своимъ, Княземъ Георгіемъ Ивановичемъ, и жаловалъ Князь Великій на свадьбѣ брата своего, Князя Андрея, и его Княгиню, Еуфросинію, и Великая Княгиня Елена, и сынъ Великаго Князя, Иванъ Васильевичь, также дарилъ ихъ, и бысть бракъ сей честенъ.

ОС Андрея. Хованской.

Того же мѣсяца въ 22-й день пріиде къ Великому Князю, Василію Ивановичу, всея Руссіи, на Москву, отъ Яналея Хана изъ Казани, Посланникъ его, Агышъ Князь, съ грамотою отъ Султаны, и отъ Князей, и отъ всѣхъ людей Казанскія земли; а писалъ Ханъ въ грамотѣ, и Султана, со Князи всея земли Казанскія, чтобъ Великій Государь не велѣлъ брать изъ Казани пищалей у нихъ, понеже въ Казанской землѣ какъ доброжелателей, такъ и главнѣйшихъ непріятелей находится много, что слыша Великій Государь пожаловалъ сына своего, Хана Яналея, и всѣхъ Князей Казанскія земли, и пищалей у нихъ изъ Казани отбирати не повелѣлъ, а Агиша Князя отпустилъ паки въ отчество свое, Марта 6-го, а съ нимъ послалъ къ Хану грамоту, и къ Султанѣ, ко Княземъ, и ко всей земли Казанской.

Посолъ Казанской.

Марта въ 10-й день выѣхалъ Князь Великій, Василій Ивановичь, всея Руссіи, съ Москвы помолитися къ Николѣ Зарайскому, на Осетръ, а на Москву пріѣхалъ того жъ мѣсяца въ 19-й день.

Іюня въ 6-й день пріидоша къ Великому Князю, Василію Ивановичу, на Москву, Послы Казанскіе, Ап-

Послы Казанскіе.

7. Король Его Мил. далъ пиръ Москвѣ пріѣхавшей съ посольствомъ. Угощеніе было торжественное къ большому ихъ удовольствію.

8. Схвачены пятеро Москалей которые въ ишпанской одеждѣ прокрадывались въ крѣпость съ письмами отъ Шуйскаго; онъ умоляетъ ихъ всѣмъ что есть священно не сдавать крѣпости Королю, и постоянно сохранять вѣрность и присягу, обѣщая поспѣшить съ сильною помощью.

9. Бояринъ передавшійся изъ крѣпости разсказываетъ о большей бѣдѣ между народомъ и подтверждаетъ что подложенный Паномъ Шембекомъ порохъ взорвалъ подкопъ и удушилъ около десяти человѣкъ. Мастеръ убитъ собственнымъ ихъ подкопомъ, когда они подложили порохъ подъ Пана Шембека.

10. Часто стрѣляли.

11. Передался изъ крѣпости Москаль и говорилъ тоже что и прежній, прибавляя что Воевода примѣтивъ какъ Афанасій затѣваетъ что то въ пользу Короля, приказалъ посадить его въ тюрьму.

12. Отъ Пана Млоцкаго изъ Серпухова получено извѣстіе, то онъ встрѣтивъ товарищество свое, когда ѣхалъ изъ лагеря, остановился въ Боровскѣ, дабы дать отдохнуть лошадямъ. Потомъ рѣшился снова сдѣлать поискъ на Серпуховъ, куда прибылъ съ восхожденіемъ солнца. Его люди спѣшивтись пошли на приступъ стѣны, и безъ урона овладѣли городомъ. Все было предано огню; множество людей сгорѣло и много было убито изъ бѣжавшихъ къ замку.

Тутъ же онъ извѣстился, что Боровскъ намѣревается сдаться Шуйскому, а также и тамошній хорошо укрѣпленный Монастырь. Затѣмъ покинувъ Серпуховъ, онъ двинулся наскоро днемъ и ночью, но по прибытіи своемъ, нашелъ что Черницы сговорившись съ Шуйскимъ впустили 600 стрѣльцевъ въ Монастырь. Другіе люди Шуйскаго не полагая, чтобы Панъ Млоцкій могъ такъ скоро прискакать изъ Серпухова, также намѣревались пробраться въ городъ, и такъ случилось, что въ одно время Млоцкій съ одной стороны а они съ другой сто-

ропы вступали въ Боровскъ. Но увидѣвъ его, они побѣжали въ Монастырь и будучи преслѣдуемы потеряли нѣсколько плѣнныхъ. Млоцкій проситъ усильно Короля, дабы поспѣшно прислалъ ему помощь.

13. Получено извѣстіе что Панъ Сапѣга тѣснимый Скопинымъ и ощущая недостатокъ въ продовольствіи и въ водѣ отступилъ къ Дмитрову за шесть миль отъ Троицы. Оставивъ тамъ свой обозъ, онъ соединился съ Лисовскимъ и зашелъ въ тылъ Скопину, дабы тревожить его съ зади.

14. Москва подложила порохъ подъ третій подкопъ, который велъ одинъ Французъ роты Пана Старосты Пуцкаго: дѣйствіе было такое, что подкопъ обрушился, а Француза бросило выше стѣнъ на снѣгъ, однакожъ онъ остался въ живыхъ. Ночью сгорѣло нѣсколько домовъ не извѣстно отъ чего.

Было у Пана Гетмана совѣщаніе о требованіяхъ и условіяхъ рыцарства Подмосковнаго войска, но какъ Посланцы имѣли ограниченное полномочіе, не льзя было ничего постановить.

Между тѣмъ Посланцы пріийдя къ Московскимъ Боярамъ грозились имъ, что станутъ мстить надъ ними, если отъ Короля не получатъ благопріятнаго отвѣта.

16. У Пана Вицеканцлера Коронnaго собрались какъ Москва, такъ и Паны Сенаторы и Москва извѣстя о неудовольствіи Посланцевъ, просила, дабы имъ Король изволилъ дать благопріятный отвѣтъ, въ чемъ Сенаторы охотно обнадежили ихъ.

17. Было тайное совѣщаніе.

Тогоже числа пріѣхалъ въ лагерь Посланникъ Царя Персидскаго тотъ же что и прежде.

18. Пріѣхали къ Королю Шаховскіе, съ изъявленіемъ подданической вѣрности, и съ испрашиваніемъ Королевича въ Государи. Между ними находится одинъ Бояринъ бывшій въ Бѣлой Воеводою. Сей проѣзжая теперь черезъ лагерь нашъ подъ Бѣлою, уговаривалъ засѣвшихъ въ крѣпости, чтобы сдались, напоминая имъ, что когда онъ былъ у нихъ Воеводою,

то вмѣстѣ съ нимъ желали имѣть Королевича своимъ Государемъ но они на то не дали ему отвѣта.

На другой день одинъ Козакъ подъѣхалъ къ крѣпости: къ нему вышли нѣсколько знатнѣйшихъ Москалей и Воевода подъ чужимъ именемъ. Когда разговаривали между собою и все клонилось къ договору, прибѣжалъ другой пьяный Козакъ и убилъ одного Москаля, отъ чего и разошлись ничего не окончивъ. Панъ Гетманъ написалъ къ Пану Старостѣ Велижскому, чтобы онъ велѣлъ тому Козаку отрубить голову, желая симъ удовлетвореніемъ склонить осажденнаго къ какому нибудь договору.

Къ Пану Старостѣ Велижскому прибыли въ помощь 2,000 Козаковъ Запорожскихъ пришедшихъ недавно изъ Украины: если засѣвшіе въ крѣпости станутъ еще уклоняться отъ договора, то наши имѣютъ намѣреніе вскорѣ сдѣлать надъ ними поискъ.

19. Спокойно.

20. По утру отправлены Посланцы Московскіе и Рыцарства что подъ Москвою, коимъ объявлена Королевская милость, а на нѣкоторыя ихъ требованія и условія данъ письменный отвѣтъ. Тогоже числа Шаховскіе изъявляли вѣрность и послушаніе Королю Его Мил., предавая подъ Королевскую защиту самихъ себя и всѣ волости Зубцевскія и Ржева-Володимірова съ нѣсколькими замками. При чѣмъ просили послать туда для принятія присяги, и отозвать находящихся тамъ Козаковъ.

Около вечера Паны Сенаторы имѣли у Вицеканцлера тайное совѣщаніе.

21. Получено извѣстіе что нѣсколько тысячь Донскихъ Козаковъ взбунтовавшись въ Подмосковномъ войскѣ, хотѣли уйти въ Калугу. Но Панъ Заруцкій вознамѣрился противиться сему. Дошло до битвы: они начали уже одолѣвать Заруцкаго, но Князь Рожинскій подоспѣлъ съ помощью; и безъ большаго урона съ нашей стороны такъ ихъ разбилъ, что не многимъ удалось бѣжать, но и тѣхъ на дорогѣ разбилъ совершенно Панъ Млоцкій.

22. Очень сильно изъ крѣпости стрѣляли на постъ Пана Канцлера Литовскаго. однакожъ безъ вреда для нашихъ.

Пришло къ Королю нѣсколько Козаковъ Запорожскихъ, посланныхъ съ извѣстіемъ, что изъ Украины пришло 7,000 отличныхъ Козаковъ на службу Королю, желая быть въ послушаніи подъ хоругвею Королевскою. Они приняты ласково и часть ихъ направлена подъ начальствомъ Богашевскаго на Рославль, а другая къ Брянску подъ начальствомъ Запорскаго, дабы заградить Самозванцу дорогу въ Сѣверскую землю.

34. Ничего.

25. Москва прекратила стрѣльбу свою на постъ Пана Канцлера Литовскаго: одинъ человѣкъ убитъ ядромъ а нѣсколько людей ранено.

Паны Сенаторы совѣщались тайно съ Москвою у Пана Вицеканцлера Коронпаго, гдѣ объявлено было что Панъ Воевода Браславскій пойдетъ къ столицѣ пособлять Москвѣ и нашимъ людямъ.

Москва тому весьма обрадовалась.

26. Панъ Запорскій посланъ къ Козакамъ Запорожскимъ дабы начальствовать надъ ними и взять какой либо городъ или замокъ.

27. Паны Сенаторы увѣдомили частнымъ образомъ Посланцевъ Подмосковнаго войска, о принятомъ намѣреніи прислать Пана Воеводу Браславскаго, при коемъ отправится и пріѣхавшая къ Королю Москва.

Посланцы написали къ Филарету и другимъ Боярамъ извѣщая о Королевской милости и о добрыхъ дѣлахъ съ которыми они ѣдутъ.

Тогоже числа Полковникъ Панъ Андрей Млоцкій пріѣхалъ къ Королю и донесъ, что принужденъ былъ оставить Боровскъ по недостатку въ продовольствіи и что туда пришло 2.000 людей Шуйскаго, дабы его захватить, но онъ вошелъ съ ними въ бой, однакожъ по причинѣ глубокаго снѣга не успѣвъ сломить ихъ табора, принужденнымъ нашелся отсту-

пить къ Можайску и тамъ расположилъ свой полкъ. Король принялъ его ласково и подарилъ ему лошадь и 1.000 злотыхъ.

26. Москва изъ крѣпости стрѣляла весьма сильно и часто въ лагерь, но безъ всякаго вреда.

МАРТЪ.

1. Паны Посланцы Подмосковнаго войска уѣхали, получивъ достаточный на все отвѣтъ отъ Короля и удовлетвореніе по дѣйствительной возможности.

2. Пріѣхали паны Пизевскій и Обалковскій, посланные къ Рыцарству находящемуся подъ столицею, съ письмами Короля Его Мил. Они сказали что то войско возбужденное какими то не благопріятными извѣстіями отъ нѣкоторыхъ людей изъ здѣшняго лагеря очень взволновалось, къ чему также способствовали и козни Царицы, возмутившей Казаковъ Донскихъ до того что въ одинъ почти день болѣе 3000 изъ нихъ бѣжало въ Калугу съ нѣсколькими Московскими начальниками, а именно съ Княземъ Трубецкимъ и съ Засѣкинымъ, но поступокъ сей обрѣкъ ихъ на погибель, ибо Князь Рожинскій пустился ихъ преслѣдовать, и такъ поразилъ что изъ нихъ мертвыми пало до 3,000 и Трубецкій былъ убитъ. Спаслось только нѣсколько сотъ которыхъ на пути ихъ бѣгства встрѣтилъ и разбилъ еще Млоцкій. Сказываютъ также, что въ слѣдствіе тѣхъ же козней и чьихъ-то писемъ изъ Польши полученныхъ тамошнее Рыцарство до того раздѣлилось, что одни идутъ въ Калугу, другіе собираются возвратиться въ Польшу, а третьи хотятъ отправиться на добычу за Волгу. Знатнѣйшіе однакожъ держатъ сторону отечества и Короля.

3. Сильно и часто стрѣляли.

*

4. Замѣченъ гайдукъ, который хотѣлъ передаться въ крѣпость—онъ учинилъ признаніе и былъ повѣшенъ.

5. Панъ Шитъ показывалъ Королю Гусарскую роту во 100 лошадей, а изъ крѣпости очень сильно стрѣляли въ толпу но безвредно.

6. Король дѣлалъ смотръ Гусарской роты Пана Маршала Литовскаго.

7. Получено извѣстіе, что Царица переодѣвшись въ сопровожденіи только одной служанки и мальчика 2 Марта ночью бѣжала съ намѣреніемъ пробраться въ Калугу и пріѣхала въ Дмитровъ. Она оставила въ лагерѣ письмо въ коемъ объясняла что не имѣя терпѣнія долѣе переносить обиды и насмѣшки, и опасаясь лишиться жизни, по неволѣ принуждена была бѣжать къ мужу. Въ лагерѣ послѣ ея побѣга сдѣлалось большое замѣшательство. Многіе изъ Рыцарства возстали противъ Князя Рожинскаго, обвиняя его, что онъ или удалилъ ее своею гордостію, или самъ отправилъ въ какую либо крѣпость на границу. Но она пріѣхавъ верхомъ въ Дмитровъ, гдѣ Панъ Сапега стоялъ съ своимъ полкомъ, прислала сказать, что ушла отъ Рыцарства въ одномъ платьѣ. Вѣроятно сжалясь надъ женскими слезами, нѣкоторые отправились къ ней и отвезли ее въ Осиповъ. Тамъ взявъ старуху свою Панью Казановскую (ибо туда уже пріѣхала женская ея прислуга съ братомъ ея Паномъ Старостою Сапоцкимъ, который въ послѣдствіи отъѣхалъ въ Королевскій лагерь) она поѣхала въ Калугу.

8. Получено извѣстіе, что 2000 Донскихъ Казаковъ и 2000 Москалей надъ коими по повелѣнію Самозванца начальствовалъ Плещѣевъ вознамѣрились овладѣть Можайскомъ; Козаки для доставленія себѣ надежной опоры оставили Москалей въ Борисовѣ а сами снесясь съ нѣкоторыми Можайскими жителями, вошли въ городъ и тамъ днемъ скрывались между народомъ котораго въ столь великомъ посадѣ было множество. Однакожъ Панъ Вильчекъ Воевода Можайскій замѣтилъ ихъ и тотъ часъ же извѣстилъ полкъ Пана Млоцкаго, дабы пришелъ на помощь. Млоцкаго люди ночью прискакали въ Мо-

жайскъ, и найдя Козаковъ готовящихся къ приступу на замокъ, окликнули и затрубили тревогу. Козаки встревоженные неожиданнымъ подкрѣпленіемъ побѣжали, но имъ перерѣзали дорогу и вышавшіе изъ замка убили много изъ нихъ. Также удалось сильно разбить и Москалей поспѣшавшихъ изъ Борисова къ нимъ на помощь. Пало въ семъ сраженіи до 2000 Казаковъ и Москалей; взято много плѣнныхъ и нѣсколько хоругвей.

9. Отправленъ (отъ кого?) къ Королю Панъ Рожнятовскій, съ предложеніемъ служить Королю Его Милости.

10. Пріѣхали къ Королю Паны Посланцы Инфлянтскаго войска.

Стрѣльба изъ крѣпости сильно продолжавшаяся нѣсколько недѣль сряду, умолкла, вѣроятно отъ того, что въ башнѣ, изъ которой чаще всего стрѣляли, оказались трещины.

Тогоже числа получено извѣстіе, что Панъ Казановскій который стоялъ въ Вязьмѣ съ людьми своими и другихъ Пословъ Князя Збаражскаго и Пана Людвика Вайера, оставивъ тамъ добрую стражу при обозѣ отправился для соединенія съ Паномъ Бобовскимъ, который начальствуя тогда надъ полкомъ Пана Млоцкаго, донесъ, что Можайску опять угрожаетъ опасность.

11. Посланцы Инфляндскіе отправляли посольство передъ Королемъ.

Наши ночью свезли пушки изъ шанцевъ, опасаясь дабы весенняя вода ихъ не снесла.

12. Спокойно.

13. Получено извѣстіе, что изъ Москвы 12.000 человѣкъ двинулось къ Можайску. Затѣмъ Панъ Казановскій изъ Вязьмы отправился на соединеніе къ людямъ Пана Млоцкаго.

14. Спокойно.

Панъ Гетманъ Литовскій вечеромъ не извѣстивъ о себѣ въѣхалъ въ лагерь и остановился у Пана Вицеканцлера Короннаго въ Троицкомъ Монастырѣ.

16. Пришло извѣстіе что Царица въ Дмитровѣ явилась на Рыцарское Коло въ томъ же гусарскомъ платьѣ въ коемъ бѣжала и тамъ плачевнымъ своимъ лицемъ и рѣчью взбунтовала многихъ изъ товарищества Пана Сапѣги, такъ что нѣкоторые провожали ее до Осипова, гдѣ взявъ съ собою старую Папью поѣхала прямо въ Калугу, къ тому Самозванцу, съ которымъ тайно обвѣнчалась.

17. Рыцарство полка Пана Млоцкаго прислало Королю хоругви отнятыя у Самозванцевыхъ людей въ сраженіи подъ Можайскомъ. Король принялъ ихъ очень милостиво.

18. Посланцы Лифляндскаго войска пріѣзжавшіе къ Королю съ нѣкоторыми требованіями, Панъ Глебовичь, Панъ Радзивилъ, Панъ Кишка, получили бумагу съ Королевскимъ отвѣтомъ.

19. Ничего.

20. Панъ Староста Саноцкій изъ Подмосковнаго лагеря пріѣхалъ къ Королю и разсказываетъ о большихъ въ томъ войскѣ несогласіяхъ, что среди происшедшаго замѣшательства выстрѣлили нѣсколько разъ въ Рожинскаго и что онъ едва могъ спастись. Онъ говоритъ также что Панъ Лисовскій съ полкомъ своимъ разбилъ значительную часть войска Скопина и кажется убилъ у него до 7000 человѣкъ и что самъ Скопинъ раненъ опасно, но сіе еще не достовѣрно. Онъ увѣряетъ что только въ первый разъ въ Осиповѣ узналъ отъ своей сестры, уѣзжающей въ Калугу, что она вѣнчалась съ обманщикомъ присвоившимъ себѣ имя Дмитрія.

21. Получено извѣстіе что Вильчекъ Воевода Можайскій посылалъ къ Шуйскому, дабы прислалъ людей для принятія отъ него замка, въ чемъ и сдержалъ слово. Хотя же когда люди Шуйскаго подходили уже къ замку, онъ извѣстилъ нашихъ прося о помощи и наши поспѣшили идти къ нему, но трудъ ихъ былъ напрасенъ, ибо онъ самъ вышелъ на встрѣчу къ людямъ Шуйскаго, и сдавъ замокъ, уѣхалъ въ Москву, гдѣ ему Шуйскій пожаловалъ 100 рублей.

22. Панъ Гетманъ Литовскій уѣхалъ домой изъ лагеря; провожали его за полмили многіе изъ рыцарства и всѣ Сенаторы.

23. Получено извѣстіе что собравшіеся числомъ до 1000 съ разныхъ Королевскихъ ротъ пахолики съ 1.000 Запорожцевъ въ порядкѣ учинили сильное нападеніе на городъ Мосальскъ, овладѣли онымъ, и вывезя все оттуда подложили огонь: замокъ и городъ сгорѣли, и людей много частью сгорѣло, частью убито. Нѣкоторые изъ побѣдителей возвратясь еще на третій день за добычею, которою были наполнены ямы, и нагрузили повозки, по другіе изъ нашихъ же, заѣхавъ со стороны города подняли тревогу; они думая что то Дмитріевы Татары и Донскіе Козаки побѣжали покинувъ повозки свои, отъ чего пронесся въ лагерѣ слухъ, будто нашихъ много погибло. Но сами наши придумали устрашить тревогою своихъ товарищей дабы воспользоваться нагруженною добычею, безъ участія первоприбывшихъ.

24. Получено извѣстіе, что Запорожскіе Козаки подъ начальствомъ Богушевича овладѣли Стародубомъ такимъ образомъ: когда они подошли близко къ городу, Стародубскіе жители не успѣвъ въ скорости изготовиться къ защитѣ, вышли съ двумя хоругвями объявляя что хотятъ сдаться; Козаки приняли ихъ хорошо и отправили съ ними сотню для принятія ихъ присяги, но они возвратясь въ замокъ, опустили за собою рѣшетку и вырѣзали всю Казацкую сотню; узнавъ о семъ Запорожцы бросились къ лѣстницами съ огнемъ въ рукахъ сожгли замокъ и бывшихъ въ немъ людей умертвили. Взорвало 405 центнеровъ пороху. Пушки однакожъ были вывезены. Потомъ посадъ и городъ были также сожжены и всѣ въ нихъ люди побиты.

Пріѣхалъ Панъ Сапѣга Полковникъ подмосковнаго войска; онъ разсказываетъ между прочимъ, что товарищество его полка взбунтовавшись послало въ Калугу къ Самозванцу, предлагая служить ему съ тѣмъ, чтобы по выполненіи ими присяги онъ выдалъ имъ за одну треть по 30 злотыхъ на каждаго копія, чтобы пока останутся въ его службѣ получать имъ за слѣдующія трети наличными деньгами и наконецъ чтобы съ

королемъ онъ не затѣвалъ никакой вражды, но напротивъ всячески искалъ примириться.

26. Отпущены посланцы изъ полка Пана Млоцкаго, поднесшіе Королю взятыя подъ Можайскомъ хоругви.

Изъ Турціи получено извѣстіе, что Персіяне взяли у Турокъ Вавилонъ, и наступаютъ съ большимъ войскомъ на Константинополь; что отъ того происходитъ большое замѣшательство въ Константинополѣ, гдѣ люди толпами собираются, что Султанъ послалъ къ Татарскому Хану, дабы онъ подъ опасеніемъ потери своего Государства со всѣми своими силами двинулся противъ Персіянъ, и наконецъ что Султанъ предписалъ также Семиградскому Воеводѣ, прекратить войну съ Воеводами Валахскимъ и Молдавскимъ, ежели не хочетъ потерять своего Воеводства.

27. Пріѣхали посланцы отъ Запорожскихъ Козаковъ, которые сожгли Стародубъ. Старшина надъ ними былъ Искерка.

28. Искерка изъявляя Королю подданническую покорность отъ имени всего Запорожскаго войска, сдѣлалъ слѣдующее донесеніе: Собравшись подъ Чичерскомъ и прочитавъ письмо Вашего Королевскаго Велич. посланное къ нимъ съ Паномъ Богуславскимъ, мы учинили совѣтъ, въ слѣдствіе коего переправились за Сожъ гнали днемъ и ночью къ Стародубу, такъ что въ сутки проѣхали 30 миль. 15-го Марта мы явились подъ Стародубомъ и захватили вдругъ почти весь городъ не ожидавшій ни откуда непріятеля: осталось не занятымъ только нѣсколько десятковъ домовъ въ острогѣ передъ самымъ замкомъ, изъ коихъ Москали хорошо защищались и начали дѣлать вылазки, однакожъ были опрокинуты; тогда они вбѣжали въ замокъ и крѣпко оборонялись, ибо имѣвъ изъ пограничныхъ городовъ свѣдѣніе о выходѣ нашемъ изъ Запорожья запаслись достаточно оружіемъ; за острогомъ на церквахъ и колокольняхъ они разставили пушки и пищали и подѣлавъ деревянные тарасы, возили ихъ на саняхъ и по улицамъ убивали Козаковъ: однакожъ все сіе имъ не пособило, хотя и Королевскіе люди потерпѣли значительный уронъ такъ что у

мени Искерки было взято 3 хоругви и 130 человѣкъ кромѣ многихъ убитыхъ. Затѣмъ сами засѣвшіе въ острогѣ зажгли городъ намѣреваясь сильно отстаивать замокъ потому что надѣялись получить помощь изъ другихъ замковъ. Козаки не вдругъ пошли на приступъ, но сперва послали письма Королевское и свое, уговаривая дабы сдались добровольно жалѣя Христіанской крови, и тѣмъ спасая женъ, дѣтей и имущество. Стародубцы все сіе ставя ни во что, отвѣчали бранными словами и угрожали отвесть Козаковъ связанныхъ къ своему Царю, и на нихъ же спинахъ въѣхать въ Польшу и Литву. Тогда Козаки разъяренные симъ отвѣтомъ съ четырехъ сторонъ ударили на замокъ, и не видя возможности скоро одолѣть защитниковъ подложили огонь съ двухъ сторонъ. Пожаръ все охватилъ но и тутъ Стародубцы предпочли бросаться въ пламя чѣмъ сдаваться, и такъ замокъ хорошо укрѣпленный, спабженный пушками и людьми и котораго прежде и знатнымъ войскомъ взять было не можно, истребленъ Козаками. Они успѣли однакожъ выломавъ однѣ ворота, спасти большую пушку и 13 полевыхъ а также много Москалей изъ коихъ значительнѣйшихъ тамошняго Воеводу Князя Андрея Хованскаго, Ротмистровъ Григорья Мазелевскаго, Гавріила Александровича и боярскаго сына Григорья Суходольскаго отправили къ Королю въ ознаменованіе одержанной побѣды. Король все сіе принялъ милостиво.

29. Получено извѣстіе, что Панъ Горностай Подкоморій Кіевскій собравъ громаду изъ разныхъ людей, взялъ городъ и замокъ Черниговъ, откуда много Московскихъ людей отошло въ Украинскіе города. Королю было весьма досадно, что вопреки приказаніи ограбили пограничный замокъ сей, и велѣлъ послать универсалы, дабы поступаемо было съ тамошними людьми болѣе съ ласкою чѣмъ съ строгостію.

30. Нѣсколько десятковъ Москалей опустились изъ стѣнъ на веревкахъ, въ намѣреніи сгребать снѣгъ близь отверстія которое служило слухомъ нашихъ подкоповъ, дабы вода не портила фундамента стѣнъ. Замѣтивъ сіе Панъ Староста Пуц-

кій, устроилъ засаду изъ Нѣмцевъ которые убили изъ ружья семерыхъ непріятелей. Изъ Нѣмцевъ же одинъ былъ раненъ въ ногу, но не опасно, выстрѣломъ изъ пищали.

Тогожъ же числа узнали, что 15 Марта изъ лагеря что подъ столицею пушки перевезены въ Осиповъ.

31. Воевода Зубчевскій Князь Черкасскій и нѣсколько Бояръ били челомъ Королю, и цѣлуя крестъ изъявили послушаніе, прося дабы ихъ принялъ подъ свое покровительство и запретилъ своевольнымъ людямъ ихъ грабить. Король оказалъ имъ свою милость, и назначилъ двухъ приставовъ которые бы ихъ охраняли, и еслибы кто изъ волонтеровъ осмѣлился ихъ обижать, то извѣщали бы Пана Готмана для надлежащаго наказанія виновныхъ.

Къ вечеру пріѣхалъ Панъ Александръ Зборовскій подмосковнаго войска Полковникъ съ посольствомъ къ Королю отъ Рыцарства. Съ нимъ пріѣхалъ и Царь Касимовскій.

АПРѢЛЬ.

1. Панъ Зборовскій отправлялъ свое посольство передъ Королемъ, изъявляя преданность того Рыцарства къ Королю и Республикѣ, и просилъ о нужномъ пособіи въ ихъ недостаткахъ. Ему отвѣчая Панъ Вицеканцлеръ Коронный сказалъ что съ радостію принимается ихъ покорство, но что предметъ до пособія касающійся представляется на общее совѣщаніе.

Въ вечеру вышло черезъ калитку нѣсколько десятковъ Москалей вѣроятно чтобы разгребать снѣгъ. Замѣтивъ сіе Нѣмцы бросились на нихъ и стреляли изъ ружья. Изъ пушекъ также съ обѣихъ сторонъ часто стрѣляли. Нѣсколько Москалей было убито; прочіе ушли обратно въ крѣпость; изъ Нѣмцевъ же убитъ одинъ намѣстникъ.

2. Было частное совѣщаніе у Пана Гетмана Короннаго.

3. Царь Касимовскій привѣтствовалъ Короля въ слѣдующихъ выраженіяхъ; *я холопъ твой пріѣхалъ сюда на службу Вашего Корол. Велич. и прошу дать мнѣ людей, дабы я могъ пролить кровь мою на службѣ Вашего Величества.* Король принявъ его радушно и съ почестью приличною его лѣтамъ и достоинству — почтилъ его первымъ мѣстомъ между Сенаторами.

4. Ночью стрѣлецъ спустился изъ крѣпости на веревкѣ и разсказывалъ (чему едва ли можно вѣрить) о большемъ голодѣ и бѣдствіи въ крѣпости, увѣряя что много народа умираетъ отъ голода а другіе погибаютъ отъ повѣтрія: такъ, что ежедневно хоронятъ отъ 100 до 150 душъ, и при каждой башнѣ гдѣ прежде было по 300 человѣкъ теперь стоитъ едва по 30. Лошадей въ цѣлой крѣпости нѣтъ кромѣ 7 у Боярина и 8 у Архіепископа. Далѣе онъ показывалъ что и самъ Воевода хотѣлъ сдать крѣпость Королю, но что Архіепископъ до того не допускаетъ; что однажды міръ съ Воеводою ходилъ уговаривать Архіепископа къ сдачѣ, но Архіепископъ снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять мученіе а церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя чѣмъ сдать крѣпость. Народъ увлеченный сими рѣчами отмѣнилъ намѣреніе свое и надѣвъ на него опять святительское облаченіе, поклялся при немъ стоять до послѣдней капли крови. Послѣ сего Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку, но и на то Архіепископъ не согласился. Воевода же для того наиболѣе желаетъ вылазки, чтобы имѣть случай вывесть людей изъ крѣпости и ударить челомъ Королю. Болѣе всего портятъ дѣло передающіеся въ крѣпость Поляки которые разносятъ слухъ, что Король скоро отступитъ отъ Смоленска.

5. Ничего.

6. Толпа Москалей выбѣжала за дровами къ Запорожскимъ Казакамъ, но отраженные выстрѣлами, они принуждены были возвратиться въ крѣпость.

7. Запорожскіе Козаки къ коимъ Король послалъ въ на-

чальники Запорскаго, прислали извѣстіе, что 25 Марта они сожгли замокъ Почепъ такимъ же образомъ какъ и Стародубъ, ибо подойдя тайно, соскочили съ лошадей и съ огнемъ и приступными орудіями въ рукахъ бросились къ замку. Долго побѣда колебалось: съ утра до вечера осажденные сильно защищались, однакожъ наконецъ были доведены до крайности и тогда двое главныхъ ихъ Воеводъ первые вышли изъ замка съ покорными просьбами, а потомъ Священники и весь миръ сталъ просить пощады. Нельзя было утушить огня обхватившаго весь замокъ. Городъ однакожъ остался невредимъ. Почепскіе Воеводы коихъ Запорскій прислалъ къ Королю, въ удостовѣреніе побѣды, говорятъ что при оборонѣ погибло болѣе 4.000 Москалей. Козаковъ убито 100 ранено 200.

8. Царь Касимовскій безуспѣшно писалъ въ крѣпость уговаривая дабы сдались Королю.

9. Король съ Рыцарствомъ были на молебствіи.

10. Получено извѣстіе о смерти Гетмана подмосковнаго войска Князя Рожинскаго.

11. Передался изъ крѣпости одинъ Москаль, разсказывающій о голодѣ, повѣтріи и о пр. тоже что и прежній.

12. Отпущенъ Панъ Зборовскій съ достаточнымъ на все отвѣтомъ.

13. Получено извѣстіе, что Панъ Хруслинскій который велъ Пятигорцевъ въ Калугу скончался отъ меланхоліи.

14. Панъ Зборовскій и съ нимъ другіе Послы уѣхали довольные даннымъ имъ отвѣтомъ.

Того же числа получено извѣстіе изъ Калуги, что товарищество которое изъ бывшаго подъ столицею войска отошло къ Лжедимитрію, бывъ прельщено его обѣщаніями, не видя никакого исполненія по онымъ возстало противъ своихъ начальниковъ. Въ семъ замѣшательствѣ убиты Козелевскій и Бозовскій главнѣйшіе бунтовщики.

15. Передался изъ крѣпости одинъ Москаль который показывалъ противное тому, что говорили передавшіеся прежде.

Панъ Староста Велижскій увѣдомилъ, что Воевода Бѣльскій съ людьми выдержалъ почти полугодичную осаду и не будучи въ состояніи долѣе защищать крѣпость (ибо изъ *100.000?* запершихся въ оной человѣкъ осталось не много болѣе 4.000), вошли въ переговоры съ Паномъ Старостою Велижскимъ. Къ тому побудили ихъ отъ части голодъ и нужда, отъ части же увѣщанія нѣкоторыхъ Московскихъ Бояръ поддавшихся Королю. — 13 Апрѣля осажденные дали присягу въ которую включили и Королевича Владислава и покорясь Королю сдали крѣпость съ пушками: Панъ Староста Велижскій и нѣкоторые изъ Рыцарства также съ своей стороны исполнили присягу на условленные съ ними пункты. Такимъ образомъ благополучно возвращенъ городъ, за сто лѣтъ предъ симъ отторгнутый отъ Королевскихъ владѣній.

17. Запорожскіе Казаки находящіеся подъ начальствомъ Пана Богушевскаго донесли, что Панъ Богушевскій отправилъ въ Новгородокъ пространное письмо отъ имени Короля Его Мил., уговаривая жителей, не проливая крови предать себя и крѣпость Королю. Они принявъ письмо съ благодарностію изъявили желаніе покорится. Дабы дѣло сіе не замедлилось, Богушевскій посовѣтовавшись съ Ганченкою старшимъ Полковникомъ и со всѣмъ Рыцарствомъ двинулся 29 Марта съ 3.000 человѣкъ къ Новгородку, не смотря ни на плохое состояніе своего здоровья ни на распутицу (ибо во многихъ мѣстахъ приходилось плыть) — 13 Марта (очевидно должно читать 30 Марта) Козаки встрѣтили въ 1½ мили отъ города Новгородскую стражу и захватили нѣсколько стрѣльцевъ съ сыномъ Боярскимъ начальствующимъ стражею. Узнавъ отъ сихъ плѣнныхъ что изъ города и изъ окрестныхъ селеній собралось на защиту замка много людей послали къ нимъ предлагая, дабы сдались немедленно или по крайней мѣрѣ открыли бы переговоры. Они согласились на переговоры и прислали двухъ Боярскихъ дѣтей. Между тѣмъ Козаки 31 Марта подошли къ городу и къ замку и построились въ боевой порядокъ. Тогда изъ замка прислали нѣсколько значительнѣйшихъ лицъ въ аманаты. Панъ Богушевскій подъѣхалъ къ самому замку со

старшимъ Полковникомъ Ганченкою и съ нѣкоторыми еще Полковниками: къ нимъ вышли Воеводы для переговоровъ. Первое требованіе ихъ было чтобы наши дали присягу въ томъ что обыватели, жены ихъ, дѣти и имущества останутся невредимы. Когда же Панъ Богушевскій принялъ сіе условіе, то Воеводы, Бояре, Дворяне и весь народъ покорились Королевичу Владиславу и избравъ изъ среди себя Воеводу Михайлу Карпова, дѣтей Боярскихъ, старшихъ Козаковъ и стрѣльцевъ отправили къ Королю съ Козачьими посланниками. Пушекъ нашлось въ Новгородкѣ 24, пищалей 100; ядеръ большихъ 430, малыхъ 400: пороху четыре бочки; пуль свинцовыхъ къ пищалямъ 2000. Король все сіе принялъ радушно обѣщалъ Козакамъ награду, а сдавшимся милость. Царь Касимовскій, Воеводы, Бояре и бывшіе при Королѣ Москали отправили барабанщика съ письмами въ крѣпость, увѣщавая прекратить разлитіе крови, и не брать на свою душу тѣхъ которые съ голоду умираютъ, а сдать крѣпость Королю. Увѣдомляли также что Бѣлая, Новгородокъ, Стародубъ, Почепъ, Черниговъ и много другихъ замковъ, находятся уже въ рукахъ Короля, и тамъ начальствующіе Воеводы прибѣгнули къ Королю съ челобитьемъ и изъявленіемъ вѣрности и подданства. Встрѣтили барабанщика у воротъ письма отъ него приняли, подчивали его медомъ но строго запретили ему впредь приходить съ подобными письмами.

19. Пріѣхалъ къ Королю Татарскій гонецъ отдалъ письма отъ Царя и увѣдомлялъ о большомъ послѣ.

20. Отправленъ въ Бѣлую Панъ Доморацкій Подстолій Лембергскій съ увѣщаніемъ Королевскимъ къ Запорожскимъ Козакамъ. (Которые когда уже Бѣлая сдалась, тамъ своевольничали и свирѣпствовали, требовали съ мѣщанъ контрибуцію въ 15,000,000 рублей и собирались дѣйствовать противъ Королевскихъ людей Пана Старосты Велижскаго недопускавшихъ ихъ до неистовства) — дабы наказали зачинщиковъ неповиновенія, буйство прекратили и непремѣнно шли къ Можайску. Доморацкій еще имѣлъ порученіе благодарить отъ имени Ко-

роля Пана Старосту Велижскаго и все Рыцарство за труды понесенные ими во время осады и взятія замка, а также сдавшимся объявить Королевскую милость и обнадежить въ охраненіи ихъ жизни, вѣры и имущества.

Тогоже числа отправлены Королевскіе универсалы къ Казакамъ Запорожскимъ взявшимъ Стародубъ и Почепъ, дабы Стародубъ сдали Залескому, а Почепъ Подкоморію Метиславскому, впредь до дальнѣйшаго о томъ Королевскаго постановленія.

21. Большой Посолъ Татарскій пріѣхалъ въ Королевскій лагерь.

Тогоже числа Панъ Староста Саноцкій получилъ достовѣрное извѣстіе изъ Калуги, что Лжедимитрій желаетъ снискать милость Королевскую и чтобы Король его принялъ въ свое покровительство, но отъ глупости или отъ гордости ожидаетъ чтобы Король первый прислалъ къ нему посольство. Между прочимъ въ полученныхъ изъ Калуги письмахъ значится что дѣла его идутъ плохо, ибо передовая Московская стража подходитъ къ самой Калугѣ, а людей при немъ очень не много. Москвѣ также недовѣряетъ, и какъ кто-то пишетъ, одно Божье заступленіе можетъ упрочить его безопасность и благоденствіе.

22. Панъ Дуниковскій извѣстилъ Пана Гетмана, что нѣсколько десятковъ Бояръ вышедшихъ изъ Можайска напали на деревни, въ которыхъ наши пахолики брали продовольствіе, и не найдя уже тамъ пахоликовъ изрубили крестьянъ. Потомъ лазутчики донесли, что Скопинъ былъ въ Москвѣ съ большими силами, и идетъ къ Можайску, желая перенести подъ Можайскъ ѳеатръ войны.

Въ туже ночь Панъ Староста Пуцкій будучи на форпостахъ подъ стѣнами, разговаривалъ съ Москвою о сдачѣ крѣпости. Самъ Воевода (ибо человѣкъ передавшійся изъ крѣпости узналъ его по голосу) съ глубочайшимъ почтеніемъ произнося имя Короля, разговаривалъ и спрашивалъ: *Скороли Наияснѣйшій Король вашъ уйдетъ, ибо мы имѣемъ достовѣрное извѣстіе, что онъ въ скоромъ времени отправится въ путь.*

23. Татарскій Посолъ отправлялъ обыкновеннымъ порядкомъ посольство свое и привезъ союзную грамоту данную покойнымъ Царемъ Казигиреемъ. Посолъ подарилъ Королю отъ имяни Царя лошадь, предлагалъ постоянную дружбу и требуя обыкновенныхъ подарковъ, благодарилъ что Король бывшему прежде посланнику изволилъ обѣщать, усмирить своевольство Казаковъ и оградить Татарскія владѣнія отъ ихъ набѣговъ.

24. Было тайное совѣщаніе, въ которомъ дозволено Пану Старостѣ Саноцкому отправиться въ Калугу, дабы своего шурина Дмитрія уговорить къ снисканію Королевской милости.

25. Панъ Староста Саноцкій отправился въ путь.

26. Получено извѣстіе, что Лжедимитрій во второй разъ публично съ Царицею кѣнчался въ Калугѣ.

Тогоже числа начали поговаривать о смерти Шуйскаго.

27. Получено извѣстіе, что Скопинъ съ Шереметевымъ находится въ столицѣ, и распустилъ свое войско, съ тѣмъ однакожъ, чтобы собралось опять когда пойдетъ трава.

Тогоже числа Король пожаловалъ въ Коронные казначеи Пана Варшевицкаго Каштеляна Варшавскаго, который тутже при Сенаторахъ исполнилъ присягу.

28. Ничего.

29. Панъ Слизень отправился съ письмами Короля въ столицу къ Боярамъ и къ Шуйскому, предлагая имъ открыть переговоры съ Королемъ.

30. Ничего.

МАЙ.

1. Одинъ гайдукъ хотѣлъ передаться въ крѣпость но когда пробирался къ стѣнамъ Нѣмцы усмотрѣли его и поймали. Нѣкоторые думали, что онъ нанялся снести туда письма, но ничего при немъ не найдено, кромѣ что въ ташкѣ былъ лоскутокъ писанный по русски безъ начала и безъ конца: кажется опись какой-то крѣпости. Онъ не сознался ни въ чемъ и на пыткѣ, однакожь въ страхъ другимъ приказано его повѣсить.

2. Панъ Староста Велижскій донесъ Королевскому войску о полученномъ извѣстіи изъ Ржева, что Скопинъ поссорился съ Василіемъ Шуйскимъ подъ столицею, что дошло до сильной битвы и что съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ.

3. Панъ Казановскій донесъ изъ Царева-Займища, что слухъ о смерти Царя Шуйскаго возобновился. Онъ увѣдомляетъ также о предложеніи Пана Зборовскаго, чтобы въ случаѣ если то войско приметъ предложенныя ему Королемъ условія, и будетъ служить Королю, то или соединивъ силы попытаться наѣздомъ взять Можайскъ, или доставъ изъ Осипова пушки, которыя были въ лагерѣ подъ столицею, осадить Можайскъ.

4. Передавшійся изъ крѣпости Москаль сказывалъ что изъ нѣсколько сотъ бывшихъ въ крѣпости стрѣльцевъ осталось едва 100, что много дѣтей Боярскихъ померло частію отъ голода, частію отъ повѣтрія и что умираетъ ежедневно много людей. Соображая сіе онъ полагаетъ что если Король здѣсь останется еще мѣсяца три то крѣпость будетъ весьма обезсилена. Обывателей удерживаетъ Архіепископъ напоминая имъ что умрутъ честно. Перебѣщикъ сей донесъ также что при нынѣшнемъ вскрытіи рѣки, два человѣка пробрались съ письмами отъ Шуйскаго, и потому гетманъ велѣлъ загородить рѣку.

Панъ Староста Велижскій донесъ, что люди Скопина, одни на стругахъ, другіе сухимъ путемъ подошли къ Ржеву и нечаянно напали на бывшихъ тамъ Запорожскихъ Козаковъ. Изъ сихъ Запорожцевъ находившіеся на другой сторонѣ Волги, подожгли посадъ и укрылись въ замкѣ другіе по безпечности своей были убиты. Съ достовѣрностію не извѣстно, какіе и чьи были сіи люди. Говорятъ что то подошли изгономъ находящіеся при Скопинѣ Нѣмцы; о приближеніи ихъ извѣстно уже было Казакамъ, которые отрядили противъ нихъ 2,000 человѣкъ, но сіи гдѣ-то пьянствовали и Нѣмцы ихъ обошли. Слухъ носится что непріятельское войско не малое. Въ слѣдствіе чего Король приказалъ нѣсколькимъ ротамъ итти въ Бѣлую на помощь Пану Старостѣ Велижскому.

6. Спокойно.

7. Отпущен Татарскій курьеръ.

8. Воевода изъ Бѣлой пріѣхалъ въ Королевскій лагерь и съ нимъ нѣсколько Бояръ и Панъ Подстолій Лемберскій возвратившійся послѣ укрощенія бушующихъ Козаковъ.

9. На другой день Подстолій привѣтствовалъ Короля съ счастливымъ въ дѣлахъ успѣхомъ.

Тогоже числа отпущенъ Посолъ Татарскій.

10. Москва опять приглашала нашу ночную стражу на переговоры, обѣщая подъ крестнымъ целованіемъ не стрѣлять. Поручикъ Пана Воеводы Брацлавскаго подъѣхавъ къ самымъ стѣнамъ, говорилъ имъ что Бѣлая сдалась, что тамошній Воевода пріѣхалъ къ Королю, и что и имъ прилично было бы слѣдовать сему примѣру и сдаться Королю. Они не хотѣли вѣрить ни о взятіи Бѣлой, ни о пріѣздѣ Воеводы, котораго просили показать имъ. Разошлись ни о чемъ не уговорившись.

11. Начали строить мостъ на Днѣпрѣ.

12. Дошло извѣстіе, что войско стоявшее подъ столицею раздѣлилось: большая часть ушла, а имянно Пятигорцы и что всѣхъ изумляетъ полкъ Пана Сапеги, который во время цѣлаго похода держалъ Королевскую сторону. Отличнѣйшіе же остались при Королѣ, довольствуясь предложенными условіями, а имянно 6 хоругвей Гусарскихъ полка Пана Зборовскаго, рота покойнаго Вильковскаго, часть роты Пана Бобовскаго, цѣлый полкъ Пана Андрея Млоцкаго, рота Пана Рудницкаго, рота Пана Мархоцкаго и отъ сихъ всякій часъ ожидаемъ посланниковъ къ Королю.

13. Дано знать что Скопинъ-Шуйскій умеръ отравленный женою Дмитрія Шуйскаго. Когда Скопинъ въѣзжалъ въ Москву то весь миръ, люди посадскіе и Бояре встрѣчали его съ хлѣбомъ, солью и подарками. Досадуя на то Шуйскій послалъ къ нему дабы ни сколько не останавливаясь въ своемъ домѣ, пріѣхалъ въ крѣпость. Тамъ Царь встрѣтилъ его слѣдующими словами: *Благодарю тебя за вѣрную службу оказанную мнѣ*

и Государству моему, но не благодарю зато что подъискиваешся подъ мою державу. Скопинъ отвѣчалъ: *Я о державѣ не помышляю, но тебѣ совѣтую отказаться отъ нея и отъ управленія Государствомъ, ибо видишъ что счастіе не благопріятствуетъ твоему царствованію, и что смятенія не прекратятся, пока не изберемъ себѣ Государя Царскаго происхожденія.* Василій не оскорбился и сказалъ: *Я охотно оставлю Царскій посохъ, только прежде очисти всю Москву отъ Литвы, а потомъ избирайте кого угодно.* Въ послѣдствіи жена Дмитрія Шуйскаго отравила Скопина на крестинахъ не извѣстно какимъ образомъ. По два Боярина (перебѣжавшіе къ намъ изъ Можайска) сказывали, что послѣ двухнедѣльной болѣзни онъ не могъ оправиться. Да и въ Можайскъ въ лазареты присланы подаянія по его душѣ и въ семъ городѣ звонили въ колокола, чего у нихъ не водится. Тоже подтвердилъ и Панъ Слизень, отправленный Сенаторами къ думнымъ Московскимъ Боярамъ, прибавляя что имѣетъ надежду получить благопріятный отвѣтъ..

Послѣ смерти Скопина Москва раздѣлилась на три стороны: одни не знаютъ кого держаться, другіе явно желаютъ Короля, а прочіе остаются вѣрными Шуйскому.

14. Получено извѣстіе что наши Пахолики подступившіе изгономъ подъ Рославль, подожгли городъ и овладѣли онымъ; замокъ достаточно снабженный пушками сдался на договоръ.

Того же числа привели къ Королю Бояръ перебѣжавшихъ изъ Можайска.

15. Былъ военный совѣтъ у Пана Гетмана, на коемъ совѣтовались Паны Сенаторы съ Ротмистрами. Въ вечеру пріѣхали Посланцы отъ войска обратившагося къ Королю, а съ ними и Панъ Заруцкій.

16. Посланцы отправляли свое посольство на публичномъ пріемѣ. Въ говоренной ими рѣчи они повергали прошедшую службу свою и прежнія требованія свои на благоусмотреніе Короля, напоминали о Королевскомъ обѣщаніи прислать 100.000 злотыхъ, просили дабы служба ихъ считалась съ новаго года; хотя и благодарили за данное уже повелѣніе считать оную съ

6 Апрѣля наравнѣ съ прочимъ Королевскимъ войскомъ, объясняли что довольствуются обеспеченіемъ заслуженнаго платежа на Московскомъ Государствѣ, домогались дабы съ соизволенія цѣлой рѣчи Посполитой созванной на Сеймъ, двѣ прошедшія трети жалованья ихъ были обеспечены на столовыхъ имѣніяхъ Королевскихъ и наконецъ требовали обнадеживанія что если по милости Божьей Король овладѣетъ Царствомъ, то чтобы прежде всего было имъ назначено награжденіе изъ Московскаго Государства. Число своихъ товарищей показываютъ въ 3.000. Притомъ они поручали Королевской милости Пана Заруцкаго.

Тогоже числа изъ Рославльскаго отряда привели въ лагерь нѣсколько человѣкъ и Рославльскаго Воеводу. Пахолики изъ разныхъ ротъ Королевскаго войска, собравшись въ числѣ около полуторы тысячи и устроивъ между собою порядокъ, а также избравъ начальникомъ.... (пропускъ въ подлинникѣ).... проселочными дорогами нечаянно подошли къ Рославлю. Москва увидѣвъ ихъ, вышла на нихъ изъ города въ нѣсколькихъ стахъ человѣкъ, съ намѣреніемъ вступить въ бой, который дѣйствительно завязался но наши опрокинули ихъ. Послѣ сего они занялись обороною города, къ которому наши пошли на приступъ. Съ перваго раза не было успѣха, но во второй разъ нѣкоторые изъ нашихъ вырубили ворота, другіе подложили огонь къ острогу и съ четырехъ сторонъ ворвались въ городъ. Устрашенные Москали побѣжали въ замокъ и сами сожгли часть города: наши на плечахъ ихъ дошли до самаго замка, но тутъ были остановлены и располагались снова учинить приступъ; однакожъ укрывшіеся въ замкѣ люди изъявили желаніе вступить въ переговоры. Наши на то согласились; взаимно дали аманатовъ и заключили договоръ. Такимъ образомъ замокъ покорился Королю.

17. Представленъ былъ Королю Рославльской Воевода; который отъ лица всѣхъ тамошнихъ жителей изъявилъ готовность къ подданству и въ томъ цѣловалъ крестъ.

18. Передался изъ крѣпости Москаль который разсказываетъ о такомъ голодѣ и повѣтріи что послѣ Русской Пасхи помер-

ло уже 14.000 человѣкъ. Все говоренное согласуется съ прежними показаніями.

19. Панъ Зборовскій прислалъ извѣстіе, что непріятель уже собирается, и во многихъ мѣстахъ показывается много войска.

А изъ Осипова *6 Марта* (вѣроятно 16 Мая) товарищество прибѣжало въ Липцы (гдѣ квартируетъ Панъ Зборовскій) и донесло что *12 Марта* (вѣроятно 12 Мая) 2.000 Москалей и нѣсколько сотъ Нѣмцевъ изгономъ ночью подступили къ Осипову, и нечаянно подложивъ петарды къ воротамъ пригородка проломали ихъ. Наши выскочивъ изъ каменнаго монастыря вошли съ ними въ бой, и конные съ конными а пѣшіе съ пѣшими сильно сражались. Нашихъ убито до 60, а Москвы и Нѣмцевъ много. Непріятель вынужденный оставить деревянный пригородокъ отступилъ за милю отъ Осипова. Наши взяли несколько десятковъ плѣнныхъ. Опасаясь однакожъ новыхъ покушеній отъ непріятеля наши сожгли деревянный пригородокъ заперлись въ каменномъ монастырѣ и просятъ помощи. Дабы подкрѣпить ихъ сильнѣе и удачнѣе, Панъ Зборовскій 19 Мая долженъ былъ соединиться у Царева-Займища съ Паномъ Казановскимъ, и собравшись въ одинъ лагерь за двѣ мили отъ Царева-Займища снабдиться конями и хорошо устроить войска а потомъ итти на непріятеля.

Осиповскіе плѣнные сказываютъ, что приходило нѣсколько сотъ Англичанъ и Шотландцевъ, Москвы же нѣсколько тысячь, и что послѣ смерти Скопина Московское войско разошлось по разнымъ городамъ.

Говорятъ что въ столицѣ большое несогласіе.

Тогоже дня пріѣхалъ изъ Калуги Панъ Староста Сапоцкій и сказываетъ что Калужскій Самозванецъ отправляетъ Посланниковъ въ нашъ лагерь.

20. Привели Боярина перебѣжавшаго къ нашимъ изъ Можайска. Онъ подтверждаетъ извѣстіе о смерти Скопина, и удостовѣряетъ о мятежахъ и большемъ несогласіи въ Москвѣ.

21. Ничего.

22. Спокойно.

23. Ничего.

24.

25.

26. Были переговоры между Паномъ Гетманомъ и посланцами бывшаго Тушинскаго войска; обѣщано имъ уплатить 100.000 злотыхъ товарами и наличными деньгами и дать служебныя грамоты.

27. Панъ Староста Велижскій извѣстилъ, что нѣсколько сотъ Запорожскихъ Козаковъ отправилъ къ Торопцу, а нѣсколько сотъ къ Ржеву для добыванія языка, давъ имъ въ начальники двухъ Московскихъ Бояръ.

28. Дошло извѣстіе, что наши люди бывшіе въ Осиповѣ, по прогнаніи отъ Осипова Нѣмцевъ и Москалей начали между собою ссориться; одни хотѣли остаться въ монастырѣ и ожидать помощи, другіе совѣтовали пробиться сквозь непріятеля, но и изъ сихъ нѣкоторые хотѣли идти въ Калугу, а прочіе къ Королю. Затѣмъ всѣ вышли въ поле, оставивъ монастырь хорошо снабженный пушками (было ихъ до 20) и расположились лагеремъ. Тамъ опять вышелъ раздоръ и несогласіе. Непріятель воспользовался симъ чтобы сильно на нихъ ударить, и разбилъ ихъ до того, что кто какъ могъ, долженъ былъ спасаться. Много нашихъ и Москалей погибло въ непроходимыхъ болотахъ; также много попалось въ плѣнъ и между прочими Патріархъ Филаретъ, кажется раненный.

29. Отпущены посланники Тушинскаго войска съ письменнымъ отвѣтомъ.

Тогоже числа привезли пушки изъ Риги Бабу, Базилиска и Трехъ Братьевъ, довольно хорошія и крѣпкія.

30. Привели Боярина, который провожалъ въ столицу Бояръ желавшихъ передаться Королю и возвращался уже въ Можайскъ. Онъ повторяетъ что Скопинъ умеръ и что въ Можайскѣ большое несогласіе: что Бояре Великаго Новгорода за смертію Скопина разбѣжались по домамъ, а надъ оставшимся войскомъ назначены Гетманами и начальниками Дмитрій Шуй-

скій и Шереметевъ. Онъ разсказъ свой дополняетъ и другими достовѣрными извѣстіями.

31. Спокойно.

ІЮНЬ.

1. У Короля было частное совѣщаніе, въ которомъ Король Его Мил. назначилъ Пана Гетмана Коронпаго къ тому войску, дабы привелъ оное въ военный порядокъ и въ прежнее послушаніе и дабы соединившись съ ними шелъ противъ непріятеля, о которомъ имѣли извѣстіе, что собирается на помощь Смоленску.

2. Пришли къ Королю Бояре и посадскіе люди изъ Мещовска взятаго приступомъ Запорожскими Коказами. Они цѣловали крестъ на имя Короля и по неволи изъявили подданство.

Москаль передавшійся изъ крѣпости, разсказываетъ о разныхъ тамъ болѣзняхъ и повѣтріи такъ что изъ около 40.000 бывшихъ спачала въ строю осталось едва 2,000 здоровыхъ и къ защитѣ способныхъ, а 8,000 больныхъ. Сказываетъ и то, что отъ нашихъ получаютъ всякія извѣстія, и сами наши виноваты, что такъ долго осажденные держатся.

4. Панъ Староста Велижскій доноситъ, что Козаки отправленные къ Торопцу и къ Ржеву извѣстили, что въ Ржевѣ находится едва нѣсколько десятковъ Москвы: не слышно ни о какомъ войскѣ, а только о несогласіяхъ въ Москвѣ послѣ смерти Скопина.

5. Къ вечеру Москва изъ стѣнъ отозвалась и просила прислать къ нимъ того Бояріна, который по приказанію Шуйскаго пробирался въ Смоленскъ и котораго наши захватили подъ Можайскомъ. Удовлетворяя ихъ желанію послали къ нимъ сего Бояріна который увѣрялъ ихъ, что не могутъ ожидать помощи, Царскіе люди разбѣгаются, а народъ и знатнѣйшіе

Бояре желаютъ пришествія Короля и Королевича. Но упорный народъ не хотѣлъ сему повѣрить, и даже ругалъ того Боярина.

6. Панъ Гетманъ готовился уже въ путь, когда къ нему привели двухъ Англичанъ захваченныхъ подъ Бѣлою. Они сказываютъ что къ Бѣлой идутъ 3,000 Англичанъ, Шотландцевъ, Нѣмцевъ и Французовъ, а съ ними и нѣсколько тысячь Москвы. За тѣмъ надобно было вновь совѣщаться и придано ему еще нѣсколько ротъ Гусаръ, Пятигорцевъ и пѣхоты, а также вмѣсто того что прежде предполагалось итти ему прямо къ Цареву-Займищу на соединеніе съ бывшими Тушинцами, предписано ему обратиться къ Бѣлой.

7. Получены письма отъ Пана Старосты Велижскаго, въ коихъ увѣдомляетъ о подходѣ непріятеля, который стоитъ уже за милю только отъ Бѣлой, а потому онъ проситъ скорой помощи.

Панъ Гетманъ выступилъ того же числа вечеромъ и ночевалъ за двѣ мили отъ лагеря.

8. За нимъ слѣдовали роты:

Пана Гетмана хоругвь лошадей	250.	
Пана Краковскаго.	100.	
Пана Крайчаго Короннаго. . . .	100.	
Князя Порицкаго	130	Гусаръ.
Пана Старосты Хмельницкаго . .	200.	
Пана Старосты Сандецкаго . . .	200.	
Пана Старосты Тлумацкаго . . .	100.	
Пана Балабана	100.	
Пана Старосты Хмельницкаго:		
Пѣхоты	100.	
Козаковъ	100.	
Пѣхоты	1,000.	

9. Къ самому утру Москва выбѣжавъ изъ крѣпости захватила нѣсколько стоявшихъ на стражѣ Запорожскихъ Казаковъ.

Того же числа нѣкоторые находники стоявшіе по деревнямъ для продовольствія, прибѣжали извѣщая, что знакомые съ ними Москали сказывали будто нѣсколько тысячь Москалей и Нѣмцевъ пробираются черезъ лѣса изъ Москвы къ Смоленску. Затѣмъ Панъ Воевода Браславскій заправляющій войскомъ, умножилъ стражу, и нѣсколько десятковъ Козаковъ разослалъ по трактамъ для развѣдыванія, а самъ со всѣхъ сторонъ наблюдалъ прилежно.

10. Панъ Казановскій прислалъ знатнаго Боярина не давно отправленнаго изъ Москвы. Онъ сказываетъ что Шуйскому плохо, и у него въ людяхъ и деньгахъ недостатокъ. Людей и не надѣется имѣть болѣе. Кромѣ 3,000 прибывшихъ съ Понтусомъ и тѣхъ Москалей что были подъ Бѣлой, у него въ сборѣ не свыше 15,000 и то не отличныхъ. Скопинъ Шуйскій умеръ. На мѣсто его назначенъ Гетманомъ Дмитрій Шуйскій. Рязанское Царство отказалось отъ повиновенія и многія провинціи также не слушаютъ Царя. Московскіе люди желаютъ чтобы Король скорѣе принялъ власть. Тогоже числа пришло извѣстіе отъ Пана Старосты Велижскаго, что онъ въ минувшую Субботу т: е: 5 Іюня сразился подъ Бѣлой съ Нѣмцами, у коихъ 90 убито, а 20 взято въ плѣнъ. А около полуночи передалось ихъ 16. Въ Понедѣльникъ они шли на приступъ уговорившись съ бывшими при нашихъ людяхъ Москалями, дабы они въ тоже время подложили огонь къ крѣпости — но передавшіеся въ Воскресеніе Нѣмцы увѣдомили нашихъ о той измѣнѣ. За тѣмъ когда начался штурмъ, Нѣмцы не видѣвъ огня, поняли что измѣна открыта, почему потерявъ въ сей аттакѣ болѣе ста человѣкъ они возвратились къ Ржеву, гдѣ кажется Панъ Гетманъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ. А Панъ Староста Велижскій Москалей обвиняемыхъ въ измѣнѣ велѣлъ содержать въ тюрьмѣ впредь до Королевскаго разрѣшенія. Козаки стали по деревнямъ убивать Московскихъ крестьянъ, зато что когда пришло Шуйскаго войско начали возить къ нему продовольствіе, и обѣщали даже дать по 3 рубли на заплату Нѣмецкой пѣхотѣ, но когда узнали о походѣ Пана Гетмана, то отказались давать какъ припасы такъ и деньги.

11. Передавшійся изъ крѣпости Москаль сказывалъ, что собираются къ самому утру сдѣлать сильную вылазку изъ крѣпости. Панъ Воевода Брацлавскій послалъ сей часъ ко всѣмъ Ротмистрамъ дабы были въ готовности. Отъ чего въ лагерѣ была осторожность. Но изъ крѣпости никто не показался.

Тогоже числа привели отъ Пана Старосты Велижскаго 16 передавшихся Нѣмцевъ и 4 взятыхъ въ плѣнъ подъ Бѣлою.

12.

13.

14. Изъ крѣпости вышло 200 человѣкъ; полагать должно или за травою или для развѣдыванія что дѣлаютъ наши около стѣнъ, ибо за нѣсколько ночей до того Инженеры тамъ прохаживались. Наши полагая, что они вышли на вылазку, бросились къ лошадямъ, но Москва увидѣвъ сіе сей часъ отступила.

15. Панъ Гетманъ увѣдомилъ, что Панъ Казановскій отправилъ на поискъ нѣсколько выбранныхъ Поляковъ и Казаковъ, которые въ Жупровѣ напавъ на повозки бывшихъ подъ Бѣлою Нѣмцевъ, разбили шедшихъ при повозкахъ и все захватили: самое же Нѣмецкое войско стало лагеремъ близь Ржева надъ Волгою въ сильномъ мѣстѣ, такъ что Пану Гетману трудный до него доступъ. Однакожъ должно надѣяться, что Нѣмцы передадутся Королю.

16. Привели одного Боярина бывшаго сотникомъ у Шуйскаго, который сказываетъ что Василій Шуйскій послѣ смерти Скопина нѣкоторыхъ его слугъ и чиповниковъ умертвилъ, а другихъ заключилъ въ тюрьму. Вся его надежда лежитъ на Нѣмцахъ, коихъ у него около 6,000. Войска Московскаго можетъ быть до 15,000 въ Можайскѣ. Въ Москвѣ недовольные Бояре желаютъ скораго пришествія Короля.

Того же числа Москва выпала толпою къ Козакамъ за травою, но Козаки скоро ихъ прогнали.

Того же числа одинъ купецъ хотѣлъ передаться въ крѣпость, но Нѣмцы его схватили и прислали къ Пану Воеводѣ Брацлавскому.

17. Роты Пана Краковскаго, Пана Старосты Сандецкаго, Пана Старосты Слонимскаго, Пана Щита, ходившія съ Паномъ Гетманомъ на выручку Бѣлой возвратились въ лагерь.

18.

19.

20. Привели Боярскаго сына, который изъ крѣпости выскочилъ къ нашимъ, когда Король прогуливался. Онъ привѣтствовалъ Короля такимъ образомъ: «*Божій и твой городъ великій Господарь!*» Онъ извѣщалъ о какихъ то тяжкихъ болѣзняхъ, и о томъ, что Михаіло Борисовичь Шеинъ Воевода Смоленскій хочетъ уже сдаться Королю, но что посадскіе люди заставляютъ его выждать до Петрова праздника по Русскому календарю; такъ они говорятъ и нашимъ, которые бываютъ на стражѣ: въ Петровъ день или мы ваши, или вы наши будете. Однакожъ Панъ Воевода Брацлавскій не дожидаясь того дня, (ибо людямъ тѣмъ не льзя вѣрить) приказалъ поставить 9 туровъ у разбитой башни, для виду только, дабы укрѣпиться отъ стороны той разрушенной башни.

Того же числа привезено въ лагерь тѣло Князя Рожинскаго.

21. Тѣло сіе съ почестями на другой день отвезено въ Польшу. Церемонію сію и Король изволилъ удостоить черезъ своего Посланника Пана Короннаго Вицеканцлера. А господа Сенаторы, Ротмистры и Рыцарство провожали за лагерь.

22. Пріѣхали къ Королю посланники отъ войска Запорожскаго которое ведетъ Панъ Харлинскій изъ Украины и извѣщали, что на службу къ Королю идутъ 3,000 конныхъ и 1,000 пѣхоты. Ночью къ первымъ турамъ прибавлено еще нѣсколько: когда ихъ ставили, изъ крѣпости сильная была пальба, однакожъ безъ большаго вреда.

23. Пришло извѣстіе, что 18 хоругвей Нѣмцевъ бывшихъ подъ Бѣлою, отдѣлясь отъ прочихъ, отправили изъ среди себя 18 человѣкъ къ Пану Гетману, съ тѣмъ что подъ извѣстными условіями хотятъ принять службу у Короля, но въ то же время когда сіи были въ дорогѣ, Роты Пана Лянцкорон-

скаго, и Пана Млоцкаго и 2,000 Запорожскихъ Козаковъ пошли на поискъ противъ тѣхъ Нѣмцевъ къ Ржеву, и нашли ихъ выстроенныхъ въ боевомъ порядкѣ. Нетерпѣливые Козаки не зная о отправленныхъ къ Пану Гетману Посланникахъ, ударили на нихъ, чему содѣйствовали и Гусарскія роты. Нѣмцы начали бросать оружіе, въ знакъ, что сдаются. Однакожъ наши не смотря на то, не дали имъ пощады. Затѣмъ бѣдняки сіи принуждены были бѣжать. Много ихъ тамъ убито и ограблено. Остальные заперлись въ замкѣ. Тоюже ночью наши на прекрасной равнинѣ въ 60 шагахъ отъ стѣнъ между воротами Копытинскими и разбитою башнею, начали ставить туры, въ томъ мѣстѣ гдѣ инженеры совѣтовали устроить баттарею. Коль скоро увидѣли сіе изъ крѣпости открыли сильный ружейный и пушечный огонь, съ значительнымъ урономъ нашихъ людей: ибо одинъ Королевскій Ротмистръ раненъ въ ногу; другому Ротмистру Люблевскому командовавшему пѣхотою Пана Воеводы Брацлавскаго, ядромъ оторвало обѣ ноги и онъ въ туже ночь умеръ. Изъ пѣхоты Королевской и другой убито около 14, а ранено около 50 человѣкъ: также пало и нѣсколько Москалей бывшихъ въ турахъ. Поставили однакожъ съ великою отвагою 50 туровъ, коихъ значительную часть насыпали, ибо день не дозволилъ окончить всю работу. Въ туже ночь Нѣмцы отъ траншей начали копать шанцы, при насыпаніи туровъ. Козаки съ своей стороны подняли крикъ, дабы отвлечь Москву отъ тѣхъ мѣстъ гдѣ наши ставили туры: и тогда оказалось безсиліе тѣхъ людей, ибо не скоро отозвались съ валовъ; ружейной пальбы почти не производили, и только нѣсколько десятковъ разъ выпалили изъ пушекъ. Такимъ образомъ оправдываются рѣчи людей разсказывавшихъ о маломъ числѣ осажденныхъ, о смертности и пр.

Тогоже числа Панъ Казановскій увѣдомилъ что Дмитрій Шуйскій съ 15,000 Москалей и 5,000 Нѣмцевъ подступилъ къ Можайску—Наши люди полковъ Пана Зборовскаго и Пана Казановскаго ожидали въ скоромъ времени сраженія съ ними. Ждутъ нетерпѣливо Пана Гетмана который былъ уже близь Вязьмы, ибо Нѣмцевъ бывшихъ подъ Бѣлою догнать не могъ.

Пріѣзжающіе отъ туда думаютъ что по разбитіи Нѣмцевъ, на коихъ Шуйскій всего болѣе полагается, Королю отворятся ворота въ столицу, ибо много есть въ столицѣ ожидающихъ единственно наступленія Короля.

24. Ночью насыпали болѣе туровъ—притомъ погибло нѣсколько пѣшихъ людей; нѣсколькоже было раненыхъ.

25. Ночью съ большимъ мужествомъ прибавлено еще нѣсколько туровъ въ длину—убито ядрами трое Москалей, и ранено ружейными выстрѣлами нѣсколько пѣшихъ.

26. Ночью насыпали шанцы и туры.

27. Панъ Староста Велижскій пріѣхалъ къ Королю съ нѣсколькими изъ товарищества: онъ привезъ изъ Бѣлой 40 Англичанъ, частью передавшихся, но большою частію взятыхъ въ плѣнъ.

28. Панъ Гетманъ прислалъ къ Королю такое извѣстіе: узнавъ 22 Іюня, что Дмитрій Шуйскій подступилъ къ Можайску, онъ поспѣшалъ не долго оставаясь на ночлегахъ, и не давая отдыха ни себѣ, ни рыцарству, ни лошадямъ, ибо опасался, дабы по своевольству полковъ отъ столицы обратившихся на сторону Короля, при наступленіи непріятеля, не случилось съ ними какого бѣдствія. Такъ поспѣшая остановился лагеремъ, разстояніемъ на нѣсколько полетовъ стрѣлы отъ лагеря Пана Зборовскаго и другихъ. Узнавъ о томъ Дмитрій Шуйскій самъ остался въ Можайскѣ, а отрядилъ Григорія Валуева и Князя Елецкаго съ 8,000 человѣкъ, которые остановились при Царевѣ, и черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія построили городокъ по ту сторону рѣки, текущей подъ Царевымъ. Пану Гетману казалось нужнымъ наступать на нихъ сколь возможно скорѣе, дабы развлечь непріятеля, и устрашить его, ибо онъ слишкомъ ободрился тѣмъ, что наши отступили отъ Царева. Затѣмъ переночевавъ ту ночь у Шуйскаго, 23 Іюня расположился со всѣмъ войскомъ въ полмили отъ Царева. Съ Паномъ Гетманомъ двинулись также и люди Князей Збаражскихъ. Но люди наши пришедшіе отъ столицы выступить не хотѣли. А когда по совѣту

Пана Зборовскаго Пан Гетман намѣревался ѣхать къ нимъ въ *коло*, то они объявили что не хотятъ до отъѣзда Пана Гетмана собираться въ Коло. И такъ Панъ Гетманъ принужденъ былъ сноситься съ ними черезъ посланниковъ. Онъ отправилъ къ нимъ Пана Гербурта Старосту Тлумацкаго съ другими, упрекая ихъ въ неповиновеніи и недоброжелательствѣ, напоминая о томъ какъ прежде вѣрность свою изъявляли, и прося дабы не дѣлая замѣшательства вступили въ лагерь. Сказалъ и то—ежели они не довольны отъ того что не получили жалованья (donativum) то сіе произошло не отъ какого либо дурнаго намѣренія, но единственно отъ затрудненія сообщеній. — Они черезъ Пана Гербурта дали такой отвѣтъ: что пока жалованье (donativum) не будетъ имъ доставлено они не хотятъ повиноваться Пану Гетману, и до будущей Субботы не полагаютъ двинуться изъ лагеря. Они въ ожиданіи сихъ денегъ сконфедеровались но обѣщали однакожъ, въ случаѣ крайней надобности, по призыву Пана Гетмана, не отказать ему въ пособіи. Послѣ сего объявленія Панъ Гетманъ оставилъ всякое сношеніе съ ними, дабы ихъ не раздражать болѣе противъ Короля. 24 Іюня Панъ Гетманъ выступилъ изъ лагеря съ нѣсколькими сотнями конницы къ Цареву, дабы осмотрѣть тамошній городокъ и мѣстоположеніе, и избрать выгодное мѣсто для лагеря. Непріятель узнавъ о прибытіи Пана Гетмана переправился черезъ плотину съ нѣсколькими сотнями и началъ сражаться съ нашими, но по милости Божьей былъ удержанъ нашими, и не причинилъ ни какого вреда, ибо изъ нашихъ никто не былъ ни убитъ ни взятъ. Непріятелю отступившему за мостъ однакожъ досталось не мало; взято въ плѣнъ два; одинъ изъ нихъ знатный Смолянинъ имѣвшій подъ своимъ начальствомъ 500 Козаковъ. Тѣ сказывали что людей въ Царевѣ не болѣе 5,000. Осмотрѣвъ мѣстоположеніе Панъ Гетманъ тогоже числа возвратился въ лагерь.

29. Бывшая на форпостахъ стража Пана Литовскаго Маршала, замѣтила четырехъ человѣкъ прокрадывавшихся изъ крѣпости съ письмами къ Шуйскому. Одного Боярина который не далъ взять себя живаго, изрубили намѣстѣ, дру-

гаго схватили, а двоихъ прислужниковъ ихъ, скрывшихся во рвахъ и въ кустахъ, нашли потомъ. Взятый Бояринъ добровольно объявилъ что высота стѣны саженей шесть отъ поля, $8^1/_2$ отъ Днѣпра; толщина стѣны саженей три отъ поля, 4 отъ Днѣпра, оттого что земля тамъ сыпучая. На брустверѣ стѣна только въ $1^1/_2$ локтя, отъ свода до бойницъ подъ зубцами. Толщина стѣны отъ верхней подошвы до бойницъ локтей 4. Въ среднихъ окошкахъ также; внутри среднія окошки шириною слишкомъ въ 3 локтя, а нижнія въ 4. Наружная ширина окошекъ въ 2 локтя. Въ круглыхъ башняхъ стѣна въ $3^1/_2$ локтя, а въ квадратныхъ въ 3. Противъ шанцевъ среднія бойницы засыпаны землею и каміями, нижнихъ еще не засыпали но сбираются сіе сдѣлать. Въ верху сдѣлали срубъ на валу, и засыпали оный отъ круглой башни до средней, но можно обойти отъ зубцевъ съ той стороны. Въ грановитой и въ средней башнѣ отъ нижнихъ и среднихъ бойницъ и сверху сдѣлали срубъ и засыпали также землею: ежели бы сіе имъ не послужило, то хотятъ строить клѣти за каменною стѣною и засыпать землею. О сдачѣ не помышляютъ. Посадскіе люди и чернь повинуются Бѣлянину. Объ осажденныхъ даетъ такое извѣстіе: — Бояръ 700, стрѣльцевъ 500, посадскихъ купеческихъ людей 2,000, черни только 1,000. Всѣ обратились къ сторонѣ шанца, отъ другихъ мѣстъ не очень опасаются. Окошки большія широкія и высокія. Ворота всѣ застроены, кромѣ Царскихъ заслоненныхъ срубомъ, черезъ которыя ходятъ къ Днѣпру за водою. Полагаются на решетку, и потому ворота отперты. Онъ слышалъ что когда ходили съ петардами, то у Абрамовскихъ воротъ обое затворовъ были отперты а онъ самъ стоялъ у Копытецкихъ воротъ, куда ходили Нѣмцы и говоритъ что пробили было проломъ полълоктя ширины и въ 2 локтя вышины, но пушкарь рогатиною защищалъ проломъ, и уже въ крѣпости взяли начальника раненаго рогатиною, барабанъ и другія орудія. О вылазкѣ осажденные не думаютъ, ибо ворота засыпаны, и боятся отпирать ихъ въ особенности послѣ вылазки, когда ходили за травою. Какъ далеко туры отъ стѣнъ, не знаетъ, но траншеи

за турами находятся отъ стѣны въ 60 саженяхъ разстоянія— а туры нами поставлены въ 10 саженяхъ впереди траншей.

30. 4 малыя полевыя пушки ночью отвезены въ шанцы.

ІЮЛЬ.

1. Нѣсколько сотъ иностранцевъ, передавшихся отъ Шуйскаго къ Пану Гетману пришли въ лагерь.

2. Начали весть тяжелыя орудія въ шанцы.

Тогоже числа передался Московскій мальчикъ сказывающій, что въ крѣпости тревога большая, и всю силу обратили къ тому мѣсту, гдѣ наши поставили туры. Дѣлаютъ колодцы подъ стѣнами для подкоповъ, и употребляютъ такія же хитрости къ оборонѣ, какъ мы къ приступу.

3.

4. Москаль передался изъ крѣпости и говоритъ согласно съ прежнимъ.

5, Панъ Харлинскій пришелъ въ лагерь изъ Украины съ 2,000 конныхъ Козаковъ. Король дѣлалъ имъ смотръ.

6. Пріѣхали Посланники отъ Государей Валахскаго и Молдавскаго.

Панъ Вицеканцлеръ Коронный отъ имяни Короля говорилъ рѣчь собранному Рыцарству, напоминая дабы были постоянны въ службѣ Королевской.

8.

9.

10. Посолъ Государь Валахскаго отправлялъ передъ Королемъ свое посольство, изъявляя отъ имени своего Господаря желанія добраго здравія и счастливаго царствованія, завѣренія въ вѣрности и подданствѣ, и благодаренія за оказанныя ему благодѣянія. Въ знакъ своего почтенія онъ подарилъ двухъ турецкихъ коней.

11. Получено отъ Пана Гетмана Короннаго извѣстіе о одержаной надъ Нѣмцами и Москвою побѣдѣ подъ Клушинымъ.

12. О сей побѣдѣ получены письма слѣдующаго содержанія отъ самаго Пана Гетмана. По прибытіи Пана Гетмана, Москва запертая въ городкѣ была тѣснима то острожками (castellami) то бдительною стражею, съ пресѣченіемъ подвоза продовольствія. 3-го Іюля за два или три часа до разсвѣта дошло къ Пану Гетману извѣстіе, что Князь Дмитрій Шуйскій, двинувшись изъ Можайска ночевалъ въ 8 миляхъ отъ лагеря Королевскаго войска, собравъ всѣ силы какія только могъ имѣть и Московскія и Нѣмецкія. Собралъ же ихъ подъ начальствомъ Понтуса Делагарды и Едварда Горна болѣе чѣмъ 5,000. Французовъ, Англичанъ, Нидерландцевъ, Финляндцевъ и другой нѣмечины, а Москвы 30,000, между коими было много знатныхъ людей и Воеводъ, какъ то Андрей Голицынъ, Данило Мезецкій, Яковъ Борятинскій, Василій Бутурлинъ и много другихъ. Онъ полагалъ что съ своими силами не только городку пособить, но истребивъ Королевское войска (коимъ пренебрегалъ) пройдетъ и къ Смоленску. За тѣмъ Панъ Гетманъ созвалъ Коло изъ Полковниковъ и Ротмистровъ и доказалъ, что выгоднѣе предупредить непріятеля чѣмъ на мѣстѣ ожидать его. А потому оставивъ часть войска при городкѣ, со всею Королевскою пѣхотою въ исправномъ порядкѣ безъ повозокъ, тогоже числа къ вечеру двинулся къ Клушину, надѣясь найти тамъ непріятельское войско, отъ своего лагеря въ 4 миляхъ. Къ самому восхожденію солнца, передовые по гулу лагеря замѣтили непріятельское войско, подошедшее уже ближе къ лагерю Пана Гетмана, минуя Клушино. Настигнутый внезапно непріятель, не имѣвшій никакого о шествіи нашихъ извѣстія, могъ бы быть атакованъ спящій, но Панъ Гетманъ по причинѣ тѣсноты прохода въ лѣсу принужденъ былъ дожидаться болѣе часа, пока все войско выбралось изъ худыхъ дорогъ, что дало возможность непріятельской стражѣ замѣтить нашихъ людей. И такъ пришлось войти съ нимъ въ сраженіе 4 Іюля до восхожденія солнца часу въ 4-мъ. Непріятель выстроился надъ болотомъ и лѣсомъ бывшимъ по пра-

вой сторонѣ отъ него. Съ лѣвой стороны тянулся длинный и высокій плетень; такой же былъ и спереди, а какъ люди наши о немъ ничего не знали, то и не льзя было его миновать. Передъ плетнемъ стала пѣхота, а также и въ лѣсу, примыкающему къ лѣвому крылу, коимъ начальствовалъ Панъ Староста Хмѣльницкій; за пѣхотою стояли рейтары. Правое крыло велъ Панъ Александръ Зборовскій. Въ серединѣ шелъ Панъ Гетманъ. Когда дошло до сраженія, наши натиснули столь сильно, что сносили за собою плетень. Пѣхота непріятельская до того стояла, что почти въ ребры нашимъ прикладывала мушкеты. Тѣмъ бѣднякамъ нашимъ довелось часто поворачиваться между плетнями въ тѣсномъ мѣстѣ, то на тѣхъ, то на другихъ, минуя Нѣмцевъ, и тамъ множество нашихъ лошадей было убито. Подъ Княземъ Порицкимъ убито двѣ лошади, и когда онъ садился на третью, то едва самаго его лошадьми и затоптали. Однакожъ наши мужественною рукою, при счастіи Королевскаго оружія, при отвагѣ Гетмана, опрокинувъ ихъ, вступили въ бой съ рейтарами, но бывъ безъ копьевъ которыя поломали, не могли выдержать перваго удара. Помощи также невозможно было имъ дать по тѣснотѣ мѣста, и такъ въ сомнительномъ бою, то наши ихъ то они нашихъ гнали, мужественно сражаясь около 4 часовъ. Однакожъ хоругви Пана Гетмана, Пана Крайчаго, Пана Балабана, Пана Гербурта, одолѣли наконецъ и преслѣдуя непріятеля недавали ему отдыха, такъ что онъ принужденъ былъ миновать станъ свой. Другимъ же которые тѣснили нашихъ не стрѣльбою но ручнымъ оружіемъ, отъ лѣваго крыла противустали роты Пана Старосты Хмѣльницкаго, Пана Васичинскаго, Пана Фурлея, Пана Данковскаго и Пана Копыцинскаго. Тамъ много непріятелей погибло и въ преслѣдованію долго ихъ побивали. Наши однакожъ не оставили никого въ ихъ станѣ и тѣмъ дали способъ вышедшему изъ лѣсу непріятелю снова занять оный. Между тѣмъ Москва разсѣялась, какъ кто успѣлъ. Коль скоро наши истребили уходившихъ полемъ, и начали опять наступать на станъ, то иностранцы увидя рѣшимость сію начали одни вступать въ переговоры, другіе прямо передаваться. Тоже дѣлали и нѣкоторые

изъ Москалей. Но всего болѣе встревожило иностранцевъ то, что при первомъ натискѣ начальники ихъ Понтусъ Делагарди и Едвардъ Горнъ бѣжали: а какъ Делавилль больной остался въ Погорѣломъ, то не было при нихъ никого изъ старшихъ вождей. Побѣда казалась уже совершенною, и Панъ Гетманъ собрался на молебствіе для благодаренія Богу, когда Понтусъ съ Горномъ возвратившись изъ лѣсу начали опять разрывать переговоры. Панъ Гетманъ не оставивъ молебствія приказалъ наступать на лагерь, когда люди возвращались изъ преслѣдованія — и тутъ же Французы начали болѣе передаваться. Остальное рыцарство иноземное тоже не слушалось своихъ начальниковъ. Дмитрій Шуйскій увидѣвъ, что солдаты не слушали ни Понтуса, ни Горна, ни его великихъ обѣщаній, съ остальными людьми окопавшимися съ нимъ въ городкѣ (а могло ихъ быть еще нѣсколько тысячь) ушелъ ночью черезъ находившійся вблизи лѣсъ; онъ бѣжалъ такъ быстро, что преслѣдовавшій отрядъ не могъ его достигнуть—однакожъ много изъ уходящихъ было побито, и наши ворвались въ его лагерь: съ нашими ворвались и иностранцы. Лагерь былъ большой и обильный; тамъ взяли саблю, булаву и шишакъ Шуйскаго, также собственную его карету и другія повозки. Князь Яковъ Борятинскій былъ убитъ, а Василій Бутурлинъ взятъ въ плѣнъ, также и розрядный Дьякъ Яковъ Декудовъ, который изъ Москвы привезъ деньги иностранцамъ, въ Субботу передъ сраженіемъ, и отдалъ имъ 10,000 рублей наличными деньгами, и кромѣ того привезъ 20,000 собольими мѣхами и сукномъ, что все осталось у нашихъ, ибо иностранцы кромѣ денегъ ничего не взяли. Съ ними Панъ Адамъ Жолкѣвскій, много въ томъ трудившійся, заключилъ слѣдующій договоръ: они должны были сохранить все свое имущество и еслибы кто изъ нихъ хотѣлъ вступить въ службу Короля то сіе отдавалось имъ на волю — тѣже которые пожелаютъ возвратиться въ свою землю, будутъ свободно отпущены. Капитаны подачею рукъ учинили присягу и удостовѣрили отъ своего имени и отъ имени своихъ подчиненныхъ что никто изъ нихъ не будетъ несть оружія противъ Короля, наипачеже въ

Московскомъ Государствѣ. Потомъ Панъ Гетманъ возвратился въ свой лагерь, а за нимъ на другой день пришли бывшіе въ непріятельскомъ войскѣ всѣ иностранцы Нѣмцы, Испанцы, Французы, Англичане, Шотландцы, наступивъ прежде на Понтуса зато, что онъ получилъ для нихъ деньги изъ Москвы и имъ не далъ—Понтусъ едва успѣлъ отъ нихъ уйти съ Едвардомъ Горномъ, со Шведами и съ нѣкоторыми Финляндцами въ Погорѣлое, въ намѣреніи взять съ собою Делавилла и перейти въ Нидерланды, ибо обѣщался и руку въ томъ далъ Пану Гетману, что не будетъ воевать противъ Королевскихъ людей и не пойдетъ въ Швецію. Убитыхъ было въ томъ сраженіи Москалей нѣсколько тысячь, Нѣмцевъ до 700. Голицына встрѣтили раненаго на телѣгѣ близъ Можайска, и онъ не останавливаясь въ Можайскѣ, отправился въ столицу. Димитрій Шуйскій куда дѣвался неизвѣстно. Знаютъ то только, что въ побѣгѣ онъ потерялъ лошадь, и какъ Москва сказываетъ, ходилъ пѣшкомъ по лѣсу. Новгородскіе, Костромскіе и и другіе Московскіе люди разбѣжались по своимъ городамъ. Бѣляне обратились къ Бѣлой на Королевское помилованіе. Въ Можайскѣ заперлись сами посадскіе люди и немного Нѣмцевъ съ ними тамъ оставленныхъ. Окончивъ сіе Панъ Гетманъ возвратился въ свой лагерь. Когда каждый Ротмистръ прибралъ своихъ раненныхъ и убитыхъ, то едва одну или двѣ ночи провели спокойно, а потомъ съ городка люди 6 Іюля сдѣлали сильную вылазку; наши сильно противустояли, такъ что послѣ многихъ схватокъ съ значительнымъ для нихъ урономъ вогнали ихъ обратно и опять стѣснили. Затѣмъ Панъ Гетманъ отправилъ къ нимъ младшаго Солтыкова для переговоровъ, а для вящщаго успѣха присоединилъ къ нему и своего племянника Пана Адама Жолкѣвскаго. Нашихъ нѣсколько лицъ посланы въ аманаты. Они также послали на переговоры знатныхъ людей начавшихъ по обыкновенію своего народа высокопарно, но когда предложенія ихъ были отринуты съ пренебреженіемъ, то требовали дабы имъ показать условія заключенныя Королемъ съ ихъ людьми прежде пришедшими отъ столицы въ Королевскій лагерь. Увидѣвъ оныя, отложили всѣ

размышленія и проволочки, и городокъ съ пушками, съ хоругвями и самихъ себя сдали на Королевскую милость. За тѣмъ Московскаго войска изъ того городка осталось при Панѣ Гетманѣ 5,000, а знатныхъ людей послано къ Королю 34. Въ тотъ же день пріѣхалъ Воевода Можайскій сдавая замокъ, въ который Панъ Гетманъ отправилъ Пана Бобовскаго съ 1,000 человѣкъ. На другой день явились къ Пану Гетману нѣкоторые изъ иностранцевъ, ушедшіе послѣ сраженія въ Погорѣлое (гдѣ лежалъ больнымъ Делавиль), съ тѣмъ что сдаютъ ему Погорѣлое. Люди сіи такъ отпотчивали начальниковъ своихъ Понтуса, Едварда Горна и того Делавиля, что едва съ однимъ платьемъ ихъ оставили. За тѣмъ являлись люди то съ того, то съ другаго города, сдавая оные на имя Короля, до того что всѣ измѣнившіе мѣста, Борисовъ, Боровскъ, Осиповъ, Ржевъ и многіе другіе обратились снова на вѣрность къ Королю, и къ нимъ отправлено нашего народа благонадежные Воеводы. Самъ же Панъ Гетманъ двинулся къ Можайску направляясь къ столицѣ, и послалъ нарочныхъ къ Королю съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ добычею. При Панѣ Гетманѣ осталось Москвы 10,000, Французовъ и другихъ иностранцевъ болѣе 2,000.

На всѣхъ стычкахъ и въ генеральномъ сраженіи мы потеряли изъ каждой роты слѣдующее число людей:

Андрей Борковскій, Ромиссовскій, Копарскій, Низмирскій . . . . убиты.

Изъ роты Пана Гетмана:

Пахоликовъ убито.	4.
» ранено	5.

Изъ роты Пана Васечинскаго:

Поручикъ убитъ	1.
Товарищей убито	3.
» ранено.	3.

Изъ роты Пана Мархоцкаго:

Товарищей убито . . . . 5.
» ранено. . . . . 3.
» взято въ плѣнъ . . . . 8.
Пахоликовъ ранено . . . . 4.
Челяди погибло. . . . . 32.

Изъ роты Пана Крайчаго Коронпаго:

Пахоликъ убитъ . . . . 1.

Изъ роты Пана Фирлея:

Товарищъ убитъ . . . . 1.
» ранено . . . . 4.
Пахоликъ раненъ . . . . 1.

Изъ роты Пана Скумина:

Всѣ цѣлы.

Изъ роты Пана Хвалибога:

Товарищъ раненъ . . . . 1.
Пахоликъ » . . . . 1.

Изъ роты Пана Казановскаго:

Всѣ цѣлы.

Изъ роты Пана Струся Старосты Хмельницкаго:

Товарищъ убитъ . . . . 1.
» ранено . . . . 4.
Пахоликовъ убито. . . . . 3.
» ранено . . . . 3.

Изъ роты Князя Порицкаго:

Товарищей убито	2.
Пахоликовъ убито.	3.

Изъ роты Пана Людвика Вайера:

Товарищей убито	2.
Товарищей ранено.	2.
Пахоликовъ убито.	3.
» ранено	2.

Изъ роты Пана Высокинскаго:

Товарищей ранено.	3.
Пахоликъ »	1.

Изъ роты Князя Збаражскаго:

Товарищей ранено.	2.
Пахоликъ убитъ	1.
» раненъ	1.

Изъ роты Пана Дуниковскаго:

Товарищь раненъ	1.
Пахоликовъ ранено	2.
Челяди ранено	2.

Изъ роты Пана Абраама Ассановича:

Товарищей убито	2.
» ранено.	2.
Пахоликовъ убито	2.
» раненъ	1.

Изъ роты Пана Гербурта Старосты Тломацкаго:

Товарищей убито . . . . 2.
Товарищь раненъ . . . . 1.
Пахоликовъ ранено . . . . 2.

Изъ роты Пана Олизара:

Товарищей ранено . . . . 5.
Пахоликовъ » . . . . 3.

Изъ роты Пана Балабана:

Товарищей убито . . . . 2.
» раненъ . . . . 1.
Пахоликовъ . . . . 3.

Изъ роты Пана Невядомскаго:

Товарищей убитъ . . . . 1.
» ранено . . . . 6.

Изъ полка Пана Зборовскаго

Изъ черной хоругви:

Товарищей убитъ . . . . 1.
» ранено . . . . 3.
Пахоликовъ убитъ . . . . 1.
» ранено . . . . 2.

Изъ бѣлой хоругви:

Товарищей убито . . . . 2.
» ранено . . . . 2.
Пахоликовъ ранено . . . . 2.

Изъ роты Пана Андрея Млоцкаго:

Товарищей убито . . . . 7.
Раненъ потомъ умеръ Хорунжій Станиславъ Млоцкій . . . . 1.
Пахоликовъ убито. . . . . 4.

Изъ роты Пана Ляпцкоронскаго:

Ротмистръ раненъ потомъ умеръ .
Товарищей ранено . . . . 12.
Пахоликовъ убито . . . . 3.
» ранено . . . . 11.

Изъ роты покойнаго Пана Вильковскаго.

Товарищей убито . . . . 3.

Изъ роты Пана Вилямовскаго:

Товарищей убитъ. . . . . 1.
» ранено . . . . 4.

Изъ роты Пана Копыцинскаго:

Товарищей убито . . . . 3.
Пахоликовъ ранено . . . . 5.

Всего:

Изъ товарищества	раненыхъ	59.
	Взятыхъ въ плѣнъ	8.
	Убитыхъ.	45.
Пахоликовъ. . . .	Раненыхъ	49.
	Убитыхъ.	26.

Челяди погибло . . . . 32.

Въ числѣ убитыхъ одинъ Ротмистръ Лянцкоронскій и двое Хорунжихъ.

13. Посолъ Молдавскаго Господаря имѣлъ у Короля аудіенцію, и отъ имени своего Господаря изъявилъ вѣрность и послушаніе и подарилъ красиваго коня.

Тогоже числа Панъ Староста Велижскій по просьбѣ Москвы пошелъ подъ городъ переговариваться, и тамъ безъ ссоры прилично съ обѣихъ сторонъ говорили и о Королѣ съ почтеніемъ отзывались, и во всемъ были смирнѣе чѣмъ прежде. А когда Панъ Староста сказывалъ имъ о побѣдѣ Пана Гетмана, то не хотѣли вѣрить и требовали, дабы имъ показать плѣнныхъ.

14. Поддавшіеся послѣ Клушинскаго сраженія Пану Гетману иностранцы пришли въ лагерь Королевскій, испрашивая паспортовъ, для свободнаго возвращенія домой.

15. На другой день послѣ нихъ пришли посланные отъ Пана Гетмана съ добычею пріобрѣтенною на одержанной по Божьей милости побѣдѣ.

16.

17. Спокойно.

18. Паны посланники отъ Пана Гетмана и отъ рыцарства отправляли передъ Королемъ посольство, состоявшее изъ слѣдующихъ пунктовъ. Во первыхъ изъявивъ отъ имени Пана Гетмана какъ начальника и отъ всего рыцарства подданство и вѣрность, напоминали о великомъ искуствѣ и мужествѣ Пана Гетмана и о трудахъ и храбрости рыцарства, посвященныхъ чести Короля и пользѣ Государства.

2. Поднесли трофеи побѣды, булаву Шуйскаго и нѣсколько десятковъ хоругвей, въ числѣ коихъ была и хоругвь самаго Шуйскаго. Также изчислили сколько взятыхъ хоругвей Гетманъ оставилъ при себѣ.

3. Просили Короля дабы по примѣру милости, которую изволилъ всегда оказывать послѣ побѣды, пожаловалъ бы не въ зачетъ одну треть жалованья.

4. Просили Короля дабы обратилъ милостивое вниманіе на раненыхъ и на потерпѣвшихъ убытокъ въ челяди, въ лошадяхъ и въ аммуниціи, вознаградивъ рыцарство за все сіе денежною суммою.

5. Просили убѣдительно Короля о заплатѣ заслуженной трети жалованья дабы подать имъ возможность пополнить понесенныя въ сраженіи утраты.

6. Просили дабы изволилъ наградить оставшихся при Панѣ Гетманѣ, такъ чтобы всякой получилъ повышеніе соразмѣрно занимаемой имъ степени и открывающимся вакансіямъ.

Все сіе Король принялъ благосклонно и обѣщалъ дать изъ Сената отвѣтъ. Потомъ Бояре Смоляне цѣловали руку Короля и изъявили подданическое послушаніе.

19. Два переметчика изъ крѣпости разсказываютъ что послѣ дошедшаго извѣстія о побѣдѣ, начинаютъ тамъ думать о покорствѣ, и вмѣсто того что прежде не дозволено было и намѣкать о сдачѣ, теперь говорятъ о томъ свободно.

Къ вечеру спустился со стѣнъ одинъ пушкарь и сказываетъ, что послѣ разговора который изъ шанцевъ имѣлъ съ ними Бѣлянинъ, Михайло Воевода сказалъ народу: *слышите разсказъ этого Бѣлянина, вы вѣдь его хорошо знаете, думайте же что будетъ впередъ, а я города не удержу, ибо люди вымерли.* Народъ отвѣчалъ: *Воленъ Богъ и ты Михайло Борисовичь, въ чемъ воля Божья въ томъ и мы.* И съ того времени люди въ крѣпости начали ходить толпами совѣщаясь между собою и намѣкая о сдачѣ.

20. Находящіяся при Королѣ Московскіе Бояре отправили подъ крѣпость для переговоровъ нѣсколько знатныхъ изъ среди себя и тамъ начали разсказывать о сраженіи съ Шуйскимъ и о Боярахъ сдавшихся въ городкѣ. Смирно слушали. Потомъ отозвались: *Отъ чего не стреляете на насъ изъ пушекъ.* Отвѣчали: что Король Его Мил. по нашей просьбѣ, еще пріостановилъ штурмъ, ибо мы увѣрили Короля, что вы не пренебрежете нашими совѣтами и сдадитесь: но ежели станете

упорствовать то не надѣйтесь пощады, по крайней мѣрѣ отдайте намъ женъ, братьевъ и матерей нашихъ дабы они вмѣстѣ съ вами не погибли. За тѣмъ спрашивали изъ крѣпости *гдѣ вы взяты?* На то они отвѣчали, что взяты въ сраженіи и при городкѣ, а теперь испытываемъ милость и снисхожденіе Короля. Они сказали: такъ и мы испытаемъ большую еще милость и снисхожденіе Короля. Въ заключеніе сихъ переговоровъ отправили въ крѣпость со своими письмами и съ увѣщаніемъ одного человѣка, котораго Панъ Гетманъ поймалъ пробирающагося съ письмами отъ Шуйскаго въ Смоленскъ.

21. Кульбака прибылъ съ Украины въ лагерь съ 2,500 Козаковъ и показывалъ ихъ Королю.

22. Изъ крѣпости бѣжалъ Бояринъ съ однимъ Полякомъ какимъ то Каменскимъ, бывшимъ у нихъ $1\frac{1}{2}$ года въ плѣну: разсказываютъ о большой тревогѣ, но что однакожъ ни на что еще не рѣшились.

23. Ночью бѣжалъ изъ крѣпости Москаль повторяющій тоже что и прежній.

24.

25.

26. Москва подложила порохъ подъ шанцы, которые велъ Апельманъ къ стѣнамъ, и подходилъ уже близко къ башнѣ. Подѣйствовало такъ сильно, что часть шанцевъ взорвало, и землею задавило нѣсколько десятковъ Нѣмцевъ. Однакожъ Апельманъ не оставилъ работы и тѣмже мѣстомъ пошелъ къ стѣнамъ.

27. На другой день ночью подошелъ къ самымъ стѣнамъ и хотѣлъ разбивать ихъ, но найдя отъ земли вышиною въ полчеловѣка камень красный широкій, квадратно тесаный, не могъ ничего сдѣлать, еслиже пушки успѣютъ разбить то будетъ продолжать работу.

Тогоже ночью бывшіе на спибкѣ подняли большой крикъ, и открыли частую пальбу изъ ружей. Изъ пушекъ также стрѣляли по зубцамъ.

28. На разсвѣтѣ отправили въ крѣпость рѣшительное письмо, уговаривая дабы перестали сопротивляться, и чтобы чрезъ 3 часа дали отвѣтъ. Но Воевода глазъ не кинулъ на сіе письмо и не хотѣлъ его принять. Затѣмъ Панъ Воевода Брацлавскій приказалъ стрѣлять въ четвероугольную башню, и съ хорошимъ успѣхомъ, ибо подъ вечеръ сдѣлался довольно большой проломъ. Тогда стали готовить лѣстницы, петарды и другія нужныя для приступа орудія, и разставляли войска, желая испытать счастія.

Съ разсвѣтомъ отрядили Старосту Пуцкаго со 100 Нѣмцами Пана Вайера, а Пана Горецкаго со 100 Венгерцами къ пробитой башнѣ, дабы ворваться въ нее и буде можно засѣсть въ ней. За ними приказано наступать 500 Козакамъ Харлинскаго и 500 Казакамъ Кульбаки. Нѣмцы съ Венгерцами смѣло ворвались, и отважно дрались съ непріятелемъ, но Козаки вмѣсто ожидаемаго отъ нихъ пособія ушли въ сторону, хотя начальники ихъ стояли мужественно. Отъ того и передніе должны были отступить не безъ урона, ибо убитыхъ было нѣсколько Нѣмцевъ и нѣсколько Венгерцевъ, а раненыхъ до 20. Другіе Запорожцы въ разныхъ мѣстахъ дѣлали оклики и придвигали къ стѣнамъ лѣстницы, но сильная пальба изъ крѣпости не допустила ихъ. Кавалеръ Новодворскій шелъ къ воротамъ съ петардами, но какъ уже развѣло и людей при немъ было немного, то онъ вынужденъ былъ оставить свое предпріятіе. То еще нашимъ препятствовало, что Москва проломъ въ воротахъ ночью заколотила деревомъ, хотя наши пушки выбили задѣлку, но сломленное дерево завалило башню такъ что для очищенія прохода въ оную нужно было подкладывать огонь. Для успѣшнѣйшей аттаки, подъ вечеръ, пробили еще другой проломъ шириною въ двѣ сажени, въ стѣнѣ въ сторону отъ разрушенной башни.

Ночью въ крѣпости было спокойно, а наши дабы удобнѣе подходить къ стѣнамъ пустили ровикъ къ пролому, каковую работу продолжали въ слѣдующій цѣлый день.

30. Днемъ сильно стрѣляли изъ пушекъ въ стѣну. Отправ-

ленъ также одинъ Гайдукъ къ стѣнѣ съ письмами, дабы осмотрѣлъ что дѣлаютъ въ крѣпости, какая оборона и какіе укрѣпленія противъ башни, но онъ не успѣлъ ничего видѣть кромѣ рва и нѣсколькихъ мортиръ.

Потомъ отправленъ Нѣмецъ съ тою же цѣлью, но повторяемъ извѣстіе данное гайдукомъ. Московскіе Бояре просили у Короля позволеніе еще разъ съѣздить въ крѣпость для переговоровъ. Получивъ дозволеніе подъѣхали къ стѣнѣ, уговаривая дабы опомнились и не доводили себя и всѣхъ до крайняго несчастія. Изъ крѣпости отвѣчали требуя дабы Король прислалъ къ нимъ одного изъ своихъ придворныхъ для переговоровъ. Потомъ стали требовать Сенатора, а какъ обѣщать имъ сего было не возможно, то и переговоры окончились безъ успѣха.

31. Имѣя готовый проломъ и всѣ нужныя орудія Панъ Воевода Брацлавскій приказалъ войску стать въ ружье и когда оно выстроилось, то съ утра отрядилъ къ башнѣ 200 Нѣмцевъ и 200 Венгерцевъ, дабы сперва овладѣли зубцами. Козакамъ велѣно наступать за ними, а потомъ и ротамъ Гусарскимъ, охотникамъ и другимъ. Когдаже Нѣмцы съ Венгерцами вошли въ башню, Москва открыла сильный огонь съ ближнихъ башенъ, изъ пушекъ, изъ бабъ, изъ самопаловъ, и наши не могли удержаться. Подкрѣпленіе не пришло, и они начавъ уже доброе дѣло должны были отступить, а за тѣмъ войско было распущено безуспѣшно.

АВГУСТЪ.

1. Начали стрѣлять изъ пушекъ по двумъ круглымъ башнямъ ближайшимъ къ разрушенной четвероугольной башнѣ.

Тогоже числа по просьбѣ Москвы Панъ Староста Велижскій ѣздилъ подъ крѣпость для переговоровъ, но какъ уже было поздно отложили переговоры до слѣдующаго дня.

2. Пріѣхалъ къ Королю отъ Пана Гетмана Панъ Средзинскій, съ нѣсколькими Московскими Боярами, извѣщая, что Думные Бояре и весь миръ, 27 Іюля пріидя въ замокъ къ Князю Василію Шуйскому, взяли его, отвели на его старый дворъ и отдали подъ стражу Князю Лыкову и Князю Нагому. Схватили также и отдали подъ стражу братьевъ его Дмитрія и Ивана Шуйскихъ и любимѣйшихъ изъ его приверженцевъ, и всѣ поклялись не принимать на царство вора имяпующаго себя Дмитріемъ, но напротивъ сопротивляться ему. Въ самомъ дѣлѣ, когда Самозванецъ пришелъ 25 Іюля къ Москвѣ и остановившись на Коломенской дорогѣ хотѣлъ силою ворваться въ Москву, они ему сдѣлали удачное сопротивленіе. — Всѣ желаютъ Королевича. Потомъ 28 Іюля по просьбѣ Бояръ и всѣхъ сословій Князь Василій Шуйскій постригся въ монахи. Затѣмъ правленіе всего Государства ввѣрили Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищами, съ которыми уже Панъ Гетманъ (сдѣсь должно догадываться что пропущено слово: «*сносился*»). Онъ двинулъ войско 30 Іюля къ столицѣ, дабы и съ Боярами переговоры окончить, и истребить Самозванца еслибы онъ захотѣлъ сопротивляться Королю. Сами Бояре его о томъ просятъ.

Панъ Гонсѣвскій извѣстилъ о семъ Шеина, но осажденные не хотѣли вѣрить, ниже приступать къ переговорамъ.

Затѣмъ наши въ знакъ торжества ударили въ барабаны, трубили и стрѣляли изъ пушекъ въ круглыя башни, дабы разрушить боковыя бойницы изъ коихъ очень нашимъ вредили.

3. Стрѣляли въ башни, а Москва (подобно какъ и наши) не оставили своихъ работъ. Мину которую велъ Апельманъ къ ихъ подкопу, они взорвали съ малымъ для нашихъ урономъ; погибло только 15 Московскихъ холоповъ и 3-й Венгерцевъ.

Тогоже числа къ вечеру сдѣланы значительныя въ башняхъ проломы, которыя однакожъ они у самаго входа изъ крѣпости сильно заколотили. А противъ разрушенной средней башни и разбитой стѣны отъ круглой башни до другой таковой же они возстановили бывшій тамъ старой валъ, и отесали

землю вышиною въ двѣ сажени. На валу же поставили срубы насыпанные землею и въ нихъ спереди помѣстили нѣсколько большихъ пушекъ, а по бокамъ поставили по 4 малыхъ пушекъ заряженныхъ картечью, дабы вредить отъ всюду нашимъ если бы мы хотѣли черезъ проломъ или черезъ среднюю башню пробираться въ крѣпость.

Панъ Воевода Брацлавскій приказалъ войску быть готовымъ къ приступу, и направивъ стрѣльбу на три башни и на часть стѣны дабы узнать какая за башнями защита, отрядилъ нѣсколько сотъ Венгерской пѣхоты и нѣсколько сотъ Нѣмцевъ, съ 1000 Козаками. За ними предполагалъ вести на приступъ войско, къ чему явилось много охотниковъ изъ рыцарства. Но къ общему удивленію, едва начали перестрѣливаться, и войско стало наступать, какъ изъ малой тучи полился дождь залившій съ обѣихъ сторонъ пушки и продолжавшійся два часа;—земля отъ того сдѣлалась скользка. Итакъ Господь Богъ помѣшалъ приступу, не извѣстно къ ихъ или къ нашей пользѣ. За два часа до приступа хотѣли переговариваться, и Панъ Канцлеръ Литовскій съ паномъ Вицеканцлеромъ Коронныммъ подъѣзжали къ стѣнамъ, но какъ они полагали первымъ условіемъ, чтобы войско возвратилось въ лагерь и чтобы перестали стрѣлять, войско же съ досады начало бунтовать, то и не могли начать переговоровъ а потомъ дождь всему помѣшалъ.

5.

6.

7.

8. Ночью передалось двое Боярскихъ дѣтей, сказывающіе что Бояре и народъ очень наклонны сдаться Королю, но купцы весьма тому противными являются, почему и прочіе не осмѣливаются явно объявить своего мнѣнія. Ожидаютъ пока шанцы взведены будутъ съ другой стороны и пока сдѣланъ будетъ новый проломъ, дабы тѣ которые желаютъ сдаться могли сильнѣе возстать противъ упорствующихъ. Говорятъ также что нѣсколько десятковъ Боярскихъ дѣтей знали о ихъ выходѣ изъ крѣпости и сами хотятъ выйти. Пробитый про-

ломъ сильно задѣланъ; всѣ лучшіе люди обращены къ оборонѣ того мѣста: устроены три полка, такимъ образомъ, что когда собьютъ первой, долженъ наступать второй, а потомъ и третій полкъ, а въ полку по 300 человѣкъ съ ручнымъ оружіемъ не считая пушкарей. По сторонамъ пролома съ права и съ лѣва разрушили насыпанныя землею клѣти, потому что при стрѣляніи изъ пушекъ земляныя комьи вредили людямъ. Когда же съ стѣны камни собьютъ до окошекъ, то тѣ которые по сію пору стоятъ на стѣнѣ, должны отойти въ шанцы, на старомъ валу и стрѣлять въ нашихъ, еслибы кто взобрался на стѣну. Такимъ образомъ если приступъ будетъ съ одного мѣста отъ пролома, осажденные могутъ защищаться. Въ пробитыхъ башняхъ нужны лѣстницы въ полтора человѣка длины, по коимъ бы можно добраться къ отверстіямъ въ зубцахъ. Бывшей за нѣсколько дней аттакѣ помѣшалъ дождь, а когда уже осажденнымъ на зубцахъ недоставало камней, то они сбѣжали за нами въ низъ и тогда купцы начали бѣжать и отъ вала и отъ стѣны.—Они полагаютъ что хотятъ покориться Королевичу.

9.

10.

11.

12.

13. Получено извѣстіе отъ Пана Гетмана, что онъ 3 Августа съ Королевскимъ войскомъ остановился за милю отъ столичнаго города Москвы, и когда нашъ авангардъ появился, то Московскіе люди принявъ ихъ за войско обманщика, начали было перестрѣливаться. Но узнавъ что они Королевскіе люди, стали смѣло съ ними здороваться. Пріѣхали потомъ Иванъ Солтыковъ, Валуевъ и съ другими бывшими при Панѣ Гетманѣ Боярами и начали разговаривать, со слезами обнимая другъ друга: но разговоръ ихъ прекратился по причинѣ что къ Москвѣ подступило войско обманщика, ибо въ надеждѣ воспользоваться приходомъ Пана Гетмана онъ съ другой стороны поджегъ предмѣстіе, кирпичный заводъ и нѣкоторыя строенія, но Москва сильно ему противустояла. Тутъ же прі-

ѣхалъ отъ Князя Мстиславскаго Өедоръ Челушкинъ, давая знать, что Князь Мстиславскій готовъ былъ сноситься съ Паномъ Гетманомъ о добромъ дѣлѣ, но какъ люди вора подступили, онъ принужденъ былъ приказать итти съ нимъ сражаться: притомъ просилъ Пана Гетмана помочь имъ противъ обманщика, или по крайней мѣрѣ, чтобы, когда онъ тамъ людей своихъ противъ него направитъ, то чтобы не было помѣшательства со стороны Королевскаго войска; также просилъ послать къ Пану Сапегѣ, дабы пересталъ подъѣзжать подъ Москву и жечь. Панъ Гетманъ отпустилъ Боярскаго сына, съ тѣмъ, что пошлетъ къ Пану Сапегѣ, дабы онъ оставался спокойнымъ и что о добромъ дѣлѣ онъ охотно желаетъ сноситься съ Княземъ Мстиславскимъ и съ другими Боярами. Относительно же помощи отвѣчалъ, когда они доброе дѣло окончатъ между собою въ пользу Короля, тогда онъ будетъ ихъ защищать Королевскимъ войскомъ и отъ того вора и отъ всѣхъ непріятелей.

Тогоже числа вечеромъ пріѣхали къ Пану Гетману посланные отъ войска обманщика съ просьбою, дабы въ такой близости (ибо расположены были въ 1½ мили разстоянія) не дозволялъ своимъ людямъ, подать какой либо поводъ къ раздору, а взаимно и они обѣщаются избѣгать всякой къ несогласію причины. При томъ просили, дабы ихъ свободно пропустилъ къ Королю. Панъ Гетманъ на сіе согласился, и обѣщалъ съ Паномъ Сапегою снестись объ общей пользѣ. На другой день Князь Мстиславскій прислалъ къ Пану Гетману письмо отъ себя и отъ Бояръ, но Панъ Гетманъ не далъ письменнаго отвѣта и отпустилъ посланнаго сказывая, письмо на письмо, а конца дѣлу не будетъ. Присланъ былъ потомъ Боярскій сынъ Богданъ Глѣбовъ съ тѣмъ, что сами Бояре желаютъ съѣхаться для переговоровъ съ Паномъ Гетманомъ, коль скоро назначено будетъ время и мѣсто, и для переговоровъ назначенъ будетъ Панъ Подстолій Лембергскій. Затѣмъ Панъ Гетманъ назначилъ третій часъ послѣ восхожденія солнца 5 Августа, мѣсто на большой дорогѣ противъ дѣвичьяго монастыря, а для переговоровъ Пана Балабана и Пана Лем-

бергскаго Подстолія изъ Польской націи, а Ивана Солтыкова, Князя Хворостинина Воеводу Рославльскаго и Валуева изъ Московскихъ людей.

5 Августа выѣхали на назначенное мѣсто. Изъ Московскихъ людей изъ столицы выѣхали также четверо Князей, Иванъ Троекуровъ коего отецъ былъ посланникомъ у Короля Стефана, Андрей дьякъ Ивановичь второй послѣ большаго Дьяка, третіи Ѳедоръ Колычевъ и Иванъ Глѣбовъ. Коль скоро они съѣхались, по ихъ обычаю, Панъ Доморацкій Лембергскій подстолій говорилъ имъ рѣчь, напоминая, почему и по чьей просьбѣ Король пришелъ въ Московское Государство, и какіе потомъ были наказы и просьбы къ Королю Его Мил. Они принявъ сію рѣчь съ великою благодарностью сказали что нѣкоторые о томъ слышали и знаютъ, а за тѣмъ Боярамъ и цѣлой земли не достаетъ того только, чтобы сколь возможно скорѣе видѣть Королевича Царемъ своимъ Государемъ по милости Божіей и Королевской, не полагая другихъ условій, кромѣ лишъ бы Королевичь былъ ихъ вѣроисповѣданія. Нѣсколько сотъ Бояръ выѣхали было съ тѣми четырью, но стояли въ сторонѣ, а послѣ переговоровъ пріѣхали къ нашимъ здороваясь и сказывая что имъ возвратятся золотыя времена, когда будутъ имѣть Государемъ Королевича Владислава. Одно только затрудненіе въ разности вѣры. А Князя Василія Голицына, который посягалъ на царство, имѣя на своей сторонѣ и Патріарха, Панъ Доморацкій такъ описалъ, что вмѣсто Царства, едвали останется и при Боярскомъ санѣ, какъ и Шуйскій.

Къ Королю пріѣхали посланные отъ войска обманщика Паны Бычинскій, Казимирскій, Янковскій, Уликъ.

15.

16.

17.

18.

19. Желая какимъ либо успѣхомъ ознаменовать предпріятіе добытія Смоленска, Панъ Воевода Браславскій рѣшился испы-

тать счастія на приступѣ. Для того собралъ всѣхъ Ротмистровъ въ Коло, и тамъ всѣ изъявили на письмѣ свою готовность, кромѣ нѣкоторыхъ Пановъ Ротмистровъ дворскихъ хоругвей.

20. Но когда настало время, товарищество нѣкоторыхъ ротъ взбунтовалось и не хотѣло слезть съ лошадей, питая неудовольствіе зато, что не требовали ихъ предварительнаго согласія. Панъ Воевода Брацлавскій послалъ просить ихъ дабы помогли другимъ въ дѣлѣ; выѣхалъ и Панъ Маршалъ Литовскій требуя именемъ Короля, дабы не подавали худаго примѣра, а непріятелю повода къ радости.. Потомъ опять поѣхали отъ Пана Воеводы Панъ Скумипъ Писарь Литовскій и Панъ Горскій Подсудокъ Каменецкій съ увѣщаніями. Но все сіе не подѣйствовало на рыцарство. Наконецъ самъ Панъ Воевода Брацлавскій съ Сенаторами ѣздилъ отъ одной роты къ другой, и умолялъ всѣми святыми чтобы уважили волю Короля и настоятельную нужду. Наконецъ столь сильныя увѣщанія побѣдили упорство, и всѣ спѣшившись, пошли въ шанцы, но какъ уже было поздно и непріятель замѣтилъ приготовленія, то день тотъ прошелъ безъ дѣйствій.

Не хотѣли сойти съ лошадей роты:

Князя Пана Краковскаго.
Пана Подскарбія Короннаго.
Пана Старосты Сандецкаго.
Пана Старосты Слонимскаго.
Князя Корецкаго.
Пана Ивана Потоцкаго.
Пана Николая Потоцкаго.
Пана Снопковскаго.
Пана Хосцкаго.
Пана Горецкаго.
Пана Коссовскаго.

Но сами Паны Ротмистры шли охотно и много пособили Пану Воеводѣ, уговорить людей спѣшиться. Рыцарство про-

вело цѣлый тотъ день въ шанцахъ. Когда ночь наступила приготовляли до самаго разсвѣта лѣстницы, полотны, кули со мхомъ и прочіе для приступа орудія.

21. Каленикъ, Гетманъ Запорожскихъ Козаковъ, привелъ ихъ къ башнѣ, и мужественно сражался; — пѣхота Нѣмецкая и Венгерская перестрѣливалась болѣе часа, пока день насталъ: но не было возможности удержатся, ибо осажденные били камнями, засыпали глаза пѣскомъ, изъ ружей и изъ пушекъ сильно стрѣляли, и такъ защищаясь, показали равную храбрость въ отпорѣ, какъ наши въ наступленіи. Далѣе наступали Гусары, надъ коими, въ особенности же надъ ротою Пана Воеводы Брацлавскаго, начальствовалъ Панъ Струсь Староста Хмѣльницкій. Полкомъ предводительствовалъ Панъ Маршалъ. Бросились всѣ съ чрезвычайною отвагою, но подступивъ къ широкому и глубокому рву, не могли перепрыгнуть и принуждены были отступить. Въ другой разъ еще бросились желая испытать щастія, но были остановлены широтою рва и безъ успѣха, но не безъ урона отступили.

Погибло на томъ приступѣ, по регистрамъ,

Гусаръ и Петигорцевъ убито:

Пана Воеводы Брацлавскаго

Пахоликовъ . . . . 3.

Пана Старосты Бѣлокаменнаго

Пахоликовъ . . . . 3.

Пана Старосты Сандецкаго

Пахоликъ . . . . 1.

Пана Тенчинскаго Старосты Плоцкаго.

Панъ Вильчовскій.

Пахоликъ . . . . 1.

Пана Николая Потоцкаго.

Панъ Поручикъ.
Пана Тура Пахолики.

Пана Марка.

Панъ Василь.

Пана Горецкаго.

Панъ Бѣлецкій.
Пана Лабковскаго пахоликъ.

Пана Розна.

Убитыхъ . . . . 2.

Пана Коссовскаго.

Панъ Хржановскій.
Панъ Рыбулковскій.
Панъ Собѣчинскій.
Пахоликовъ пять.

Ранены:

Пана Воеводы Браціавскаго.

Товарищей . . . . 5.
Пахоликовъ . . . . 12.
Казаковъ. . . . . 4.

Пана Старосты Бѣлокаменскаго.

Товарищей . . . . 3.
Пахоликовъ . . . . 5.
Казаковъ. . . . . 7.

Пана Тенчинскаго.

Товарищей . . . . 4.
Пахоликовъ . . . . 8.

Пана Ивана Потоцкаго.

Товарищей . . . . 2.
Пахолики 4-ехъ товарищей.
Казакъ. . . . . 1.

Пана Николая Потоцкаго.

Товарищей . . . . 5.
Трубачь . . . . 1.
Пахолики 4–ехъ товарищей.

Пана Старосты Фелинскаго.

Товарищей . . . . 2.
Пахолики 5–ти товарищей.

Пана Шита.

Товарищей . . . . 3.
Пахолики 3-ехъ товарищей.

Пана Загоровскаго.

Товарищей . . . . 2.
Пахоликовъ. . . . . 11.

Пана Марка.

Товарищей . . . . 8.
Пахоликовъ . . . . 8.

Пана Горецкаго.

Товарищей . . . . 4.
Пахоликовъ . . . . 6.

Пана Лусскаго Подчашаго Кіевскаго.

Товарищей . . . . 3.
Пахолицовъ. . . . . 6.

Пана Гонсевскаго.

Товарищей	2.
Пахоликовъ	6.

Пана Ржечина.

Товарищей	4.
Пахоликовъ	6.

Пана Розна:

Раненыхъ	2.

Пана Шема.

Товарищъ	1. (одинъ убитъ).
Пахоликовъ	4.

Пана Коссовскаго.

Товарищей	6.
Пахоликовъ.	7.

Казаки.

Изъ полка Пана Лаврентія Рудницкаго.

Раненыхъ	106.
Убитыхъ	34.

Изъ полка Пани Пашкевича.

Раненыхъ	22.

Изъ роты Пана Ваковскаго.

Раненыхъ	3.
Прибитыхъ	5.
Убитыхъ	5.

Изо полка Каленика.

Раненыхъ . . . . 303.
Убитыхъ. . . . . 92.

Пѣхоты:

Короля Его Милости.

Капитанъ раненъ.

Пана Воеводы Брацлавскаго.

Ротмистръ раненъ.
Убитыхъ. . . . . 2.
Раненыхъ . . . . 12.

Пана Канцлера Литовскаго.

Убитыхъ . . . . 2.
Раненыхъ . . . . 2.

Пана Маршала Литовскаго.

Ротмистровъ раненыхъ . . . . . . 2.
Пѣшій. . . . . 1. раненъ.
Убитъ. . . . . 1.
Пушкари ранены одинъ въ глазъ,
другой въ руку.

Пана Краковскаго.

Ротмистръ и пѣшихъ . . . : . 12. ранены.

Пана Подскарбія Короннаго.

Ротмистръ и пѣшихъ . . . . . . 5 ранены.

Пана Минскаго.

Убитыхъ. . . . . 6.
Раненыхъ. . . . . 9.

22. Отпущены посланные отъ Пана Гетмана и отъ Рыцарства.

Тогоже числа посланные отъ войска обманщика отправляли посольство, предъявляя письменно нѣкоторыя условія.

23. Панъ Гонсевскій Рефендарій Литовскій уѣхалъ въ столицу съ нѣкоторыми отъ Короля порученіями.

24. Отпущенъ посолъ Господаря Валахскаго.

25. Отпущенъ посолъ Господаря Молдавскаго.

26.

27.

28. Панъ Гетманъ прислалъ Королю извѣстіе что все время съ его прибытія къ Москвѣ до 18 Августа проведено въ переговорахъ и сношеніяхъ съ Боярами. Панъ Гетманъ самъ дважды выѣзжалъ съ ними въ поле. Также Князь Мстиславскій, Князь Василій Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, Князь Данило Мезецкій, Канцлеръ Телепневъ, Дьякъ Луговскій и многіе дугіе отъ всѣхъ сословій. Объявили отъ имени всего Московскаго царства, что хотятъ цѣловать крестъ на имя Королевича, лишъбы только Панъ Гетманъ цѣловалъ крестъ на нѣкоторыя ихъ условія, между коими было много несправедливыхъ и невозможныхъ. Панъ Гетманъ отводилъ ихъ предлагая имъ отправить къ Королю посольство изъ своихъ знатныхъ людей, уполномочивъ ихъ къ окончательному постановленію. А затѣмъ когда они не могли отъ Пана Гетмана получить ничего свыше условій соглашенныхъ Королемъ съ Боярами подъ Смоленскомъ, они обѣщали окончательный отвѣтъ доставить къ 19 Августа. Во все сіе время, вопреки своему обыкновенію, они оказывали дружеское расположеніе къ людямъ Короля, но что еще важнѣе, плѣнныхъ бывшихъ въ заточеніи (было ихъ нѣсколько сотъ) всѣхъ освободили по просьбѣ Пана Гетмана.

Частыя бываютъ стычки между войскомъ обманщика и городомъ, ибо обманщикъ стращая ихъ посылаетъ къ городу людей дабы подложить огонь, и едва не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, еслибы не спасъ ихъ Панъ Иванъ Салтыковъ съ Московскими людьми находящимися при Королевскомъ войскѣ. Бояре были тѣмъ весьма довольны и торжественно благодарили Пана Гетмана за помощь, и онъ снискалъ тѣмъ выгодное о Королѣ мнѣніе у знатныхъ Бояръ и у народа.

29.

30. Пріѣхалъ къ Королю Посолъ отъ Князя Лотарингскаго.

СЕНТЯБРЬ.

1. Посолъ Князя Лотарингскаго имѣлъ у Короля аудіенцію. Тогоже числа пріѣхали двое Боярскихъ сыновъ отправившійся 28 Августа изъ стана Пана Гетмана съ извѣстіемъ, что 27 Августа цѣловали крестъ Бояре Князь Ѳедоръ Мстиславскій, Князь Василій Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, Князь Данило Мезецкій, Думный Дьякъ, Михайло Луговскій. А Князь Иванъ Куракинъ и Князь Андрей Голицынъ остались для охраненія замка, ибо воръ наступилъ въ то время, когда Бояре отпрявлялись для переговоровъ. Сказываютъ и то, что Панъ Гетманъ неоднократно имѣлъ свиданіе съ Боярами, а по послѣднимъ свиданіи послалъ съ вооруженнымъ отрядомъ въ Московскій городъ Ивапа Салтыкова и Григорія Волуева, и нашихъ человѣкъ до 20; и тамъ на крыльцѣ, между переднею и большею палатами, всему народу читали запись, которая всѣмъ имъ понравилась. По нѣкоторымъ только статьямъ осталось еще несогласіе, и о томъ договариваются съ Паномъ Гетманомъ и отправляютъ Посланниковъ къ Королю.

Обманщикъ сжегъ много слободъ подъ Москвою — Красное село, Даниловъ Монастырь, Кожевенную слободу и Калунъ куда отправлены Нѣмцы.

2. Спокойно.

3. Пріѣхали къ Королю, отъ Московскаго войска находящагося при Панѣ Гетманѣ, Молчановъ и Соловицкій.

На другой день они были приведены къ цѣлованію руки Короля, дали отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ со времени от-

лучки отъ Пана Гетмана, и увѣдомили о Посланникахъ собирающихся къ Королю изъ столицы.

Тогоже числа пріѣхалъ въ Королевскій лагерь Іерусалимскій Архимандритъ съ своимъ товарищемъ; 6 лѣтъ держали его въ заключеніи въ Москвѣ, а нынѣ Панъ Гетманъ его освободилъ.

5. Получено извѣстіе отъ Пана Гетмана, что уже кончены всѣ трактаты между нимъ и Московскими Боярами. 26 Августа все утвердили въ палаткахъ, знатнѣйшіе Боlре и Панъ Гетманъ съ Панами Ротмистрами. Всѣже прочіе имѣли цѣловать крестъ 28 Августа въ соборной церкви въ замкѣ. Посланниками также изъ столицы назначены люди знатные Василій Голицынъ, Өедоръ Шереметевъ, Князь Данило Мезецкій, Телепневъ и другихъ около 100; Псковскій Митрополитъ отъ Духовенства.

Съ тѣмъже посланнымъ отъ Пана Гетмана пріѣхали трое Бояръ отправленные въ Смоленскъ съ письмами и со словеснымъ отъ Князя Мстиславскаго приказаніемъ, дабы Смоленскій Воевода покорился и билъ челомъ.

6. На другой день они посланы были въ крѣпость, но какъ наши не хотѣли дать аманатовъ то ихъ не пустили въ крѣпость.

7. На другой день — однакожъ они безъ дальнихъ отговорокъ были впущены въ крѣпость: осажденные принявъ ихъ начали учтивѣе обходиться съ нашими и менѣе упорствовать.

8. Въ самомъ дѣлѣ на другой день одного изъ нихъ же отправили къ Королю, объявляя, что желаютъ нарядить посланниковъ для переговоровъ. На сіе дано съ нашей стороны согласіе, и назначено 20 число Сентября.

9.

10. Явились изъ крѣпости 6 Посланниковъ отъ всѣхъ сословій. Они были приведены прежде къ Панамъ Сенаторамъ, и когда оказалось что не имѣли ни какихъ особенныхъ предложеній, то были допущены къ Королю: и тамъ сильно упра-

шивали, дабы стрѣльба была пріостановлена, и дабы приказано было отвести назадъ людей. Отвѣтъ на сіе отложенъ до слѣдующаго дня.

Тогоже числа Король отпустилъ Посланника Князя Лотарингскаго.

11. И такъ на другой день съѣхались Паны Сенаторы къ Пану Коронному Подкоморію, тудаже за отвѣтомъ пріѣхали и посланные изъ крѣпости. Тамъ Панъ Канцлеръ Литовскій упрекалъ ихъ въ ожесточеніи и въ нарушеніи доброй вѣры, при дѣйствіяхъ своихъ не только съ Польскими людьми, но и съ самимъ Королемъ, ибо Посланниковъ его не только съ почтеніемъ но и во все принять не хотѣли, письма и здравыя увѣщаванія Короля отвергали, хотя должны были знать что съ давнихъ временъ принадлежали къ Государству Короля Его Мил. и суть и были природные Королевскіе подданные. А потому и слѣдовало бы имъ просить о помилованіи, а не вымышлять того о чемъ и думать не возможно. Когдаже окажутъ должную покорность, то Паны Сенаторы обѣщаютъ всѣ просить Короля, отложить свой гнѣвъ и оказать имъ свою милость, увѣряя ихъ что вѣра и имущества ихъ будутъ сохранены ненарушимо. Съ симъ отвѣтомъ они уѣхали въ крѣпость.

12.

13. Нѣсколько десятковъ Москалей пріѣхали изъ столицы, извѣщая, что по причинѣ худыхъ дорогъ и перевозовъ Посланники не могутъ пріѣхать такъ скоро.

14. Пріѣхали опять изъ Смоленска объявляя, что не хотятъ и не могутъ отложиться отъ столицы, ибо изъ столицы не имѣютъ приказанія поддаться другому Государю. Затѣмъ были хуже еще чѣмъ прежде выбранены и сказано имъ, дабы пріѣзжали съ лучшимъ дѣломъ, а о подобныхъ прежнимъ предложеніямъ вовее не думали.

Ночью тогоже числа передались три Боярина и сказывали о большемъ между тѣми людьми несогласіе. Бояре которыхъ

есть около 200, Стрѣльцы числомъ около 12,000, съ Духовенствомъ и Воеводою желаютъ сдать крѣпость на имя Короля, полагая, что имъ все равно жить подъ властію ли Короля, или его сына, коль скоро ихъ вѣра и права будутъ сохранены. Но Посадскіе люди, то есть купцы, коихъ есть много знатныхъ и богатыхъ, никакъ не хотятъ отложиться отъ столицы, а желаютъ по примѣру столицы цѣловать крестъ Королевичу.

15. Собрались на Генеральную думу, изъ которой прислали извѣстіе, что завтра самъ Воевода выѣдетъ изъ замка на переговоры съ Панами Сенаторами.

16. Изъ крѣпости вышли 2-ва Боярина къ Пану Воеводѣ Брацлавскому, прося дабы на другой день Воевода Смоленскій могъ съѣхаться въ полѣ съ Паномъ Канцлеромъ Литовскимъ. За тѣмъ съ соизволенія Короля выѣхалъ въ поле Панъ Канцлеръ, и тута прибылъ съ нѣсколькими Боярами Смоленскій Воевода, который никакимъ образомъ не далъ себя уговорить, безъ согласія всѣхъ Московскихъ сословій отдѣлиться отъ столицы; окончаніе трактаціи было отложено до пріѣзда великихъ Посланниковъ слѣдующихъ къ Королю изъ столицы.

Тогоже числа изъ подъ столицы отъ Пана Гетмана получено извѣстіе, что послѣ заключенныхъ имъ съ Московскими Боярами трактатовъ и по крестномъ цѣлованіи, одно только осталось затрудненіе съ обманщикомъ и съ его людьми, коихъ чрезъ посольство увѣщавалъ, дабы и сами обратились къ Королю и своего пана уговорили сдаться на милость и усмотрѣніе Короля. Но Панъ Гетманъ найдя ихъ до того упорствующихъ что никакія увѣщаванія не дѣйствовали, и не полагаясь болѣе на посольства, рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему съ ними способу. И потому двинулся на нихъ на легкѣ безъ повозокъ, и такъ успѣхъ скрыть свое предпріятіе, что за часъ до утра они увидѣли передъ самымъ своимъ лагеремъ Королевское войско, съ которымъ соединились и Бояре изъ города со всѣми своими силами. Панъ Гетманъ послалъ къ Пану Сапегѣ приглашая его на переговоръ. Сапеги вы-

ѣхалъ съ десятью или болѣе депутатами отъ своего войска. Долго разговаривали. Они наставали на томъ чтобы имъ не потерять своего, заслуженнаго жалованья, и чтобы Панъ ихъ для котораго столь много трудились, и котораго не оставлять на конфедераціи клятвенно обязались, получилъ отъ Короля какой либо знатный удѣлъ. Относительно всего того Панъ Гетманъ обѣщалъ просить Короля и ходатайствовать о нихъ и о надѣленіи ихъ Пана въ Польшѣ или Литвѣ, ежелибы онъ предался милости Королевской. А какъ всѣ таковымъ обѣщаніемъ были довольны, то Панъ Гетманъ и обратилъ назадъ людей своихъ и Московское войско. Рыцарство собранное въ Коло одобривъ поступокъ Пана Сапѣги, послало къ обманщику бывшему съ своей Паньей за три мили въ одномъ монастырѣ, съ объявленіемъ что если не станетъ искать милости у Короля и не будетъ довольствоваться предложеніемъ Пана Гетмана, то они не хотятъ болѣе помогать ему въ его предпріятіи. Онъ притворился будто доволенъ тѣмъ предложеніемъ, однакожъ думалъ другое, и приготовлялъ все нужное къ скорому побѣгу. Панъ Гетманъ бывъ увѣдомленъ о томъ и снесясь съ Боярами 6 Сентября двинулся съ войскомъ въ часъ ночи, дабы осадить тотъ монастырь. Гетманъ проходилъ чрезъ деревянные города и каменные замки, со всѣмъ иностраннымъ и Казачьимъ войскомъ, къ Мічальской дорогѣ, на которой уже дожидались Бояре изъ столицы. Когда уже все войско шло впередъ, а Панъ Гетманъ разговаривалъ съ Боярами о порядкѣ и устройствѣ въ нападеніи, прибѣжалъ Москаль пробравшійся изъ того монастыря, съ извѣстіемъ, что обманщикъ, предваренный однимъ Москалемъ, бѣжалъ посадивъ на лошадей свою панью и другихъ женщинъ. Затѣмъ войско возвратилось черезъ городъ въ лагерь. Бояре же отправили къ замкамъ куда обманщикъ обратился, съ требованіемъ чтобы сдались на имя Королевича и того плута задержали.

18.

19. Москва опять пріѣхала изъ крѣпости, съ тѣмъ же что и прежде порученіемъ, но ихъ еще сильнѣе выбранили: однакожъ заключили условіе о размѣнѣ плѣнныхъ.

20.

21. Отпущены по условію изъ крѣпости всѣ плѣнные: было ихъ десятокъ съ чѣмъ-то; другіе померли.

22. На другой день передался Боярскій сынъ бывшій приставомъ у Средзинскаго, и сказывалъ о большемъ несогласіи между Боярами, Воеводою и богатѣйшими изъ купцевъ.

23. Опять Москва пріѣхала на переговоры, но ихъ побранили за то что повторяли прежнія и отправили обратно.

24.

25. Опять Москали изъ крѣпости пріѣхали къ переговорамъ, но какъ ничего новаго не предлагали, то и были строго выбранены, и приказано имъ болѣе не являться въ лагерь съ такими дѣлами, подъ опасеніемъ лишенія живота.

26. Запорожскіе Козаки вышедшіе на поискъ изъ Королевскаго войска, ограбили Козельскъ и Мещевскъ, которые взяли нечаянно, перерѣзали всѣхъ не давая никому пощады, и съ большею добычею возвратились въ Королевскій лагерь.

27. Послѣ переговоровъ съ Смолянами въ одну ночь 18 разнаго званія людей передалось изъ крѣпости и сказываютъ о несогласіи между стрѣльцами и Боярами желающими сдать крѣпость не дожидая прибытія Пословъ изъ столицы, и знатными мѣщанами которые хотятъ дождаться пословъ.

28. Ночью передалось 7; разсказываютъ тоже что и прежніе.

Тогоже числа посланники отъ Лифляндскаго войска отправляли посольство передъ Королемъ.

29. Отъ Пана Гетмана изъ столицы получено извѣстіе такого содержанія: Думные Бояре объявили что выдадутъ Королю всѣхъ Шуйскихъ, съ тѣмъ только чтобы Король не оказывалъ имъ никакой милости. Имущество ихъ все взято въ Царскую казну. Панъ Подстолій Лембергскій и Панъ Борковскій, такъ ихъ ограбили, что остались едва съ платьемъ которое на себѣ имѣли. Бояре не рѣшались еще выдать за границу Василія бывшаго Царя, дабы въ чужихъ государствахъ не кололъ имъ глаза. Совѣтовали отправить Дмитрія и Ивана

Шуйскихъ въ Польшу, дабы этотъ домъ, который съ давнихъ временъ помышлялъ много худаго противъ Государей не сдѣлалъ какого въ государствѣ замѣшательства. Требовали отъ Пана Гетмана удостовѣренія, которое и получили, что Король ихъ не помилуетъ, ибо въ противномъ случаѣ хотѣли ихъ убить; женъ же ихъ постригли въ монахини. Для сдачи крѣпостей, а именно Пскова, Великихъ Лукъ, Торонца и другихъ отправили Григорія Валуева и Ивана Солтыкова. Войску же бывшему съ обманщикомъ, для удобнѣйшаго продовольствія сами Бояре указали путь въ Северскую землю. Посольство свое отправляютъ 21 Сентября а съ нимъ вмѣстѣ и Шуйскихъ. Однимъ словомъ, съ каждымъ днемъ болѣе привязываются къ Королю Его Мил. и къ нашему народу.

30. Посланы универсалы Королевскіе въ Смоленскъ, дабы не медлили сдачею крѣпости, а если не сдадутся до третьяго дня, то имѣнія ихъ будутъ розданы другимъ Боярамъ, покорившимся Королю: и никакого потомъ помилованія не получатъ. Посадскихъ также имѣнія будутъ конфискованы, и сами они лишатся живота.

ОКТЯБРЬ.

1.

2. Передавшійся изъ крѣпости Москаль, подкопами вынулъ порохъ который Москва подложила подъ шанцы; а было его 7 большихъ возовъ.

3. Въ другомъ мѣстѣ Москва зажгла порохъ и взорвало часть шанцевъ: однакожъ безъ потери людей, которые своевременно убѣжали.

4.

5. Парочный присланный отъ Великихъ Пословъ изъ столицы, цѣловалъ руку Короля и извѣстилъ о посольствѣ. Тогоже числа прибылъ къ Королю изъ столицы сынъ Молдавскаго Воеводы Александра Маруція. Онъ путешествуя зашелъ въ Москву во время Өедора, который женилъ его на своей родственницѣ, не соглашаясь выпустить изъ своего Государства. Потомъ послѣ убійства Дмитрія осужденный сидѣлъ въ Новгородѣ, и едва нынѣ вышелъ оттуда при успѣхѣ Королевскаго войска.

6. Посланные отъ войска Сапѣгина, которые послѣ побѣга обманщика обратилось къ Королю, отправляли передъ Королемъ свое посольство, требуя дабы оное не лишалось заслуженаго жалованья и былобы сравнено съ полкомъ Пана Зборовскаго.

7. Панъ Залескій вручилъ Королю знамена имъ взятые при пораженіи Козаками Москвы въ Почепѣ.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16. Панъ Гетманъ прислалъ изъ столицы слѣдующее извѣстіе: Послѣ всѣхъ заключенныхъ Паномъ Гетманомъ съ думными Боярами трактатовъ, бывшее при обманщикѣ войско препятствовало окончанію дѣла, но наконецъ, по убѣжденіямъ Пана Сапеги Старосты Усвятскаго, 27 Сентября двинулось къ Боровску направляясь на Калугу: ибо Панъ Сапеги объявилъ, что буде Король ему велитъ, онъ будетъ стараться если возможно добрымъ способомъ убѣдить тамошняго плута, сдаться Королю. Въ семъ же намѣреніи Панъ Гетманъ отправилъ Па-

на Валевскаго въ Калугу, уговаривать Самозванца; еслиже станетъ упорствовать, то должно будетъ противъ него дѣйствовать, и Панъ Гетманъ намѣренъ сильно тому помогать съ Королевскимъ войскомъ. Послѣ ухода Пана Сапеги съ его полкомъ, Бояре видя непостоянство міра и народа, совѣтовали Пану Гетману ввести войско въ столицу. Но когда Панъ Рефендарій Литовскій съ Паномъ Старостою Хмельницкимъ были 26 Сентября въ городѣ для расписанія квартиръ, и отъ Бояръ требовали дабы по условію кто нибудь былъ назначенъ содѣйствовать имъ, одинъ чернецъ ударилъ въ колоколъ созывая народъ и объявляя, что войско входитъ въ городъ. Сами Бояре испугались, и пришли тотъ часъ же къ Пану Гетману, прося пріостановиться еще до третьяго дня, дабы имъ дать время управлять съ партіею Шуйскаго. За тѣмъ выдали Пану Гетману трехъ Князей Шуйскихъ: онъ отослалъ Князя Василія бывшаго Государя въ Осиповъ, ввѣривъ надзоръ надъ нимъ Пану Бартошу Руцкому, ибо просили его о томъ Бояре: Князей Дмитрія и Ивана отправилъ въ Бѣлую съ Паномъ Невядомскимъ. Бояре сильно упрашиваютъ чтобы Король не допускалъ сихъ князей до себя и чтобы ихъ содержать въ строгомъ заключеніи. И хотя не много не дошло до того чтобы Бояре ихъ убили, но Панъ Гетманъ разсуждая, что Королю столь важные люди могутъ пригодиться, предпочелъ оставить ихъ въ живыхъ. Патріархъ однакожъ послѣ выдачи Шуйскихъ не переставалъ дѣлать замѣшательства. 10 Октября онъ собралъ много народу и то не простаго но и Дворянъ и людей служилыхъ, которые о томъ совѣтовались съ нимъ какъ бы нарушить крестное цѣлованіе. Патріархъ посылалъ потомъ дважды за Боярами, дабы пришли къ нему; Бояре отговаривались что заняты Государственнымъ дѣломъ. Тогда онъ послалъ съ такимъ внушеніемъ что если не хотятъ пріити къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ со всѣми собравшимися у него. Тогда Бояре пошли къ нему и тамъ пробыли часа съ два. Князь Мстиславскій всячески опровергалъ мятежническіе отзывы о Панѣ Гетманѣ и о Рыцарствѣ; тоже дѣлали и другіе бывшіе съ нимъ храня чистосердечно свою клятву и давая

грозный отвѣтъ на ихъ рѣчи. Сильнѣйшій упрекъ состоялъ въ томъ, что Панъ Гетманъ противъ Калужскаго вора не отправляетъ никого изъ Полковниковъ или изъ Ротмистровъ, но ведетъ ихъ въ городъ — и что жены и дѣти ихъ останутся беззащитными ибо всѣхъ высылаютъ на службу. Панъ Гонсѣвскій Литовскій Референдарій предостереженный однимъ пріятелемъ, что замѣшательство наипаче отъ того происходитъ, желая разрушить сіе мнѣніе и успокоить умы, отправилъ Князя Василія Черкасскаго къ Князю Мстиславскому, съ извѣстіемъ что онъ посланъ отъ Пана Гетмана для объявленія, кого отправляетъ Полковникомъ надъ всѣмъ войскомъ, и что сіе хочетъ сдѣлать завтра, лишь - только бы Московское войско было готово, Гонсѣвскій просилъ дабы опредѣлили мѣсто, гдѣ бы могли его выслушать. Поступокъ сей много способствовалъ всѣмъ державшимъ Королевскую сторону. Тогдаже Князь Мстиславскій передалъ Патріарху громко слова Пана Гонсевскаго, подтверждая, что Панъ Гетманъ поступаетъ съ ними искренно, что самъ народъ тому виноватъ, что по сію пору войско еще не послано, ибо за возникшими мятежами Московское войско не можетъ собраться противъ вора, а Панъ Гетманъ ожидаетъ только онаго, самъ будучи уже нѣсколько дней готовъ съ своимъ войскомъ. Мстиславскій объявилъ при томъ, что никогда не нарушалъ своей присяги, и что и теперь готовъ умереть за того кому крестъ цѣловалъ: Патріархъ замолчалъ какъ и всѣ прочіе. А наконецъ расходясь сказали Патріарху дабы смотрѣлъ за церковью а въ свѣтскія дѣла не вмѣшивался, ибо того и прежде ни когда не бывало чтобы Попы управляли государственными дѣлами. Потомъ Бояре ушли въ свои домы и Панъ Референдарій съ ними. Они были очень довольны его объясненіемъ, которое пришло такъ кстати, а 4 мятежниковъ велѣли посадить въ тюрьму.

На другой день всѣ Бояре пріѣхали къ Пану Гетману съ тѣми, которые собрались было у Патріарха. Панъ Гетманъ оправдывался въ томъ что на него взводили, будто самъ хочетъ быть у нихъ Царемъ — что все несправедливо на него

наклепали. Потомъ Солтыковъ съ Шереметевымъ, Голицынымъ и Грамотинымъ попеременно разъезжали посреди мятежниковъ, строго выговаривая имъ и приказывая такихъ мятежей болѣе не замышлять. Затѣмъ мятежники сознались что виноваты и упрашивали Пана Гетмана и Бояръ о помиловании. Уладивъ сіе такимъ образомъ Панъ Гетманъ ввелъ часть войска въ городъ, расположивъ цѣлый полкъ Пана Зборовскаго, въ Бѣломъ городѣ передъ самимъ замкомъ, по дворамъ Посольскомъ, Вильчковомъ и по другимъ; Полкъ Пана Казановскаго передъ замковыми воротами во дворцахъ Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, а въ замкѣ сталъ самъ Панъ Гетманъ. Потомъ вступилъ еще въ городъ Полкъ Пана Гонсевскаго. Полки Пана Гетмана и Пана Струся Старосты Хмѣльницкаго расположились въ Можайскѣ, въ Борисовѣ, и въ Вереи, дабы съ той стороны тревожить обманщика. Бояре присоединивъ къ нимъ часть войска Московскаго съ Княземъ Воротынскимъ, хотятъ окончательно раздѣлаться съ тѣмъ обманщикомъ, отъ котораго много городовъ уже отстало, какъ то: Касимовъ, Коломна и Нижній Новгородъ. Также города къ Сѣверному морю лежащіе Вологда, Болѣе Озеро, Тотьма и другіе цѣловали крестъ Владиславу. Изъ Великаго Новгорода прислали письма къ Боярамъ спрашивая, чѣмъ кончилось дѣло съ Королемъ, и объявляя что ежели будутъ увѣрены въ сохраненіи ихъ вѣры, то и они также хотятъ крестъ цѣловать. Къ нимъ отправленъ Иванъ Салтыковъ. А въ Торопецъ, Луки, Сѣбежъ, Невель, Заволочье, Опочку, Островъ и Псковъ пошелъ Григорій Валуевъ. Всѣ ближайшіе къ столицѣ города Троица, Ярославль, Владиміръ, Кострома, Переславль, Ростовъ, Суздаль, Угличь и Кашинъ послушны Королю. Бояре послали нарочныхъ въ Казань и въ Астрахань дабы и тамъ приводить къ крестному цѣлованію.

Распорядивъ все такимъ образомъ Панъ Гетманъ заключилъ условіе съ иностранцами договорившимися съ Паномъ Гетманомъ служить Королю. Они хотѣли было уйти толпою въ Швецію, и собрались пройти вооруженною рукою для соединенія съ Делавилемъ, который обманувъ Москву завладѣлъ

Ладогою. По соглашенію съ Боярами Гетманъ отдѣлилъ иноземную конницу и отослалъ ее весьма изнуренную отъ трудовъ и ненастнаго времени; 150 всадниковъ только оставилъ при пѣхотѣ, которую всю удержалъ при себѣ. Бояре очень заботились о томъ чтобы ихъ не пропускать къ Новгороду, ибо тамъ никакой не имѣется защиты, а Пантусъ писалъ къ нимъ письмо съ угрозами, порицая Короля и предлагая имъ избрать въ Государи Князя Каролуса.

17. Послы изъ столицы въѣхали въ Королевской лагерь; Принималъ ихъ Князь Збаражскій Староста Кременецкій. На встрѣчу выѣхало много товарищества изъ разныхъ ротъ и также придворныхъ Короля. А когда они проходили мимо крѣпости нѣкоторые Смоленскіе жители имѣющіе женъ своихъ въ крѣпости, порывались говорить съ вышедшими передъ ворота людьми, но наши не допускали ихъ къ тому, и отгоняли саблями, такъ что было нѣсколько раненыхъ. Приставами назначены Панъ Скуминъ Писарь Литовскій, Панъ Кохановскій Ловчій Коронный и Панъ Мясковскій Королевскій Коморникъ.

18.

19.

20.

21.

22. Послы имѣли у Короля аудіенцію, на которой отдавъ торжественно обыкновенный поклонъ, цѣловали руку Короля, начавъ съ Митрополита, до самаго меньшаго, и посольство отправляли стоя все время. Сущность онаго была: просили дабы Король изволилъ дать имъ на Государство Королевича Владислава и назначить Пановъ Сенаторовъ для совѣщанія и постановленія артикуловъ. Наконецъ каждый особо подносилъ подарки. За тѣмъ съ почестью по обыкновенію были отведены до квартиры.

23. Тайное совѣщаніе.

24.

ОТКУДА ИДЕТЪ
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,

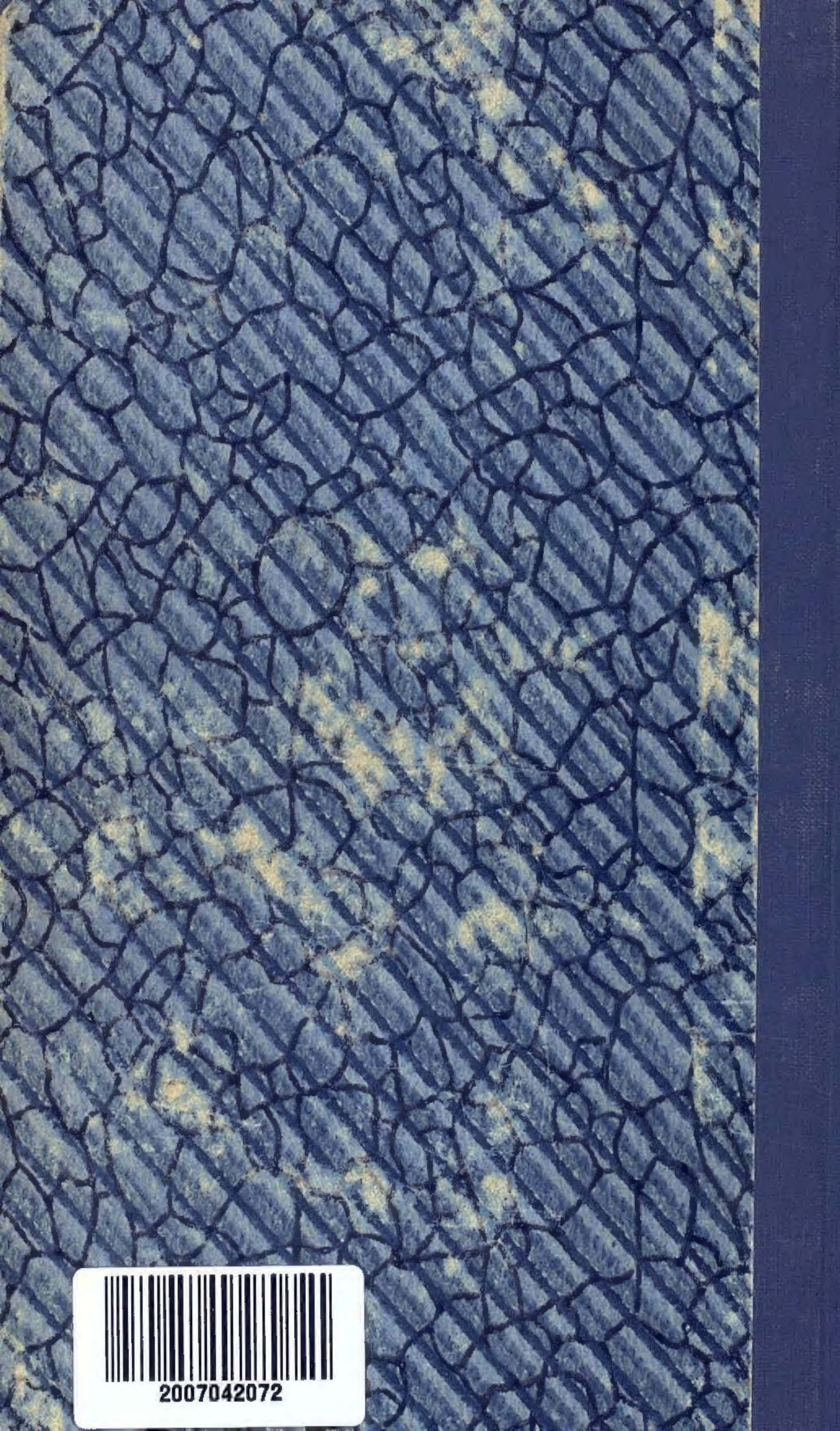
ПО СКАЗАНІЮ НЕСТОРОВОЙ ПОВѢСТИ И ПО ДРУГИМЪ СТАРИННЫМЪ ПИСАНІЯМЪ РУССКИМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Максимовича

Орд. Профессора Русской Словесности въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра.

КІЕВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1837.


2007042072